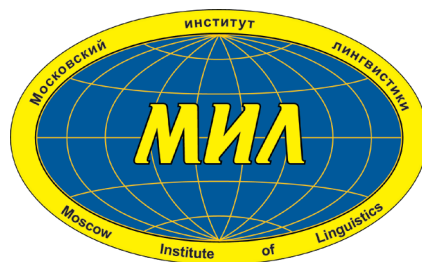

**Институт
Языкознания**
Российской академии наук

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2013
1 (17)
Москва

JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2013
1 (17)
Moscow

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОУ ВПО «МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ»

Регистрационный ПИ № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

В перечене российских рецензируемых научных журналов ВАК № 614

Подписной индекс Роспечати **37152**.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Тарасов Евгений Федорович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор.

Уфимцева Наталья Владимировна, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук.

Виноградов Виктор Алексеевич, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН.

Гольдин Валентин Евсеевич, доктор филологических наук, профессор.

Дмитрюк Сергей Валерьевич, ответственный секретарь, кандидат филологических наук.

Залевская Александра Александровна, доктор филологических наук, профессор.

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор.

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич, доктор филологических наук, профессор.

Марковина Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук.

Мягкова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор.

Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор.

Терентий Ливиу Михайлович, кандидат политических наук.

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор.

Шкатова Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор.

Редактор-составитель выпуска – **Н.В. Уфимцева**.

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Выходит 1 раз в полугодие с 2003 года.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2013

© Учреждение Российской академии наук

Институт языкознания РАН, 2013

© НОУ ВПО «Московский институт лингвистики», 2013

Подписано в печать 25.05.2013. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Зак № 0216. Усл. печ. л. 16,7. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW INSTITUTE OF LINGUISTICS

Registration number № ФС 77-38423
ISSN 2077-5911

EDITORIAL BOARD

E.F. Tarasov, Editor in Chief, Dr., Professor (Philology)
N.V. Ufimtseva, Managing Editor, Dr., Professor (Philology)
T.V. Ahutina, Dr., Professor (Psychology)
O.V. Balyasnikova, Ph.D. (Philology)
V.A. Vinogradov, Dr., Professor (Philology)
V.E. Gol'din, Dr., Professor (Philology)
S.V. Dmitryuk, Executive Assistant Ph.D. (Philology)
A.A. Zalevskaya, Dr., Professor (Philology)
V.I. Karasik, Dr., Professor (Philology)
A.V. Kirilina, Dr., Professor (Philology)
I.Yu. Markovina, Ph.D. (Philology)
E.Yu. Myagkova, Dr., Professor (Philology)
I.A. Strenin, Dr., Professor (Philology)
L.M. Terentiy, Ph.D. (Politology)
V.I. Shahovskiy, Dr., Professor (Philology)
L.A. Shkatova, Dr., Professor (Philology)

Scientific journal of theoretical and applied researches.

2 issues per year.

The journal has been published since 2003.

All rights are reserved.

The materials can be reprinted only with the agreement of the editorial office.

Moscow 2013

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2013

© Moscow institute of linguistics, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.А. Залевская (Тверь, Россия)* Значение слова и «живой поликодовый гипертекст»..8
Т.В. Ахутина, К.В. Засыпкина, А.А. Романова (Москва, Россия) Предпосылки и ранние этапы развития речи: новые данные.....20
Н.В. Уфимцева (Москва, Россия) Идеи Ф. де Соссюра в психолингвистическом прочтении.....44
И.С. Башкова, И.Г.Овчинникова (Пермь, Россия) Нейропсихологическая характеристика билингвизма.....53
О. Коренева (Гранада, Испания), Е. Пепеляева (Пермь, Россия) Фреймовое структурирование знаний: Синтез корпусной и психолингвистической методологий.....70 в терминоведении.....
Чжао Цюе (Харбин, Китай) Динамика языкового сознания в современном Китае через призму нового условного выражения «красивейший + Имя существительное».....84
Цзинь Тао (Москва, Россия) Реализация метафоры СОСТОЯНИЕ → МЕСТО в языковом сознании.....88
Л.А. Будаева (Нальчик, Россия) О некоторых особенностях «сетки координат» коммуникативного сознания молодежи Северного Кавказа (на материале Кабардино-Балкарской Республики).....96
Н.В. Щенникова (Пенза, Россия) Этносоциокультурные факторы специфики англоязычной речи носителей русского языка.....108
Е.А. Картушина (Москва, Россия) «Глобальное» и «локальное» в лингвистическом измерении (к постановке проблемы).....116

ДИСКУССИЯ

- Е.С. Никитина (Москва, Россия)* Психолингвистика в поисках смысла.....124

ПУБЛИЦИСТИКА

- Дискуссия в «Литературной газете» Останется ли русский язык великим и могучим?
Алла Кирилина (Москва, Россия) Глобализация и судьбы языков.....136
Дмитрий Гудков (Москва, Россия) Ты всё ещё поддержка и опора.....143
Ирина Шапошникова (Новосибирск, Россия) Родное слово – знак спасенья.....147
Михаил Макаров (Москва, Россия) Заноза не в английском.....150
Владислава Жданова (Бонн, Германия) Величие и... немощь.....152
Виктория Красных (Москва, Россия) Культурно-языковая полифония России: дар судьбы или проклятие?.....155
Алла Кирилина (Москва, Россия) Итоги дискуссии: глобализация и судьбы языков.....159

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

- С.В. Спиряева (Москва, Россия)* Глобальный язык мирового сообщества.....162
А.С. Бут (Москва, Россия) Лексема *понимать* в рамках речевого жанра просьбы (на материале драм А.П. Чехова).....168
Е.А. Каркищенко (Москва, Россия) Виртуальная личность подростка: гендерный аспект.....174
Ч.С. Цыбенова. (Кызыл, Россия) Ассоциативный эксперимент в контексте исследования языковой ситуации: на примере Республики Тыва.....180
А.И. Статников (Москва, Россия) Механизмы понимания логико-грамматических конструкций: данные компьютеризированных тестов.....194

<i>Г.И. Купцова (Россия, Москва) Контакт языков в лингвистическом ландшафте Москвы (на материале текстов, нанесенных на детские игрушки).....</i>	<i>204</i>
---	------------

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

<i>Сущенко Е.А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / Под ред. докт. пед. и филос. наук, профессора Л.Г. Татарниковой. – СПб.: ИД «Петрополис», 2011. – 424 с. (В.И. Шаховский, А.А. Штеба (Волгоград, Россия)).....</i>	<i>208</i>
--	------------

<i>Степанова А.А. Русская фразеология: психолингвистический аспект исследования. – М., 2012. – 124 с. (О.В. Балясникова (Москва, Россия)).....</i>	<i>212</i>
--	------------

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	214
---------------------------------	------------

ИНФОРМАЦИЯ.....	216
------------------------	------------

CONTENTS

THEORETICAL AND EXPERIMENTAL RESEARCH

- A.A. Zalevskaya (Tver, Russia)* Word meaning and «a personal polycode hypertext».....8
- T.V. Akhutina, K.V. Zasykina, A.A. Romanova (Moscow, Russia)* Prerequisites and early stages of language development: new data.....20
- N.V. Ufimtseva (Moscow, Russia)* Ferdinand de Saussure's Ideas from psycholinguistic Perspective.....44
- I.S. Bashkova, I.G. Ovchinnikova (Perm, Russia)* Neuropsychological aspects of bilingualism.....53
- O. Koreneva (Granada, Spain), E. Pepelyaeva (Perm, Russia)* Frame knowledge structuring: combination of corpus linguistics and psycholinguistics methodology in terminology studies.....70
- Zhao Qiuye (Harbin, China)* Language awareness dynamics in modern China from the perspective of new conventional expression «красивейший + имя существительное».....84
- Tszin Tao (Moscow, Russia)* Realization on the Metaphor STATE → LOCATION in language awareness.....88
- L.A. Budaeva (Nalchik, Russia)* Some peculiarities of «net of coordinares» in communicative consciousness of North Caucasus youth (on material of Kabardino-Balkarian republic).....96
- N.V. Schennikova (Penza, Russia)* Ethnocultural factors of English speech of Russian language speakers.....108
- E.A. Kartushina (Moscow, Russia)* Global and local in linguistic studies.....116

DISCUSSION

- E.S. Nikitina (Moscow, Russia)* Psycholinguistics in search of meaning.....124

JOURNALISM

- Discussion in "Literaturnaya gazeta" Will the Russian Language Keep its "Strength" and "Wealth"?.....136
- A. Kirilina (Moscow, Russia)* Globalization and Language Fates.....136
- D. Gudkov (Moscow, Russia)* You are still my support.....143
- I. Shaposhnikova (Novosibirsk, Russia)* Word of Mother Tongue – Rescue Means Sign....147
- M. Makarov (Moscow, Russia)* It is not the English language that makes the trouble.....150
- V. Zhdanova (Bonn, Germany)* Greatness and feebleness.....152
- V. Krasnih (Moscow, Russia)* Cultural and Language Polyphony of Russia: gift or burden?.155
- A. Kirilina (Moscow, Russia)* Discussion Results: "Globalization and Language Fates"159

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

- S.V. Spiryayeva (Moscow, Russia)* Global language of world community.....162
- A.S. Bout (Moscow, Russia)* The lexeme understand in the request speech genre (based on the study of a.P.Chekhov's plays).....168
- E.A. Karkishchenko (Moscow, Russia)* Virtual personality of teenagers: gender aspect.....174
- Ch. S. Tsybenova (Kyzyl, Tyva)* Associative experiment in the study of a language situation: the case of the Republic of Tyva.....180
- A.I. Statnikov (Moscow, Russia)* Mechanisms of the logical-grammatical constructions comprehension: evidences from computer-based tests.....194

G.I. Kuptsova (*Moscow, Russia*) Language contacts in the linguistic landscape of Moscow (based on texts, imprinted on children's toys).....204

REVIEWS

Sutshenko E.A. Dictionary and Hand-book of linguistic ecological terms / Edited by Dr. Prof. L.G. Tatarnikov. – “Petropolis” 2011. – 424 p. (V.I. Shahovskiy, A.A. Steba (*Volgograd, Russia*)).....208

Stepanova A.A. Russian Phraseology: Psycholinguistic Perspective. – Moscow, 2012. – 124 p. (O.V. Balyasnikova (*Moscow, Russia*)).....212

NOTES ON CONTRIBUTORS.....214

INFORMATION.....216

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Залевская

УДК 81'23

ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА И «ЖИВОЙ ПОЛИКОДОВЫЙ ГИПЕРТЕКСТ»

Значение слова в лексиконе индивида идентифицируется посредством активации (на разных уровнях осознаваемости) некоторой части «живого поликодового гипертекста» – самоорганизующейся функциональной динамической системы кодов и кодовых переходов, сети взаимосвязанных продуктов переработки полимодального (вербального и невербального, перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного) опыта познания и общения.

Ключевые слова: значение слова, лексикон индивида, внутренний контекст, поликодовый текст, гипертекст.

Alexandra A. Zalevskaya

WORD MEANING AND «A PERSONAL POLYCODE HYPERTEXT»

Word meaning in a mental lexicon is identified by activating (at different levels of consciousness) a part of «a personal polycode hypertext» – a self-organizing functional dynamic system of codes and code-switching activity, a complex net of various (verbal and nonverbal, perceptive, cognitive and evaluation-emotional) products of information processing.

Key words: word meaning, mental lexicon, inner context, polycode text, hypertext.

Вводные замечания

Метафора «живой поликодовый гипертекст» рассматривается в этой публикации с позиций психолингвистической теории слова, которая разрабатывается мною с 1968 года с опорой на многолетний опыт проведения экспериментов с носителями разных языков и межъязыковых/межкультурных сопоставлений, что нашло отражение во многих публикациях (см., например, [Залевская 1977; 1990; 2005; 2007; 2011; 2012а; 2012б]). Предлагаемая статья содержит дальнейшее развитие теории слова как достояния индивида, т.е. «живого знания»: уточняется моё понимание специфики единой информационной базы человека, благодаря которой происходит идентификация слова в процессах познания и общения, обсуждаются вопросы специфики внутреннего контекста и возможность его трактовки как живого поликодового гипертекста.

Единая информационная база человека

В ходе разработки психолингвистической теории слова как достояния индивида и выявления принципов организации «внутреннего лексикона» мною более сорока лет тому назад в публикации [Залевская 1977] было введено понятие единой информационной базы человека, трактуемой в качестве самоорганизующейся функциональной динамической системы – совокупного продукта переработки разнообразного (в том числе речевого) опыта индивида.

Рассматриваемая база была названа *информационной* не только из-за популярного в то время общенаучного информационного подхода, но прежде всего благодаря тому, что этот термин должен был передать идею аккумуляции всего познаваемого человеком как представителем вида и членом определённого социума через его контакты с естественным и социальным окружением и перерабатываемого механизмами психической деятельности индивида, т.е. не просто узнаваемого, а постигаемого и личностно переживаемого при постоянном взаимодействии перцептивных, когнитивных

и аффективных (эмоционально-оценочных) процессов.

Определение *единая* должно было акцентировать внимание на том, что названная база объединяет продукты переработки не только коммуникативного опыта, т.е. не ограничивается единицами вербального кода, но включает перцептивные образы разных модальностей, единицы разных уровней обобщения и эмоционально-оценочные переживания, соответствующим образом маркирующие вербальные составляющие опыта. Слово *база* было выбрано в качестве ключевого из тех соображений, что без подобной общей платформы невозможно ориентироваться в окружающем мире и взаимодействовать при общении: всё воспринимаемое (в том числе через посредство слов, выполняющих всего лишь медиативную функцию) идентифицируется через призму уже имеющегося в совокупном опыте, что обеспечивает коммуникантам саму возможность находить «точки соприкосновения», без которых понимание и взаимопонимание оказались бы недостижимыми. Уточнение «единая информационная база человека» было своевременным и существенным в условиях, когда всё связанное с языком рассматривалось исключительно с позиций трактовки языка как общественного явления, функционирующего и развивающегося по своим собственным законам.

Принципиально важным в публикации 1977 года было фокусирование на роли слова как **средства доступа** к единой информационной базе человека, формирующейся по закономерностям психической жизни индивида, но под контролем социума и – шире – культуры. С опорой на работы отечественных учёных (в том числе И.М. Сеченова, Л.С. Выготского, Л.В. Щербы, Н.И. Жинкина) было показано, как через своеобразную переработку (термин Л.В. Щербы) многообразного опыта и с множеством глубинных переходов при формировании сначала чувственных конкретов, а затем – мысленных абстрактов (термины И.М. Сеченова) слово начинает играть роль, сходную с ролью лазерного луча при считывании голограммы.

Известно, что голограмма характеризуется, в частности, объёмностью и тем, что по её части можно восстановить целое, повернуть это целое разными гранями, увидеть его в разных ракурсах. Подобно этому слово «высвечивает» в индивидуальном образе мира некоторый объект (действие и т.д.) при обязательной включённости в некоторую ситуацию, при этом и объект, и ситуация могут обернуться любой гранью при изначально подразумеваемой (на разных уровнях осознаваемости) целостности и эмоционально-оценочной помеченности.

Образ лазерного луча при считывании голограммы должен был акцентировать, что для пользователя языком в естественных ситуациях (в отличие от условий лингвистического анализа) важно не слово само по себе, а именно то, что стоит за словом (т.е. хранится в памяти и может быть из неё извлечено во всём богатстве связей и отношений) в *единой информационной базе человека* (выделяю все составляющие этого термина курсивом, чтобы показать важность наиболее полного понимания моей трактовки этого термина теми, кому он оказался полезным в каких-то отношениях). В противовес общепринятым в то время представлениям о том, что со словом человек увязывает его значение в том виде, в каком оно представлено в словарях, и с учётом предложенного Н.И. Жинкиным понятия универсального предметного кода было высказано предположение, что во внутреннем лексиконе человека функционируют единицы разных уровней обобщения (вспомним И.М. Сеченова!), не всегда доступные для вербализации, но играющие роль опор для постоянно протекающих у человека (независимо от его воли и сознания) процессов анализа и синтеза, сравнения и классификации (снова И.М. Сеченов). Единицы наиболее высокого уровня обобщения были в [Залевская 1977] увязаны с этапом формирования замысла высказывания в модели речемыслительного процесса, предусматривающей многократные петли обратной связи, которые должны обеспечивать соответствие продуктов каждого этапа этого процесса именно исходному замыслу.

Более того, был сделан вывод, что для единиц каждого уровня обобщения может быть характерен особый «синтаксис», поэтому активно дискутировавшийся в те времена вопрос о приоритете синтаксиса или словаря вообще подобен спору о первичности курицы или яйца.

Важным представляется и развитие почерпнутой у Л.В. Щербы идеи о необходимости разграничения процесса и продукта речевой деятельности: такое разграничение помогло показать различия между процессами и получаемыми продуктами в двух ситуациях: (1) в ходе спонтанной переработки индивидом опыта познания и общения (по принципу «для меня – здесь – сейчас», т.е. в индивидуальных кодах и в соответствии с потребностями текущего момента на фоне взаимодействия комплекса внешних и внутренних факторов), что даёт *концепты* как динамичные ментальные образования, не всегда поддающиеся вербализации; (2) при строгой логико-рациональной и специфически целенаправленной метаязыковой деятельности исследователя-лингвиста, когда продуктом становится чёткая вербальная характеристика некоторых *конструктов*, по умолчанию принимаемых за адекватно отображающие нечто функционирующее как в социуме/культуре, так и у отдельных индивидов. В [Залевская 1977] было показано, что общность перерабатываемого в обоих случаях языкового материала (одного из аспектов языковых явлений в терминах Л.В. Щербы) и не различие особенностей названных процессов привели лингвистов к отождествлению таких, по выражению Л.В. Щербы, теоретически несоизмеримых понятий, как языковая система (грамматики и словари) и индивидуальная речевая организация (психофизиологическая по своей природе, но в то же время являющаяся социальным продуктом, а главное – формируемая самим носителем языка). Речевая организация человек как продукт своеобразной переработки опыта общения была фактически выделена и охарактеризована Л.В. Щербой как четвёртый аспект языковых явлений наряду с языковым материалом, языковыми

системами и речевой деятельностью (подробно об этом и о двух подходах к исследованию языка см.: [Залевская 2005; 2007]).

Дальнейшее развитие изложенных в [Залевская 1977] представлений о слове как достоянии индивида, о роли слова (и того, что лежит за ним в единой информационной базе) в речемыслительной деятельности и общении шло по различным направлениям. Так, в работе [Залевская 1982] было сделано уточнение специфики слова в индивидуальном лексиконе как точки пересечения множества связей по различным основаниям как продуктам переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта, в том числе не только по существенным признакам именуемых объектов (действий, состояний и т.д.), но по всем возможным видам признаков и, более того, по признакам признаков, каждый из которых может оказаться важным (существенным, характерным, актуальным) для некоторой личности в определённой ситуации. В книге [Залевская 1990] был обобщён опыт экспериментальных и дальнейших теоретических исследований в области лексикона человека, а в [Залевская 1988] описательным путем введена спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста, призванная показать всё расширяющиеся круги связей, выводных знаний и сопровождающих их переживаний, которые обеспечивают взаимопонимание при общении благодаря «раскручиванию» гипотетической спирали в двух направлениях: в прошлый опыт и в прогнозирование дальнейшего развёртывания ситуации по всем возможным линиям, из которых выбирается какая-то наиболее подходящая для текущего момента (опять-таки по принципу «для меня – здесь – сейчас»). Соответствующий рисунок был введён в книгу [Залевская 1999: 246] с последующим указанием на то, что представленную на этом рисунке ось «картина мира» следует называть «образ мира», чтобы избежать смешения понятий «индивидуальный образ мира» (т.е. психический феномен) и «языковая картина мира» (т.е. продукт научного описания того, что закреплено языковыми средствами и на-

шло отображение в текстах культуры) (см.: [Залевская 2007: 167]).

Наиболее важной для уточнения понятия единой информационной базы человека является книга «Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования» [Залевская 1992], в которой фактически произошёл переход на другое наименование, хотя, по сути, первоначальная трактовка того, что лежит за словом у носителя языка, не изменилась. Термин «индивидуальное знание» продолжает акцентировать внимание на принадлежности знания (ранее – единой информационной базы) человеку как субъекту деятельности и личности. Принципиально важным стало подразделение коллективного знания на два подвида (KZ_1 и KZ_2): под первым понимается функционирующее в культуре коллективное знание-переживание, а под вторым – только зарегистрированная в артефактах часть такого знания (тем или иным образом материализованные продукты протекающих в культуре процессов получения знания и пользования им в различных сферах жизни общества). Обратим внимание на следующие моменты.

Во-первых, была сделана попытка разобраться в том, как соотносятся между собой коллективное знание и индивидуальное знание (см. соответствующий рисунок в ряде публикаций, например: [Залевская 2007: 56]), а это привело к демонстрации того, что индивидуальное знание тесно связано с обоими подвидами коллективного знания, в то время как научный анализ, ориентированный исключительно на KZ_2 (на тексты, грамматику и словари), неизбежно оказывается редукционистским.

Во-вторых, были рассмотрены не только принципы функционирования индивидуального знания как психического феномена (что предполагает работу слаженного ансамбля психических процессов, их неразрывность, протекание таких процессов на различных уровнях осознаваемости и т.д.), но и разнообразные – ориентированные на познание и общение – функции слова в лексиконе человека, что получило дальнейшее развитие в работах [Залевская 2005; 2007].

В-третьих, фактически была сделана попытка осмыслить двойную жизнь значения слова, обращённого одной своей ипостасью к социуму, а другой – к личности, с целью объяснения того, как названное в свое время единой информационной базой человека «работает», обеспечивая успешность или ошибочность референции на уровнях индивидуального сознания и подсознания. Представлялось важным выяснить, как эта «работа» соотносится с современными научными описаниями соответствующих процессов и их продуктов. Некоторые соображения по этому поводу высказаны в книге [Залевская 2005], где, в частности, рассматриваются вопросы корпоральной семантики, соотношения между концептами и конструктами и т.д. Фокусированию на двойной жизни значения и на специфике значения слова как «живого знания» посвящены монографии [Залевская 2011; 2012а.].

Пересказывать то, что содержится в названных книгах, нет необходимости. Достаточно подчеркнуть, что поступательное развитие мировой науки, смена общенаучных метафор (см. подробно: [Залевская 2007]) и появление новых и новейших идей всё больше укрепляют моё убеждение в том, что независимо от используемого термина («единая информационная база», «индивидуальное знание» или предлагаемая ныне метафора «живой поликодовый гипертекст») мои исходные представления о том, что лежит у индивида за словом, вполне объясняют наблюдаемые со стороны или посредством рефлексии удивительные познавательные и коммуникативные возможности слова, которое живо только тогда, когда мы его не просто знаем (хотя при этом оно может оставаться «пустым звуком»), а переживаем как слитое с продуктами переработки многообразного опыта и всегда включённое во множество связей и отношений, вне которых не может восприниматься и опознаваться окружающий нас физический и социокультурный мир. Сказанное объясняет актуальность более подробного рассмотрения специфики внутреннего контекста, наглядно демонстрирующего взаимодействие

двух ипостасей значения «живого слова»: социальной и личностной.

Образ мира как «внутренний контекст»

Определим, что именно понимается под контекстом, поскольку каждый термин должен функционировать в рамках соответствующего категориального поля (это требование к научному исследованию рассматривается в [Залевская 2011: 61–64]).

В лингвистических исследованиях контекст трактуется следующим образом: «КОНТЕКСТ (от лат. Contextus – соединение, связь) – фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимую и достаточную для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 238]. Это определение явно ориентировано на цели научного анализа и на работу с текстом как таковым. Иной акцент – на сути именуемого – наблюдается в определении контекста, которое даётся в словаре [Васильева и др. 1995], где уточняется: «В расширенном смысле к. – это фон функционирования некоторой сущности, релевантный для её понимания. *Контекст истории. Контекст ситуации. Экстралингвистический контекст*» [Op. cit.: 52]. Обратим внимание на то, что в данном случае имеет место не простое «расширение смысла», а фактический выход за рамки лингвистики.

Что же исследуется, когда в эксперименте предъявляется слово как единица лексикона индивида: единица текста или некоторая сущность? От чёткого ответа на этот вопрос зависит весь дальнейший ход рассуждений. Так, если исследователь понимает под этим индивидуальную память слов в том виде, в каком слово описывается в традиционных словарях и трактуется в лингвистических работах, то первое из приведённых определений контекста как фрагмента текста является достаточным (уточню: достаточным, если всё исследование – от формулирования рабочей гипотезы и до конечной интерпретации полученных

результатов – проводится в строгом соответствии с избранной системой исходных координат, в данном случае – принятой в некотором направлении лингвистических научных изысканий).

Если же ставится задача через слово (и с учётом двойной жизни значения) выйти на то, что лежит ЗА СЛОВОМ в лексиконе как функциональной динамической системе, то в качестве контекста выступит фон для идентификации некоторой сущности, а именно – некоторая проекция голограммы образа мира, которая увязывается со словом, имеющим смысл только при наличии такого фона. Мало назвать такой фон «экстралингвистическим знанием», необходимо понять специфику такого знания/переживания – ЖИВОГО ЗНАНИЯ как достояния ЧЕЛОВЕКА, к тому же не просто НОМО LOQUENCE – «человека говорящего», но ИНДИВИДА (как представителя вида и как личности), познающего мир, чувствующего и эмоционально-оценочно помечающего всё воспринятое, в том числе и связанное со словом – важнейшим инструментом познания, общения, адаптации к естественной и социальной среде. В такой ситуации для носителя языка слово сливается с именуемой им вещью (вспомним высказывание Н.И. Жинкина о том, что, слыша речь, мы думаем не о словах, а о действительности [Жинкин 1982]).

Иначе говоря, если для лингвистики как науки в центре внимания вполне естественно и закономерно находится ИМЯ вещи, то для обычного носителя языка не менее естественно и закономерно главным оказывается имя ВЕЩИ (в широком смысле, т.е. речь идёт о любом объекте, действии, ситуации, качестве и т.д.). Но любая ВЕЩЬ существует не сама по себе, она не только представляет собой определённую сущность, но и имеет специфические признаки, выполняет те или иные функции, включена в какие-то необходимые или возможные ситуации, предполагающие некоторые предшествующие условия и импликации, а также возможные или неизбежные следствия; главное – любая ВЕЩЬ имеет некоторый

СМЫСЛ, ту или иную значимость для индивида как личности, что переживается в плане соответствующей маркированности (обратим внимание на то, что «ни хорошо, ни плохо» – тоже определённая и вполне значимая метка). Как бы то ни было, но идентификация слова как имени ВЕЩИ требует обращения к образу мира, вне которого слово остаётся «пустым». То, в какой мере (до какого уровня «глубины») требуется актуализация лежащих за словом знаний и переживаний (т.е. раскручивается постулируемая мною спираль идентификации слова и понимания текста), определяется конкретной ситуацией естественного семиозиса (это же, кстати, наблюдается и при использовании комплекса экспериментальных процедур, именуемого мною психолингвистическим портретированием лексики: в зависимости от требуемого заданием уровня метаязыковой активности испытуемых всплывают весьма различающиеся глубинные контексты, см. подробнее: [Залевская 2012a]).

Иными словами, для индивида в естественной обстановке изолированного слова не существует – даже услышанное без вербального и/или ситуативного контекста оно неизбежно актуализирует (на разных уровнях осознаваемости) некоторую ситуацию, представление об объекте и т.п. с расширяющимися кругами выводных знаний, которые наше подсознание услужливо готовит к использованию в случае необходимости. При этом целостность человека (взаимодействие его тела и разума, невозможность отрыва продуктов перцептивных и когнитивных процессов от эмоционально-оценочных переживаний, постоянная опора на знание о том, как устроен мир, чего можно ожидать в той или иной ситуации, к чему могут привести те или иные действия и т.д.) и постоянная включённость индивида в те или иные естественные и социально-культурные «контексты» обеспечивают возможность удивительного и загадочного феномена эмерджентности, благодаря которому на пересечении трёх фундаментальных осей: ИНДИВИД (ЛИЧНОСТЬ), ФИЗИЧЕСКИЙ МИР (ЕСТЕСТВЕННАЯ СРЕДА), СОЦИ-

АЛЬНЫЙ МИР (КУЛЬТУРА) возникает СМЫСЛ, не являющийся простой суммой значений слов, посредством которых можно было бы описать некоторое событие.

Сказанное выше объясняет условность термина «изолированное слово» и то, в какой трактовке, начиная с моих давних публикаций (см., например, [Залевская 1979]), ставится вопрос о важности учёта *внутреннего контекста*, в который немедленно включается любое идентифицируемое индивидом слово. С этой точки зрения дело обстоит следующим образом: предъявляемое в эксперименте «изолированное» слово фактически функционирует так, как любое первое слово воспринимаемого (письменного или устного) сообщения, не опирающегося на наличную ситуацию или не подготовленного предшествующим (кон)текстом. Тем самым создаётся уникальная возможность создания условий для исследования реальной жизни значения слова в том или ином временном срезе, когда ближайшим для актуализации оказывается внутренний контекст, обусловленный готовностью индивида к восприятию наиболее значимой в текущее время ситуации, а через это – для демонстрации динамики значения слова в том или ином направлении.

Иначе говоря, главное при исследовании процесса идентификации слова – не сам по себе факт наличия или отсутствия у предъявляемого слова некоторого вербального (т.е. «материализованного», «внешнего») контекста в его традиционной трактовке, а выявление возможных действий и операций и используемых при этом вербальных и невербальных опор, обеспечивающих выход индивида на глубинные связи и отношения, образы и обобщения, признаки и признаки признаков объектов, ситуаций и т.п., благодаря чему происходит идентификация слова как понимание / переживание смысла, на который указывает (или намекает) предъявленное в эксперименте слово. Обратим внимание на то, что речь идёт о выявлении именно глубинного фона идентификации слова, а это непосредственно связано с моделированием актуализирующегося смыс-

лового поля, с установлением структурных и операциональных параметров значения слова как живого знания, что особенно ценно при межъязыковых/межкультурных сопоставлениях (примером реализации такого подхода может служить исследование Н.И. Кургановой [Курганова 2012]).

Представления о специфике единой информационной базы человека (индивидуального знания) и образа мира как внутреннего контекста в совокупности с выявленными экспериментальным путём принципами организации внутреннего лексикона человека (см.: [Залевская 1977; 1980]) подготовили трактовку ментального лексикона как живого поликодового гипертекста в его сопоставлении с электронным гипертекстом.

Внутренний контекст

как живой поликодовый гипертекст

Следует прежде всего подчеркнуть, что сама идея электронного гипертекста возникла в результате очередной попытки учёных «подсмотреть» у природы оптимальный способ организации некоторого вида деятельности, а именно – попытаться имитировать принципы работы мозга человека для повышения эффективности обмена информацией в современных условиях, позволяющих использовать всё новые достижения техники.

Реализация идеи гипертекста является большим достижением разработчиков новых информационных технологий. Этому вопросу посвящён ряд диссертационных исследований и публикаций на различных уровнях (монографий, статей, тезисов докладов), которые можно найти в сети Интернет на разных языках. Это избавляет от необходимости написания обзора, требующего значительно объёма текста и не оставляющего места для изложения собственных соображений по поводу обсуждаемых вопросов. Поэтому представляется достаточным отметить, что электронный гипертекст рассматривается с позиций разных подходов: лингвистического, педагогического, политологического, социологического, информационного и т.д.; на материале раз-

ных языков исследуются лингвистические особенности гипертекста, специфика его восприятия и/или усвоения, воздействие на реципиентов и т.п. (см., например, [Асмус 2005; Беляева 2010; Воронина 2001; Галичкина 2001; Дедова 2006, 2008; Ильина 2003; Ключкова 2009; Махов 2010; Раскладкина 2006; Самелюк 2006]). Ознакомление с исследованиями по обсуждаемой проблеме обнаруживает возможность классификации признаков электронного гипертекста по ряду оснований для сравнения (в том числе – для подразделения их на сущностные, структурные, функциональные и т.д.). Назову только три из них, обсуждаемые ниже (их список остаётся открытым, а порядок перечисления является случайным и не предполагает ранжирования по степени важности): (1) наличие сетевой структуры; (2) объединение разнокодовых элементов (текст, звук, видео); (3) доступ к элементам сети через индексацию. Рассмотрим теперь особенности реализации перечисленных признаков в индивидуальном (живом) гипертексте.

(1) Сетевая структура индивидуального гипертекста предопределена «архитектурой» головного мозга и принципами его функционирования и (как уже отмечалось выше) является первичной по отношению к электронному гипертексту. Специфика «узлов» этой сети и связей между ними активно исследуется нейронаукой и едва ли может достаточно корректно обсуждаться в филологических работах. В то же время экспериментальные исследования убедительно свидетельствуют о том, что идентифицируемое носителем языка слово немедленно включается в широчайшую сеть связей, учитываемых на разных уровнях осознанности и обеспечивающих переживание слова (и/или воспринимаемого сообщения) как понятного. Чтобы опознать слово как таковое, его нужно включить во внутренний контекст предшествующего опыта познания и общения, т.е. «высветить» в голограмме индивидуального образа мира полимодальный образ соответствующего объекта (действия, состояния и т.д.) как некую сущность с определёнными признаками, свойствами,

связями и отношениями, типичными и возможными / невозможными ситуациями, а также с социально принятым и/или личностным отношением к именуемой сущности и вытекающими отсюда следствиями (учёт прошлого опыта и возможного дальнейшего развития ситуации описывается предложенной мною спиралевидной моделью идентификации слова и понимания текста).

(2) Принцип объединения в единой сети разнокодовых элементов, типичный для поликодового текста (или гетерогенного) текста (об этих терминах см., например, [Ищук 2009; Сонин 2006]), совпадает для электронного и для индивидуального гипертекста. Специфичным для «живого» гипертекста является слаженное взаимодействие продуктов многоуровневой переработки вербального и невербального (перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного) опыта взаимодействия индивида с естественной и социальной средой, что позволяет трактовать такую сеть связей как систему кодов и кодовых переходов. Одним из свидетельств такой разнокодовости является то, что доступ к «живой» сети может обеспечиваться разными средствами, иницилируемыми самим носителем языка или его окружением (например, представление о пожаре со всеми особенностями и следствиями, вытекающими из знания сути такой ситуации, может быть вызвано вспомненным фактом не выключенного обогревательного прибора, почувствованным запахом дыма или увиденным столбом дыма, услышанным криком «пожар!» или сигналом сирены пожарной машины).

(3) Наличие связей между узлами сети составляет фундаментальное свойство электронного гипертекста, а обеспечение быстрого доступа к нужным для пользователя узлам достигается через применение специальных средств индексации (informational tags); при этом мультимедийные гиперссылки увязывают разноформатные элементы сети (письменные тексты, видеоматериалы и т.д.). Мгновенный доступ человека к его единой информационной базе – условие успешности адаптации к условиям среды,

что способствовало формированию (в филогенезе) механизмов установления и активации связей по множеству параметров, лишь отчасти учитываемых разработчиками современных информационных технологий. Известны трудности разметки текстов больших корпусов национальных языков, а отсутствие разметки по нужному параметру в значительной мере осложняет формирование требуемой исследователю базы данных. В то же время переработка речевого опыта индивидом через процессы анализа, синтеза, сравнения, классификации имеет своим продуктом многократную «запись в реестры памяти» (термины И.М. Сеченова), и этот своеобразный «индивидуальный HTML» обеспечивает мгновенную навигацию по живой многомерной сети.

Особую роль в функционировании живого поликодового гипертекста играет возможность установления множественных связей по линиям вербальных и невербальных (перцептивных, когнитивных, эмоционально-оценочных) признаков и признаков признаков. Именно включение в специфический внутренний контекст как взаимодействие своеобразных средств глубинной индексации по разнокодовым признакам и межкодовым связям обеспечивает переживание понятности воспринимаемого сообщения благодаря «высвечиванию» в индивидуальном образе мира некоторой ситуации с широким фоном выводных знаний и оценок. Представляется несомненным, что в онтогенезе имеет место «перекрещивающееся» индексирование по линиям ИМЕНИ и ВЕЩИ, что в частности приводит к слитному переживанию слова и именуемой вещи в процессах общения (см. выше).

Следует особо подчеркнуть тесное взаимодействие обсуждаемых особенностей живого поликодового гипертекста: сетевого принципа его организации, объединения в сети разнокодовых элементов, наличия специфичной «глубинной разметки» как условия успешности «навигации» по сети. Обратим также внимание на то, что имеет место следующая аналогия: пользователь электронным гипертекстом не знает о спец-

ифике деятельности разработчиков новых информационных технологий, обеспечивающей мгновенный доступ к множеству элементов сети; носитель языка точно так же не подозревает, что особую роль для выведения на «табло сознания» промежуточных и конечных продуктов навигации по сети играет социально принятая ипостась двойной жизни значения слова, а за этим лежит сложнейшая многоэтапная неосознаваемая работа по поиску опор в многомерной сети связей, формирующих внутренний контекст как фон для идентификации обращенной к индивиду ипостаси значения слова.

Рассмотренные представления о специфике индивидуального поликодового гипертекста хорошо согласуются с современными концепциями общей архитектуры мозга и особенностей его функционирования (см., например, [Гольдберг 2003]) и с новыми подходами к разработке теории значения слова (например, [Дашинимаева 2010а; 2010б]). Роль признаков в идентификации слов, восприятии и понимании текста, организации лексикона человека и упорядочения знаний о мире и т.д. подтверждается результатами экспериментальных исследований (см., например, [Дмитриева 2000; Соломаха 2003; Чугаева 2007; 2008; Швец 2005; Ягунова 2008; 2009]). Важность предметно-чувственных основ того, что лежит за словом у пользующегося им индивида, а также синергетическое взаимодействие продуктов переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта наглядно показаны, например, в исследованиях: [Гирнык 2010; Карасева 2007; Федурко 2008; Чернышова 2010]. Недостаточность включения в электронную гиперсеть сведений о слове, обеспечиваемых словарными дефинициями, но учитываемых носителем языка, продемонстрировано в исследовании [Рублёва 2010].

Заключение

При рассмотрении психолингвистической теории слова в свете динамики общенаучных метафор (от «машинной» метафоры через «информационную», «ком-

пьютерную» и «мозговую» к метафоре «живого знания», см.: [Залевская 2007]) стало очевидным, что ставшая в настоящее время актуальной «метафора гипертекста», реализуемая разработчиками новых информационных технологий, является продуктом интегрирования сути «компьютерной» и «мозговой» метафор, в то время как концепция идентификации слова через внутренний контекст отвечает характеристикам специфики живого знания, функционирующего по закономерностям работы мозга человека (т.е. в данном случае интегрируется суть «мозговой» метафоры и метафоры «живое знание»).

Живой поликодовый гипертекст формируется нейрофизиологическими и психическими механизмами переработки информации человеком в естественном и социальном окружении при постоянно изменяющихся условиях взаимодействия комплекса внешних и внутренних факторов. Успешность такой переработки и соответствие получаемых продуктов потребностям текущей ситуации достигаются за счёт выхода (через посредство социально принятого значения слова) на систему кодов и кодовых переходов, в своей совокупности обеспечивающих целостность образа мира при учёте (на разных уровнях осознанности) множественных выводных знаний и переживаний, увязываемых посредством опоры на эмоционально-оценочно маркированные признаки и признаки признаков тех или иных сущностей (объектов, действий, состояний, качеств и т.д.). В некоторый момент времени любая из таких опор может оказаться актуальной для личности, выступая в функции своеобразного «тэга» для актуализации определённого направления пути поиска в многомерной сети внутрикодовых и межкодовых связей. Именно такая возможность лежит в основе эвристического поиска, способствует формированию эффекта эмерджентности через опору на поликодовый внутренний контекст.

Важно подчеркнуть, что индивидуальный поликодовый гипертекст не только ле-

жит в основе разработки идеи электронного гипертекста, но и делает возможными любые процессы понимания текста (в том числе электронного) и взаимопонимания при общении. Благодаря своим специфическим особенностям персональный гипертекст создаёт принципиальную возможность понимания получаемых нами сообщений, хотя саму эту ситуацию правомерно характеризовать как решение человеком плохо сформулированных задач на основе расплывчатых множеств (то, что лежит за словом для разных людей, не полностью отвечает дефинициям словарей, особенно в условиях межъязыковых / межкультурных контактов). Иными словами, в противовес высказываниям ряда авторов по поводу того, что электронный гипертекст представляет собой новый этап в развитии коммуникации, следует признать, что на самом деле современные технические средства всего лишь сделали возможной экспликацию только некоторых особенностей живого поликодового гипертекста, что несомненно представляет большую ценность как для науки, так и для широкого круга пользователей новыми информационными технологиями. В то же время загадка «индивидуального HTML» пока что ещё не разгадана, для этого необходимы совместные усилия представителей ряда наук.

К числу ожидаемых теоретических результатов исследования интегративного типа можно отнести выявление и обоснование специфики референции «для себя» в процессах идентификации слова и понимания текста, что составит вклад в теорию естественного семиозиса. Фокусирование на подобной проблематике хорошо согласуется, с одной стороны, с отечественной традицией разграничения научных категорий и того, что специфично для языка как достояния человека (см. обсуждение взглядов А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы и других лингвистов в книге: [Залевская 2012а]), а с другой стороны – с динамикой развития мировой науки о человеке и о его языке (см. подробно: [Залевская в печати]),

Список литературы

- Асмус Н.Г.* Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства : дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005. – 266 с.
- Беляева Н.В.* Гипертекст как когнитивно-коммуникативная единица: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2010. – 18 с.
- Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М.* Краткий словарь лингвистических терминов. – М. : Рус. яз., 1995. – 175 с.
- Воронина О.В.* Обучение гипертекстовой технологии как фактор подготовки будущих учителей к педагогической деятельности: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2001. – 161 с.
- Галичкина Е.Н.* Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 19 с.
- Гирнык А.В.* Синергетическая модель концепта «ЖИЗНЬ»: экспериментальное исследование: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2010. – 19 с.
- Голдберг Э.* Управляющий мозг: Лобные доли, лидерство и цивилизация / пер. с англ. – М., 2003. – 335 с. [Электронный ресурс] / URL: <http://the-fifth-way.narod.ru/ExecutiveBrain/index.htm> (дата обращения 30.07.2012).
- Дашинимаева П.П.* Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводаемости: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Иркутск, 2010а. – 46 с.
- Дашинимаева П.П.* Философия языка и теория значения: монография. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010б. – 248 с.
- Дедова О.В.* Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета): дис. ... докт. филол. наук. – М., 2006. – 230 с.
- Дедова О.В.* Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете: монография. – М. : МАКС Пресс, 2008. – 284 с.
- Дмитриева Н.В.* Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных сравнений английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2000. – 15 с.
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. – М. :Наука, 1982. – 157 с.
- Залевская А.А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1977. – 83 с.
- Залевская А.А.* Психолингвистическое исследование принципов организации лексикона человека (на материале межъязыкового сопоставления результатов ассоциативных экспериментов): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Л., 1980. – 31 с.
- Залевская А.А.* Межъязыковые сопоставления в психолингвистике: учеб. пособие. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1979. – 84 с.
- Залевская А.А.* Психолингвистические проблемы семантики слова: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982. – 80 с.
- Залевская А.А.* Понимание текста: психолингвистический подход: учеб. пособие. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1988. – 95 с.
- Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование: монография. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. – 206 с.
- Залевская А.А.* Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. – 134 с.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику: учебник. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. – 382 с.
- Залевская А.А.* Психолингвистические исследования: Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 542 с.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику: учебник. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007. – 560 с.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.

Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012a. – 278 с.

Залевская А.А. Значение слова в индивидуальном лексиконе // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. – 2012б. – Vol. III. – S. 479 – 493.

Залевская А.А. HOMO LOQUENS и современная наука о человеке // *Przegląd Wschodnioeuropejski*. – Vol. IV (в печати).

Ильина И.А. Проблема изучения и восприятия гипертекста в мультимедийной среде Интернет: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 20 с.

Ищук М.А. Специфика понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2009. – 19 с.

Карасева Е.В. Предметно-чувственный компонент значения слова как живого знания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2007. – 16 с.

Клочкова Е.С. Лингвопрагматические особенности электронного гипертекста на немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2009. – 180 с.

Курганова Н.И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Тверь, 2012. – 47 с..

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : «Сов. энциклопедия», 1990. – 685 с.

Махов А.С. Типология художественных гипертекстов на основе немецкоязычных интернет-сайтов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010.

Раскладкина М.К. Интернет как средство организации информационно-политического пространства России: дис. ... канд. полит. наук. – СПб., 2006. – 198 с.

Рублёва О.С. Слово в электронном словаре (с позиций пользователя электронными ресурсами): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2010. – 19 с.

Самелюк М.М. Интернет-досуг в контексте трансформации социального времени: дис. ... канд. социол. наук. – М., 2006. – 164 с.

Соломаха В.А. Признак как медиатор межполевых связей в лексиконе носителя языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2003. – 15 с.

Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2006. – 42 с.

Федурко Ю.В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2008. – 15 с.

Чернышова М.А. Когнитивно-синергетическое моделирование понимания рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2010. – 17 с.

Чугаева Т.Н. Перцептивный аспект звукового строя английского языка: монография. – Екатеринбург; Пермь : УрОРАН, 2007. – 246 с.

Чугаева Т.Н. Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – СПб., 2009. – 45 с.

Швец Н.О. Роль языка в структурировании знания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2005. – 19 с.

Ягунова Е.В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей): монография. – Пермь: Перм. гос. ун-т; СПбГУ, 2008. – 395 с.

Ягунова Е.В. Вариативность стратегий восприятия звучащего текста (экспериментальное исследование на материале русскоязычных текстов разных функциональных стилей) : автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М.: Моск. гос. ун-т, 2009. – 39 с.

Т.В. Ахутина, К.В. Засыпкина, А.А. Романова

УДК 81'23

**ПРЕДПОСЫЛКИ И РАННИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РЕЧИ:
НОВЫЕ ДАННЫЕ**

Понимание развития речи и ее социально-когнитивных предпосылок существенно изменилось за последние два десятилетия. Это связано с прогрессом в понимании филогенеза, онтогенеза и актуалгенеза речи. Мы рассмотрим новые данные по филогенезу и онтогенезу когнитивных функций человека, по роли левого и правого полушарий в ходе речевого развития, включив собственные экспериментальные данные о передаче смысла картинок детьми 5-7 лет.

Ключевые слова: развитие речи, прагматика, латерализация речевых функций.

T.V. Akhutina, K.V. Zasykina, A.A. Romanova

**PREREQUISITES AND EARLY STAGES OF LANGUAGE DEVELOPMENT:
NEW DATA**

The views on speech development and social and cognitive preconditions for speech have dramatically changed over the last two decades. It is connected with the progress made in understanding the phylogenesis, ontogenesis and actualgenesis of speech. The paper presents new data on the phylogenesis and ontogenesis of cognitive functions, the role of the left and right hemispheres in speech development based on the author's experiments with children aged 5-7 years.

Key words: phylogenesis, ontogenesis, cognitive functions, speech development, pragmatics, lateralization of speech functions.

ФИЛОГЕНЕЗ ЯЗЫКА

Предпосылки к возникновению языка сейчас активно обсуждаются в литературе. Обзор этих работ, как и собственная концепция представлены в книге Дерека Бикертон «Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей» [Бикертон 2012], опубликованной на русском языке в 2012 году. Д. Бикертон ставит вопрос о происхождении языка в рамках новой эволюционной теории – теории «возникновения ниш», предполагающей активность животных в построении среды обитания («ниши»): животные ее формируют и сами формируются, адаптируясь к ним. В изложении этой теории Бикертон следует работе Дж. Одлинг-Сми, К. Лэланда и М. Фельдмана «Формирование ниш: игнорируемый процесс в эволюции» [Odling-Smee, Laland, Feldman 2003]. В качестве примеров Бикертон приводит создание ниш проживания муравьями и бобрами. Теория «возникновения ниш» позволяет выдвинуть непротиворечивую гипотезу о том, почему и как могла возникнуть потребность в языке. Изложим версию Бикертон.

Значительную часть рациона наших предков составляли трупы больших животных. До двух миллионов лет назад наши предки были «низшими падальщиками» – надрезы камнями, которые делали они на костях, пытаясь счистить мясо, находятся сверху, поверх отметок зубов и когтей других животных. Такие окаменелые кости вместе с орудиями находят вокруг «хранилищ», располагавшихся рядом со слияниями рек, горных отвалов. Наличие таких «хранилищ» свидетельствует о том, что наши предки использовали их как временные или полупостоянные базы. Около 2 миллионов лет назад у предков человека появилась новая стратегия – они стали заниматься «падальщицеством на большой территории». Меняется и место отметок на костях – они стали внизу, а следы от зубов

животных сверху. Наши предки построили новую нишу – они стали агрессивными высшими падальщиками. Поиски пищи на большой территории и важность наличия большой группы для борьбы с конкурентами за первое место у найденной туши вызвали необходимость передавать информацию об источниках пищи, находящихся за пределами непосредственного восприятия тех, для кого предназначено сообщение. Для рекрутирования сообщников могли использоваться указательные знаки направления движения и иконические знаки вида животного. Для понимания знаков нужна кооперация сообщников, мы рассмотрим это внимательнее вместе с М. Томаселло, а пока закончим версию Д. Бикертон. Появление у иконического знака свойства перемещаемости, т.е. способности обозначать вещи за пределами ситуации здесь и сейчас, было тем небольшим отличием коммуникации человека от систем коммуникаций животных, которое повлекло за собой важные последующие изменения, приведшие к формированию языка. Здесь Д. Бикертон ссылается на теорию хаоса. Он пишет: «Один из основных принципов теории хаоса заключается в том, что «небольшие различия в начальных условиях в нелинейной динамической системе могут повлечь за собой значительные изменения в долгосрочном поведении этой системы»» [Бикертон 2012: 185]. Подробнее о теории «возникновения ниш» и коэволюции поведения, мозга и языка см. [Chater, Christiansen 2010, Deacon 1996¹, Deacon 2007, Richerson, Boyd 2010, Saffran, Aslin, Newport 1996].

КООПЕРАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ФИЛО- И ОНТОГЕНЕЗЕ ЯЗЫКА

Эта тема активно исследуется американским психологом Майклом Томаселло (Tomasello). Одна из последних его книг «Истоки человеческого общения» (2008) была переведена на русский язык в 2011 г. [Томаселло 2011]. В этой книге Томаселло

¹ Профессор Терренс Дикон прочитал одну из самых интересных лекций на Пятой международной конференции по когнитивной науке, проходившей 18-24 июня 2012 г. в Калининграде. Лекция называлась «Коэволюция, деволуция и язык», в ней он использовал теорию «возникновения ниш».

объединяет материал эмпирической и теоретической работы по жестовой коммуникации обезьян, жестовой коммуникации у младенцев и раннему речевому развитию у детей. Он рассматривает его под углом изучения социальных и культурных аспектов познания и научения, смещая фокус внимания с синтаксиса, занимавшего центральное место в дискуссиях о возникновении языка, на прагматику².

Гипотеза Томаселло состоит в том, что первыми специфически человеческими формами коммуникации были указательный жест, а также изобразительные (иконические) жесты. Как читатель помнит, наши предки использовали их, чтобы сообщить сородичам о найденной туше и призвать их бежать туда для совместной борьбы с соперниками. Что нужно для того, чтобы понять такие жесты или использовать жесты для призыва других к действиям? На этот вопрос из области прагматики языка Томаселло отвечает: для этого необходимы *совместные намерения* участников коммуникации (*shared intentionality*). Но для установления намерения необходимо и совместное внимание (*shared attention*) и наработанный в предыдущем опыте взаимодействия общий смысловой контекст (*common conceptual ground*). Томаселло указывает, что навыки и мотивы разделения намерения составляют «фундамент, кооперативную базовую структуру (*cooperative infrastructure*) человеческой коммуникации» [Томаселло 2011: 31].

В своей книге Томаселло уточняет, что для объяснения происхождения базовой структуры языка необходимо обратиться к рассмотрению элементарных эволюционных процессов, но для объяснения «происхождения 6000 знаковых языков, нам не обойтись без культурно-исторических процессов, благодаря которым конкретные речевые формы фиксируются в конкретных языковых сообществах... Итак, мы видим

здесь непрерывное диалектическое взаимодействие эволюционного и культурно-исторического процессов, которое первым описал Выготский [Vygotksy 1978], а с точки зрения современного эволюционного подхода – Ричерсон и Бойд [Richerson, Boyd 2004]...» [Томаселло 2011: 33].

Говоря о способности к разделению намерений как о социальном фундаменте процессов освоения и использования речи, Томаселло [Томаселло 2011, Tomasello 1992; Tomasello 2003; Tomasello 2009] развивает социально-прагматическую теорию освоения речи, предложенную Джеромом Брунером [Bruner 1983] и Катерин Нельсон [Nelson 1985; Nelson 1996].

Рассмотрим эмпирические исследования *возможности разделения намерения у детей* раннего возраста и приматов. Мы начнем с исследований использования и понимания указательного жеста. В ранней работе на эту тему Элизабет Бейтс и ее сотрудники [Bates, Camaioni, Volterra 1975] показали, что младенцы в возрасте до года активно используют указательный жест: они либо указывают на что-то, чтобы это попросить (требование – протоимператив), либо хотят поделиться с окружающими своими ожиданиями и эмоциями (высказывание – протодекларатив).

По Томаселло, современные исследования мотивов указательных жестов у младенцев позволяют выделить среди них три класса:

- 1) просьба (дети хотят получить от других помощь при достижении своих целей);
- 2) разделение = приобщение (они хотят поделиться своими чувствами и взглядами с другими);
- 3) информирование (они хотят помочь другим, сообщая им о полезных или интересных вещах).

Эти три мотива те же, что и у взрос-

² Поскольку в этой статье много говорится о прагматике, поясним этот термин. «П. – область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи. Лингвистическая прагматика не имеет четких контуров, в неё включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации и с ситуацией общения» [Лингвистический энциклопедический словарь].

лых, они основаны на кооперативной мотивации помощи и разделении переживаний и включены в процесс формирования и реализации совместных намерений [Томаселло 2011: 105–116]. В филогенезе речи три типа мотивов возникают поэтапно, каждому из них свойственен свой синтаксис [Томаселло 2011]. Приведем примеры мотивов у детей [Томаселло 2011: 108–109].

В возрасте 11 месяцев Дж. указывает на закрытое окно, когда хочет, чтобы его открыли (мотив – просьба).

В возрасте 11.5 месяцев Дж. сидит за обеденным столом, и мама наливает в его стакан воды. Через несколько минут он указывает на стакан, требуя, чтобы она налила еще (мотив – просьба).

В возрасте 12 месяцев А., находясь в доме, указывает через окно в направлении пролетающего самолета, который она слышит, но не видит (мотив – разделение = приобщение).

В возрасте 13 месяцев Дж. наблюдает за тем, как его папа наряжает рождественскую елку; когда в комнату входит бабушка, Дж. указывает ему на дерево и издает звуки (мотив – разделение = приобщение).

В возрасте 13.5 месяцев, когда мама ищет потерявшийся с холодильника магнетик, Л. указывает на корзинку, где он лежит, завалившись под фрукты (мотив – информирование).

Делая указательный жест, дети предполагают, что взрослые поймут их намерения, что они выполнят подразумеваемые жестом действия (открыть окно, налить воды), разделят их чувства или знания (елка, самолетик), примут их помощь в завершении начатого взрослым действия (магнетик).

В отличие от детей, обезьяны могут научиться с помощью указательных жестов требовать от людей различные вещи, но у них нет протодекларативов с их мотивами разделения = приобщения или информирования, и они не используют жесты, чтобы помочь другому.

Когда дети в возрасте 12-13 месяцев показывают пальцем на объект, который родители хотят найти, они демонстрируют

сложное с точки зрения прагматики поведение. Оно свидетельствует о том, что дети понимают интенцию взрослых, более того, они понимают, что знают то, что не знают родители, т.е. проявляют способность к простейшему моделированию психики другого (Theory of Mind, или Модель психического).

Способность к учету совместных знаний у 14-месячных детей видна из следующего эксперимента. Дети вместе со взрослым играли в игру наведения порядка в комнате, собирая игрушки в корзину. В какой-то момент взрослый останавливался и указывал ребенку на целевую игрушку, которую тот подбирал и клал в корзину в соответствии с совместными интенциями и знаниями. Однако если в это время в комнату входил другой взрослый, который не был включен в контекст игры, и этот взрослый указывал ребенку на ту же самую целевую игрушку, то ребенок не убирал ее в корзину. Это значит, что дети в 14 месяцев способны учитывать совместные намерения и знания и отличать тех, кто обладает этими знаниями, и кто нет [Томаселло 2011: 119].

Некоторые аспекты способности читать намерения взрослых возникают еще раньше. Томаселло говорит о революции в социальном и когнитивном развитии детей, происходящей в возрасте 9 месяцев. У них появляются способности проследить взором направление взора взрослого и ключевые предпосылки для понимания и разделения намерений других. К 9 месяцам младенцы обращают более длительное внимание на объекты, являющиеся фокусом совместного внимания, по сравнению с другими объектами [Striano, Reid, Hoehl 2006]. Такое триадическое совместное внимание (ребенок – взрослый – вещь) создает условия для соотнесения предмета и его названия и дальнейшего понимания названия. Сначала эпизоды совместного внимания поддерживаются прежде всего взрослыми, они или привлекают внимание ребенка к чему-либо, или перемещают свое внимание на то, что привлекло внимание ребенка. Делая так, взрослые превращают действия ребенка с объектом в социальное взаимодействие. Со

временем дети все более успешно учатся привлекать и направлять внимание других, используя указательные жесты [Bakeman, Adamson 1984 – цит. по Brooks, Kempe 2012].

В возрасте около 9 месяцев младенцы начинают включаться и в «социальное консультирование» (social referencing) – при появлении потенциально опасного объекта или субъекта они смотрят на реакцию знакомого взрослого [Campos, Sternberg 1981 – цит. по Brooks, Kempe 2012]. 10-месячные младенцы, в отличие от 7-месячных, более готовы получать информацию о пугающем объекте от незнакомого человека, если до этого незнакомец проявлял внимание к ним, а не смотрел в сторону [Striano, Rochat 2000]. Авторы учебника «Развитие речи» Патриция Брукс и Вера Кемпе пишут, что эти данные свидетельствуют о том, что к возрасту 10 месяцев младенцы используют признак направления взора как важное свидетельство коммуникативной интенции других [Brooks, Kempe 2012: 47].

Важность способности устанавливать совместное внимание отчетливо видна из того, что она является хорошим предиктором дальнейшего когнитивного и речевого развития. Эта способность младенцев в возрасте 10 месяцев предсказывает их речевые возможности в возрасте 14 и 18 месяцев [Brooks, Kempe 2012]. Совместное внимание у младенцев 9 месяцев предсказывает успешность приобретения ими жестов и первых слов в 15 месяцев [Carpenter, Nagell, Tomasello 1998].

Итак, приведенные экспериментальные данные подтверждают выводы М. Томаселло о том, что понимание интенций других и построение совместных намерений представляют базовую структуру социальных действий и коммуникации, и что она оказывается уже практически полностью сформированной до того, как начинается освоение речи. Владение базовой структурой позволяет ее участникам создавать с другими людьми совместные смысловые пространства, или совместные знания (shared conceptual spaces). Они помогают избежать возможной многозначности, ограничивая набор потен-

циальных объектов-референтов и набор потенциальных мотивов, стоящих за социальным намерением. Совместное внимание и совместные знания создают *контекст*, который позволяет детям соотнести слово и значение.

По Томаселло, «контекст общения людей – это не просто все то, что присутствует в их непосредственном окружении... Скорее, это все, что связано с *текущим социальным взаимодействием*, то есть все то, что каждый из участников коммуникации сам считает относящимся к делу, и что, с его точки зрения, другие при этом тоже считают относящимся к делу, и знают, что первый это знает, и так далее, в пределе до бесконечности. Такой совместный интерпсихический контекст и есть то, что мы... можем назвать совместным знанием или же *рамкой совместного внимания* (joint attentional frame), если мы хотим подчеркнуть наличие именно перцептивного совместного контекста» [Томаселло 2011: 79, выделение авторов статьи].

Умение строить контекст, т.е. овладение прагматикой речевого акта – необходимое условия овладения языком. Таким образом, возвращаясь к цели нашей статьи, мы должны сделать вывод, что анализ овладения языком предполагает и анализ прагматики. Однако прежде чем перейти к дальнейшему изложению, нам нужно рассмотреть, какими знаниями о мире располагает доречевой ребенок.

РАННЕЕ КОГНИТИВНОЕ/ СЕНСОМОТОРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕБЕНКА

Нельзя не согласиться с Е.А. Сергиенко, автором книги «Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд» [Сергиенко 2006], что за последние два десятилетия взгляд на возможности детей раннего возраста отчетливо изменился: доречевые дети могут и знают больше, чем ранее предполагалось. Изложим полученные исследователями данные, начиная с пренатального периода.

Пренатальный период. Современная техника, прежде всего ультразвуковое сканирование, позволила обнаружить разноо-

бразную двигательную активность плода. Это, например, раскрытие рта, изолированные движения рук или ног, наклоны назад и вперед, контакт руки с лицом, вращение плода, потягивание, движения пальцев, поворот кисти. Эти движения активно практикуются между 7 и 18 недель развития, затем наступает переходный период, связанный с реорганизацией мозговых структур. После 24 недели наблюдаются более тонкие движения, например, сосание большого пальца или мимические движения лицевых мышц [De Vries et al. 1984 – цит. по Баттерворт, Харрис 2000: 70–73]. Таким образом, производится «настройка» организации движений еще в пренатальный период.

Среднее ухо функционирует у плода с 37 недель. И хотя звуки, которые слышит ребенок в утробе матери, смикшированы амниотической жидкостью в среднем ухе, матери отмечают реакции плодов на громкие звуки, начиная с 32 недель [Крайг, Бокум 2008]. Исследования показывают, что новорожденные отличают голос матери и предпочитают его другим голосам. Это подтверждает эксперимент ДеКаспера и Файфера (De Casper, Fifer): в последний триместр беременности матери читали вслух одну и ту же книгу рассказов. Затем, в первый день после рождения младенцу давали слушать запись этого рассказа в исполнении матери или другой женщины. Во время прослушивания дети сосали соску, и ритм сосания быстрее приспособивался к голосу матери, чем к незнакомому голосу [Баттерворт, Харрис 2000: 81]. Более того, новорожденные различают новые и старые фразы, которые они регулярно слышали до рождения, предпочитая старые фразы, что говорит об их возможности воспринимать и хранить сложную информацию [De Casper et al., 1994 – цит. по Крайг, Бокум 2008: 243]. О возможности слухомоторных координаций говорит тот факт, что новорожденные дети кричат по-разному в зависимости от языка, который они слышали до рождения. Специалист по перцептивной фонетике Зураб Джапаридзе еще в 70-е годы отмечал, что крик новорожденных детей грузин и русских перцептивно отли-

чается (сообщение психолингвиста Аллы Штерн). Аналогичные данные получены в исследовании новорожденных французов и немцев: их крик до некоторой степени повторяет просодические паттерны французского и немецкого языков [Mampe et al., 2009 – цит. по Brooks, Kempe 2012: 28].

Новорожденные дети. Примеры интерсенсорного функционирования у новорожденных детей можно продолжить. В возрасте не старше 2-3 дней новорожденные имитировали выразительные движения: вытягивание губ трубочкой, высовывание языка, открывание рта [Meltzoff et al., 1977], эмоциональные выражения лица [Field et al. 1982], движения пальцев рук [Vinter 1986] [статьи цит. по Крайг, Бокум 2008; Сергиенко 2006].

В эксперименте Дж. Баттерворта новорожденным показывали пары красных точек в левой или правой половине поля зрения, при этом справа или слева они слышали звук. Младенцы чаще смотрели на красные точки, когда они находились на стороне источника звука [Баттерворт, Харрис 2000: 100]. В другом эксперименте предметы быстро приближались к лицу малышей. Младенцы в возрасте от 6 до 21 дня отворачивались от «угрожающего объекта». Эти данные были подтверждены в эксперименте с «виртуальными объектами» [Баттерворт, Харрис 2000: 94–97]. Еще в одном эксперименте 29-дневные младенцы сосали или обычную пустышку или пустышку с шишковидными выступами. При зрительном предъявлении обеих сосок слева и справа в зрительном поле младенцы 70% времени разглядывали соску, которую они сосали [Meltzoff & Borton, 1979 – цит. по Баттерворт, Харрис 2000: 97]. Как мы видим из этих примеров, интерсенсорное функционирование характерно не только для новорожденных детей, и ряд авторов не вычлениют период новорожденности из первого периода развития ребенка.

На первом этапе развития ребенка (от рождения до 1.5-2 месяцев), как указывает Е.А. Сергиенко, реализуются эволюционно подготовленные схемы поведения и анализа

определенных параметров среды. «Данный уровень обеспечивается доминированием филогенетически более древнего, субкортикального уровня мозговой интеграции, на котором реализуются общевидовые, инвариантные формы поведения, позволяющие поддерживать жизнедеятельность вида и накапливать обобщения, необходимые для следующего уровня развития» [Сергиенко 2006: 111]. Так, исследование представлений младенцев о метрике пространства и законах движения, смоделированных через исчезновение объектов за ширмами при непрерывном и периодическом движении, показало, что непрерывность и континуальность движения первично представлены в предвосхищающих схемах младенцев. Об этом говорит факт антиципации непрерывного движения объекта, который наблюдается уже у младенцев 3-недельного возраста [Сергиенко 2006: 116]. Континуальность дает представление о связанности элементов пространства. Общность движения частей объекта дает представление о его целостности [Spelke 1985].

Для этого периода характерно, как мы уже отмечали выше, интерсенсорное функционирование. Тем не менее, такие координации не являются чем-то фиксированным, неизменным. Так, повороты головы к звуку на периферии поля зрения наблюдаются у новорожденных, с 2 месяцев становится все сложнее вызвать движения глаз в сторону звука, в 5-6 месяцев координация восстанавливается, что объясняется реорганизацией существующих подсистем, в результате которой возникают новые способности [Сергиенко 2006: 174; Баттерворт, Харрис 2000: 101]. Этот же принцип U-образного развития мы увидим и в формировании речи.

Второй период в развитии младенца начинается в 2-4 месяца. «Это переходной период к уровню специфического, детального, дифференцированного отражения, обусловленного реорганизацией мозговой регуляции и активным усилением корково-подкорковой интеграции, что определяет изменение сензитивности и направленности младенца ко всем параметрам среды: фор-

ме..., различению контрастов..., цветовому различению, движению (более точный его анализ), ... узнаванию знакомых лиц, появлению вызванных положительных эмоций, ... развитию представлений об объекте через движение» [Сергиенко 2006: 112]. Многочисленные исследования показали, что младенцы в 2-3 месяца могут различать цвет, форму и структуру двигающихся объектов [Сергиенко 2006: 83]. К этому периоду относится и полное формирование комплекса оживления – предшествующие ему замирание и зрительное сосредоточение, а затем улыбка, вокализация, двигательное оживление [Мещерякова 2007].

Важно вслед за Е.А. Сергиенко подчеркнуть, что в этот период, как и в последующие, наблюдаются и перспективные, и более ранние инфантильные формы поведения. Их появление зависит от функционального состояния ребенка, условий внешней среды, параллельного протекания реорганизации других процессов. Так, позже бурное речевое развитие может отразиться на состоянии ходьбы или тенденции к праворукости [ср. Corbetta, Thelen 2002].

Третий этап в развитии младенцев приходится на 6-7 месяцы жизни. «В этот период младенец достигает качественно нового уровня в регуляции поведения, когда специфически-детальный анализ окружения сочетается с произвольными элементами в избирательности ко многим параметрам» [Сергиенко 2006: 112]. Если младенцы до 2-месячного возраста предпочитают динамическую стимуляцию, то в 6-7 месяцев предпочитается статический зрительный объект, он подавляет ответы на движение, причем с произвольным переключением перцептивной направленности [Сергиенко 2006: 114]. В этом возрасте у детей появляется интерес к мелким деталям, например, к крошкам хлеба [Дубровинская и др. 2000: 73].

Следующие этапы наступают в возрасте около 9 и около 12 месяцев. Мы уже говорили о некоторых новообразованиях у детей в 9 и 12-13 месяцев, и будем говорить об этих периодах ниже в связи с речевым развитием.

Отметим, что к 9 месяцам детям становится доступна отсроченная имитация увиденного действия, даже если его презентация была однократной. Дети этого возраста нажимали на спрятанную кнопку на коробке даже после 24 часов после показа. Дети 14 месяцев могли воспроизвести это действие даже после недельного перерыва. Это означает, что дети хранят в памяти увиденные действия [Meltzoff, 1988 ab – цит. по Brooks, Kempe 2012].

Есть предположения, что дети репрезентируют действия других людей в терминах цели. Уже к 12 месяцам дети предпочитают репрезентировать цель, а не источник действия – они больше разглядывают ситуации с измененной целью, а не с измененным местом действия; к 18 месяцам дети имитируют цель действия, даже если демонстрирующий не смог достичь цели [эксперименты Meltzoff, 1995 и Lakusta et al., 2007 – цит. по Brooks, Kempe 2012]. Предполагают, что дети членят последовательные действия, налагая границы, которые соответствуют началу и завершению намерений [Baldwin et al., 2001 – цит. по [Brooks, Kempe 2012].

Как это происходит? Как репрезентированы знания доречевых детей? Новый ответ на эти вопросы связан с открытием «зеркальных» нейронов.

ЗЕРКАЛЬНЫЕ НЕЙРОНЫ И МЕХАНИЗМЫ СОВМЕСТНОГО ДЕЙСТВИЯ

Зеркальные нейроны были открыты в начале 1990-х годов профессором Пармского университета Джакомо Риццолатти. Ответы на заданные выше вопросы можно найти в его книге «Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания», написанной в соавторстве с философом Коррадо Синигальей и опубликованной на русском языке в 2012 г. [Риццолатти, Синигалья 2012]. В этой книге Дж. Риццолатти и его коллеги изучали свойства и функции нейронов лобной и теменной коры головного мозга, исследуя активность отдельных корковых нейронов у обезьян во время движения. Они обнаружили, что нейроны нижней премоторной коры у обезьян

активируются при выполнении определенных предметных действий (а не отдельных движений!) и даже при появлении в поле зрения предметов, с которыми может быть произведено действие. Нейроны, которые Риццолатти называет «каноническими», избирательно отвечают на предметы разной формы и размера, как при реальном действии с предметами, так и в случае, когда их только наблюдают. Отсюда Риццолатти сделал вывод о том, что «нейроны способны классифицировать поступающую сенсорную информацию на основе спектра потенциально доступных действий» [Риццолатти, Синигалья 2012: 18]. Тем самым он отошел от классической последовательной схемы *восприятие* → *познание* → *движение* и показал возможность непосредственной прямой связи восприятия и действия, возможность «наделения» функциональным смыслом окружающего нас пространства предметов (ср. «аффордансы» в теории непосредственного восприятия Дж. Гибсона). Риццолатти пишет: «действия, коль скоро они являются *целенаправленными*, а не *просто движениями*, ложатся в основу наших впечатлений об окружающей среде и наделяют для нас предметы непосредственными значениями... это прагматическая, допонятийная и доязыковая форма понимания, что, однако, нисколько не убавляет её значимости, потому что именно она лежит в основе многих наших хваленых познавательных способностей» [Риццолатти, Синигалья 2012: 19]. Приведенные выше факты о том, что дети в 12 месяцев репрезентируют действия других людей в терминах цели и членят последовательные действия, налагая границы, которые соответствуют началу и завершению намерений, вполне соответствуют утверждению Риццолатти.

Особенность открытых Риццолатти зеркальных нейронов состоит в том, что они разряжаются не при восприятии трехмерных объектов, а при выполнении и наблюдении за действиями с объектами. Риццолатти пишет: «зеркальные нейроны позволяют нашему мозгу установить соответствие между действием, которое мы наблюдаем, и действием, которое можем выполнить, и благодаря это-

му определить их значение. Без такого зеркального механизма у нас была бы сенсорная репрезентация, «наглядное» описание поведения других, однако мы бы не знали, что они на самом деле делают. Да, конечно, мы могли бы использовать свои более высокоуровневые когнитивные способности: поразмыслить о том, что мы увидели, и сделать вывод о намерениях, ожиданиях и побуждениях других людей, в результате чего их действия обрели бы для нас смысл, но на деле наш мозг способен извлекать этот смысл непосредственно, на основе только лишь наших моторных способностей» [Риццоллатти, Синигалья 2012: 19]. Непосредственно к теме нашей статьи относится следующее утверждение Риццоллатти: «Система зеркальных нейронов, по всей видимости, совершенно необходима для возникновения тех форм совместного или разделенного опыта, благодаря которым каждый из нас способен действовать не только как индивид, но и как член общества. Различные формы подражания, как простого, так и сложного, а также научения, вербальной и жестовой коммуникации предполагают активацию определенных систем зеркальных нейронов» [Риццоллатти, Синигалья 2012: 20]. Для понимания механизмов психических нарушений у детей и взрослых важно другое утверждение Риццоллатти: «Коррелятом нашей способности понимать эмоциональные реакции других людей тоже оказалась группа мозговых зон, наделенных зеркальными свойствами. Мы делимся эмоциями с окружающими нас людьми столь же непосредственно, как действиями: восприятие боли, горя или отвращения, переживаемого другим человеком, ведет к активации тех же самых участков коры головного мозга, которые активируются, когда мы сами переживаем эти эмоции» [Риццоллатти, Синигалья 2012: 20].

Открытие зеркальных нейронов повлекло за собой возможность иначе понять механизмы подражания: общую репрезентативную основу воспринимаемого и воспроизводимого действия следует рассматривать не как абстрактную и амодальную, а как механизм, преобразующий зрительную инфор-

мацию напрямую в возможные двигательные акты. В эксперименте с использованием томографа М. Якобони и его коллег было показано, что при подражании (выполнении движения пальцем правой руки) активируются задняя часть нижнелобной извилины левого полушария (лобный полюс лобно-париетальной зеркальной системы) и участок верхней височной борозды правого полушария, и что эта активация сильнее, чем в случае двигательных актов, не являющихся подражательным [Jacoboni et al., 2000 - цит. по Риццоллатти, Синигалья 2012]. При выполнении копирующих действий и левой и правой рукой была обнаружена двусторонняя активация лобно-париетальной зеркальной системы с доминированием на стороне ипсилатеральной действующей руке. Во всех случаях имитации движения наблюдалась активация верхней височной борозды правого полушария [Aziz-Zadeh et al], ее роль активно обсуждается сейчас в литературе (см. ниже).

В случаях освоения нового движения, например, взятия аккорда, зеркальные нейроны, локализованные в нижней теменной доле и в лобной коре, переводят элементарные акты, из которых состоит наблюдаемое действие (в данном конкретном случае – положение, которое необходимо придать пальцам, чтобы сыграть аккорд), на язык движений. При этом ответы нейронов, записанные во время паузы перед повторением действия наставника и перед исполнением аккорда по собственному усмотрению, указывают на то, что система зеркальных нейронов активируется под контролем зоны 46 по Бродману (префронтальная область кпереди от зоны Брока). Эта зона отвечает не только за рабочую память, но и за рекомбинацию отдельных двигательных актов и формирование новой схемы действия, максимально приближенной к той, которую демонстрирует наставник. Таким образом, по Риццоллатти, и имитация имеющихся в двигательном репертуаре действий, и обучение действиям происходят при участии корковых зон, обладающих зеркальными свойствами, под контролем других областей.

У людей, в отличие от обезьян, зеркальные нейроны кодируют как транзитивные (предметные), так и нетранзитивные двигательные акты и осуществляют четкое отслеживание временных аспектов наблюдаемого действия, поэтому они могут участвовать в овладении артикуляцией.

Дж. Риццоллатти выдвигает предположения о механизмах некоторых явлений в развитии когнитивных функций у детей. Так, он полагает, что раннее подражание у новорожденных можно объяснить тем, что у них уже есть система зеркальных нейронов, пусть весьма рудиментарная. Объясняет он и механизм появления указательного жеста, присоединяясь к мнению Л.С. Выготского. Риццоллатти обращает внимание на то, что воспроизведение начальных стадий действий способствует пониманию будущего действия и у животных и у человека. Далее он пишет: «Что касается людей, известный русский психолог Лев Выготский выдвинул предположение, что в основе большинства нетранзитивных актов, осуществляемых детьми, лежат транзитивные акты. В частности, он заметил, что если предмет можно достать рукой, ребенок его хватается, а если предмет отодвинуть подальше, он всё равно вытягивает руку, как если бы пытаясь дотянуться до этого предмета. Если мать ребенка реагирует на эти попытки достать предмет и приходит на помощь, ребенок впоследствии повторяет жест дотягивания для указания на предметы, которые ему хочется получить» Риццоллатти, Синигалья 2012: 137, авторы делают ссылку на «Мышление и речь», см. [Выготский 1982: 92], но подробнее Выготский говорит об этом в другой работе, см. [Выготский 1983: 144].

Риццоллатти выдвигает предположение и о филогенезе речи. Исходя из анатомических данных, он отвергает гипотезу о появлении языка из эмоциональных криков животных: «Известно, что зона Брока, одна из классических речевых зон, задействована не только в речевых, но и в других двигательных актах, и активизируется при движениях губ, рук и гортани... Более того, зона Брока, как и F5, входит в состав зеркальной

системы, основная функция которой как у человека, так и у обезьян состоит в установлении связи между пониманием действия и выполнением действия. Отсюда следует, что ответ на вопрос о происхождении языка следует искать не в примитивных формах голосовой коммуникации, а в эволюции жестовой коммуникации, находящейся под контролем латеральных зон коры. ... тот факт, что та и другая зоны (зоны Брока у человека и F5 у обезьян) объединены общим механизмом (и что у человека этот механизм обладает новыми свойствами, связанными с освоением языка), позволяет выдвинуть предположение о том, что постепенное развитие системы зеркальных нейронов сыграло ключевую роль в появлении и эволюции способности человека к коммуникации, сначала с использованием жестов, а потом и устной речи». Это мнение Дж. Риццоллатти веско подкрепляет гипотезу М. Томаселло о жестовом происхождении языка, а открытые им особенности канонических и зеркальных нейронов позволяют приблизиться к пониманию механизмов совместных действий и разделения намерений. Особо нужно отметить введенное им понимание «предметного значения», которое может быть полезно для понимания трудно интерпретируемых данных.

Итак, мы рассмотрели предречевое социальное и когнитивное развитие ребенка, изложили возможный механизм овладения совместными действиями и разделения намерений. Теперь мы можем перейти к обзору работ о мозговой организации формирования языковой способности

ЭТАПЫ РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ И ИХ СВЯЗЬ С НЕЙРОГЕНЕЗОМ

В обзоре мы будем активно опираться на работы Элизабет Бейтс и ее соавторов [Bates et al. 1997; Bates et al. 2003]. Выбор этих работ не случаен. Э. Бейтс (1947-2003) – американский нейролингвист, ведущий специалист в области освоения языка и его мозговых механизмов, представитель нейросетевого подхода к изучению познания, близкого по своим принципиальным установкам к теории динамических систем

[Thelen, Bates 2003]. Она одной из первых стала заниматься овладением языковой прагматикой [Bates 1976], и выше мы уже рассказывали о выделении ею с коллегами протоимперативов и протодекларативов. Рассмотрим вслед за Э. Бейтс ранние этапы формирования речи.

Восприятие речи от рождения до года.

Наиболее широко известный факт – это различение *фонематических контрастов* детьми от рождения до 6-8 месяцев. В классическом исследовании П. Эймаса и коллег [Eimas et al. 1971] было показано категориальное восприятие речевых звуков /pa/ и /ba/ младенцами в возрасте 1-4 месяцев. Если после смычки губ голос слышится сразу, этот звук опознается как /b/, если голос появляется с отсрочкой на 0.06 с, этот звук опознается как /p/. Когда предъявляли взрослым синтезированные звуки с появлением голоса от -0.15 до +0.15 (с интервалом в 10 мс), то все звуки до 0 воспринимались ими как /b/, а звуки в интервале от 0.05 и больше – как /p/. В опыте с младенцами им давали соску-пустышку, соединенную с устройством, которое измеряло ритм сосания, и предъявляли один из звуков континуума. Разница соседних вариантов звуков составляла 20 мсек. Регулярная подача одного и того же варианта приводила к привыканию к звуку и равномерному сосанию. Если новый вариант (например, +60 мс) не пересекал границу категории старого варианта (например, +80 мс), ребенок продолжал равномерное сосание, если граница пересекалась (0 мсек и -20 мс), ребенок реагировал на новизну и начинал сосать энергичнее. Последующие исследования обнаружили возможность дифференцировать и другие звуки, даже те, которые не составляют фонологический контраст в языке родителей. Так, японские младенцы различают звуки /r/ и /l/, хотя родители их не различают. Э. Бейтс подытоживает, что полученные факты свидетельствуют о том, что младенцы способны к различению всех контрастов, которые можно найти в языках мира. И хотя некоторые исследователи сделали вывод, что такая способность к дифференциации звуков свидетельствует о наличии у представителей нашего вида врожденного

«речевого детектора», дальнейшие исследования показали, что шиншиллы и другие млекопитающие тоже имеют способность к категориальному восприятию звуков [Bates et al. 2003].

Новорожденные могут использовать *просодические* особенности родного языка, чтобы отличить его от иностранного. Так, французские младенцы могут отличать французский язык от русского [Mehler, Christophe 1995] и даже различать два иностранных языка – английский и японский [Nazzi et al., 1998] – цит. по [Brooks, Kempe 2012: 29]. Однако в 2 месяца все большее знакомство с родным языком приводит к трудностям различения иностранных языков.

Э. Бейтс приводит данные о возможности двух- трехмесячных младенцев к «чтению с губ» и имитации звуков «о» и долгого «i» [Kuhl, Meltzoff 1988]. Комментируя эту работу, она спрашивает, должны ли мы предположить, что у детей есть врожденное устройство «картировать речевые звуки в движения рта». Открытие зеркальных нейронов в моторной и слуховой коре позволяет согласиться с наличием такого устройства и объяснить новые факты, такие как возможность имитации новорожденными звуков /a/ и /m/ с открытыми и закрытыми глазами [Chen et al. 2004] – цит. по [Brooks, Kempe 2012: 15].

Э. Бейтс предлагает включить в рассмотрение новые факты, которые свидетельствуют о высокой обучаемости детей. В качестве примера она приводит исследование [Saffran et al. 1996], в котором 8-месячным детям предъявляли через микрофон однообразную и неинтересную последовательность звуков в то время, когда они активно играли с игрушками на полу. Звуки состояли из бессмысленных цепочек слогов “BA DI CO RA BI”, в которых некоторые слоги появлялись случайно, а другие в определенной последовательности, напоминающей слова (например, «BA DI CO»). После 2 минут предъявления детям проигрывали или тот же вариант или новый, состоящий из тех же слогов, но в другом порядке (цепочки типа «BA DI CO» разрывались). Пассивное слу-

шание сменялось более внимательным при новом порядке слогов. Итак, двух минут пассивного слушания скучных повторяющихся стимулов было достаточно, чтобы извлечь статистическую структуру входного сигнала и сделать это без подкрепления и внимательного слушания. Опять же, некоторые исследователи предположили наличие «специального устройства для усвоения речи», однако новые данные говорят, что так же могут обрабатываться звуковые тоны и зрительные стимулы, не имеющие отношения к речи [Bates et al. 2003].

Начиная с 6 месяцев, дети обнаруживают понимание первых слов: своего имени, мама, папа. В 8 месяцев они уже могут длительно удерживать (до 2 недель) повторяющиеся слова из детских прибауток. Приблизительно в это же время они могут связать звучащее слово с привлекающим внимание двигающимся объектом. Если объект не движется, они не справляются с заданием, но такое становится доступным в 14 мес. Около 9 мес. дети находят знакомые объекты по слову (например, «Покажи, где собачка?»), т.е. обнаруживают способность как к пониманию знакомых слов, так и категоризации объектов [Bates et al. 2003]. С помощью опросника МакАртур для оценки речи детей родители отметили, что их дети понимали в среднем 36 слов в 10 мес., 86 слов в 12 мес., 156 слов в 14 мес. и 191 слово в 16 мес. [Fenson et al., 1994] – цит. по [Bates et al. 1997; Bates et al. 2003].

Итак, дети с момента рождения могут различать просодические различия языков, разнообразные контрасты речевых звуков, в полгода понимают первые слова. Однако к 8 месяцам дети теряют способность различать звуковые контрасты, которые не представлены в их родном языке. Так, японские младенцы к этому возрасту перестают различать /r/ и /l/. Более того, было показано, что умение различать контрасты родного языка в возрасте между 6 и 12 месяцами положительно коррелирует с речевыми возможностями в 2 и 3 года, тогда как умение различать контрасты неродного языка в этом возрасте коррелирует отрицательно [Kuhl

et al. 2008] – цит. по [Brooks, Kempe 2012: 35–36]. Исследователи интерпретируют это как проявление настройки к родному языку в процессе нахождения соответствий между звуком и артикуляцией в период лепета.

Производство речи от рождения до года

Основной звуковой репертуар младенцев от 0 до 2 месяцев составляют рефлекторные «вегетативные звуки», т.е. прежде всего крик.

Около 2 месяцев начинается гуление, воспроизведение подобных гласным звуков. В отличие от крика и смеха оно более произвольно и не является непосредственным выражением сомато-аффективного состояния. В 4 месяца в гулении можно услышать приближение к гласным родного языка. С 6 месяцев в издаваемых звуках начинают отчетливо выделяться повторяющиеся слогоподобные структуры Согласный – Гласный: *дадада* или *бабаба* – это лепет [Bates et al. 2003; Brooks, Kempe 2012]. Повторяя слоги, ребенок «экспериментирует», поэтому в его лепете можно услышать звуки разных языков [Jakobson 1941], однако отдельные звуки он практикует чаще, они все ближе воспроизводят звуки родного языка, эти звуки используются в первых словах [Kuhl & Meltzoff 1996] – цит. по [Brooks, Kempe 2012: 33]. Таким образом, в возрасте 8-10 месяцев ребенок «настраивает» связь между слуховыми паттернами родного языка и артикуляторными движениями, перестраивая механизмы имитации, характерные для первых месяцев после рождения. Именно новые связи позволяют произвольно произносить первые слова. Тогда же теряется чувствительность к фонемным контрастам неродных языков (см. выше).

В возрасте около 10 месяцев ребенок начинает произносить похожие на слова звуки: «папапа», когда тянется за каким-то объектом, желая его получить; «bam!», когда нарочно роняет предмет. Такое название в устойчивых ритуалах сменяется настоящим названием между 12 и 13 месяцев. Однако слова могут быть нестабильны, уходить и приходиться, пока ребенок не освоит устойчиво около 10 слов. С этого момента словарь

постепенно растет до 50-75 слов [Goldfield & Reznick 1990] – цит. по [Bates et al. 2003]. После этого следует «словарный взрыв». Родители с помощью опросника МакАртур определили, что их дети владеют в среднем 10 словами к 12 месяцев, 64 словами в 16 месяцев, 312 словами к 24 месяцев и 534 словами к 30 месяцев [Fenson et al. 1994] – цит. по [Bates et al. 2003].

Подытожим *основные этапы развития речи*, организуя их в соответствии с выделяемыми Элизабет Бейтс и ее соавторами ступенями развития когнитивных функций.

Рубежи первого года:

- от 0 до 2 месяцев. Его достижения: имитация новорожденных; вегетативные сигналы (крик); различение всех речевых контрастов; детекция объекта; антиципация непрерывного движения объекта (вслед за Е.А. Сергиенко мы отнесли это умение к первому периоду, а не ко второму, как Бейтс и др.);

- 3-4 месяца: гуление, «чтение с губ» и имитация отдельных гласных звуков, пассивная антиципация действий других;

- 5-6 месяцев: тенденция в гулении к воспроизведению гласных родного языка, совместное внимание к объектам; возможность найти спрятанный объект без отсрочки во времени; понимание отдельных слов;

- 7-8 месяцев: канонический лепет; систематическое понимание знакомых слов;

- 9 месяцев: как и М. Томаселло, Э. Бейтс и др. отмечают принципиально новые возможности детей в этом возрасте: похожие на слова звуки; настройка перцептивной системы на родной язык и утрата к способности дифференцировать контрасты, несвойственные родному языку; категоризация объектов; использование взора, вокализации и жеста в протоимперативах и протодекларативах; первое использование орудий (тянет простынку, на которой лежит игрушка), настоящая имитация новых движений – появление ритуализированных жестов (пока-пока, ладушки); возможность найти спрятанный объект с 15-секундной отсрочкой [Bates et al. 2003: табл. 1 и 2].

- около года (11-13 месяцев). Его до-

стижения: первые слова, подтверждающие жесты (Recognitory gestures) в символической игре, отсроченная имитация;

- около 18 месяцев: словарный взрыв, увеличение доли глаголов и прилагательных в словаре;

- между 20 и 24 месяцами: словосочетания, комбинация жестов в символической игре, в двигательных и социальных играх, сдвиг в категоризации, изменения в способах построек из кубиков;

- около 28 месяцев: грамматика, активное выстраивание последовательностей в спонтанной символической игре [Bates et al. 2003: табл. 2].

Как же связаны события в речевом развитии и развитие мозга в раннем детстве? «Развитие речи необходимо отражает комплексное двунаправленное взаимодействие созревания и опыта», – пишет Бейтс в статье 2003 г. [Bates et al. 2003: 526]. Принципиально близкая установка характерна и для Е.А. Сергиенко, которая пишет, что «коактивация генетических и средовых факторов необходима для любых форм развития» [Сергиенко 2006: 41]. Такой «Динамический системный подход», для которого ключевой характеристикой является признание роли самоорганизации в развитии, типичен для передовых современных работ, его сторонниками являются и Э. Бейтс, и Э. Телен, и Е.А. Сергиенко, на работы которых мы опираемся. Он более продуктивен, чем поиск однозначного соответствия или причинности между явлениями созревания и этапами (milestones) развития речи. Его принципиальные установки близки теории системной динамической организации ВПФ в нейропсихологии Выготского-Лурия [Лурия 1973; Лурия 2008; см. также Akhutina, Pylaeva 2012: 16-21].

Э. Бейтс и ее соавторы настаивают, что между мозговыми и когнитивными изменениями нет прямой причинно-следственной связи, скорее они используют термин «корреляции». Как представитель нейросетевого подхода к изучению познания, Бейтс в первую очередь рассматривает мозговую организацию развития речи через призму онтогенетических изменений всего мозга в

целом, начиная от пренатального периода и кончая дошкольным возрастом. Мы остановимся на наиболее ярких событиях, описываемых в статье.

Почти все нейроны нервной системы генерируются в первый триместр беременности, к его концу практически завершается дифференциация клеток и их миграция к месту назначения. Во втором триместре появляется регулярная электрическая активность мозга (к 24 неделе), развиваются очень важные таламо-кортикальные связи. В этом же периоде начинается процесс родственной обучению – самоорганизация структур нервной сети под влиянием активности плода (разнообразие движений плода мы отмечали выше). К началу третьего триместра основная архитектура мозга установлена, глаза значительное время открыты, уши слышат. На восьмом и девятом месяце начинается бурный рост количества синапсов – так эволюция подготовила мозг к предстоящему обучению.

Нейроны в мозге новорожденных в среднем имеют около 2500 синапсов. К возрасту 2-3 лет их число составляет 15 000, что гораздо больше, чем у взрослого человека. Такое различие до некоторой степени объясняет высокую обучаемость детей и пластичность их мозга. Хотя в раннем детстве преобладает тенденция к увеличению числа синапсов, сокращение их числа тоже имеет место, что позволяет осуществление оптимальной настройки мозговых связей. Как отмечают Бейтс и ее соавторы, преобладание синаптогенеза над сокращением числа синапсов наблюдается в тот период развития ребенка, который является критическим для полноценного овладения языком и который характеризуется возможностями к быстрому статистическому обучению в слуховой и зрительной модальности.

Кроме перинатального значительного прироста числа синапсов, о котором мы уже писали выше, в постнатальном развитии Бейтс и соавторы выделяют два события. Первое из них – рост метаболизма в лобных долях, начинающийся в 9-12 месяцев. Метаболическая активность начинается вначале

в задних отделах коры и достигает высокого уровня в 9-10 месяцев и своего пика между 4 и 5 годами. В 9 месяцев, по данным исследований ЭЭГ-когерентности, появляются и длинные связи (long-distance connections) между областями мозга [Chugani et al. 1987, 1996] – цит. по [Bates et al. 2003; Njiokiktjien, Verschoor 2007]. Как было показано выше, возраст около 9 месяцев – возраст значительных изменений в социальных, когнитивных и речевых возможностях ребенка. Лобные доли, которые и раньше функционировали, в возрасте 9 месяцев активно втягиваются (recruited) в функциональные системы решения различных задач, требующих кратковременной памяти и планирования. По мнению Бейтс и ее соавторов, это пример влияния обучения на развитие мозга.

Второе событие – лексический и грамматический «взрывы» между 16 и 30 месяцами. Бейтс полагает, что «взрывы» не являются прямыми следствиями пиков синаптогенеза, поскольку такие экспоненциальные взрывы также наблюдаются при обучении в нелинейной динамической системе с устойчивой архитектурой [Elman et al. 1996]. Поэтому интригующая параллель между «речевым взрывом» и «синаптическим взрывом» может представлять взаимно благоприятствующую связь, а не прямую причинно-следственную связь [Bates et al. 2003].

Итак, мы кратко рассмотрели ход речевого развития ребенка и познакомились с важными данными и современными подходами к проблеме мозговой организации когнитивных процессов. Прделанный нами анализ позволяет перейти к поставленному в заголовке вопросу о роли правого и левого полушария в речевом онтогенезе.

АНАТОМИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛУШАРИЙ

Начнем с рассмотрения нейроанатомических особенностей полушарий.

В статье 1981 г. (перевод на русский язык – 1995) Э. Голдберг и Л.Д. Коста отметили две базисные особенности полушарий: 1) сенсорные и моторные области больше представлены в левом полушарии, ассоциативные

зоны – в правом; 2) в левом полушарии наблюдается преобладание интрарегиональных связей, в правом – интеррегиональных [Гольберг, Коста 1995: 9].

По сравнению с левым полушарием правое полушарие имеет большие пропорции белого вещества (т.е. взаимосвязей между нейронами), большую корреляцию в активации между регионами, более диффузные электрофизиологические ответы и более диффузные функциональные (например, моторные) нарушения при повреждении в сходных участках мозга [Veeman 1998]. Нейроны правого полушария имеют более длинные дендритные отростки и больше синапсов на расстоянии от тела клетки. Если мозговые микро-колонки в левом полушарии находятся на расстоянии, то микро-колонки правого полушария перекрывают друг друга [Galuske et al. 2000; Hutsler, Galuske 2003].

Все эти особенности полушарий определяют, что задачи кроссmodalной интеграции лучше решает правое полушарие, а левое выступает как доминантное по отношению к унимодальным процессам, хорошо справляясь с задачами, требующими точности движения или восприятия.

Исходя из представленных в литературе данных, Гольберг и Коста предположили, что после изначальной стимуляции правого полушария, обладающего большей интеррегиональностью, в нем активизируется большее количество зон, что передается через мозолистое тело и другие комиссуры в большее количество гомологичных отделов левого полушария, что активизирует кору в целом. Отсюда было сделано предположение, что правое полушарие выполняет функцию «глобального возбуждения», тогда как левое обеспечивает «локальные» процессы обработки стимулов [Гольберг, Коста 1995: 11]. Авторы отмечают разные возможности полушарий в обработке старой и новой информации: правое полушарие успешнее решает новые задачи, левое полушарие – старые задачи, предъявляющие требования к компактности хранения и точности извлечения из памяти [Гольберг, Коста 1995: 12]. При этом «левое полушарие работает по принципу накопления различных признаков, релевантных зада-

нию, с последующей интерференцией, тогда как правое не зависит от такого накопления» [Гольберг, Коста 1995: 13].

Предположения Э. Гольберга и Л. Коста [Гольберг, Коста 1995] близки к гипотезе о двух стратегиях переработки информации: *аналитической* (последовательной, зависящей от времени) у левого полушария и *холистической* (целостной, параллельной) – у правого [Леушина и др. 1985; Bever 1975; Bradshaw, Nettleton 1981; Sperry 1974]. В литературе дискутируется, когда в полной мере актуализуются эти стратегии, но ясно, что предрасположенность к ним закладывается до рождения.

В литературе высказывается мнение, что разные полушария при обработке речевых сигналов «предпочитают» работать с разными квантами времени. Левая вторичная слуховая зона преимущественно извлекает информацию из коротких (20-50 мс) окон временной интеграции, гомологичные зоны правого полушария – из более продолжительных (150-200 мс), но это предпочтение относительное, поскольку оба полушария имеют популяции нейронов с константами времени 25 и 200 мс и вначале работают симметрично [Роеппел 2003]. Это различие хорошо объясняет давно известный факт, что левое полушарие легче справляется с быстрыми изменениями речевых сигналов (различия между согласными), тогда как правое – с медленными (интонационный контур фразы, мелодии).

Кроме того, правое и левое полушария имеют разные корково-подкорковые соотношения. Правое полушарие теснее связано с подкоркой, в нем когнитивные процессы, включая эмоциональный контроль, обеспечиваются больше медиальными отделами, чем конвекситально-кортикальными. Внутри левого полушария ведущая роль в обеспечении когнитивных процессов принадлежит корковым зонам, глубинные же образования участвуют в динамической (активационной) организации функций [Московичюте 1998].

Говоря о зеркальных нейронах, мы уже отмечали активацию верхней височной борозды правого полушария при имитации движений правой и левой рукой. В других исследованиях показано, что эта зона, стра-

тегически расположенная на пересечении зрительных, сенсомоторных, слуховых и связанных с памятью отделов мозга, активно участвуют во всесторонней ре-интеграции *текущего контекстного материала* с уже имеющимися паттернами данных в ответ на комплексную ситуацию (см. [Franz 2011] – выделено нами Т.А.). Этот вывод соответствует клиническим данным о том, что правое полушарие принимает участие в мониторинге текущей информации и соотнесении этой информации с хранящимися в долговременной памяти знаниями и обеспечивает *контекстную целостность* обрабатываемой информации. При его недостаточности больные «отклоняются от курса» повествования, склонны к фрагментарным ошибкам и конфабуляторным построениям, не чувствительны к ложным посылкам [Ахутина 2009].

В литературе есть сведения, что в раннем детстве правое полушарие опережает левое в созревании. Анализ функциональной активности мозга с помощью измерения объема регионального кровотока (rCBF) показал превалирование активности правого полушария от 1 года до 3.5 лет (средние данные по полушариям) или от 13 месяцев до 3 лет (в полимодальной теменно-височной области). Активность слева стала выше, чем справа в 3 года в теменно-височной и сенсо-моторной областях, а в 5 лет и по средним данным [Chiron et al. 1997]. Принципиально сходные данные получили И.Н. Боголепова и Л.И. Малофеева, изучавшие структурную организацию зоны Брока с помощью методик Х. Улингса. Они обнаружили большую зрелость зоны Брока в правом полушарии у детей от новорожденности до 2 лет и, наоборот, в левом полушарии у детей 7-12 лет [Улингс и др. 1998; Bogolepova, Malofeeva 2001].

РОЛЬ ПРАВОГО И ЛЕВОГО

ПОЛУШАРИЙ В ОСВОЕНИИ РЕЧИ

Давно известно, что у взрослых левое полушарие доминантно в речевых функциях. При его поражениях возникают речевые нарушения – афазии, при которых страдают артикуляция, словарь, синтаксис, восприятие и понимание речи. Правое полушарие важно для просодической стороны речи, ее интонации. При его поражениях нарушается вос-

приятие интонации, речь становится монотонной.

У новорожденных анализ вызванных потенциалов при предъявлении слогов и аккордов показал большую амплитуду ответов в *левом* полушарии на звуки, а в правом – на аккорды [Molfese 1975]. У них обнаружена большая чувствительность левого полушария к обычной речи по сравнению с речью, воспроизводимой спереди назад [Peña et al. 2003] – цит. по [Brooks, Kempe 2012: 272]. У младенцев 2-3-месяцев зонами, наиболее чувствительными к речевым фразам в отличие от слушания музыки или к различиям между прямо и обратно воспроизводимой речью, оказалась левая *planum temporale* и левополушарная ангулярная извилина [Dehaene-Lambertz et al. 2009]. Кроме слогов и фраз в качестве материала использовалась просодически нормальная речь и речь со сглаженной просодикой. В этом случае у 3-месячных младенцев различия в активации наблюдались в височно-теменной области *правого* полушария, тогда как в левом полушарии ответы на разные стимулы были одинаковыми [Homae et al. 2006] – цит. по [Dehaene-Lambertz et al. 2009]. Авторы интерпретируют эти данные как свидетельство генетической предрасположенности полушарий, а именно левого полушария к обработке быстрых акустических изменений, в частности, звуков речи, и правого – к изменениям более длинных сигналов, поэтому оно более эффективно в обработке просодических контуров фраз.

Определяет ли генетический фактор постоянное распределение функций между полушариями в речевом развитии от рождения к взрослому возрасту? Предположение о таком прямолинейном развитии резко противоречит эмпирическим фактам. Рассмотрим их.

Электрофизиологические исследования детей 13-20 месяцев показали, что различия в мозговой реакции (связанные с событиями потенциалы) на знакомые и незнакомые слова были двусторонними с несколько большей активацией справа у детей 13-17 месяцев. К 20 месяцам они обнаруживались только в левом полушарии. Более того, 20-месячные дети со словарем более 150 слов (после лек-

сического взрыва) обнаруживали четко локализованный левополушарный ответ. Дети со словарем менее 50 слов давали более диффузный ответ. На основании этих данных авторы выдвинули гипотезу, что становление более локальной левополушарной системы делает возможным лексический взрыв [Mills et al. 1997].

В эксперименте детям в возрасте 13 месяцев предъявляли понимаемые ими слова, новые слова и слова, воспроизводимые в обратном порядке. Эффект знакомости слова был виден в передних и задних отделах *обоих* полушарий. Однако, у детей 20 месяцев этот эффект обнаруживался только в височной и теменной долях *левого* полушария. При этом 13-месячные дети с большим пассивным словарем обнаруживали большую тенденцию к левосторонней специализации, чем дети с маленьким словарем [Neville, Bavelier 2002]. Похожий эффект был найден при предъявлении слов открытого класса (существительных, глаголов) и закрытого класса (служебные слова), имеющих и в пассивном и активном словаре ребенка. В 20 месяцев вызванные потенциалы (ВП) на знакомые, незнакомые и «обратные» слова были различными, а разница между классами слов была не видна. У детей 28-30 месяцев слова открытого и закрытого класса производили разный эффект, но он был *симметричным*. Дети 3 лет обнаруживали преобладание *левосторонней* активации при предъявлении служебных слов. Дети 20 месяцев с более богатым словарем были более похожи по картине ВП на старших детей, чем дети с менее богатым словарем. Исследователи делают вывод, что мозговая активация связана не с хронологическим возрастом, а уровнем владения языком [Neville, Bavelier 2002]. Нам бы хотелось подчеркнуть иное: левополушарный сдвиг происходит в разное время для разных речевых функций: для накопления словаря около 18-20 месяцев, на служебные слова – в 3 года. Приобретение первых 50 слов по-одному, а позднее такое же освоение словосочетаний и синтаксических конструкций (item-based), можно предполагать, идет с активным участием правого полушария. Напротив, выведение правила и его применение идет с участием левого полу-

шария. Здесь мы уже перешли к обсуждению, но нам еще предстоит познакомиться с двумя группами фактов.

Первая из них – исследования нарушений развития речи при односторонних поражениях мозга. Мы будем опираться на подводящие итоги трех исследований статью Э. Бейтс и коллег 1997 г. [Bates et al. 1997].

Первое исследование по выборке из 26 младенцев 10-17 месяцев показало очень важный и ожидаемый из предыдущих данных результат, что дети с поражением *правого* полушария обнаружили отчетливое отставание в **развитии жестов** и тенденцию к более выраженному дефициту **понимания речи**, чем дети с поражением левого полушария. Развитие жестов и понимания было хуже при вовлечении в процесс правой височной доли, а для жестов еще правой затылочной доли. Как и в норме, во всей выборке корреляция развития жестов и понимания речи была очень высокой (+0.71, $p < 0.001$), в отличие от низких корреляций производства слов и понимания или жестов.

Число произносимых слов (9.3) было одинаковым у детей с поражением левого и правого полушария, оно было ниже нормативного у 35% детей (на уровне или ниже 10-й процентиля) и имело большой разброс (0-61). При этом доля произносимых слов по отношению к понимаемым словам составляла 14% у детей с поражением правого полушария, 9% – левого полушария и всего 6% у детей с вовлечением левой височной доли. Мы обсудим эти данные ниже.

Второе исследование было проведено на выборке из 29 детей 19-31 месяцев. Как мы уже вслед за Э. Бейтс отмечали выше, около 18 месяцев дети часто резко убыстряют накопление словаря («лексический взрыв»), в 18-20 месяцев у них появляются словосочетания, и между 24-30 месяцев отчетливо возрастает число грамматических аффиксов и служебных слов. Анализ данных по выборке показал, что количество употребляемых слов было от 2 до 670 со средним 217. Из 17 детей с поражением левого полушария «отстающих» (попавших в десятую процентиль или ниже) было 7 (41%), среди 12 детей с поражением правого полушария таких детей

было 4 (33%), что в обоих случаях больше случайного, и различие между группами статистически не значимо. При делении детей с патологией левой височной доли (10) и без нее (19) различие достигло уровня статистической значимости. Тот же результат был получен при делении детей с поражением лобных отделов (в том числе комплексных) и без него. Однако, он не был найден при делении детей, имеющих поражение теменной доли и не имеющих его или имеющих поражение правой височной доли или без него. Таким образом, эти данные показывают, что только левая височная доля и обе лобных доли существенны в этом возрасте при накоплении словаря.

Для оценки развития грамматики авторы воспользовались показателем «средняя длина трех самых длинных высказывания». Разброс данных был очень велик, но существенно, что число «отстающих» (16 из 29, или 55%) было значимо больше случайного. Анализ данных показал, что как и в случае со словарем при оценке развития грамматики только левая височная доля и обе лобных доли дают статистически значимые различия в этом возрасте.

Третье исследование, направленное на анализ развития грамматики у детей 19-44 месяцев, обнаружило, что только поражение левой височной доли представляет фактор риска для развития этой стороны речи.

Итак, эти данные свидетельствуют о важной роли правого полушария на раннем этапе овладения речью и дальнейшем левополушарном сдвиге. Большие трудности понимания речи у детей 10-17 месяцев Бейтс и коллеги [Bates et al. 1997] объясняют необходимостью «взломать код» (crack the code), для чего больше подходит правое полушарие с его большими возможностями к интеграции разнородной информации. Влияние именно поражения левой височной доли на овладение активным словарем и грамматикой можно интерпретировать как свидетельство того, что понимание речи с помощью функций правого полушария, достаточное для бытового общения и недостаточное для накопления словаря, организовано иначе, чем левополушарное. Это и вызывает отсутствие

лексического взрыва (ср. выше [Mills et al. 1997]). Мы обсудим это ниже.

Последняя группа данных выходит за рамки раннего речевого развития. Но мы хотим о ней рассказать, чтобы показать ту роль, которую продолжает играть правое полушарие и в речи дошкольников, и младших школьников и в речи взрослых. Мы имеем в виду организацию *контекста*, который позволяет сохранять целостность речевого высказывания.

В исследовании Т.В. Ахутиной, К.В. Засыпкиной и А.А. Романовой [Ахутина и др. 2009; Ахутина и др. 2010; Романова и др. 2009] приняли участие 63 ребенка от 5,2 до 7,11 лет с нормативным развитием. Проведенное нейропсихологическое обследование детей позволило обнаружить неравномерность развития их высших психических функций (о неравномерности см. [Ахутина, Пылаева 2008]) и разделить детей на 3 группы в соответствии с ведущей слабостью: передних отделов левого полушария (1 группа), задних отделов левого полушария (2 группа), правого полушария (3 группа). Дети составляли предложения по картинке и рассказы по серии картинок. При анализе смысловой стороны их ответов было выделено 2 вида ошибок: 1) смысловая неполнота предложений или текстов, 2) смысловое искажение содержания картинки, т.е. нарушение контекстной целостности. Так, если на картинке изображена ситуация «В трамвае мальчик уступает место старушке», ответ «Мальчик и бабушка едут в трамвае» оценивался как неполный по смыслу, а ответы «Он приглашает тётю в гости» или «Бабушка хочет дать мальчику пирожное» – как искажающие смысл, нарушающие контекстную целостность. Анализ результатов показал, что у детей первых двух групп с относительной слабостью функций левого полушария ведущими были ошибки по типу смысловой неполноты высказывания при сохранении цельности повествования. Дети с относительной слабостью правополушарных функций чаще затруднялись в сохранении смысловой цельности высказывания – им было трудно выводить достоверные смысловые заключения (inferences), их модели ситуации были непоследовательны

и мало реалистичны [Ахутина 2009]. Таким образом, наши данные позволили заключить, что *построение контекста*, то есть выделение смысловых связей субъектов и объектов описываемой ситуации, объединение их в модели ситуации и удержание смысловой цельности связаны с функциями правого полушария. А *построение текста* и, в частности, полнота смыслового содержания текста, связаны, прежде всего, с левополушарными функциями [Ахутина и др. 2009; Ахутина и др. 2010].

ОБСУЖДЕНИЕ И ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Различные разделы статьи объединяет новое общее понимание развития – от теории «возникновения ниш», объясняющей филогенез языка до развития социально-когнитивных предпосылок речи и речевых форм. Для всех подходов общим является понимание развития как «драмы» (Л.С. Выготский), как вероятностного взаимодействия биологических, средовых и социальных факторов, как нелинейных динамических систем с их ключевым признаком – самоорганизации (М. Томаселло, Э. Бейтс, Э. Телен, Е.А. Сергиенко).

Сквозной темой нашей статьи стало освоение прагматики речевого поведения. Мы начали статью с утверждений о том, как важно для становления человеческой коммуникации умение разделять намерения ее участников и что первой специфически человеческой формой коммуникации была жестовая речь [Tomasello 2011]. Открытие новых функций канонических и зеркальных нейронов позволило показать, каковы возможные механизмы совместных действий и намерений и подтвердило гипотезу о жестовом начале языка [Риццоллатти 2012]. Мы привели данные в пользу того, что к концу первого года жизни младенцы во многом овладевают этим умением и что важным средством его реализации является указательный жест [Tomasello 2011; Brooks, Kempe 2012: 14]. Использование жестов, совместное внимание, разделение намерений, т.е. первоначальное освоение прагматики речи – и все это мы должны связать с преимущественным участием правого полушария (по меньшей мере,

в этом возрастном периоде). Это вытекает из обнаруженного Э. Бейтс и сотрудниками большего отставания в *развитии жестов* и в *понимании речи* у младенцев 10-17 мес. с поражением правого полушария по сравнению с детьми с поражением левого полушария [Bates et al. 1997]. Можно предположить, что такие возможности правого полушария связаны с тем, что оно более приспособлено к переработке мультисенсорной информации и более тесно связано с лимбическими структурами, и что оно у младенцев, как у взрослых, участвует в мониторинге ситуации, в произвольном внимании и вызываемой им активации (о взрослых см. [Posner, Petersen 1989]). Такую трактовку подтверждают ранее приведенные данные о более раннем созревании правого полушария.

Левое полушарие, участвующее во всех перечисленных выше действиях, более эффективно при необходимости более точной координации движений, более точного анализа статических объектов. Можно думать, что оно является ведущим в 6-7 месяцев, когда предпочитается статический зрительный объект, подавляющий ответы на движение, причем с произвольным переключением перцептивной направленности, и когда дети проявляют интерес к разглядыванию, захвату и ощупыванию крошек [Сергиенко 2006: 114; Дубровинская и др. 2000: 73].

Из изложенных в статье фактов и их трактовок с позиций теории динамических систем вытекает, что ранние формы активации почти симметричны с легкой тенденцией к латеральным различиям. Однако дальнейшая настройка под воздействием генетических и средовых факторов приводит к более отчетливым формам латерализации (см., например, [Corbettta, Thelen 2002; Poeppel 2003]). При этом, усиление латерализации – не генерализованный процесс, оно имеет место в разное время в разных процессах, и было бы большим упрощением говорить о становлении левополушарной доминантности вообще безотносительно к тому, какие процессы и какой возраст имеется в виду. Так, в понимании речи в разном возрасте доминантны разные полушария, преобладают разные стратегии, что вытекает из данных

Э. Бейтс и соавторов [Bates at all 1997]. Рассмотрим вопрос о холистической и аналитической стратегиях в понимании речи более подробно.

При овладении пассивным словарем правое полушарие обеспечивает каждый раз отдельную целостную обработку нового слова, его общего облика и активно использует разные ключи для понимания слов. Левое полушарие, и прежде всего височная доля, обеспечивает фонематический анализ³, сравнивая новое слово с некоторыми общими формами слова. Последнее уточнение сделала Лиса Менн, сравнивая детей, овладевающих речью с помощью холистической и аналитической стратегии [Menn 1983]. Она обнаружила, что если ребенок использует холистическую стратегию, то в наборе его слов трудно найти закономерности. Чаще же ребенок идет по второму пути. Он начинает с метода проб и ошибок, набирая первые слова по одному (item based), обе стратегии работают совместно. Затем часть из этих слов начинает обрастать аналогичными по слоговой структуре словами. С этого момента ребенок обладает определенным (постепенно пополняющимся) набором канонических форм, представляющих собой последовательность архифонем (частично определенных фонем) с заданными границами их варьирования. «Генерирование слова, принадлежащего к канонической форме, происходит в два этапа. На первом актуализируются каноническая форма и значения переменных параметров из внешнего лексикона, на втором осуществляется вставка этих значений в артикуляторную программу, определяемую канонической формой» (см. [Menn 1983: 33; Ахутина 1989: 119]). Такое производство слова (фрейм+слот) требует четкой дифференциации функций разных отделов мозга и их сложной интеграции – к этому более приспособлено левое полушарие, без его участия лексический взрыв не происходит.

Дети могут осваивать грамматические структуры также «по одной» (item based), это отчетливо показано в книге М. Томаселло [Tomasello 2003], но далее «дети имеют тенденцию использовать повторно знакомые структуры в слегка измененном виде, а не строить новую структуру с нуля. Дети начинают вставлять разные слова в слоты разных слово-специфичных формул, что позволяет им продуктивно строить новые высказывания» [Brooks, Kempe 2012: 103]. Имитация конструкций по подобию может происходить с помощью холистической стратегии, но полноценное овладение фрейм+слот механизмом предполагает участие левого полушария. Косвенным свидетельством в пользу этого утверждения могут быть следующие данные. При анализе понимания активных и пассивных конструкций с прямым и обратным порядком слов у русских и немецких детей 3-5 лет была обнаружена отчетливая перестройка на учет порядка слов в 4 года и учет и порядка слов и грамматических окончаний в 5 лет. Эта перестройка была интерпретирована как переход от холистической стратегии к левополушарной аналитической стратегии, еще не совершенной в 4 года и более совершенной в 5 лет [Ахутина и др. 1988; Ахутина 1989: 170–173].

Вернемся к анализу прагматики. Учет контекста, который на раннем этапе был необходим для становления понимания речи, у взрослых включается в совершаемые при участии внутренней речи процессы программирования высказывания или осмысления услышанного или прочитанного. Построение совместной модели ситуации (контекста) одинаково необходимо для успешного понимания или построения высказывания. Анализ ранних этапов освоения речи помогает четче понять происхождение этой составляющей в организации речи у взрослых (подробнее см. [Ахутина, Засыпкина, Романова 2010]).

³ Роль фонематического анализа в развитии речи у детей была понята еще Выготским. Делая 27.01.1934 г. разбор клинического случая, Выготский выделяет в качестве первичного дефекта отставания развития речи у ребенка «фонологическое нарушение» – «усвоение звуков речи не структурно, отсюда заучивание всех слов происходит наново». Запись разбора и доклада «Анализ детских афазий», сделанная А.Р. Лурией, сохранилась в его архиве [цит. по Ахутина 1999].

Список литературы

1. Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. – М., 1989.
2. Ахутина Т.В. Роль правого полушария в построении текста // Психоллингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI Международный симпозиум по психоллингвистике и теории коммуникации // Под ред. Е.Ф. Тарасова. – М., 2009.
3. Ахутина Т.В. Роман Якобсон и русская нейролингвистика // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. – М., 1999.
4. Ахутина Т.В., Величковский Б.М., Кемпе В. Семантический синтаксис и ориентация на порядок слов в онтогенезе. // Семантика в речевой деятельности / Под ред. А.М. Шахноровича. – М., 1988.
5. Ахутина Т.В., Засыпкина К.В., Романова А.А. Анализ смысловой стороны речи у детей 5-7 лет с точки зрения концепции речемышления Л.С. Выготского // Система языка и языковое мышление / Под ред. Е.Ф. Кирова и Г.М. Богомазова. – М., 2009.
6. Ахутина Т.В., Засыпкина К.В., Романова А.А. Текст и контекст: роль левого и правого полушарий мозга в построении высказывания // Четвертая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: В 2 т. – Томск, 2010.
7. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. – СПб., 2008.
8. Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития. – М., 2000.
9. Бикертон Д. Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей. М., 2012.
10. Выготский Л.С. Проблемы общей психологии. Собр. соч. Т.2. – М., 1982.
11. Выготский Л.С. Проблемы развития психики. Собр. соч. Т.3. – М., 1983.
12. Гольберг Э., Коста Л.Д. Нейроанатомическая асимметрия полушарий мозга и способности переработки информации // В сб. «Нейропсихология сегодня» / Под ред. Е.Д. Хомской. – М., 1995.
13. Дубровинская Н.В., Фарбер Д.А., Безруких М.М. Психофизиология ребенка. – М., 2000.
14. Исенина Е.И. Дословесный период развития речи у детей. – Саратов, 1986.
15. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. – СПб., 2008.
16. Леушина Л.И., Невская А.А., Павловская М.Б. Сравнительное исследование закономерностей зрительного опознания в правом и левом полушариях // Сенсорные системы: Сенсорные процессы и асимметрия полушарий. – Л., 1985.
17. Лингвистический энциклопедический словарь. <http://tapemark.narod.ru/les/389e.html>.
18. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. – М., 1973.
19. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека (дополненное издание). – СПб., 2008.
20. Мещерякова С.Ю. Комплекс оживления / Большой психологический словарь // Под ред. Б.Г. Мещерякова и В.П. Зинченко. – СПб., 2007.
21. Московичюте Л.И. Асимметрия полушарий мозга на уровне коры и подкорковых образований // I Международная конференция памяти А.Р. Лурия / Под ред. Е.Д. Хомской, Т.В. Ахутиной. – М., 1998.
22. Риццоллатти Дж., Синигалья К. Зеркала в мозге: о механизмах совместного действия и сопереживания. – М., 2012.
23. Романова А.А., Засыпкина К.В., Ахутина Т.В. Как дети 5-7 лет передают смысл картинок? // Аутизм и нарушения развития. 2009. № 3.

24. *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М., 2006.
25. *Tomasello M.* Истоки человеческого общения. М., 2011.
26. Улингс Х.Б., Боголепова И.Н., Малофеева Л.И. Некоторые особенности строения правого и левого полушарий мозга человека // I Международная конференция памяти А.Р. Лурия / Под ред. Е.Д. Хомской, Т.В. Ахутиной. М., 1998.
27. *Akhutina, T.V., Pylaeva, N.M.* Overcoming learning disabilities. N.Y., 2012.
28. *Aziz-Zadeh L., Koski L., Zaidel E., Mazziotta J., Iacoboni M.* Lateralization of the Human Mirror Neuron System // *Journ. Neurosci.* 2006. Vol. 26. № 11.
29. *Bates E., Camaioni L., Volterra V.* The acquisition of performatives prior to speech // *Merrill-Palmer Quarterly.* 1975. Vol. 21. № 3.
30. *Bates E.* Language and Context: the Acquisition of Pragmatics. N.Y., 1976.
31. *Bates E., Thal D., Trauner D., Fenson J., Aram D., Eisele J. et al.* From first words to grammar in children with focal brain injury // *Developmental Neuropsychology.* 1997. Vol. 13.
32. *Bates E., Thal D., Finlay B.L., Clancy B.* Early language development and its neural correlates // *Handbook of neuropsychology / F. Boller, J. Grafman (Series Eds.), S.J. Segalowitz, I. Rapin (Vol. Eds.).* Amsterdam, 2003. Vol. 8. Part II.
33. *Beeman M.* Coarse semantic coding and discourse comprehension // *Right Hemisphere Language Comprehension: Perspectives from Cognitive Neuroscience / Ed. by Beeman M., Chiarello C. Erlbaum,* 1998.
34. *Bever, T.G.* Cerebral asymmetries in humans are due to the differentiation of two incompatible processes: Holistic and analytic // *Ann. N.Y. Acad. Sci.* 1975. Vol. 263.
35. *Bogolepova I.N., Malofeeva L.I.* Characteristics of the development of speech motor areas 44 and 45 in the left and right hemispheres of the human brain in early post-natal ontogenesis // *Neuroscience and Behavioral Physiology.* 2001. Vol. 31. № 4.
36. *Bradshaw J.L., Nettleton N.C.* The Nature of Hemispheric Specialization in Man // *The Behavioral and Brain Sciences.* 1981. Vol. 4.
37. *Brooks P. J., Kempe V.* Language development. Chichester, 2012.
38. *Brooks R., Meltzoff A.N.* The Development of Gaze Following and its Relation to Language // *Development of Science.* 2005. № 8.
39. *Bruner J.* Child's talk. N.Y., 1983.
40. *Carpenter M., Nagell K., Tomasello M.* Social cognition, joint attention, and communicative competence from 9 to 15 months of age // *Monographs of the Society of research in child development.* 1998. Vol. 63. № 4.
41. *Chater N., Christiansen M.H.* Language acquisition meets language evolution // *Cogn. Sci.* 2010. Vol. 34.
42. *Chiron C., Jambaque I., Nabbout R., Lounes R., Syrota A., Dulac O.* The right brain hemisphere is dominant in human infants // *Brain.* 1997. Vol. 120.
43. *Corbettta D., Thelen E.* Behavioral fluctuations and the development of manual asymmetries in infancy: contribution of the dynamic systems approach. // *Handbook of Neuropsychology / Ed. by S.J. Segalowitz, I. Rapin.* Amsterdam, 2002. Vol. 8. Part 1.
44. *Deacon T.W.* The symbolic species: The co-evolution of language and brain. N.Y., 1997.
45. *Dehaene-Lambertz G., Montavont A. et al.* Language or Music, Mother or Mottart? // *Brain and Language.* 2009. Vol.114.
46. *Eimas P.D., Siqueland E., Juczuk P., Vigorio J.* Speech perception in infants // *Science.* 1971. Vol. 171.
47. *Elman J., Bates E., Johnson M., Karmiloff-Smith A., Parisi D., Plunkett K.* Rethinking Innateness – A Connectionist Perspective on Development. –Cambridge, 1996.

48. Franz E.A., Gillett G. John Hughlings Jackson's evolutionary neurology: a unifying framework for cognitive neuroscience // *Brain*. 2011. Vol. 34. № 10.
49. Galuske R.A.W., Schlote W., Bratzke H., Singer W. Interhemispheric asymmetries of the modular structure in human temporal cortex // *Science*. 2000. Vol. 289. № 5486.
50. Hutsler J., Galuske R.A.W. Hemispheric asymmetries in cerebral cortical networks // *Trends in Neurosciences*. 2003. Vol. 26. № 8.
51. Jakobson R. *Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze*. Uppsala, 1941.
52. Kuhl P.K., Meltzoff A.N. Speech as an Intermodal Object of Perception // *Perceptual Development in Intensity* / Ed. by A. Yonas. N.Y., 1988. Vol. 20.
53. Mehler J., Christophe A. Motoration and Learning of Language in the First-year Life // *The Cognitive Neuroscience* / Ed. by M.S. Gazzaniga. Cambridge, 1995.
54. Menn L. Development of articulatory, phonetic, and phonological capabilities // *Butterworth, Language production*. London. 1983. Vol. 2.
55. Mills D.L., Coffey-Corina S.A., Neville H.J. Language comprehension and cerebral specialization from 13-20 months // *Developmental Neuropsychology*. 1997. Vol. 13. № 3.
56. Molfese D.L., Freeman R.B., Palermo D.S. The ontogeny of brain lateralization for speech and nonspeech stimuli // *Brain and Language*. 1975. Vol. 2.
57. Nelson K. *Making sense: The acquisition of shared meaning*. N.Y., 1985.
58. Nelson K. *Language in cognitive development*. N.Y., 1996.
59. Nettle D. Language and genes: A new perspective on the origins of human cultural diversity // *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA*. 2007. Vol. 104.
60. Neville H.J., Bavelier D. Specificity and plasticity in neurocognitive development in humans // *Brain Development and cognition. A Reader* / Ed. by M.H. Johnson, Y. Munakata, R.O. Gillmore. Oxford, 2002.
61. Njiokiktjien Ch., Verschoor C.A. Tan's Metamorphosis Concept of speech-language development // *Cognitive neuroscience forum*. 2007. Vol. 2. № 2.
62. Odling-Smee F.J., Laland K.N., Feldman M.W. Niche construction: The neglected process in evolution // *Monographs in Population Biology*. Princeton, N.J., 2003. Vol. 37.
63. Poeppel D. The analysis of speech in different temporal integration windows: cerebral lateralization as asymmetric sampling in time // *Speech Communication*. 2003. Vol. 41.
64. Posner M.I., Petersen S.E. *The Attention System of the Human Brain* // *Annals of Neuroscience*. 1989
65. Richerson P.J., Boyd R. *Not by genes alone: How culture transformed human evolution*. Chicago, 2004.
66. Richerson P.J., Boyd R. Why possibly language evolved // *Biolinguistics*. 2010. Vol. 4.
67. Saffran J.R., Aslin R.N., Newport E.L. Statistical learning by 8-month-olds // *Science*. 1996. Vol. 274.
68. Spelke E.S. Perception of unity persistence and identity: thoughts on infants's conceptions of objects // *Neonate cognition*. N.Y., 1985.
69. Sperry R.W. Lateral specialization in the surgically separated hemispheres. // *The neurosciences: Third study program*. Cambridge, 1974.
70. Striano T., Reid V.M., Hoehl S. Neural mechanisms of joint attention in infancy // *European Journ. of Neurosci*. 2006. Vol. 23.
71. Striano T., Rochat P. Emergence of selective social referencing in infancy // *Infancy*. 2000. Vol. 1, № 2.
72. Thelen E., Bates E. Connectionism and dynamic systems: are they really different? // *Developmental Science*. 2003. Vol. 6. № 4.

73. *Tomasello M.* The social bases of language acquisition // *Social Development*. 1992. Vol. 1. № 1.
74. *Tomasello M.* *Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition.* Cambridge, 2003.
75. *Tomasello M.* *Why we cooperate.* Cambridge, 2009.
76. *Vygotsky L.* *Mind in society: The development of higher psychological processes* / Ed. M. Cole. Cambridge, 1978.

Псих

Уфимцева Н.В.

УДК 81'23

ИДЕИ Ф. ДЕ СОССЮРА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОЧТЕНИИ¹

Статья представляет собой попытку психолингвистического прочтения основных идей Ф. де Соссюра, их применимости к анализу языковой картины мира и роли в таком анализе понятий «значение» и «значимость».

Ключевые слова: знак, язык как система знаков, язык как деятельностьная структура, языковая картина мира, модель, значимость/ценность, системно-целостный принцип

Nataliya V. Ufimtseva

ИДЕИ Ф. ДЕ СОССЮРА В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОЧТЕНИИ

The article is an attempt of psycholinguistic reading of the basic ideas of F. de Saussure, their applicability to the analysis of the language picture of the world and the role in such an analysis the concepts of «meaning» and « value/ importance».

Key words: sign, language as a system of signs, language as an activity structure, language picture of the world, the model, the value/ importance, the systemic and holistic principle

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов: НШ-3661.2012.6; РГНФ № 12-04-12059в.; 12ВУУ143 (Китай).

Курс общей лингвистики Ф. де Соссюра, вышедший в 1915 году благодаря трудам Ш. Балли и А. Сеше, определил на много десятилетий магистральное направление развития лингвистической науки в XX столетии. Завершающие слова этого курса – «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя» [Соссюр 1977: 268], которые самому Соссюру не принадлежат, и, по выражению А.А. Холодовича, их «следует целиком оставить на совести издателей» [Холодович 1977: 18], до сих пор воспринимаются многими лингвистами как незыблемая истина. Это направление лингвистических исследований, которое рассматривает язык как объективную систему, наивысшее свое проявление получило в структурализме, и, по мнению А.В. Вдовиченко, его абсолютное господство закончилось в середине XX века [Вдовиченко 2008].

В середине же XX века на научной арене появилось новое научное направление – психолингвистика, которую можно рассматривать в качестве реакции определенной части научного сообщества как раз на неспособность структурализма в его крайней форме повернуться лицом к человеку говорящему, понимающему. Попробуем рассмотреть основные идеи Ф. де Соссюра с позиций достижений отечественной психолингвистики.

Начнем с центрального в учении Ф. де Соссюра – с представления о знаке и о языке как о системе знаков. И для начала процитируем самого Ф. де Соссюра, который писал: «В лингвистике объект вовсе не определяет точки зрения; напротив, можно сказать, что здесь точка зрения создает самый объект» [Ф. де Соссюр 1977: 46]. Попробуем рассмотреть язык как объект психолингвистики, опираясь на идеи Ф. де Соссюра. Его «Курс общей лингвистики» это вполне допускает, поскольку сам является результатом своего рода эксперимента на понимание, а понимание, как известно – это творческий процесс и зависит не только от воспринимаемого текста, но и от знаний, которыми располагают

интерпретаторы. По Ф. де Соссюру «язык... – это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти компонента знака в равной мере *психичны* (выделено нами – Н.У.)» [Ф. де Соссюр 1977: 53]. «Языковой знак есть... двусторонняя *психическая* сущность» (выделено нами – Н.У.) [Там же: 99]. Кроме того эта система знаков выражает понятия, и, следовательно, является наиважнейшей из семиотических систем, существующих в обществе. А семиологию, т.е. науку о знаках, Ф. де Соссюр видел как часть социальной психологии, и, тем самым, общей психологии. И тут можно опять вспомнить утверждение Ф. де Соссюра, что «естественной для человека является не речевая деятельность как говорение (*langage parlé*), а способность создавать язык, т.е. систему дифференцированных знаков, соответствующих дифференцированным понятиям» [Ф. де Соссюр 1977: 49].

Итак, языковой знак по Соссюру – это психическая сущность и «естественной для человека является способность создавать язык». Что же по этому поводу говорит нам современная психолингвистика? Так ли это, и если так, то как это происходит? По мнению Ж. Пиаже появление языка у ребенка подготавливается развитием сенсомоторного интеллекта, который проходит несколько стадий (см. об этом подробно: [Пиаже 1983; Уфимцева 2012: 81–107]). Знак появляется, когда у ребенка формируется способность мыслить некоторую вещь, которая не воспринимается непосредственно, т.е. возникает представление. Именно в этот момент и появляется символическая, или семиотическая, функция, которая формируется в течение второго года жизни ребенка. Язык же, по представлению Ж. Пиаже, возникает на базе семиотической функции, но является лишь частным ее случаем и случаем, весьма ограниченным во всей совокупности проявлений символической функции.

Гипотеза Ж. Пиаже состоит в том, что «условия возникновения языка составляют часть более широкой совокупности (условий), интеллекта» [Piaget 1979: 250]. Иссле-

дования А. Валлона, Л.С. Выготского и др. подтверждают эти слова.

Принципиальным моментом для формирования языковой способности, да и всей человеческой психики, является овладение ребенком в онтогенезе семиотической функцией, т.е. знаком, поскольку знания, которые «вычерпываются» сознанием из предметов реальной действительности в процессе деятельности с ними для своего хранения и передачи требуют материальных носителей, т.е. тел языковых и неязыковых знаков. Возможность взаимопонимания основывается именно на семиотической функции языка, и определяется общностью знаний носителей данной культуры. Тело знака указывает на сходные для носителей культуры значения, которые они усвоили в процессе социализации и должны извлечь из собственной памяти, и мера взаимопонимания определяется мерой сходства этих значений. Таким образом, знак оказывается главным и самым важным человеческим орудием, которое позволяет войти ребенку в мир конкретной человеческой культуры и сформировать свою личность; той пуповиной, которая связывает индивида с его родной культурой. Говоря словами Соссюра, «способность (безразлично, естественная она или нет) артикулировать слова осуществляется лишь с помощью орудия, созданного и предоставляемого коллективом. Поэтому нет ничего невероятного в утверждении, что единство в речевую деятельность вносит язык» [Ф. де Соссюр 1977: 49]. (т.е. знак, а точнее – значение).

Говорит Ф. де Соссюр и о языковой способности, указывая, что «над деятельностью различных органов существует способность более общего порядка, которая управляет этими знаками и которая и есть языковая способность по преимуществу» [Ф. де Соссюр 1977: 49]. В отечественной психолингвистике эта идея получила свое развитие в работах, в частности, А.А. Леонтьева (см. [Леонтьев 1965]).

Идея системности языка – основополагающая для Ф. де Соссюра, вне всякого сомнения, остается таковой и для психолингвистических исследований, правда, с

одной очень существенной оговоркой: эта системность рассматривается исходя из представлений о языке как о деятельностной структуре, как о средстве общения и всегда с позиций носителя языка, т.е. пользователя (с позиций системно-целостного подхода по А.Ф.Лосеву). Язык как деятельностная структура, по словам А.А.Леонтьева, это:

- значения как социальные по своей сущности единицы;
- универсальная организация речевой деятельности по единицам и уровням;
- специфические для каждого языка операторы (непосредственные средства речепорождения и восприятия) [А.А.Леонтьев 1996: 42].

Язык можно рассматривать и как практическое... действенное сознание, и тогда сознание соотносено с языком как с социальной системой, частью опыта данной нации. Язык ни демиург сознания, ни его содержание, а лишь то, в чем и при помощи чего сознание существует. Осознание возникает только через обозначение словом, через наименование, следовательно, как правило, осознается развернутая речь «или, в лучшем случае, те ее предстации, когда формализуемые надидивидуальные объективные значения, находящиеся *in statu nascendi*, уже заметно оттесняют породившие их некоммуницируемые смыслы. Невербализованный же еще смысл не может быть осознан, ибо для того, чтобы он был осознан, он должен быть «назван», обозначен словом, а в таком случае он перестает быть «чистым» смыслом и превращается в элемент развернутой речи» [Бассин др. 1978: 40].

И опять процитируем Ф. де Соссюра, который пишет, что «язык можно также сравнить с листом бумаги. Мысль – это лицевая сторона, а звук – оборотная; нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную. ... Лингвист, следовательно, работает в пограничной области, где сочетаются элементы особого рода; *это сочетание создает форму, а не субстанцию*» [Ф. де Соссюр 1977: 145]. Как здесь не вспомнить Н.И. Жинкина, с точки зрения которого при-

вычный для лингвиста язык состоит из двух языков: внутреннего, концептуального, на котором осуществляется работа интеллекта, не имеющего отношения ни к какому конкретному этническому языку, и внешнего, формального, предназначенного для общения с другими носителями той же культуры. Их совместное функционирование образует тот феномен, который Н.И. Жинкин называет сознанием [Жинкин 1982: 141]. Внешний язык формален, поскольку его функцией является установление только правил речи, но не ее содержания. Концептуальность внутреннего языка выражается в том, что «совокупность определенных содержательных компонентов принимается как целое, приобретая специфическое качество целостности» [Жинкин 1982: 147].

Переходим, наконец, к самой интересной для нас идее Ф. де Соссюра – его представлению о значении и значимости, которая вытекает из произвольности знака и создается, по его мнению, только социальной жизнью. «Для установления значимостей необходим коллектив; существование их оправдывает только обычай и общее согласие; отдельный человек сам по себе не способен создать вообще ни одной значимости.

Определенное таким образом понятие языковой значимости показывает нам, кроме того, что взгляд на член языковой системы как на простое соединение некоего звучания с неким понятием является серьезным заблуждением. Определять подобным образом член системы – значит изолировать его от системы, в состав которой он входит; это ведет к ложной мысли, будто возможно начинать с членов системы и, складывая их, строить систему, тогда как на самом деле надо, отправляясь от совокупного целого, путем анализа доходить до составляющих его элементов» [Ф. де Соссюр 1977: 148].

В качестве репрезентанта единицы языка Соссюр предлагает оперировать словами, хотя слово, по его мнению, «и не подходит в точности под определение языковой единицы» [Там же: 148]. Значимость слова предполагает, по мнению Соссюра, его свойство репрезентировать понятие, и «в кон-

цептуальном аспекте ... есть элемент значения» [Там же: 146]. Но возникает она лишь «в отношении соответствия» с другими знаками языка. За пределами языка значимость Соссюр именует ценностью и определяет ее следующим образом. «В самом деле, для того, чтобы было возможно говорить о ценности, необходимо:

1) Наличие какой-либо *непохожей* вещи, которую можно *обменивать* на то, ценностью чего подлежит определению;

2) Наличие каких-либо *сходных вещей*, которые можно *сравнивать* с тем, о ценности чего идет речь.

Оба эти фактора необходимы для существования ценности» [Там же: 147–148].

Понятие значимости, по мнению Соссюра, распространяется на любые явления языка, в том числе и на грамматические категории. Рассмотрим это на примере падежной системы русского языка (см. об этом подробно [Уфимцева 1976]).

Если мы обратимся к тому, как ребенок овладевает языком, то увидим, что последовательность появления падежей в речи ребенка такова:

Именительный, Винительный, Родительный, Дательный, Предложный, Творительный. В особую группу можно выделить наиболее частотные Именительный и Винительный и примыкающий к ним Родительный.

При затруднениях в изменении слова на месте форм косвенных падежей появляется форма Именительного.

Распад падежной системы (при афазии) влечет за собой утрату в первую очередь тех падежей, которые усваиваются в процессе овладения языком позднее. Сохранным же, помимо Именительного (который является исходной формой слова), остается только Винительный — падеж объекта действия. Распад синтаксической схемы высказывания ведет в самых тяжелых случаях к так называемому «телеграфному стилю» речи, когда практически утрачиваются все языковые способы выражения различных отношений, и все слова выступают в своих исходных формах, или схема высказывания

сводится к простейшим структурам P–O и S–P–O, в которых появляется противопоставление Именительного и Винительного падежей.

В случаях же отсутствия грамматического оформления практически все склоняемые слова употребляются в Именительном падеже.

Именительный падеж по данным: нормы, усвоения языка нормальными и глухонемыми детьми и афазий, – является доминирующей (в количественном отношении) формой и явно занимает в парадигме особое положение: с него начинается усвоение падежной системы; он шире всех остальных падежей выступает заменой любого другого косвенного падежа, как в норме, так и в патологии; дифференциация форм одного значения осуществляется на основе ориентировки на форму Именительного падежа, которая служит сигналом употребления соответствующего окончания в косвенном падеже; при затруднениях в изменении слова на месте форм косвенных падежей появляется форма Именительного, наконец, в тяжелых случаях распада речи при афазии единственной употребляемой формой существительного остается Именительный падеж (см. об этом подробно [Уфимцева 1976]). Это свидетельствует об особой значимости Именительного падежа с точки зрения носителя языка.

А теперь рассмотрим значение/значимость применительно к модели языковой картины мира носителя языка. Сначала опять дадим слово Ф. де Соссюру, который писал: «Если бы мы были в состоянии охватить сумму всех словесных образов, накопленных у всех индивидов, мы бы коснулись той социальной связи, которая и образует язык. Язык – это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу» [Ф. де Соссюр 1977: 52]. Отечественная психолингвистика, а точнее московская психолингвистическая школа уже в течение почти сорока лет занимается изучением обыденного (профанного) языкового сознания носителей русского языка и его моделирования и в

определенной мере решила задачу, которую сформулировал Ф. де Соссюр, вплотную подойдя к сопоставительному описанию языковых картин мира.

Но прежде вслед за А.Ф. Лосевым сделаем несколько замечаний о том, что такое модель и структура в лингвистике. И будем исходить из того, что «всякая формальная... структура и модель языка по своей природе всегда коммуникативная», и «все формальные структуры и модели будут для нас структурами и моделями только одного, а именно разумно-человеческого общения» [Лосев 2004: 34]. Отсюда следует вывод, что главное, для чего нужна такая модель, – это исследование языкового содержания. По мнению А.Ф. Лосева, идеальной моделью «целесообразно называть ту, которая рисует нам материальную действительность, но без материального ее конструирования. Такова знаковая модель, когда знаки сами по себе не имеют ничего общего с обозначаемым оригиналом, но когда они даны в таком структурном расположении, что операции над ними дают возможность проникать в материальную действительность и теоретически и практически» [Лосев 2004: 18]. Под моделью А.Ф. Лосев понимает «воплощение определенной структуры на том или ином материале, в том или ином субстрате», поскольку «общая и, можно сказать, тождественная организация оригинала и модели есть структура того и другого» [Там же: 27].

Вернемся к отечественной психолингвистике. Введенное для изучения (моделирования) языковой картины мира понятие «языковое сознание» (см. [Тарасов 1996]), синонимичное психологическому понятию «образ мира», позволило впервые построить реальную модель языковой картины мира носителя языка, отвечающую системно-целостному принципу, и исследовать содержание языкового сознания носителей разных языков и культур.

Под такой моделью я имею в виду ассоциативно-вербальную сеть (т.е. неполно связанный, ориентированный граф со взвешенной частотой), построенную по резуль-

татам массовых ассоциативных экспериментов для носителей русского языка. Этот граф имеет 103 000 тысячи разных вершин, т.е. разных слов, которые входят в эту сеть. Количество испытуемых (респондентов), которые «поделились» с нами фрагментами своего языкового сознания, составляет 6600 человек – это студенты разных специальностей с родным языком русским в возрасте от 17 до 25 лет, проживающие в разных регионах Российской Федерации, эксперимент проводился в конце XX века. (см. сайт в Интернете: <http://trytoimagine.org:3001>, на котором можно ознакомиться с электронной версией Русского ассоциативного словаря и возможностями его анализа). Для Русского ассоциативного словаря 2, экспериментальный материал для которого мы начали собирать в 2008 году, данные получены уже от 15000 испытуемых – носителей русского языка примерно того же возраста и той же социальной группы.

Почему полученную таким способом ассоциативно-вербальную сеть можно рассматривать в качестве модели языковой картины мира носителя того или иного языка/культуры?

Во-первых, это модель, описывающая опыт носителя языка как создателя и потребителя текстов и отражающая структуру «разумно-человеческого общения» (А.Ф. Лосев). По нашему мнению, тем самым она отражает и весь предыдущий речевой и неречевой опыт носителя языка.

Во-вторых, эта модель имеет системно-целостный характер, общий с языковой картиной мира носителя языка, поскольку организована с точки зрения значимости/ценности тех или иных элементов в общей их иерархии. Для анализа этого аспекта модели вводится понятие ядра языкового сознания, в котором выделяется центр ядра и указывается ранг каждого входящего в него элемента.

В-третьих, ассоциативно-вербальная сеть строится на материале любого языка при наличии достаточно большого количества данных, полученных в ассоциативных экспериментах.

В-четвертых, ассоциативно-вербальная сеть не строится искусственно, она просто «выводится» из материала, в котором имплицитно содержится, а значит, отражает структуру, объективно присущую языковой картине мира наивного (профанного) носителя языка, культуре как системе сознания, поскольку мир презентирован отдельному человеку через систему предметных значений, как бы «наложенных» на восприятие этого мира. И каждой культуре свойственна своя система организации элементов опыта, которые сами по себе не всегда являются уникальными и повторяются во множестве культур. Уникальной же является именно система организации элементов опыта, т.е. их значимость.

Организуя для такой модели в целом и для каждого ее отдельного фрагмента является принцип значимости Ф. де Соссюра. Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети имеет и значение и значимость одновременно. Именно это свидетельствует о том, что он входит в систему, и его значимость (ценность) определяется исходя именно из системы как целого. Впервые лингвист имеет возможность реально наблюдать взаимодействие и взаимозависимость значения и значимости как в пределах всей ассоциативно-вербальной сети, так и в рамках отдельного ассоциативного поля и их изменения в зависимости от изменений, происходящих в социуме.

Приведем несколько примеров.

Ассоциативное поле слова-стимула **Я** в Русском ассоциативном словаре [РАС 2002, материалы собирались в 1988-1998 гг.] включает следующие слова-реакции (указаны все кроме единичных):

Ты 77, человек 62; студент 21; я 18; мы 17; личность, он 16; сам 13; люблю, студентка, это я 11; и ты, учусь 8; иду, хороший 7; женщина 6; девушка, дурак, живу, кто, не я, никто, пишу, сама, свинья, устал, хорошая, хочу 4; знаю, умница, учитель 3; большая, вопрос, вселенная, гений, думаю, жду, инженер, и она курсант, Люда, май, могу, молодец, не люблю, нечто, одна, они, оптимистка, пришел, самая, Света, семья,

сизжу, смотрю, такой, ушел, хороший человек, эгоист 2.

Ассоциативное поле того же слова-стимула **Я**. (Электронная База данных для Европейской части РФ, РАС 2, материалы собирались в 2008-2011 гг.).

человек 59; личность 33; девушка, ты 13; студент 10; студентка, я 7; люблю, он, хороший 6; хорошая 5; лучшая, мы, самая 4; лучший, молодец, умный 3; бог, буква, десантник, добрый, друг, есть, живу, жизнь, и всё, индивидуальность, король, красавица, крут, я, кто, курсант, лучшие всех, любимая, мама, пришел, сам, сок, такая, умная 2.

Как мы видим, ассоциативное значение слова **Я** изменилось, и это изменение есть изменение прежде всего значимости отдельных его элементов, таких как *человек, личность и ты* и других. *Ты* с первой позиции переместилось на четвертую, потеряв в частотности (с 77 в РАС до 13 в РАС 2), а слово-реакция *личность* повысило свой ранг, переместившись с шестой позиции на вторую, и удвоило свою частоту (с 16 до 33).

Посмотрим, связаны ли эти изменения в структуре ассоциативного значения слова-стимула **Я** с его позицией в ядре языкового сознания носителей русской культуры. Рассмотрим часть ядра, условно названную нами «Персоналии».

Русские (РАС)	Русские (РАС 22)
1 человек 1404	1 человек 510
9,5 друг 565	8 друг 244
9,5 дурак 565	10 я 216
12,5 мужчина 438	15 мужчина 182
19 ребенок 413	19,5 ребенок 172
27 парень 368	28 парень 160
36 я 347	35,5 люди 147
42 женщина 321	42,5 дурак 132
46,6 мальчик 308	56 враг 120
49 девушка 302	66 мальчик 114
50 мужик 301	70 студент 111
62 муж 272	70 народ 111
71,5 он 258	75,5 девушка 108

² Цифра перед словом указывает на его ранг в ядре языкового сознания, цифра после – на количество разных слов, с которыми оно связано во всей ассоциативно-вербальной сети.

Изменения, которые произошли в структуре ассоциативного поля слова-стимула **Я**, не случайны, и являются отражением тех изменений, которые произошли в структуре самого ядра языкового сознания носителей русской культуры за последние 10-12 лет. Ранг **Я** изменился с 36-го в РАС на 10-й в РАС 2, следовательно, его значимость повысилась и, скорее всего, это связано с повышением ценности личности в картине мира современных носителей русской культуры. Вместе с тем упала и значимость **ДУРАКА**, который переместился с 9,5 места в ядре языкового сознания на 42,5. Эти изменения не зависят от языка, они с помощью языка лишь фиксируются.

Рассмотрим еще один пример – ассоциативное поле (АП) слова-стимула **ДОКТОР**, представленное в виде отдельного графа. Как мы видим, в АП выделяются два крупных фрагмента, соответствующих определенным значениям: доктор – 1) врач (медицина), 2) человек, занимающийся наукой и наука, ее конкретные области и ее атрибуты. Опираясь на указанные частоты слов-реакций можно определить значимость того или иного значения в пределах ассоциативного поля для носителя языка (см. Схема 1).

Эти примеры показывают нам, что именно системно-целостный принцип является плодотворным при анализе языковой картины мира, поскольку реальные значение и значимость можно выявить только применительно к некоторой системе как целостности. И только в отечественной психолингвистике накоплен достаточно большой экспериментальный материал, чтобы плодотворно применять системно-целостный принцип к анализу языковой картины мира.

Проделанный нами анализ основных идей Ф. де Соссюра показывает их значимость и для современной психолингвистики и возможность их использования в исследованиях языковой картины мира.

УДК 81,33:159,95

И.С. Башкова, И.Г. Овчинникова

НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БИЛИНГВИЗМА

В статье обсуждается теория билингвизма в глобальном мире, развивающегося под влиянием телекоммуникаций. Характеризуются особенности мозгового обеспечения речевой деятельности на разных языках в условиях учебного двуязычия и при естественном билингвизме. Нейропсихологическая характеристика билингвизма дается с учетом как коннекционистской концепции, так и с позиций генеративистики и конструктивизма.

Ключевые слова: учебное двуязычие, естественный билингвизм, пластичность мозга, межъязыковая интерференция.

Irina S. Bashkova, Irina G. Ovchinnikova

NEUROPSYCHOLOGICAL ASPECTS OF BILINGUALISM

Bilingualism is an important peculiarity of the communication in the Global World. Bilingualism becomes widespread in every day communication, in the business communications and in the Internet. Neuropsychology of bilingualism are discussed according to the connectionist theory and generativism as well. The difference in the language storage and processing between early bilinguals and second language learners deals with the brain plasticity and involving the limbic system in the lexical choice and lexical decision task.

Key words: second language acquisition, bilingualism, brain plasticity, cross-language interference.

Нейропсихология билингвизма в последние десятилетия стала одной из наиболее обсуждаемых тем в когнитивной науке. Причиной тому как широкое распространение многоязычия, так и накопленный эмпирический материал о представлении языков в сознании билингва. Массовость билингвизма, обыденность одновременного использования нескольких языков в коммуникации дает возможность изучать такого рода общение в различных коммуникативных сферах и социальных стратах. Помимо социальной вариативности билингвизма в фокус внимания исследователей попала и собственно лингвистическая вариативность. Развитие нейропсихологических методов обследования речевого поведения и доступность инструментальных методов фиксации активности мозга при решении билингвами проблем выбора языка и планирования общения позволили выявить ранее неизвестные механизмы мозга, обеспечивающие речевую деятельность человека, говорящего на нескольких языках. Важность нейропсихологической характеристики билингвизма определяется тем, что нейропсихологические механизмы представляют собой основу, материальный субстрат, многоязычной речевой деятельности – ту базу, которая необходима каждому и есть у каждого представителя человечества. Все социальные факторы наслаиваются на этот субстрат, определяют вариативность развития и проявления единичных нейрофизиологических и нейропсихологических механизмов.

Характеристика массового билингвизма в современном мире

Массовый билингвизм обусловлен глобальными изменениями мировой экономики и трансформацией социально-демографической ситуации в развитых странах. Массовая миграция из третьего мира в североамериканские страны и Европу, появление транснациональных корпораций с филиалами во всех частях света, развитие телекоммуникаций способствовали распро-

странению не только естественного, но и искусственного билингвизма (учебного многоязычия). Возможность самореализации за пределами родной страны, доступность перемещения и трудоустройства в разных регионах планеты создают мотивацию целенаправленно изучать иностранные языки. Само обучение языкам и овладение языками обычно интерпретируется как кросс-культурная и глобальная коммуникация, как освоение новой культурной традиции и новых моделей поведения. Новые тенденции рассмотрения существования и функционирования языков в глобальном мире предполагают отступление от столь однозначной трактовки; более дифференцированный подход к многоязычию представлен в публикации [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012]. Обращение к практике использования языков в условиях глобализации позволяет заметить, что зачастую речь идет не столько об овладении различными языками, сколько о фрагментарном употреблении ограниченного набора клише в стандартных коммуникативных ситуациях: известные языки билингв распределяет по сферам коммуникации в соответствии с языковой ситуацией в стране проживания [Авина 2006]. В зависимости от коммуникативной роли языка в социуме вырабатывается определенное отношение к каждому из распространенных языков (language attitude) [Appel, Muysken 2006: 32].

Полагаем уместным напомнить о том, что при изучении языковых контактов национальный язык не рассматривают как нечто гомогенное. В полилингвальном социуме различают минимум четыре языковых варианта: стандартная разновидность языка А, нестандартная разновидность языка А (возникшая под влиянием языка Б), стандартная разновидность языка Б, нестандартная разновидность языка Б (возникшая под влиянием языка А) [Appel, Muysken 2006: 31]. Причем стандартные разновидности контактирующих языков, в свою очередь, также не однородны, поскольку в двух языках могут сохраняться обусловленные различием сфер функционирования стили и идиомы. Соот-

ветственно, билингвизм отнюдь не всегда предполагает полное овладение двумя (или более) языками, поскольку отнюдь не все монолингвы владеют своим родным языком во всем его многообразии [Протасова 1998; Овчинникова 2010]. В условиях языкового контакта изменяются оба взаимодействующих языка. Важное значение такие изменения имеют для естественного билингвизма. Естественный билингв овладевает языком непосредственно в коммуникации, причем, как правило, в непринужденном диалоге и полилоге. Охват всех вариантов Я2 в непринужденном общении невозможен по определению, поскольку в этой коммуникативной сфере обычно не используют кодифицированный литературный вариант языка. В таком случае осваивают «язык улицы», как раз тот идиом, что прежде всего подвергается воздействию контактирующих языков [Овчинникова 2010].

Многоаспектные исследования современного многоязычного и поликультурного сообщества обнаруживают разнообразные социокультурные последствия глобализации и обусловленного ею изменения в функционировании национальных языков (см. обзор: [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012]). Одним из последствий глобализации оказывается разнообразие типов билингвизма и распространение полилингвизма с английским языком в качестве Я2 и Яп. В силу этого билингвизм с контактирующим английским языком изучен лучше, чем любой другой.

Если экономические и социально-демографические причины массового билингвизма зачастую диктуют необходимость использования нескольких языков в официальной и профессиональной коммуникации, то развитие телекоммуникаций предполагает личное и даже интимное общение на неродном языке. Эволюция Интернета и социальных сетей направлена на симуляцию непосредственного дружеского контакта в режиме реального времени, что по разным причинам отнюдь не всегда происходит на родном для коммуникантов языке. И зачастую «разговор» протекает на английском языке, поскольку, как из-

вестно, англоязычный сектор доминирует в сети (<http://www.internetworldstats.com/stats7.htm>). Более того, английский проникает в Интернет-коммуникацию на других языках (см., например, Казнова 2011). Так или иначе, билингвизм с английским языком, используемым в сетевой коммуникации как в профессиональной, деловой сфере, так и в сфере развлечений и непринужденного общения, становится нормой Интернет-коммуникации, несмотря на увеличение количества пользователей и сетевых ресурсов на языках стран Азии (<http://www.internetworldstats.com/stats7.htm>). Сетевой билингвизм не предполагает высокого уровня владения английским языком. Интернет-сообщество терпимо относится к отступлениям от языковых норм на любом языке, и английский не представляет собой исключения. В сети представлены как носители языка, так и естественные и искусственные билингвы (там же). Изучение функционирования языков в сетевом пространстве и в условиях компьютерно-опосредованного общения (СМС коммуникации) все чаще приводит исследователей к осознанию значимости влияния нового канала связи на развитие языка. Функционирующий в Интернет идиом признают новой формой существования языка, наряду с устной и письменной формами [Трофимова 2004]. В таком случае приобщение к Я2 через Интернет-коммуникацию и использование Я2 в сетевом общении приводит к овладению специфической формой Я2. Такой способ формирования компетенции на Я2 распространен среди молодежи [Казнова 2011]. Тем не менее любому билингвизму, независимо от источника овладения языком и характера его использования, присущи общие признаки: регулярное употребление нескольких языков в коммуникации, распределение языков по сферам общения, переключение с одного кода на другой по мере необходимости.

Таким образом, билингвизм представляет собой массовое явление, характерное для современного общества. В условиях глобализации связь билингвизма с бикультурно-

стью не так очевидна, поскольку вероятное использование различных языков в разных сферах деятельности не предполагает освоение культуры и кросс-культурную коммуникацию в полном смысле слова. Так или иначе, билингвизм востребован и социально аттрактивен; владение английским языком позволяет планировать жизненные сценарии с большей возможностью выбора. Соответственно, способности к овладению языками, равно как и умение одновременно использовать для решения текущей задачи несколько языков, зачастую играют существенную роль в социальной адаптации в полиязыковом и поликультурном сообществе.

Лингвистические способности и их нейропсихологическое обеспечение

Для того чтобы успешно освоить язык в естественных условиях, необходимы определенные способности. Заметим, что сам термин лингвистические (языковые) способности условен. В данном случае имеется в виду не собственно возможность овладеть любым из национальных языков в отрыве, а предрасположенность к усвоению языков. Восприимчивость к языкам не существует отдельно, изолированно от остальных способностей [Холодная 1997]. И.М. Румянцева определяет языковую способность «как психическую и психофизиологическую функцию человека, заложенную биологически и генетически, но формируемую и развиваемую социально на основе анатомофизиологической и нейрофизиологической организации человека; функцию, обеспечивающую возможность человеческой психики отражать и обобщать внешний языковой материал, переводя его в особые внутренние коды в виде неосознаваемых и осознаваемых правил языка» [Румянцева 2004: 170]. Ключевым в данном определении, на наш взгляд, является признание сочетания биологического и социального; это сочетание обеспечивает возможность обобщения и «перевода» результата обработки инпута в свод правил как при участии сознания, так и неосознанно.

Способности к языкам представляют собой психическую и психофизиологическую функции, сформированные в ходе эволюции благодаря необходимости социального взаимодействия и важности социализации для отдельного индивида. Большое значение для развития языкового дарования имеют психологические характеристики человека, его готовность реализовать и развивать эту психическую и психофизиологическую функцию; решающим качеством для проявления таланта к языкам является экстраверсия как установка на коммуникацию [Бауэр 2007]. Интроверту освоить язык сложнее, поскольку интровертированная установка не способствует быстрой адаптации в социуме, активному взаимодействию с окружающими. Между тем интроверты обладают иным преимуществом, позволяющим компенсировать длительность социализации, а именно развитой рефлексией, что предполагает применение иной стратегии усвоения языка: когнитивной вместо коммуникативной [Кабардов 1989]. Для восприимчивости к языкам существенны такие психические функции, как память и внимание. Ключевая роль приписывается вербальной памяти (умению запоминать услышанное и перерабатывать поток речевых сигналов), объему оперативной памяти (возможности оперировать одновременно большим количеством единиц) и имитационным способностям [там же].

Если говорить об основных компонентах лингвистических способностей, необходимых для овладения иностранным языком в условиях целенаправленного обучения, то ими считают [Carroll 1993]:

способность к фонетическому кодированию (phonetic coding ability). Умение кодировать поступающие звуковые сигналы для хранения в долговременной памяти позволяет человеку сохранить воспринятые последовательности звуков, ассоциированные с определенным планом содержания, и воспроизводить их по мере необходимости;

- грамматическую восприимчивость (grammatical sensitivity), которая связана не столько с освоением грамматики непосред-

ственно, сколько с умением распознавать зависимости между словами в предложении, тем самым определяя синтаксические функции языковых единиц [Robinson 2001: 324]. В основе грамматической чувствительности лежат аналитические способности выделять сегменты в речевом потоке и устанавливать их вариативность как по сравнению с хранимыми эталонами, так и по расположению в цепи речевых сигналов;

- навык механического запоминания (*rote learning ability*), необходимый при ассоциировании плана выражения с планом содержания языкового знака, которые связаны между собой произвольно. Механическое запоминание обеспечивает пополнение словаря;

- индуктивные способности (*inductive language learning ability*), востребованные для систематизации эмпирического материала, распознавания образцов отношений и выведения более общих правил, релевантных языковому материалу.

Как видим, выделенные способности связаны как с долговременной памятью, так и с переработкой текущей информации, то есть с оперативной и кратковременной памятью. Как полагает Р. Шмидт, наиболее существенный вклад в овладение Я2 в условиях целенаправленного обучения вносят осознанный лингвистический подход к материалу и развитое произвольное избирательное внимание [Schmidt 2001]. Лингвистические способности обеспечены активностью как правого, так и левого полушарий головного мозга. Для грамматической восприимчивости, индуктивной обработки поступающих языковых сигналов необходим анализ и систематизация поступающих сигналов, обеспечиваемые работой левого полушария, в то время как механическое запоминание речевых отрезков и ассоциирование звучания с денотатом обеспечиваются работой правого полушария головного мозга.

Между тем в практике социального взаимодействия когнитивные способности не выступают в качестве самостоятельного фактора, оставаясь достоянием индивида.

Когнитивные способности проявляются и развиваются в процессе решения текущих задач социального взаимодействия. Для их проявления необходима интенция – мотив осознать, сформулировать и решить задачу. В деятельности индивида когнитивная составляющая проявляется одновременно и вследствие сформированной мотивации: «Предлагается признать, что когнитивное не может существовать иначе как в триаде, т.е. оно участвует в работе слаженного ансамбля, в состав которого входят перцептивное, когнитивное и эмоционально-оценочное как постоянно взаимодействующие аспекты жизнедеятельности индивида» [Залевская 2009: 17]. Мотивация стимулирует мобилизацию когнитивной сферы, необходимую для овладения Я2. На зарождение мотива влияет отношение к билингвизму в обществе и отношение к определенному языку. По мнению В.Кук, отношение к самому факту билингвизма в социальной среде и личностное восприятие этого явления могут способствовать (или, наоборот, помешать) успешному овладению языком [Cook 2008]. Осознание целей изучения языка и мотивация приобщения к социально привлекательному языковому коллективу благоприятствуют его усвоению. И.М. Румянцев полагает, что для овладения речью на изучаемом языке, успешности порождения и восприятия речи, необходимы не знание общих лингвистических закономерностей и представление о системе языка, а в первую очередь – эмоционально положительно окрашенный опыт общения на этом языке [Румянцева 2004]. Иначе говоря, когнитивные способности и метаязыковые знания играют второстепенную роль по сравнению с мотивацией и эмоциональной вовлеченностью.

Эмоциональность и мотивация обеспечиваются лимбико-ретикуляторной системой мозга. Образования, входящие к лимбическую систему, располагаются в конечном мозге, в их число входит поясная извилина и гиппокамп (их значимость для речевой деятельности билингва мы обсудим позже).

**Нейропсихологическая
характеристика билингвизма в
зависимости от возраста овладения
языком**

В нейропсихологических исследованиях билингвизма основное внимание уделяется определению различий в хранении и обработке известных индивиду языков. Экспериментальные данные свидетельствуют как о возможности одного хранилища для Я1 и Я2, так и о разной локализации и различной обработке родного и неродного языков в зависимости от возраста приобретения, способа усвоения и полноты использования языков.

Освоение языка в естественных условиях существенным образом зависит от возраста предъявления Я2. Билингвизм считают детским в том случае, когда более чем один язык предъявляется ребенку, не достигшему трех лет [McLaughlin 1999]. Негативный взгляд на ранний билингвизм обычно возникает при смешении лингвистических, психологических и социально-экономических факторов: материал для изучения массового естественного детского билингвизма зачастую берется из наблюдений над речью детей из семей мигрантов, представляющих группу населения ниже среднего класса. При расширении исследуемого материала становится очевидным, что трудности в школьном обучении маленьких билингвов отмечаются прежде всего в семьях рабочих-мигрантов в странах Европейского Союза и Северной Америки [Romaine 1999: 272]. Четкое разграничение типов детского билингвизма позволяет оценить зависимость интеллектуального развития и становления метаязыковой компетенции ребенка от многоязычного инпута. С. Ромейн выделяет шесть типов детского билингвизма в зависимости от трех основных параметров: родной язык родителей, доминирующий язык в социуме, язык общения с ребенком в семье (там же: 253–254). Когнитивным преимуществом обладают дети, осваивающие Я1 и Я2 в семье по принципу «одно лицо – один язык».

В российской психолингвистике изучение раннего билингвизма восходит к работам Н.В. Имедадзе, которая выделяет критические для предъявления Я2 возрастные рамки [Имедадзе 1979]:

- от года до трех лет возможно параллельное освоение Я1 и Я2 в ходе естественного общения с ребенком по принципу «одно лицо – один язык»;

- при предъявлении Я2 в 6-7 лет целесообразно сочетать естественное общение с экспериментальным обучением по специальной игровой методике;

- при предъявлении Я2 в 10 лет целесообразно полноценное систематическое обучение.

Автор в зависимости от времени и условий предъявления второго языка выделяет естественный билингвизм как одну из ситуаций раннего овладения языком наряду с комбинированным и искусственным билингвизмом более позднего возраста. При этом, задолго до С. Ромейн, Н.В. Имедадзе отмечает преимущества раннего билингвизма в условиях «одно лицо – один язык» для когнитивного развития ребенка. Положительное влияние такого типа билингвизма на активизацию общеязыковых, металингвистических и переводческих способностей отмечает Г.Н. Чиршева [Чиршева 2000: 132].

Негативные последствия раннего одновременного билингвизма проявляются в снижении языковой компетенции на первом языке, что часто происходит в условиях плохо организованного опыта билингвального общения. Н.Ш. Александрова полагает, что «раннее многоязычие нельзя считать признаком лингвистических способностей ребенка» и «за количество языков платят качеством» [Александрова 2003: 60]. По мнению исследователя, «мозг ребенка до трех лет не готов к становлению двуязычия» (там же: 58), поскольку «за формирование второго языка при раннем двуязычии отвечают мозговые структуры, обеспечивающие становление первого языка» [Александрова 2003: 60]. Противники раннего билингвизма считают, что одновременное раннее освоение

нескольких языков приводит к перегрузке развивающегося мозга.

В случае раннего билингвизма при одновременном освоении языков одни и те же нейropsихологические механизмы отвечают за овладение Я1 и Я2 [Hamers & Blanc 2000]. Впоследствии именно эта особенность обеспечивает свободу владения языками и возможность одновременного обращения к любому из них, а также возможность восстановить язык после длительного перерыва в его использовании. У монолингвов и ранних билингвов структура межполушарного взаимодействия в речевых процессах аналогична, в то время как позднее усвоение второго языка по-разному вовлекает правое и левое полушария в обработку и хранение первого (обычно родного) и последующих языков [Котик 1983; Vaid and Hall 1991]. При позднем билингвизме нейropsихологически и нейрофизиологически различное обеспечение речевых процессов на родном и неродном языках обусловлено зрелостью мозга и сформированностью новых когнитивных операций на момент предъявления Я2. В частности, при обработке речевого сигнала на неродном языке рано овладевшие языком билингвы точно и быстро ориентируются в пределах категории, в то время как для взрослых билингвов более простой операцией является противопоставление категорий [Archila-Suerte, Zevin, Bunta, Hernandez 2011]. При раннем билингвизме формируется тонкий фонематический слух, способность различать акценты, варианты произнесения, что обеспечивает отсутствие акцента в речи на Я2. Поздно овладевшие языком билингвы при распознавании звуков неродного языка используют сформировавшийся механизм категоризации с опорой на существенные признаки и нивелированием несущественных с функциональной точки зрения различий. Это одна из причин часто встречающегося акцента в речи взрослых билингвов на Я2.

Различия в обеспечении речевой деятельности на разных языках в случае их позднего освоения обусловлены тем, что «выросший мозг» выполняет более слож-

ные когнитивные операции. Сформированные когнитивные операции открывают доступ к новым стратегиям овладения языком, опирающимся на развитые контроль и рефлексию. Именно поэтому для овладения Я2 существен возраст и сформированные за прожитое время когнитивные операции. Чем старше билингв на момент предъявления Я2, тем большую роль в успешном овладении языком играет когнитивный контроль [Festman 2012].

Освоение языка восьмью-десятилетними детьми не относят к случаям раннего билингвизма. Тем не менее сензитивный период и восприимчивость к языкам сохраняются до десяти лет. При начале систематического школьного обучения с восьми лет локализация семантической обработки слов Я1 и Я2 совпадают, как установили исследователи китайско-английского билингвизма [Хуе, Dong... 2004]. На четвертый год обучения Я2 в школе переработка значения слов Я1 и Я2 происходит при активации одних и тех же зон коры головного мозга — нижних отделов лобной коры левого полушария [там же]. У школьников один и тот же мозговой субстрат ответствен за семантическую обработку изолированного слова Я1 и Я2 уже на начальных этапах овладения Я2. Между тем предъявление Я2 после 16 лет вовлекает в обработку речевого материала разные зоны коры для родного и неродного языков [Vaid and Hall 1991]. У взрослых билингвов, приступивших к освоению второго языка после 10 лет, языковые особенности Я1 и Я2 не только обрабатываются по-разному, но и хранятся в разных отделах мозга [Kim, Relkin, Lee & Hirsch 1997].

До сих пор активно обсуждается гипотеза «критического периода» для освоения иностранных языков. Критический возраст широко варьирует в работах различных авторов (от 5 до 15 лет). Сторонники существования возрастных ограничений ссылаются на успешный коммуникативный опыт раннего естественного билингвизма и определяют верхнюю возрастную границу периодом полового созревания [Lenneberg 1967]. В соответствии с гипотезой «критического

периода» обучение неродному языку до 15-16 лет оказывается в большинстве случаев весьма успешным, в то время как успешность изучения иностранного языка в более зрелом возрасте обнаруживает широкую индивидуальную вариативность [Johnson & Newport 1989]. В то же время масштабное тестирование гипотезы критического периода, проведенное с испано-английскими и китайско-английскими билингвами, в разное время приехавшими в США и там обосновавшимися, не подтвердило наличие точного критического возраста для овладения неродным языком [Nakuta, Bialystok & Wiley 2003]. Тем не менее авторы исследования утверждают, что знание иностранного языка тем хуже, чем позже индивид впервые с ним знакомится [там же: 37]. При позднем билингвизме количество ошибок, спровоцированных межъязыковой интерференцией, зависит в большей мере от когнитивного контроля (т.е. функции контроля сложных программ деятельности), чем от уровня владения языками [Festman 2012]. Чем старше билингв в момент начала изучения языка, тем больше интерференция между языками, тем большую роль играет контроль и рефлексия речевой деятельности для успешной коммуникации. Степень языковой рефлексии варьирует не только в зависимости от когнитивной зрелости, но и от целого ряда социальных факторов, пока полностью не выявленных и не описанных [Павлова 2011].

Префронтальные области коры (лобные доли), ответственные за планирование, реализацию и контроль сложных программ деятельности, в том числе речевой, высоко чувствительны к возрастным изменениям [Хомская 1987]. Особенно много усилий независимо от уровня базового образования придется приложить тем, кто намерен овладеть иностранным языком, впервые обращаясь к нему после сорока лет [Nakuta, Bialystok & Wiley 2003]. Очевидно, в данном случае проявляется общая тенденция изменения состояния высших психических функций и возрастной перестройки когнитивной сферы [Холодная 1997].

Нейропсихологическая характеристика естественного vs искусственного билингвизма

При изучении индивидуального многоязычия принято разграничивать билингвизм, формирующийся в процессе естественной коммуникации, и учебное двуязычие, формируемое в результате целенаправленного обучения языку. Соответственно и нейропсихологические характеристики, необходимые для естественного билингвизма и успешного освоения неродного языка в условиях обучения, не могут полностью совпадать.

Естественный и искусственный билингвизм различаются характером предъявления материала и преимущественными стратегиями его обработки. Естественный билингвизм развивается на основе инпута – полной включенности в социальное взаимодействие с неперменной необходимостью коммуникации. Искусственный билингвизм целенаправленно формируют обычно вне естественной языковой среды в условиях ограниченной практики использования языка. Необходимость компенсировать ограниченность речевого опыта на Я2 при учебном двуязычии подчеркивал Л.В. Щерба, апеллируя к важности сознательного анализа языкового материала учащимися и осознания необходимости отталкивания от родного языка [Щерба 1974: 63]. Соответственно, для искусственного билингвизма важны осмысленное отношение к языку, организация речевого опыта и способность к индукции. Индукция необходима и при естественном билингвизме, в случае естественного билингвизма индукция представлена как статистическое научение с неосознаваемой интуитивной группировкой материала.

В современной науке обсуждают три подхода к овладению языком в онтогенезе: конструктивистский, статистический (коннекционистский) и основанный на правилах (генеративистский). Последний подход поддержан авторитетом Н. Хомского и восходит к его постулату о врожденных структурах, позволяющих ребенку освоить

любой из языков. Наиболее продуктивным в отечественной онтолингвистике считают конструктивистский подход, связанный с именем М. Томазелло, согласно которому ребенок конструирует систему родного языка на основе переработки инпута [Цейтлин 2000]. В сущности, конструктивизм в определенной степени опирается на статистический (коннекционистский) подход, поскольку предполагает необходимость опыта, то есть статистики наблюдений ребенка над языком в процессе общения. Иначе говоря, при усвоении первого языка требуются способности к индукции. Статистический подход объясняет, каким образом происходит отбор количества наблюдений, достаточного для конструирования системы. Для того чтобы описать индуктивный метод овладения языком, обратимся к характеристике статистического подхода.

Статистический подход предполагает научение в результате параллельной обработки речевых сигналов и визуального ряда (инпута). В сущности статистический подход описывает, как происходит индуктивное научение языку. Ребенок «использует» несколько статистик одновременно. Накопление количества наблюдений позволяет закрепить связь звукового ряда со смыслом и вычленивать отдельные единицы в потоке речи. Однако статистическое научение не объясняет, каким образом происходит освоение правил. Для обнаружения правил организации материала необходимо обобщение материала не только на основе статистических закономерностей.

Р. Эшлин и Э. Ньюпорт обосновали возможность обнаружения обучаемым правил на основе статистического научения [Aslin & Newport 2012]. В таком случае статистическое научение является универсальным принципом обработки информации, ее переработки и хранения в памяти. Для выяснения правил важное значение имеют гештальтные принципы группировки, такие как временная последовательность и перцептивное сходство. Для установления перцептивного сходства важна перцептивная выпуклость (сенсорная яркость), заметность элемента

цепи, позволяющая выделить его как фигуру из фона. Первоначально вычлениются часто встречающиеся в инпуте элементы. Однако частотность может подкрепляться перцептивной выпуклостью, привлекающей внимание к менее частотным, но выделенным функционально значимым элементам. Например, аппелятивы, прежде всего имена собственные, в коммуникации не являются частотными единицами, но их перцептивная выпуклость обеспечена невербальными компонентами коммуникативного акта: реакцией того, к кому обращаются, его готовностью к коммуникации с тем, кто к нему обратился. Аппелятив перцептивно выделен благодаря интонационному оформлению, важности и прозрачности функции в коммуникации. Перцептивная выпуклость служит основанием для группировки сходных элементов.

Временная последовательность и перцептивное сходство определяют возможность объединять в группы элементы, которые встречаются статистически регулярно и в силу этого быстро осваиваются [Aslin & Newport 2012]. Заметим, что похожим образом Л.В. Щерба описывал формирование представления о фонеме на основе переработки сходных образов в звуковом сегменте, репрезентирующем морфему [Щерба 1974]. Гештальтные принципы группировки позволяют переходить от статистической организации материала к грубой классификации на основе сходства или последовательности, с тем чтобы после «работать» в рамках группы и выделять различительные признаки членов группы.

Далее для вывода правила используются так называемые контекстные сигналы, позволяющие определять соответствие единицы, помещенной в определенную группу, текущему контексту. Релевантность контексту представляет собой функциональную характеристику единицы. За счет функциональных характеристик единиц в сочетании с контекстными сигналами формируется вероятностное прогнозирование, ожидание появления единицы. Именно таким образом правила выводятся и осваиваются благо-

даря статистическому научению на основе представленных в речевом опыте элементов и обобщению закономерностей функционирования элементов в инпуте без дополнительных инструкций [Aslin & Newport 2012: 173].

В статистическом научении не последнюю роль играет имитация как простейший способ установления контакта и закрепления воспринятого сигнала. Использование статистик формирует восприятие сигналов и их фильтрацию для последующей обработки. Коррекция и адаптация поведения на основе статистического научения начинает развиваться за счет имитационного поведения [Пиаже 1992]. Имитация важна не сама по себе, ее основная функция заключается в установлении контакта, в уподоблении тому, чему подражают, в стремлении включиться в совместную деятельность. Способность к имитации обеспечивается различными системами. Особую роль в обеспечении имитации играют зеркальные нейроны: система зеркальных нейронов связывает сенсорные и моторные отделы коры головного мозга, позволяя соотносить коды восприятия поведения и коды его осуществления [Arib 2005]. Неосознаваемое подражание опосредовано сформированными в течение длительного времени ассоциациями сенсорной и моторной областей коры, и эти ассоциации не доступны для преднамеренного сознательного контроля и планирования. Этот поведенческий феномен доказывает, что даже здоровые взрослые склонны к непреднамеренной и неосознанной автоматической имитации [Heyes 2011].

В социальном аспекте имитация есть не что иное, как установка на диалог, готовность к диалогу. Имитационное поведение представляет основу социализации и социальной адаптации. Предполагают, что зеркальные нейроны, зеркальные системы, представленные в разных отделах мозга человека, активируются при прогнозировании действия, сопереживании эмоций или воспоминании о них (см. обзор: [Черниговская 2006]). Зеркальные нейроны впервые были обнаружены у обезьян. До сих пор остается

неясным, передается ли система зеркальных нейронов генетически или свойство зеркальности приобретается в онтогенезе благодаря соотносению действия и наблюдения над действием. Р. Кук предлагает доказательства приобретенного характера зеркальных нейронов, соотносящих использование орудий и аудиовизуальную обработку текущей информации; зеркальные нейроны данной группы приобретают характерные свойства в процессе онтогенеза вследствие сенсомоторного опыта [Cook 2012]. Пусковой механизм имитации является врожденным [Anisfeld 1996]. На основе исследований движений глаз младенцев установлено, что система зеркальных нейронов развивается к концу первого года жизни. Эта система позволяет младенцам понимать действия людей. С концом первого года жизни связывают и начало собственно речевого периода в становлении речи, сменяющего лепет [Цейтлин 2000]. Если лепетные цепи представляют собой имитацию и самоимитацию, в ходе которых развивается координация аудиообраза и артикуляторных движений, то естественно предположить, что в результате такого тренинга нейроны сенсорной зоны и моторной зоны (зон Вернике и Брока соответственно) объединяются в ансамбль и приобретают зеркальные свойства для обеспечения речевой деятельности. Зеркальные нейроны как раз и были обнаружены в средней височной зоне коры и моторной коре; более того, последние нейрофизиологические исследования зоны Брока позволяют рассчитывать на участие в ансамбле, обеспечивающим речевую деятельность, и жестикюляции [Barbieri, Buonocore... 2009]. Таким образом, зеркальные нейроны и статистическое обучение взаимосвязаны в обеспечении овладения речью и речевой способности.

Статистическое научение в сочетании с имитационным поведением представляют собой один из механизмов освоения языка в условиях естественного билингвизма не только детей, но и взрослых. Это отнюдь не единственный и отнюдь не достаточный, но необходимый и чрезвычайно важный механизм. В случае естественного билингвизма

окружающая среда оказывается в принципе достаточной для базового овладения языком на основе статистического научения, не требующего осознанной формулировки правил для раннего билингвизма. У взрослых, очевидно, таким образом «работает» так называемый бытовой билингвизм, при котором Я2 осваивается фрагментарно, как «язык улицы» или язык для профессионального общения (см., например, обсуждение китайско-русского билингвизма рыночных торговцев: [Овчинникова Е.В. 2010]). Речевое окружение и необходимость социализации создают условия для начального освоения языка, достаточного для повседневной коммуникации.

При искусственном билингвизме ограниченность речевого опыта не позволяет «запустить» процесс статистического научения. Соответственно, очень сложно сформировать адекватное носителям языка вероятностное прогнозирование [Чугаева 1989]. При учебном двуязычии даже продвинутый уровень владения языком не позволяет использовать стратегию вероятностного прогнозирования, доступную носителям языка. Нейронные ресурсы, отвечающие за запуск речевого прогноза, не активированы [Roehm, Freunberger 2012]. Вероятностный прогноз единиц Я2 и сила ассоциативных связей между словами Я2 у обучаемых только приближаются к соответствующим показателям носителей языка, не достигая их ни при длительном изучении языка [Барина, Овчинникова 2012], ни при изучении близкородственного языка со сходными типологическими характеристиками [Овчинникова 2009]. Недостаточность речевого опыта не позволяет накопить критическую массу языкового материала для активизации нейронного ресурса.

Таким образом, при учебном двуязычии в большей мере востребованы сознательные стратегии освоения языка, поскольку односторонность речевого опыта не позволяет «запустить» характерное для естественного овладения языком в онтогенезе статистическое научение. Для искусственного билингвизма важна установка на

осознанное отношение к языку и коммуникации, на использование специальных приемов запоминания и систематизации материалов, на мобилизацию внимания и контроля (ср. [Schmidt 2001]).

Исключительную важность в условиях учебного двуязычия приобретает мотивация. В формировании и поддержании мотивации участвует лимбическая система мозга. В некоторых работах нейрофизиологов можно встретить предположение о том, что нарушение связи между лимбической системой и остальным мозгом, возникающее в ситуации стресса и сильного эмоционального возбуждения, приводит к снижению активности зеркальных нейронов (см. обзор: [Черниговская 2006]). Эмоциональная вовлеченность, положительные эмоции и эмпатия, не вызывающие деформацию эмоционального ландшафта, не приводят к нарушению связи лимбической системы с остальным мозгом и сохраняют активность зеркальных нейронов лимбической системы.

Хотя не все нейрофизиологи согласны с положением об участии зеркальных нейронов в передаче информации, касающейся эмоционального переживания и сопереживания, объяснение важности эмоциональной вовлеченности для успеха в любой деятельности активностью зеркальных нейронов кажется весьма заманчивым. В любом случае такие компоненты лимбической системы, как поясная извилина и гиппокамп вовлечены в речевую деятельность на слабом языке [Festman 2012]. При общении на слабом языке у билингвов активируются отвечающие за эксплицитные знания структуры гиппокампа, что не зафиксировано при использовании ими родного языка [Perani et al., 1996, 1998]. При учебном двуязычии большая нагрузка приходится, помимо лимбической системы, на левое полушарие. Как уже упоминалось, в ситуации целенаправленного изучения языка вне языковой среды востребованы когнитивные операции анализа и установления системных связей между абстрактными сущностями; за эти когнитивные операции «отвечает» левое полушарие. Сосредоточенное внимание обеспечивается

дорсальной сетью, ответственной за выбор сигналов в соответствии с внутренними ожиданиями [Corbetta, Patel 2008]. Мозговое обеспечение искусственного билингвизма активирует нейронный ансамбль, в котором задействованы лимбическая система (поясная извилина и гиппокамп), дорсальная сеть, префронтальная кора.

В нейропсихологическом аспекте овладение языком в условиях учебного двуязычия аналогично освоению языка в естественной коммуникации немолодыми людьми. Восприимчивость к статистическому научению с возрастом снижается, что осложняет неосознаваемую переработку поступающего языкового материала. При снижении восприимчивости к статистическому научению требуется больше времени и более интенсивное участие в естественной коммуникации на Я2 для произвольного запоминания и неосознаваемой переработки информации. Необходимым условием становится сознательной контроль над речевой деятельностью и формулирование правил. Сформированный мозг предоставляет одни и те же ресурсы: при позднем и искусственном билингвизме языковая компетенция на Я2 обеспечивается в большей мере левым полушарием [Котик 1988].

Нейропсихологическое различие билингвов и монолингвов

В нейропсихологии считают доказанными несколько положений, касающихся билингвизма и овладения неродным языком.

У монолингвов и ранних билингвов структура межполушарного взаимодействия в речевых процессах аналогична; в случае позднего усвоении второго языка правое и левое полушария взаимодействуют по-разному при обеспечении речевой деятельности на Я1 и Я2 [Котик 1988; Vaid and Hall 1991].

В случае раннего билингвизма при одновременном освоении языков Я1 и Я2 обеспечиваются одними и теми же нейропсихологическими механизмами [Hamers & Blanc 2000].

При позднем и искусственном билингвизме языковая компетенция на Я2 обеспе-

чивается в большей мере левым полушарием [Котик 1988].

Для овладения Я2 существен возраст и сформированные к этому возрасту когнитивные операции. Чем старше билингв на момент предъявления Я2, тем большую роль в успешном овладении языком играет когнитивный контроль [Festman 2012].

Для билингвов, в отличие от монолингвов, характерна большая пластичность мозга, способность распределять внимание между несколькими видами деятельности и быстро переключать внимание с одного вида деятельности на другой [Mechelli, Crinion, Noppeney et al., 2004].

Различия в объеме и работе оперативной памяти между билингвами и монолингвами несущественны. По крайней мере, статистически достоверных различий не обнаружено [Bialystok 2009].

В мозговой организации билингвов и монолингвов прежде всего заметны различия в переработке речи на любом из языков. Если сравнивать аналогичные по социальным характеристикам выборки билингвов и монолингвов, то первые оперируют словарем меньшего объема по сравнению со вторыми [Bialystok 2009: 3]. Основные тесты на лексический выбор, распознавание речи в шуме, скорость припоминания слов билингвы выполняют хуже, чем монолингвы (там же), скорее всего, в силу интерференции между известными им языками. Отставание билингвов в принятии решения о выборе лексической единицы обусловлено конкуренцией языков в его сознании, необходимостью контроля за речью и отторжения всплывающих ассоциаций из неиспользуемого в данный момент языка. По мере накопления коммуникативного билингвального опыта операции контроля и переключения по необходимости с одного кода на другой автоматизируются и более не осознаются самим билингвом. В рамках коннекционистской модели феномен словаря меньшего объема объясним меньшей, по сравнению с монолингвом, частотой использования каждого из языков в коммуникатив-

ном опыте билингва. В самом деле, билингв общается на Я1 и Я2, как правило, в пересекающихся коммуникативных ситуациях, то есть речевой опыт на каждом из языков за одно и то же время у него меньше, чем у человека, использующего только один язык во всех сферах коммуникации. Соответственно у билингва не могут сформироваться столь же прочные нейронные связи между звуковым (или графическим) образом слова и его значением, поскольку вместо одного нейронного пути от аудиообраза (графического образа) к семантическому хранилищу ведут два разных нейронных пути, сила каждого из которых зависит от частотности коммуникативного опыта на Я1 и Я2 [Dijkstra 2005].

Способность билингвов ориентироваться в словарях известных языков зависит и от меры сбалансированности билингвизма. Это выявлено в ходе выполнения Бостонского теста названий [Gollan, Fennema-Notestine... 2007]. При выполнении тестов билингв, свободно владеющий Я1 и Я2, в целом дает больше правильных названий изображенного на картинке на двух языках, в то время как билингв с доминирующим Я1 превосходит его в количестве правильных названий на родном языке. Эта тенденция характерна и для билингвов семидесятилетнего возраста. В случае сбалансированного билингвизма и регулярного употребления двух языков оба языка остаются активными и доступны в любой ситуации. Таким образом, несбалансированный билингвизм позволяет сохранить большой объем лексикона Я1, однако затрудняет одновременный доступ к словарю Я2.

Планирование и порождение речевого высказывания билингвами задействует более сложный нейронный ансамбль, чем тот, что обеспечивает речепорождение монолингвов. При конфликте между языками в ситуации лексического выбора в процессе порождения речи мозг билингва реагирует иначе, чем мозг монолингва. Для разрешения лексического конфликта активируется та система мозга, которая обычно специализируется на разрешении любых конфликтов, но не участвует в порождении речи. Имеет-

ся в виду дорсальная префронтальная кора и передняя поясная извилина. В коннекционистской модели Abutalebi and Green [2007] приводятся доказательства установления связей между префронтальной корой, поясной извилиной, нижней теменной корой (39 и 40 полями Бродмана) и базальными ганглиями в процессе производства речи у билингвов. Все перечисленные зоны коры связаны посредством подкорковых структур базальных ганглий, в частности хвостатого ядра, которое тоже отвечает за разрешение конфликтов. В таком случае билингвы для решения вербальных задач располагают большими мозговыми ресурсами, чем монолингвы.

Различие в мозговой деятельности билингвов и монолингвов касаются не только различий обработки языкового материала. При выборе лексемы в случае конфликта между языками у билингвов активированы те мозговые структуры, которые монолингвы используют при разрешении проблемы выбора невербальных единиц, а именно дорсолатеральную префронтальную кору и хвостатое ядро [Bialystok 2009: 7]. Аналогичным образом к решению невербальных задач у билингвов, в отличие от монолингвов, подключается зона Брока и другие отделы фронтальной коры, помимо дорсолатеральной префронтальной коры и хвостатого ядра (там же). Гибкость обработки информации мозгом билингва проявляется как в контроле за когнитивной деятельностью, так и в распределении внимания при переключении с одной задачи на другую [Marzecová, Bukowski... 2012].

Благодаря пластичности мозга, новым нейронным ансамблям, вовлекающим в решение текущих задач не только специализированные отделы мозга, но и глубинные структуры, билингвы приобретают преимущества в когнитивной деятельности при обработке невербального материала. Ранний билингвизм предохраняет мозг от быстрого старения. При раннем билингвизме наблюдается большее количество серого вещества в нижней теменной коре, что служит своео-

бразным когнитивным резервом для стареющего мозга [Mechelli et al. 2004]. Пожилые билингвы превосходят своих сверстников в устойчивости внимания при переключении деятельности и уровне когнитивного контроля.

По мнению Е. Бялисток, ирония изменения активности мозга у билингвов заключается в том, что лингвистический опыт обеспечивает преимущество в обработке невербальной информации и решении невербальных задач за счет уменьшения объема знаний каждого из известных и регулярно используемых языков [Bialystok 2009: 8].

Выводы

В современном глобальном мире многоязычие представляет собой норму. Степень владения языками варьирует от использования клише в стандарных коммуникативных ситуациях до литературного творчества на Я2. Языковые контакты приводят к изменению контактирующих языков, к появлению нового варианта национального языка, отражающего интерференцию с другими языками. Новым вариантом национального языка оказывается и язык сетевого общения. Интернет-коммуникация способствует многоязычию, поскольку наиболее распространенным в сети по-прежнему остается английский язык, вернее, сетевой вариант английского, на котором общается большая часть резидентов виртуального пространства.

Овладение вторым языком и использование двух и более языков в коммуникации приводит к изменению функционирования мозга в процессе речевой деятельности. Одновременное употребление нескольких языков требует быстрого выполнения таких когнитивных операций, как распознавание речевого сигнала, идентификация кода (языка) и его активизация в условиях конкуренции между кодами; выбор элемента из нескольких конкурирующих кодов (языков); переключение с одного кода на другой без их смешения; контроль за реализацией семантической программы на выбранном языке.

Соответственно для билингвального общения необходимы специфические нейронные ансамбли, объединяющие различные отделы мозга, не характерные для монолингвальной коммуникации.

Основное отличие естественного билингвизма от учебного двуязычия связано с ограниченным доступом к естественной языковой среде при учебном двуязычии. Недостаточный опыт восприятия речи на Я2 не позволяет активировать механизм статистического научения, произвольного усвоения языка и извлечения правил непосредственно из речевого материала. Односторонность коммуникативного опыта на Я2 преодолевается за счет сознательного отношения к языку и речевой деятельности, опоры на рефлексивное и формирование метаязыковой компетенции.

Ранняя практика одновременного использования нескольких языков в коммуникации оказывает существенное влияние на становление мозга. Мозг ребенка-билингва растет и развивается под воздействием необходимости различать речевые сигналы разных языков, систематизировать речевой материал, переключаться с одного кода на другой. Раннее овладение языками запускает формирование нейронных ансамблей, необходимых для быстрого решения задачи выбора варианта непосредственно в процессе реализации программы деятельности как вербальной, так и невербальной. Мозг монолингва не может активировать аналогичный нейронный ансамбль при решении подобных задач. В целом по сравнению с мозгом монолингва мозг билингва более пластичен и динамичен, он способен ментально переключаться с одного вида деятельности на другой, работать в полифункциональном режиме.

Обращение к билингвальной практике в зрелом возрасте стимулирует развитие как контроля за деятельностью, так и метаязыковых способностей. У взрослого билингва, в отличие от билингва-ребенка, в процессе речевой деятельности на Я1 и Я2 мозг работает по-разному; хранение и использова-

ние языка, освоенного после подросткового возраста, обеспечивается в большей мере левым полушарием. Существенную роль в речевой деятельности взрослого билингва играет лимбическая система.

Глобализация и возможности дистантного общения в режиме реального времени благодаря развитию телекоммуникаций требуют быстрой реакции в диалоге, допускают использование упрощенного языка с редуцированным словарем. Иначе говоря, скорость реакции и способность одновременно выполнять два и более задания и решать несколько разнородных задач приобретает решающее значение в современном мире. Мозг билингва в большей мере, чем мозг монолингва, способен успешно функционировать в таком режиме. Вероятно, изменения мозга под влиянием раннего билингвизма совпадают с направлением эволюционных адаптивных процессов; как замечает Т.В. Черниговская, «человеческий мозг все еще находится под влиянием эволюционных адаптивных процессов» [Чер-

ниговская 2006]. Возможно, эволюционное развитие как раз и направлено на формирование нейросубстрата для быстрого ассоциативного научения. Способный непосредственно по ходу деятельности быстро обучаться мозг приобретает необходимые качества для мгновенной ориентировки в текущей задаче, разрешении конфликта при выборе единиц и переключения с одного вида активности на другой.

Описание многоязычия в нейропсихологическом аспекте дает представление о базовых для билингвизма параметрах человека, о том, что определяет собственно способность овладеть несколькими языками и использовать их в коммуникации одновременно или последовательно. На основе приведенной нейропсихологической характеристики билингвизма и учебного двуязычия можно описывать вариативность психологических типов билингвов и определять влияние различных социальных факторов на особенности усвоения языков и речевого поведения.

Список литературы

- Авина Н.* Язык русской диаспоры в современной Литве. URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/yazyk-russkoj-diaspory-v-sovremennoj-litve> (дата обращения: 12.03.2013)
- Александрова Н.Ш.* Раннее детское двуязычие – стремление к одноязычию? // А.Р. Лурия и психология XXI века. Доклады второй международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Р. Лурия. – М., 2003. – С. 55-61.
- Баринова И.А., Овчинникова И.Г.* О влиянии коллокаций лексем осваиваемого языка на организацию ментального лексикона русско-английских билингвов. Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, Серия «Филология и искусствоведение». Вып. № 4. 2012.
- Бауэр Е.А.* Межполушарная асимметрия мозга и технологии обучения иностранному языку: монография / Е.А. Бауэр; Моск. гос. обл. ун-т. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – 155 с.
- Буклина С.Б.* Нейропсихологические синдромы артериовенозных мальформаций поясной извилины и гиппокампа. Журнал неврологии и психиатрии. №4, 2000, –С.10–14.
- Залевская А.А.* Вопросы психолингвистической теории двуязычия // Вопросы психолингвистики. №10, 2009, – С. 10-18.
- Залевская А.А., Медведева И.Л.* Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Учеб.пособие. – Тверь: Тверской государственный университет, 2002.
- Имедадзе Н.В.* Экспериментально-психологические исследования овладения и владения вторым языком. – Тбилиси 1979.
- Кабардов М.К.* Коммуникативно-речевые и когнитивно-лингвистические способности и склонности // Способности и склонности: комплексные исследования. – М., 1989. – С. 103-128.
- Казнова Н.Н.* Французские блоги – уход от реальности или возможность самовыражения? // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Мат. Межрегион. науч.-практ. конф. (16-18 ноября 2010 г.). – Мурманск, 2011.
- Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О.* Глобализация в аспекте лингвистики Вопросы психолингвистики. 15. 2012. – С. 18-37.
- Котик Б.С.* Нейропсихологический анализ билингвизма / Б.С. Котик // Психологический журнал / Ред. А.В. Брушлинский, В.С. Шустиков, Л.И. Анцыферова. – 1988. – Том 9, №3 май-июнь 1988. – С 139-148.
- Котик Б.С.* Межполушарное взаимодействие при осуществлении речи у билингвов. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1983/836/836114.htm> (дата обращения: 2.01.2013).
- Овчинникова Е.В.* Особенности деловой коммуникации в условиях билингвизма (на примере китайско-русского билингвизма) // Жизнь языка в культуре и социуме. Материалы конференции, посвященной юбилею Е.Ф. Тарасова. – Калуга: Эйдос, 2010.
- Овчинникова И.Г.* Билингвизм в аспекте диалога культур // Жизнь языка в культуре и социуме. Материалы конференции, посвященной юбилею Е.Ф. Тарасова. – Калуга: Эйдос, 2010.
- Овчинникова И.Г.* Еще раз о моделировании ментального лексикона билингва // Вопросы психолингвистики. № 10. 2009.
- Павлова А.В.* Параллели между речью русских эмигрантов и билингвов в Германии и тенденциями в российском дискурсе // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – С. 294–306.
- Пиаже Ж.* Теория Пиаже. Разд. III: Теория стадий // История зарубежной психологии. 30-е - 60-е годы XX века. Тексты / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – С. 232–292.

- Протасова Е.Ю.* Язык и дети. – М., 1988.
- Румянцева И.М.* Психология речи и лингвопедагогическая психология. – М., 2004.
- Трофимова Г.Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально сущностные доминанты. – М.: Изд-во РУДН, 2004.
- Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. – М.-Томск, 1997.
- Хомская Е.Д.* Нейропсихология. – М., 1987.
- Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 240 с.
- Черниговская Т.В.* Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза. Физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 2006. Т. 92, № 1. – С. 8–99.
- Чиршева Г.Н.* Введение в онтобилингвологию. – Череповец 2000.
- Чугаева Т.Н.* Механизмы аудирования родной и иноязычной речи: дис. . канд. филол. наук / Т.Н. Чугаева. – Л., 1989. 257 с.
- Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. – М.-Л.: Госиздат, 1947.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.
- Abutalebi, J. & Green, D.* Bilingual language production: The neurocognition of language representation and control. *Journal of Neurolinguistics*, 20, P. 242–275.
- Anisfeld M.* «Only tongue protruding modeling is matched by neonates». *Developmental Review* 16 (2): 149–161.
- Appel René, Muysken Pieter.* Language Contact and Bilingualism. Amsterdam University Press, ISBN: 9053568573, 2006.
- Arbib M.* The Mirror System, Imitation, and the Evolution of Language. In Kerstin Dautenhahn and Christopher Nehaniv, (eds.) *Imitation in Animals and Artifacts*. The MIT Press, 2005.
- Archila-Suerte, P., Zevin, J., Bunta, F. & Hernandez, A.E.* Age of acquisition and proficiency in a second language independently influence the perception of non-native speech. *Bilingualism: Language and Cognition*. Volume 15. Special Issue 01. January 2012, pp. 190-201.
- Aslin, R.N. & Newport, E.L.* Statistical learning: From learning items to generalizing rules. *Current Directions in Psychological Science*, 21, 170-176.
- Barbieri F., Buonocore A., Dalla Volta R., Gentilucci M.* How symbolic gestures and words interact with each other. *Brain Lang* 110:1-11, 2009.
- Carroll J.B.* Human Cognitive Abilities. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cook, Richard.* The ontogenetic origins of mirror neurons: evidence from “tool-use” and “audiovisual” mirror neurons Published online May 9, 2012 doi: 10.1098/rsbl.2012.0192 *Biol. Lett.* rsbl20120192 doi:10.1098/rsbl.2012.0192 Published online.
- Cook, V.* Second language learning and teaching. 4th edition. Hodder Arnold.
- Corbetta M., Patel G., and Shulman G.L.* The Reorienting System of the Human Brain: From Environment to Theory of Mind, 58, 306-324.
- Dijkstra, T.* Bilingual visual word recognition and lexical access. In Kroll & de Groot (eds.), pp. 179–201.
- Festman, J. & Münte, T.F.* Cognitive control in Russian–German bilinguals. *Front. Psychology* 3:115. doi: 10.3389/fpsyg.2012.00115.
- Gold Brian T., Kim Chobok, Johnson, Natan F., Kryscio, Richard J., Smith, Charles D.* Lifelong Bilingualism Maintains Neural Efficiency for Cognitive Control in Aging. *Journal of Neuroscience*. 9 January 2013.
- Hakuta Kenji, Bialystok Ellen and Wiley Edward.* “Critical Evidence: A Test of the Critical Period Hypothesis for Second Language Acquisition”, *Psychological Science*, Vol. 14, No. 1, pp. 31-38.

Hamers, Josiane F. and Michel H. A. Blanc. Bilinguality and Bilingualism, 2nd edition, xiv, 468 pp., Cambridge University Press.

Heyes, Cecilia. Automatic imitation. *Psychological Bulletin*, Vol 137(3), May 2011, 463-483.

Johnson J.S., & Newport E.L. Critical period effects in second language learning: The influence of maturational state on the acquisition of English as a second language. *Cognitive Psychology*, 21, 60-99.

Lenneberg, Eric H. *Biological Foundations of Language*, John Wiley, New York.

Marzecová Anna, Bukowski Marcin, Angel Correa, Marianna Boros, Juan Lupiáñez, Zofia Wodniecka. Are bilinguals more flexible than monolinguals? Investigating mechanisms of cognitive control and temporal orienting. // Пятая Международная конференция по когнитивной науке. 18-24 июня 2012 г., – Калининград, Россия. Том 1. 2012. – С. 125.

Mechelli A., Crinion J.T., Noppeney U., et al. Neurolinguistics: Structural plasticity in the bilingual brain, *Nature* 431, 2004, p. 757.

Perani D, Dehaene S, Grassi F, Cohen L, Cappa SF, Dupoux E, et al. Brain processing of native and foreign languages. *Neuroreport* . 7: 24. p. 39-44.

Perani D, Paulesu E, Sebastian-Galles N, Dupoux E, Dehaene S, Bettinardi V, et al. The bilingual brain: proficiency and age of acquisition of the second language. *Brain*. 121: 18. p. 41-52.

Roehm D., Freunberger D. Predicting the predictable: the effect of proficiency on lexical-semantic processing strategies in adult learners. Пятая Международная конференция по когнитивной науке. 18–24 июня 2012 г., Том 1. – Калининград, 2012. – С. 146.

Romaine, S. *Bilingualism*. Oxford 1995.

Schmidt, R. “Attention.” In P. Robinson (Ed.), *Cognition and second language instruction* (pp. 3-32). Cambridge University Press.

Tamar H. Gollan, Christine Fennema-Notestine, Rosa I. Montoya and Terry L. Jernigan. The bilingual effect on Boston Naming Test performance. *Journal of the International Neuropsychological Society*. Vol.13, Issue 02. March 2007. Pp. 197-208.

Vaid, J. and D.G. Hall “Neuropsychological perspectives on bilingualism: right, left, and center.” In: A. Reynolds, (ed.). *Bilingualism, Multiculturalism and Second Language Learning: The McGill Conference in Honour of Wallace E. Lambert*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum.

Xue G., Dong Q, Jin Z., Zhang L., Wang Y. An MRI study with semantic access in low proficiency second language learners. *Neuroreport*. 2004 Apr 9;15(5):791-796.

О. Коренева, Е. Пепеляева

УДК 81'23

**ФРЕЙМОВОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ЗНАНИЙ:
СИНТЕЗ КОРПУСНОЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
МЕТОДОЛОГИЙ В ТЕРМИНОВЕДЕНИИ**

Данное исследование русско-испанской терминологии области окружающей среды показывает пользу для терминоведения комбинирования корпусно-лингвистической и психолингвистической экспериментальных методологий, опираясь на структурирование лежащих в основе терминов специализированных знаний. Экологическое понятие *волна* было проанализировано в двуязычном корпусе для выявления основных понятий и концептуальных отношений, типичных для данного сегмента знаний. В результате лексического анализа текстов было выявлено присутствие динамического, супралингвистического и протопичного для области знания фрейма, прослеживаемого также и в данных ассоциативных экспериментов, проведенных с носителями обоих языков. Основной целью данного исследования было достичь наиболее подробного описания специализированного понятия и показать эффективность сочетания корпусно-лингвистической и психолингвистической методологий для успешной репрезентации и передачи специализированных знаний.

Ключевые слова: терминоведение, корпусная лингвистика, психолингвистика, свободные словесные ассоциации, русско-испанская терминология окружающей среды.

О. Koreneva, E. Pelyaeva

**FRAME KNOWLEDGE STRUCTURING:
COMBINATION OF CORPUS LINGUISTICS AND PSYCHOLINGUISTICS
METHODOLOGY IN TERMINOLOGY STUDIES**

This study of Russian-Spanish environmental terminology combined corpus analysis with psycholinguistic methods (word association data) and shows that both are compatible and useful for the knowledge-based Terminology since one can be used to validate the other. The environmental concept *WAVE* was analyzed as a seed term in a bilingual corpus to detect basic concepts and conceptual relations typical of this knowledge area. This was done with a view to elaborating a rich knowledge prototypical, dynamic and supralinguistic frame, based on conceptualizations in different languages and to obtain the mostly exact description of the specialized concept. The results obtained were compared with data obtained from free word association tests given to native speakers of Russian and Spanish. The main objective of this research was to show the effectiveness of combining corpus analysis methods and psycholinguistic methods in the representation and transmission of specialized knowledge.

Key words: Terminology, Corpus Linguistics, Psycholinguistics, free word association test, Russian-Spanish environmental terminology

В последние годы наблюдается все более явное слияние лингвистики и когнитивистики [Faber 2009]. Данная тенденция открывает новые возможности и для терминоведения, которое все больше опирается на эмпирические исследования.

В корпусной лингвистике и в психолингвистике исследуется как общеупотребительная лексика, так и терминология. Контекстуальное изучение лексических единиц и структур специализированных знаний может пролить свет на структурирование лексики, а также на связь между ментальным лексиконом и концептуальной системой, существующей в том или ином языке.

Как известно, термины, как языковое выражение специализированных понятий, служат для передачи знаний. В результате применения когнитивного подхода к терминоведению можно получить ценную информацию о структуре знания и использовать ее в разработке высококачественных терминологических ресурсов нового поколения. Терминологические базы знаний (ТБЗ) стремятся заимствовать у человека структуру его ментального лексикона, чтобы облегчить усвоение специализированных знаний их пользователям. Это обеспечивает в свою очередь максимально точное употребление терминов и вносит свой вклад в успешность специализированной коммуникации.

Анализ данных, извлеченных из коллекций текстов или корпусов с помощью компьютерных программ, позволяет изучить поведение терминов в контексте. При этом такие исследования могут проводиться в сочетании с психолингвистическими экспериментальными методами [Tummers et al. 2005].

Данное русско-испанское терминологическое исследование совмещает изучение корпуса и экспериментальные методы психолингвистического анализа. Концепт *волна* был проанализирован на основе данных, извлеченных из корпуса, включающего специализированные тексты двух языков, с целью выявления основных концептуальных отношений и восстановления концептуальной

сети. Для этого был использован ранее разработанный, динамичный, супралингвистический и прототипичный для области окружающей среды фрейм. Полученные данные сравнивались с результатами свободного ассоциативного эксперимента, в котором субъекты должны «воспроизводить первые слова, приходящие им на ум» [Nelson et al. 2000: 887].

Основной целью данного исследования является демонстрация совместимости корпусно-лингвистических и психолингвистических методов, а также возможность подтверждения данных, извлеченных в результате лексического анализа, данными, полученными с помощью психолингвистических методов. Подобная многоплановость обеспечивает максимально полное описание того или иного специализированного концепта. Исследование показало, что полученные данные были естественными и прототипичными не только на уровне домена, но и на межъязыковом уровне, и отражали соответствие концептуальных отношений, извлеченных из корпуса и выявленных в результате анализа ответов на ассоциативные тесты в русском и испанском языках.

По мнению Faber et al. [2001], специализированные знания основываются на общих знаниях и расширяют их. Несмотря на это, спонтанность в специализированном языке имеет место намного реже, чем в общеупотребительной лексике; по крайней мере, большая часть специализированного языка является результатом консенсуса экспертов в определенной специализированной области. Может показаться, что этот факт облегчает структуриацию и организацию специализированных знаний, но это далеко не так.

Как упоминалось ранее, термины служат для обозначения специализированных понятий. С точки зрения прагматики эти понятия характеризуются определенной сложностью, которая обусловлена коммуникативным контекстом, в котором они активированы. Для облегчения их понимания необходима их репрезентация с использованием различных степеней глубины и ширины сетей концептуальных связей.

Когнитивный подход к терминоведческой методологии обеспечивает принципами и инструментами для эффективной передачи специальных знаний, что является одним из основных условий для точного применения терминологии. Терминоведение, основанное на фреймах (ТОФ) [Faber et al. 2005, 2006, Faber 2011, 2012], адаптировавшее фреймовую семантику Ч. Филлмора (1982), занимается организацией специализированных языковых единиц знаний и их лингвистических обозначений – терминов. В рамках ТОФ подчеркивается необходимость извлечения знаний из текстов специализированного корпуса и определения основных концептуальных отношений для включения более полной терминологической информации о лексической единице в ТБЗ.

Учитывая тот факт, что понятия не образуются и не воспринимаются в изоляции, в рамках ТОФ подчеркивается необходимость их исследования в контексте и определения их концептуальных отношений. Из-за гибкости, присущей человеческой категоризации, неиерархические концептуальные отношения, такие как: *caused_by*, *result_of*, *affects*, *located_in* и т.д. играют важную роль в репрезентации знаний, так как они являются наиболее весомыми и несущими смысл в фреймовой структуре. Концептуальные системы, выраженные в разных языках, показывают подход различных языковых сообществ к концептуализации одной и той же части реальности. Это факт влечет за собой возникновение различных перспектив ее понимания – многоаспектности [Bowker and Meyer 1993:123; Kageura 1997]. Учет многоаспектности в многоязычной терминологической работе помогает установить межъязыковые соответствия терминов и сформулировать более полные и точные определения специализированных концептов.

Примером практического применения ТОФ является ТБЗ EcoLexicon (ecolexicon.ugt.es), которая представляет собой концептуальную структуру области окружающей среды. В этом многоязычном тезаурусе на

шести языках (английском, французском, испанском, немецком, греческом и русском) экологические понятия структурированы в динамичный, основанный на процессах фрейм, известный как *environmental event* [Faber et al. 2006]. Он соответствует ситуативной концептуализации или симуляции реальности (*situated conceptualization or the situated simulation*) Л.В. Барсалю (2003). В этой форме репрезентации реальности понятия представляют собой не некие изолированные объекты или свойства, а целые события или ситуации. *Environmental event* является прототипичной конфигурацией взаимосвязанных категорий, событий и процессов области окружающей среды, выявленных на базе данных, полученных из крупных собраний многоязычных текстов.

Согласно ТОФ, любой сегмент знаний из области окружающей среды на любом языке должен вписаться в данный фрейм и принадлежать к одной из его макрокатегорий. Таким образом, в репрезентации знаний об окружающей среде в EcoLexicon всегда будет присутствовать: процесс (*process*), вызванный агенсом (*agent*), который влияет на реципиента действия (*patient*) и дает результат (*result*) в данном местоположении (*location*). Также предвидятся категории, состоящие из элементов, которые описывают, измеряют или репрезентируют объекты и процессы.

Так, например, *морской прилив* будет вызван *гравитационным притяжением луны* (*agent*), повлечет за собой влияние на реципиента действия *морская вода* (*patient*) с результатом *повышение уровня моря* (*result*). При этом возможно использование приборов *мариограф* для определения волнения моря, т.е. *прилива* и *отлива*.

Как можно увидеть на рис. 1, концепт *отлив* (на испанском: *marea baja*) представлен в EcoLexicon в окружении родственных концептов с обозначением типов концептуальной связи (гиперонимия, меронимия и т.д.), где также предлагаются его многоязычные эквиваленты, дефиниции и прочие визуальные и лексические ресурсы.

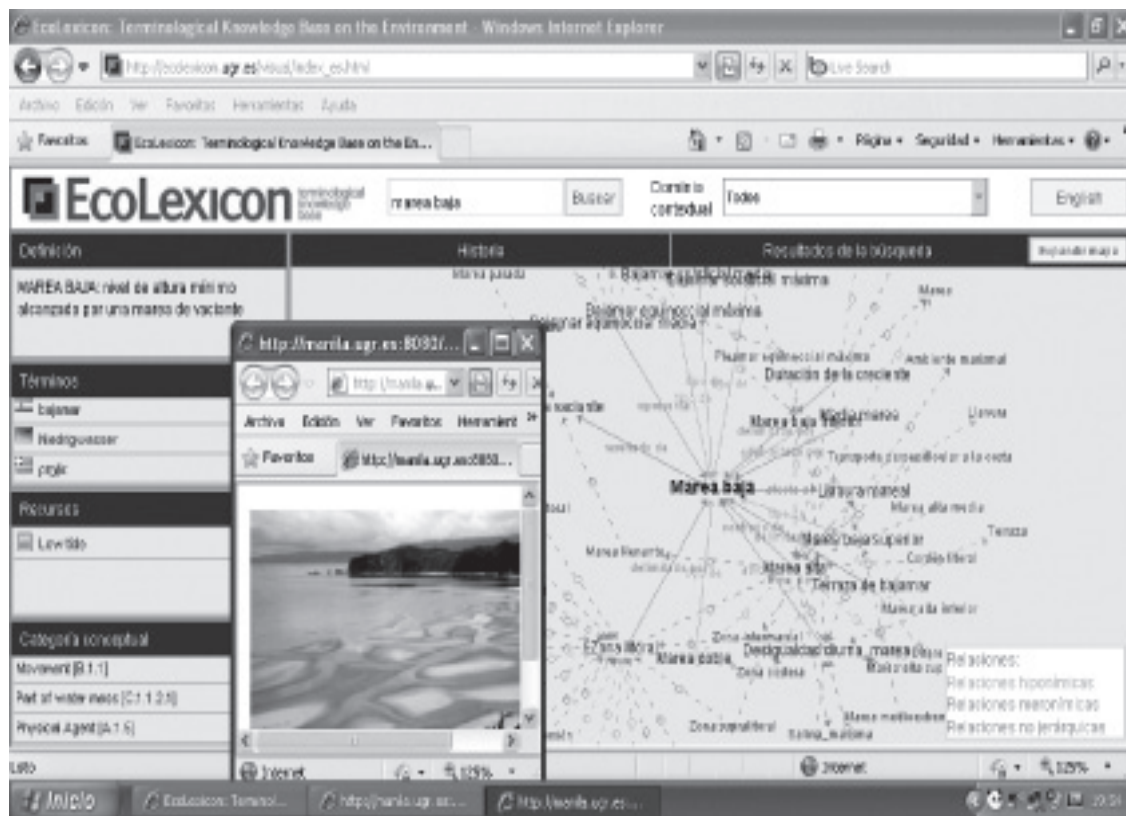

Рис. 1. EcoLexicon: репрезентация концепта *отлив (marea baja)*.

С позиций естественности и прототипичности некоторые исследователи, например Giquin и Griese (2009), придают большее значение данным, полученным с помощью корпусных исследований, нежели данным, полученным при помощи психолингвистических методов.

Тем не менее психолингвистические исследования [Barsalou 2003] показали, что экспериментальные методы могут быть использованы для подтверждения организации концептуальной системы человека, поскольку психолингвистические тесты опираются на ассоциации, используемые человеком в повседневной деятельности для того, чтобы «собраться с мыслями» [Nelson et al. 2000: 887]. Соответственно, этот экспериментальный метод может предоставить полезные данные об организации ментального лексикона и внести большой вклад в организацию ТБЗ, которые облегчают доступ к знаниям и их передачу.

Есть также психолингвистические исследования, которые показывают, что в процессе концептуализации, детерминированном именно ассоциациями, используется несколько механизмов. По мнению Simmons et al. [2008: 107], ассоциация является простейшей формой языковой переработки в процессе концептуализации. Кроме того, согласно Nelson et al. [1992: 27], «активация этих ассоциаций имеет решающее значение для восприятия, понимания и действия, поскольку она обеспечивает средства для доступа к уже существующему знанию об обрабатываемом стимуле. Ассоциативная активация предоставляет информацию о событии».

Nation и Snowling [1992] показали, что ассоциативные связи слов у людей предшествуют таксономическим отношениям. Они обнаружили, что маленькие дети используют ассоциативные связи для решения такой задачи, как, например, определение *слово / псевдослово*. Таксономические отношения же используются только после достижения ребенком девяти лет [Hills et al.

2010; Macizo et al. 2000]. Это согласуется с Andrew et al. [2009: 491], которые утверждают, что «conceptual content is better modeled as a distributional process and an experimental process, where the distributional process corresponds to word association and the experimental process to situated simulation». Barsalou [2008: 24] добавляет, что эти два процесса проходят параллельно и имеют соответствующие составляющие. Это были весомыми аргументами для совмещения изучения корпуса с психолингвистическим подходом в виде ассоциативного теста.

Некоторые исследователи утверждают, что ассоциативный тест с неограниченным количеством ответов дает более полную информацию о ключевом слове (или стимуле), но при этом подчеркивают, что такие тесты являются более надежными, если учитываются только первые две реакции, вызванные словом-стимулом [Nelson et al. 1998, Nelson et al. 2000]. В нашем исследовании используется тест без временных и количественных ограничений, т.к. именно он, на наш взгляд, отличается характеристиками, которые делают полученные реакции сопоставимыми с данными корпусного анализа.

В данном исследовании корпус составлялся на основе специализированных и популярных текстов, посвященных или просто содержащих слово *волна*. Таким образом, были сформированы три группы участников с различным уровнем знаний (неспециалист, «полуспециалист» и специалист). К первой группе (неспециалисты) относятся информанты с минимальным знанием о предмете, например, ученики старших классов средних школ или студенты. Ко второй группе («полуспециалисты») относятся информанты с высшим образованием, которые являются специалистами в какой-либо области, не совпадающей с областью окружающей среды или океанологии, в которой волна изучается более глубоко. В группу специалистов были включены субъекты с высшим образованием в сфере окружающей среды или океанологии. Подобное распределение дало возможность проанализировать основные ассоциации для каждой группы на разных

уровнях знаний об объекте и определить семантическое расстояние между терминами. Также учитывался принцип целенаправленного познания [Barsalou et al. 2007], что свидетельствует о естественности ответов на стимул *волна*. Выбор стимула был основан на том, что *волна* является достаточно доступным понятием для всех трех групп участников, так как принадлежит как к общеупотребительному, так и специализированному языку. Разница заключается в способе понимания концепта *волна* – другими словами, в типе и количестве понятий, связанных с этим термином.

Итак, лексический анализ в данном исследовании основывался на подходе *bottom-up* (семасиологический), который предполагает корпусный анализ. Данный анализ предоставляет информацию о фрейме сегмента знаний и его составляющих.

Для достижения целей исследования был составлен корпус на двух языках: русском и испанском (около 20000 слов на каждом языке). Слово *волна*, как слово, принадлежащее как к общей лексике, так и терминологической, относилось к тому или иному уровню специализации в зависимости от типа текста, где оно встречалась. Мы были заинтересованы в сборе данных, наиболее тесно связанных с понятием для лучшего исследования структуры этого сегмента. Тексты были получены из интернета, при этом учитывались тип текста и его географическая принадлежность [Tercedor и Lopez-Rodriguez 2008].

Большинство текстов взято с государственных веб-сайтов, а также с сайтов научно-исследовательских учреждений, работающих в сфере океанографии. Корпус также содержал научные статьи и научно-популярные тексты. Русские тексты взяты с российских сайтов, а также с сайтов бывших советских республик, где большая часть населения по-прежнему говорит по-русски. Большинство испанских текстов были взяты с сайтов Испании, и некоторые – с сайтов стран Латинской Америки. Примерно 50% текстов на каждом из языков не были специализированными. Из оставших-

ся 50% половина приходилась на малоспециализированные тексты, другая половина была адаптирована для широкого круга читателей.

Корпус был проанализирован с помощью компьютерной программы WordSmith Tools для извлечения набора конкордансов – коротких линий с текстом, содержащим слово *волна*, которые необязательно являются законченной фразой. Списки частотности употребляемых в корпусе слов также были получены с помощью данной программы с целью выявления наиболее представительных концептов для данного сегмента знаний. Слова в частотных списках были объединены по морфологическому признаку (например: море, моря, морской и т.д. складывались по частотности и выводились под одним словом «море»), а предлоги, местоимения, определенные и неопределенные артикли были устранены. Основные понятия были организованы во фрейм *environmental event*, который помог установить активированные в тексте концептуальные отношения.

Русские конкордансы в таблице 1 показывают наличие всех макрокатегорий *environmental event* и активации концептуальных отношений: *location: море* и *поверхность океана*, *agent: ветер*, *шторм* и *прилив*. Также отмечено, что типичными атрибутами *волны* являются: *скорость*, *период*, *длина*, а также ее части, например *гребень*. Указание в тексте фаз существования волны как *образования*, свидетельствует о том, что волна является процессом, а результатом волнового воздействия выступает *абразия* и его *patient побережье*.

Таблица 1.

Русские конкордансы

№	Примеры контекстов употребления слова <i>волна</i> *
1	приобретают значение волны. В <u>морях волны</u> также оказывают значительное
2	таточно указать на то, что <u>ветровые волны</u> на <u>поверхности океана</u> не пре

3	оды, слагающие скалы (см. <u>Абразия</u>). Волны активно разрушают <u>прибрежную</u>
4	риливообразующими силами (<u>приливные волны</u>). Движущиеся суда создают ос
5	ли двумя <u>гребнями</u> называется <u>длиной волны</u> . Наибольшая длина около 250
6	волны, или фазовая <u>скорость</u> , <u>период волны</u> . Период ветровых В. м. непр
7	что потеря мощности на <u>образование волн</u> превышает потерю на трение о
8	ену Гребни образуют валы <u>штормовых волн</u> . Пена начинает вытягиваться

* Примеры в таблице представлены в таком же виде, в котором они выдаются компьютерной программой (полностью строка, содержащая ключевое слово, а также все его морфологические формы).

В примерах таблицы 2 можно увидеть, что в испанском языке *волна* ведет себя так же: она имеет *agent: viento* [ветер], *tormenta* [шторм], *marea* [прилив], *location: находится в ocean* [океан] или *superficie* [поверхность], влияет на *patient: playa* [пляж]. Она также воспринимается как процесс, поскольку прослеживаются *movimiento* [движение], *velocidad* [скорость] и при этом влияет на другой процесс – *erosion marina* [эрозия]. Как и в данных на русском языке, начальным этапом существования волны здесь выступает *formación* [образование], а также упоминается часть волны *cresta* [гребень].

Следует обратить особое внимание на употребление в испанском слов *ola* и *onda*: оба соответствуют русской *волне*. Но, как видно из конкордансов, второе определяет первое, т.е. *ola* – это вид *onda*, что не имеет отражения в русском языке. Слово *onda* – более широкий эквивалент русской *волны* и употребляется как и в физике (*микроволны*, *акустические волны*), так и в других ее значениях. Но волна именно в жидкости в испанском языке называется *ola*. Эта разница

в концептуализации местонахождения этого события отражается в испанском языке также и на терминологическом уровне, где *длина волны* в жидкости обозначена как *longitud de onda*, что обязательно должно учитываться при употреблении терминов.

Таблица 2.
Испанские конкордансы

№	Примеры контекстов употребления слова <i>волна (ola)</i>
1	s, mareas o corrientes marinas. Las olas son <u>movimientos</u> cíclicos, es
2	céano abierto la mayor parte de las olas generadas por el <u>viento</u> tiene donde fueron generadas se
3	denominan olas tormentosas . Estas forman un
4	quiere decir que la mayoría de las olas en el <u>océano</u> tienen energía a
5	su <u>velocidad</u> es menor que la de las olas <u>superficiales</u> , alcanzando de
6	Olas. La <u>formación</u> de las olas: Las olas , principal factor de la active
7	la <u>erosión marina</u> producida por las olas , mareas y corrientes marinas
8	<u>crestas</u> o dos valles sucesivos de olas de oscilación. Por debajo
9	que tarda un valle o un pico de la ola en recorrer su <u>longitud de onda</u>
10	ados por el viento en las playas. Las olas destruyen la <u>playa</u> de La Cal
11	s, mareas o corrientes marinas. Las olas son movimientos cíclicos, es
12	co y Antártico. Oceanus Ver Océano. Ola : <u>Onda</u> de gran amplitud en la

Приведенные примеры показывают, что в обоих языках понятия, наиболее тесно связанные с понятием **волна**, следующие: *agent* (ветер, прилив, шторм и т.д.), *patient* (побережье, пляж, поверхность моря и т.д.), *result* (эрозия), *location* (море или океан). Это свидетельствует о том, что волна может быть как агенсом (и влиять, например, на *пляж*), так и реципиентом действия другого агенса (например, *ветра*). Параметрами волны или ее основными дескрипторами являются *attribute* (амплитуда волны, пери-

од и длина). Такие связанные с ней понятия, как колебание, движение, образование и т.д., свидетельствуют о том, что волна концептуализируется не только как агенс или реципиент действия, а также как процесс, что говорит о присутствии многоаспектности в ее концептуализации на межъязыковом уровне и дополняет составляющие всех категорий фрейма.

С целью сравнения извлеченных из корпуса и полученных в результате психолингвистического эксперимента данных, были составлены списки слов, расположенных в порядке убывания их частотности. Подобное сравнение позволит выявить центральные ключевые понятия для сегмента знания **волна**, существующие в обоих языках.

В таблице 3 представлены самые частотные, связанные с понятием **волна**, единицы, извлеченные из русского и испанского корпусов (серым цветом выделены ячейки с совпадающими в обоих языках единицами).

Данный частотный список, извлеченный из двуязычного корпуса, подтверждает значимость элементов, принадлежащих к макрокатегориям *environmental event*. Слова с высокой частотностью, такие как *море*, *океан*, *поверхность* указывают на макрокатегорию *location*. Другие термины высокой частотности *прилив*, *ветер* являются *agent* волны, а *берег* и *пляж* выступают как ее *patient*. Примеры корпуса включают в себя такие слова, как *движение* или *эрозия*, отражая концепцию волны как процесса с признаками *длина*, *скорость*, *период* и т.д. Также следует отметить, что частотность терминов в списках в русском и испанском языках в значительной степени совпадает как по содержанию, так и по частотности.

Рассмотрим результаты ассоциативного эксперимента. В ассоциативном эксперименте приняли участие 72 человека (по 36 носителей каждого языка), которым было предложено записать все слова, вызванные словом **волна** (в жидкой среде). Участники не имели ограничений в количестве слов и времени. Инструкции для выполнения теста

Таблица 3.

Частотные единицы испанского и русского корпусов

Единицы из испанского корпуса (в переводе)	Частотность (%)	Единицы из русского корпуса	Частотность (%)
волна	1.65	волна	3.07
море	1.35	море	1.36
вода	0.90	вода	1.17
ветер	0.64	уровень	0.72
течение	0.50	движение	0.64
волнение	0.44	океан	0.62
побережье	0.41	ветер	0.58
прилив	0.40	поверхность	0.53
высота	0.34	сила	0.53
движение	0.33	берег	0.49
форма	0.29	прилив	0.44
зона	0.26	глубина	0.42
длина	0.25	скорость	0.42
происхождение	0.25	течение	0.40
гребень	0.23	высота	0.39
океан	0.23	качка	0.35
продукт	0.23	образование	0.35
обрушивание	0.23	география	0.34
дно	0.22	период	0.29
образование	0.21	корабль	0.29
эрозия	0.20	гребень	0.27
глубина	0.20	бурение	0.27
поверхность	0.20	длина	0.26
скорость	0.20	изменение	0.24
пляж	0.19	направление	0.24
энергия	0.18	дно	0.23

предлагались участникам на родном языке испытуемых (испанском или русском) в целях усиления активации языка, поскольку языковые формы действуют как указатели на концептуальную информацию [Santos et al. 2011: 107]. Эксперимент происходил анонимно, и все испытуемые выразили желание участвовать на добровольной основе без финансовой компенсации. Перед экспериментом информантам было предложено заполнить анкету, в которой указывался их пол, возраст, родной язык, страна, профессия и уровень образования (неполное высшее или высшее).

Рекомендуемое количество участников для данного типа экспериментов – 20-60

[Paolieri et al. 2010; Salamoura and Williams 2007]. Итак, в нашем эксперименте приняли участие 36 русских и 36 испанских информантов. В соответствии с распределением текстов по уровню их специализации в корпусе, 18 человек (50%) не были специалистами в области океанологии, 9 (25%) являлись «полуспециалистами» и 9 (25%) были специалистами. В ходе эксперимента группы информантов подразделялись на основании двух факторов: первый фактор – язык (русский и испанский), второй фактор – уровень знаний (неспециалист, «полуспециалист» и специалист). Основные характеристики и условия эксперимента были максимально гомогенизированы для всех участников.

Неспециалистами (18 для каждого языка) были студенты в возрасте от 19 до 29 лет (средний возраст ~22 года), носители русского или испанского языков. Испанские участники – студенты Гранадского университета, русские – студенты Пермской Фармацевтической академии. Решение о включении студентов в качестве субъектов было обусловлено тем, что часть корпуса состояла из учебников для средних школ, посвященных окружающей среде, т.е., на наш взгляд, реакции студентов, недавно обучавшихся в школе, корректно сопоставлять с данными, полученными из корпуса.

«Полуспециалистами» были информанты (9 для каждого языка) в возрасте 24-65 лет (средний возраст ~46 лет), имеющие высшее гуманитарное образование, что предполагает наличие у информантов более глубоких общеобразовательных знаний. Специалистами (9 для каждого языка) были участники в возрасте 26-66 лет (средний возраст ~41 год), являющиеся профессионалами в области метеорологии, техники, физики, гидробиологии или других дисциплин, связанных с окружающей средой, и работающими в сфере океанографии. Информанты

Таблица 4.

Частотные единицы ассоциативного эксперимента на двух языках

Частотные единицы на испанском языке (в переводе)	Частотность (%)	Частотные единицы на русском языке	Частотность (%)
пляж	5.81	море	5.08
море	5.58	колебание	3.48
песок	3.49	вода	2.94
сёрфинг	3.02	волна	2.94
солнце	2.79	цунами	2.94
соль	2.56	океан	2.67
рыба	2.33	прилив	2.41
вода	2.33	прибой	2.14
корабль	2.09	соль	2.14
ветер	1.86	длина	1.87
отпуск	1.86	шторм	1.87
воздух	1.63	ветер	1.34
голубой	1.63	распространение	1.34
пена	1.63	амплитуда	1.07
наслаждение	1.40	высота	1.07
умиротворение	1.40	жидкость	1.07
цунами	1.40	отдых	1.07
лето	1.40	пена	1.07
волна	1.16	период	1.07
рыбалка	1.16	рябь	1.07
побережье	1.16	скорость	1.07
прохлада	0.93	умиротворение	1.07
медуза	0.93	волна-убийца	1.07
берег	0.93	физика	1.07
юг	0.93	шум	1.07
высота	0.70	песок	0.80
чайка	0.70	плавание	0.80
плавание	0.70	поверхность	0.80
период	0.70	движение	0.80

этой категории – сотрудники Института океанографии в Москве (Россия) и Института океанографии в Малаге (Испания).

В русскую группу входило 20 женщин и 16 мужчин, испанская группа состояла из 19 женщин и 17 мужчин, что составило в общей сложности 39 женщин и 33 мужчин.

Каждая группа проходила тест в отдельной сессии. Всех испытуемых просили записывать первые слова, приходящие в голову, когда они слышали ключевое слово *волна*, следуя протоколу норм для свободного ассоциативного эксперимента [Nelson et al. 1998b]. Максимальная продолжительность

эксперимента составила 15 минут. Для обеспечения более спонтанных и объективных реакций испытуемые не были проинформированы о целях эксперимента.

Ответы испытуемых, которые в основном состояли из существительных, глаголов и прилагательных, были объединены по морфологическому принципу. Фразеологические единицы были разделены, и каждая единица учитывалась отдельно. Все повторы слов были расценены как новые слова, так как факт их повторения отражает повышенную значимость некоторых концептуальных отношений.

Таблица 5.

Частотные единицы русского корпуса vs. частотных единиц ассоциативного эксперимента с русскими информантами

Частотные единицы психолингвистического эксперимента	Частотность (%)	Частотные единицы по данным корпуса	Частотность (%)
море	5.08	волна	3.07
качка	3.48	море	1.36
вода	2.94	вода	1.17
волна	2.94	уровень	0.72
цунами	2.94	движение	0.64
океан	2.67	океан	0.62
прилив	2.41	ветер	0.58
прибой	2.14	поверхность	0.53
соль	2.14	сила	0.53
длина	1.87	берег	0.49
шторм	1.87	прилив	0.44
ветер	1.34	глубина	0.42
распространение	1.34	скорость	0.42
амплитуда	1.07	течение	0.40
высота	1.07	высота	0.39
жидкость	1.07	качка	0.35
отдых	1.07	образование	0.35
пена	1.07	география	0.34
период	1.07	период	0.29
рябь	1.07	корабль	0.29
скорость	1.07	гребень	0.27
умиротворение	1.07	бурение	0.27
волна-убийца	1.07	длина	0.26
физика	1.07	изменение	0.24
шум	1.07	направление	0.24
поверхность	0.80	дно	0.23
движение	0.80	наблюдение	0.23

Время ответа составило в среднем 5-10 минут. Количество полученных единиц было следующее: 408 на русском языке и 444 на испанском языке. Среднее количество слов, воспроизведенных каждым информантом: 12 (испанский) и 11 (русский). Результаты были просмотрены, объединены и переведены в электронный формат вручную для последующей их обработки программой WordSmith и получения частотного списка слов.

В таблице 4 показаны наиболее частотные ответы информантов (серым цветом выделены ячейки с совпадающими в обоих языках единицами).

Как видно из таблицы, наиболее частотными единицами являются также присутствовавшие в списке частотных единиц предыдущего этапа исследования: *море, океан, вода, поверхность, ветер, шторм, прибой, колебание, движение, период, высота, пляж* и т.д. Эти единицы отражают наличие всех макрокатегорий *environmental event* и совпадают в данных обоих языков, зачастую имея близкий показатель частотности.

Данные психолингвистического эксперимента показали, что ответы информантов во многом совпали с ключевыми понятиями, извлеченными ранее из корпусов. В таблице 5 показаны наиболее частотные единицы, выделенные из данных психолингвистического эксперимента с русскими информантами и данных русского корпуса (серым цветом выделены ячейки с единицами, совпадающими в обоих частотных списках).

В таблице 5 представлены ключевые слова, которые, помимо своей принадлежности к макрокатегориям *environmental event*, доказывают существующее значительное соответствие по самой высокой частотности слов, присутствующих как в корпусе, так и в ответах информантов, даже нередко совпадая по показателям частотности.

Как и следовало ожидать, среди результатов анализа корпуса и реакций информантов большинство из понятий, относящихся к более глубоким знаниям, были получены от специалистов. Данный

фактор обеспечил присутствие элементов всех макрокатегорий *environmental event* и явился залогом получения информации о понятии *волна* на всех уровнях в обоих языках. Следовательно, процессы, вызванные *волной* (такие как, *морская эрозия*), фазы ее формирования и распространения, ее атрибуты были упомянуты в основном специалистами. Эти термины обогатили знания о концептуальных отношениях *волны* и ее основной концепции. Полная информация о понятиях обеспечивает наиболее всеобъемлющее и точное описание любого концепта при формулировании его дефиниции. А использование ассоциативного эксперимента дает возможность по-новому взглянуть на организацию концептуальных сетей.

В качестве **выводов** необходимо отметить следующее: результаты данного исследования показывают, что, опираясь на макрокатегорию фрейма, можно сделать более эффективный и полный анализ данных, извлеченных из корпуса и выявленных из ответов ассоциативных экспериментов. В процессе анализа было установлено значительное соответствие между основными концептуальными отношениями, активированными макрокатегориями *environmental event*, встречающимися как в корпусе, так и в данных, полученных в результате ассоциативного эксперимента на слово-стимул *волна* на русском и испанском языках.

Наличие одних и тех же ключевых понятий было подтверждено обеими частями исследования. Данные результатов исследования корпуса и данные, полученные в процессе анализа результатов ассоциативного эксперимента, были естественными и репрезентативными. Кроме того, данные ассоциативного теста также подверглись лексическому анализу с помощью компьютерных программ.

Списки единиц, приведенные в таблицах частотности слов, подтверждают концептуализацию понятия *волна* как процесса в виде *environmental event*, что подтверждает правильность подхода к структурированию

специализированных знаний с точки зрения их динамики.

Вышеприведенный анализ результатов экспериментов позволяет утверждать, что выделение специализированных знаний из терминологии и их структурирование в динамичный, супралингвистический и прототипичный для определенной области знания фрейм облегчают организацию и репрезентацию специализированных знаний в многоязычных ТБЗ. Это исследование показало успешность сочетания корпусно-лингвистических и психоллингвистических экспериментальных методов в терминове-

дении. Этот тип методологии исследования позволяет получить более ясное представление о структуре специализированных знаний, а также помогает проникнуть вглубь основных когнитивных процессов концептуализации и специализированного ментального лексикона. Опираясь на данные исследования, можно повысить эффективность репрезентации и передачи специализированных знаний, помогая конечному пользователю успешно использовать терминологические ресурсы, что в итоге вносит вклад в успех специализированной коммуникации.

Список литературы

Andrews, M., Vigliocco, G., and Vinson, D. 2009. "Integration experimental and distributional data to learn semantic representations." *Psychological Review* 116: 463–498.

Barsalou, L. W. 2008. "Grounding symbolic operations in the brain's modal systems." In *Embodied Grounding: Social, cognitive, affective, and neuroscientific approaches*, ed. By G. R. Semin and E. R. Smith, 9–42. New York: Cambridge University Press.

Barsalou, L.W. 2003. "Situating simulation in the human conceptual system." *Language and Cognitive Processes* 18: 513–562.

Barsalou, L.W., Breazeal, C., and Smith, L. B. 2007. "Cognition as coordinated non-cognition." *Cognitive Processing* 8: 79–91.

Barsalou, L.W. and Wiemer-Hastings, K. (2005). "Situating abstract concepts". In D. Pecher and R. Zwaan (eds.), *Grounding cognition: The role of perception and action in memory, language, and thought*, 129–163. New York: Cambridge University Press.

Bowker, L. and Meyer, I. (1993). "Beyond Textbook. Concept systems: handling multidimensionality in a new generation of term banks". In *TKE '93 Terminology and Knowledge Engineering*, Schmitz, K.D. (ed.), 123–137. Frankfurt/a.M: Indeks Verlag.

Faber, P. 2009. "The cognitive shift in terminology and specialized translation." *MonTI. Monografías de Traducción e Interpretación* 1: 107–134.

Faber, P. 2011. "The dynamics of specialized knowledge representation: simulational reconstruction or the perception-action interface." *Terminology* 17 (1): 9–29.

Faber, P. (ed.). 2012. *A Cognitive Linguistics View of Terminology and Specialized Language*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton.

Faber, P., Montero, S., Castro, R. Senso, J., Prieto, J.A., Márquez, C. and Vega, M. 2006. "Process-oriented terminology management in the domain of Coastal Engineering." *Terminology* 12 (2): 189–213.

Faber, P., León Araúz, P., Prieto Velasco J.A., and Reimerink, A. (2007). "Linking Images and Words: the description of specialized concepts (extended version)". *International Journal of Lexicography* 20 (1), 39–65.

Faber, P., Márquez, C. and Vega, M. 2005. "Framing Terminology: A process-oriented approach." *Meta: journal des traducteurs /Meta: Translators' Journal* 50 (4).

Faber, P., López-Rodríguez, C.I., and Tercedor, M. 2001. "Utilización de técnicas de corpus en la representación del conocimiento médico." *Terminology* 7 (2): 167–197.

- Fillmore, C. J. 1982. "Frame Semantics." in *Linguistics in the Morning Calm* ed. The Linguistics Society of Korea, 111–137. Seoul: Hanshin.
- Fitzpatrick, T. and Izura, C. 2011. "Word association in L1 and L2: An exploratory study of response types, response times and interlingual mediation." *Studies in Second Language Acquisition* 33: 373–398.
- Guilquin, G. and Gries, S.T. 2009. "Corpora and experimental methods: A state-of-the-art review." *Corpus Linguistics and Linguistics Theory* 5-1: 1-26.
- Grabar, N. and Zweigenbaum, P. 2004. "Lexically-based terminology structuring." *Terminology* 10 (1): 23–53.
- Hills, T. T., Maouene, J., Riordan, B. and Smith, L. B. 2010. "The associative structure of language: Contextual diversity in early word learning." *Journal of Memory and Language* 63: 259–273.
- Kageura, K. (1997). "Multifaceted/Multidimensional Concept Systems". In *Handbook of Terminology Management. Volume 1: Basic Aspects of Terminology Management*, Wright, S.E. y G. Budin (eds.), 119-132. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Macizo, P., Gómez-Ariza, C. J., and Bajo, M. T. 2000. "Associative norms of 58 Spanish words for children from 8 to 13 years old." *Psicológica* 21: 287–300.
- McEvoy, C. L. and Nelson, D. L. 1982. "Category name and instance norms for 106 categories of various sizes." *The American Journal of Psychology* 95 (4): 581–634.
- Nation, K. and Snowling, M. J. 1999. "Developmental differences in sensitivity to semantic relations among good and poor comprehenders. Evidence from semantic priming." *Cognition* 70: B1–B13.
- Nelson, D. L., McEvoy, C. L., and Dennis, S. 2000. "What is free association and what does it measure?" *Memory & Cognition* 28 (6): 887–899.
- Nelson, D.L., McKinney, V. M., Gee, N. R., and Janczura, G. A. 1998a. "Interpreting the influence of implicit and explicit representations." *Psychological Review* 99: 322–348.
- Nelson, D.L., McEvoy, C. L., and Schreiber, T. 1998b. *The University of South Florida Word Association, Rhyme, and Word Fragment Norms*. <http://www.usf.edu/Free.Association/>.
- Nelson, D.L., Schreiber, T. A., and McEvoy, C. L. 1992. "Processing implicit and explicit representations." *Psychological Review* 99 (2): 322–348.
- Paolieri, D., Cubelli, R., Macizo, P., Bajo, T., Lotto, L., and Job, R. (2010). "Grammatical gender processing in Italian and Spanish bilinguals". In *The Quarterly Journal of Experimental Psychology* 63: 8, 1631–1645.
- Salamoura, A. and Williams, J.N. (2007). "The representation of grammatical gender in the bilingual lexicon: Evidence from Greek and German". In *Bilingualism: Language and Cognition* 10 (3), 257–275.
- Santos, A., Chaigneau, S. E., Simmons, W. K., and Barsalou, L. W. 2011. "Property generation reflects word association and situated simulation." *Language and Cognition* 3 (1): 89–119.
- Simmons, W. K., Hamann, S. B., Harenski, C. L., Xiaoping, P. Hu, X. P. and Barsalou, L.W. 2008. "fMRI evidence for word association and situated simulation in conceptual processing." *Journal of Physiology-Paris* 102: 106–119.
- Tercedor-Sánchez, M.I. and López-Rodríguez, C.I. 2008. "Integrating corpus data in dynamic knowledge bases." *Terminology* 14 (2): 159–182.
- Tummers, J., Heylen, K., and Geeraerts, D. 2005. "Usage-based approaches in Cognitive Linguistics: A technical state of the art." *Corpus Linguistics and Linguistic Theory* 1 (2): 225–261.

10th International
Congress of ISAPL

26–29 June 2013
Moscow, Russia

ISAPL

УДК 81.111'22

Чжао Цюе

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОВОГО УСЛОВНОГО ВЫРАЖЕНИЯ «КРАСИВЕЙШИЙ + ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»¹

В статье анализируется словосочетание “zuimei+mingei” «красивейший + имя существительное» как новое языковое средство выражения эстетической и этической оценки. Анализ специфики номинаций посредством данного словосочетания, с привлечением результатов психолингвистического эксперимента демонстрирует не просто социолингвистическое явление, но и изменения, происходящие в языковом сознании носителей современного китайского языка.

Ключевые слова: эстетическая оценка, этическая оценка, языковое сознание, психолингвистический эксперимент.

Zhao Qiuye

LANGUAGE AWARENESS DYNAMICS IN MODERN CHINA FROM THE PERSPECTIVE OF NEW CONVENTIONAL EXPRESSION «КРАСИВЕЙШИЙ + ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ»

The research presented in the article investigates the phrase “zuimei+mingei” as a new language means of aesthetic and ethic assessment. The analysis of nomination by the means of the phrase in question involving psycholinguistic experiment demonstrates not only sociolinguistic phenomenon but changes which are taking place in the language awareness of modern Chinese.

Keywords: aesthetic assessment, ethic assessment, language awareness, psycholinguistic experiment.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта 12BYU143 (Китай).

Китай – страна, имеющая особую цивилизацию с особой нормой ценностей. Этические и моральные взгляды древних китайцев на мир были тесно связаны с эстетическими. Так, в китайском языке и в языковом сознании китайцев существует противопоставление: *zhen* «истина», *shan* «добро» и *mei* «красота» противопоставляются *jia* «ложь», «зло» и *chou* «уродство».

В китайском языке *meide*, *meili* «красивый» употребляется в значении *haode* «хороший», поскольку китайцы больше ценят внутреннюю, духовную красоту. И хотя эти взгляды и ценности сохраняются с течением времени, с изменением жизни в Китае изменяется и духовный мир китайцев.

В современном Китае часто обсуждаются такие вопросы, как кризис морали, совести и веры, особенно у представителей молодого поколения. Некоторые считают, что молодые китайцы больше стремятся к материальному богатству, заботятся только о своих интересах, холодно относятся друг к другу. В такой социальной ситуации оказывается важным возрождение национального духа и исконных культурных ценностей.

В последние годы в Интернете и других средствах массовой коммуникации Китая появилось новое словосочетание: *zuimei+mingci* «красивейший + имя существительное», которое имеет два значения. Во-первых, *zuimei+ren* означает «красивейший человек»; например, возможны сочетания *красивейший студент*, *красивейшая учительница*, *красивейший продавец*, *красивейшая медсестра*, *красивейшая мама*, *красивейший крестьянин*, *красивейший солдат*, *красивейший водитель*, *красивейший врач из деревни* и т.д. Во-вторых, *zuimei+shi* означает «красивейшие предметы», например, *красивейший Китай*, *красивейшая деревня*, *красивейший город*, *красивейшая книга*, *красивейшая мода*, *красивейший вуз*, *красивейшая китайская песня*. Сочетаний такого типа раньше не было, оно противоречит и грамматическим нормам сочетаемости. Однако оно показывает изменения, происходящие в сознании носителей современного китайского языка и культуры.

Слово *mei* «красота» является одним из ключевых слов китайской культуры. Красота касается всех сторон жизни человека, материальных и духовных, не только воплощаясь в предмете, но и питая душу и тело человека [Тань Аошуан 2004: 188]. В современном китайском нормативном словаре слово (иероглиф) *mei* представлено и как прилагательное, и как существительное. В данной статье мы рассматриваем прилагательное *mei* («красивый»), а также *zuimei* «красивейший».

Прилагательное *mei* имеет пять значений. Первое из них – *mei*, *haokan* «красивый, хорошо смотреться», *gen chou xiang dui* – противопоставляется иероглифу *chou* «уродство». Второе значение – *shi meili* «сделать кого-либо или что-либо красивым». Третье значение задается через *shi ren manyi* «вызвать чувство удовольствия» или *hao* «положительные ощущения», *rizi guo de tingmei* «хорошо живётся». Четвёртое значение – *meihao de shiwu*, *hao shi* «прекрасное, хорошее дело». Пятое, диалектное – *deyi* «быть довольным (собой)» [Xiandai Hanyu 2012: 883–884].

Согласно данным словарей, знак *mei* реализуется в сочетании *meiren* «красавица», *meiguan* «красивая форма» (о внешнем виде или интерьере здания), *meigan* «чувство восприятия прекрасного», *mei shu* «изобразительное искусство», *mei yu* «эстетическое воспитание», *meimiao* «красиво, чудесно», *meili* «вызывающее у человека приятное ощущение красоты», *mei tao* «красивая внешность», *mei cheng* «красивое название», *mei yi* «хорошие намерения, желания».

Вторая группа сочетаний – *mei de* «добродетель», *meihao* «благопожелание», *mei ming* «доброе имя, высокий авторитет», *mei yu* «хорошая репутация», *mei tan* «красивая история».

В этих словосочетаниях выражается не только эстетическая, но и этическая оценка. Существует китайская поговорка: *ai mei zhi xin*, *ren jie you zhi*, – т.е. *каждый любит красоту и стремится к красивому*. Тань Аошуан [2004: 187] считает, что в китайском языке знаки *mei* «красота» и *hao* «хорошо, хорош,

добродетель» синонимичны не только в лексическом, но и в психологическом плане, т.е. значение *mei* скорее входит в значение *hao*. Именно поэтому в XXI веке в китайском языке появилось употребление «*красивейший* + имя существительное» в значении *самые хорошие (добрые) люди (личность), красивые предметы, места*. Эти выражения, впервые появившись в Интернете, постепенно стали употребляться и в прессе, и официальных документах Китая.

После экономической перестройки быстрое развитие Китая привело к существенному подъему уровня жизни людей. На первый план в этих условиях выходит забота о материальном благосостоянии, люди начинают равнодушно относиться друг к другу, им не хватает взаимного доверия. Такой социальный феномен вызывает горячую дискуссию о кризисе морали: обсуждая свои и чужие поступки, люди стремятся к поиску примеров высокой морали. В последние два года в качестве таких примеров появляются народные герои из числа обычных людей: это люди, которые, несмотря на трудности жизни, работают на совесть, отдавая делу всю свою энергию и любовь, или которые помогают другим людям, спасают их и даже жертвуют ради них собственной жизнью.

В выражении «*красивейший* + имя существительное», таким образом, представлено не просто социолингвистическое явление – в нем отражено изменение китайского языкового сознания. Семантическая и прагматическая функция слова *mei* «красота» постепенно расширяется, развивается, становится более открытым. *zuimei* «красивейший», означая «самый хороший, наилучший, выдающийся», имеет и положительную моральную оценочность. *Красивейшая учительница* называет героиню-учительницу, которая спасла жизни учеников во время аварии, сама оставшись инвалидом. *Красивейшая мама* – это мать, которая спасла жизнь малыша, упавшего с высокого здания, и получила при этом серьезную травму. *Красивейший продавец* говорится о человеке (продавце), который ценой своей жизни спас упавших в реку мальчиков, и т.д.

По результатам анкетирования, проведенного газетой «Китайская молодежь» (19 февраля 2012 г.), 85,7% испытуемых считает, что в данный момент в Китае нужно качество *junzi* (этический образ человека, которого можно назвать благородным мужем), и это объясняет стремление людей к восстановлению народной морали и культурных ценностей. Итоги анкетирования, представленные в той же газете от 22 мая 2012 г., – 77,9% испытуемых считает, что в данный момент в Китае добродетельным героям трудно жить. Но, несмотря на эти результаты, мы полагаем, что появление словосочетания «*красивейший*+имя существительное» означает возвращение моральных норм и главных духовных ценностей китайской культуры: *zhen* «истина», *shan* «добро» и *mei* «красота».

Восьмого ноября 2012 г. в Китае состоялся XVIII-ый съезд китайской компартии. В официальном докладе впервые было представлено новое понятие – «создание красивого Китая». Оно означает, что в настоящий момент и в будущем китайцы будут стремиться создавать не только духовное и материальное богатство, но и экологическую цивилизацию – «экологический красивый» Китай.

В текущем году на центральном телевидении Китая появилась новая программа, целью которой является поиск самых добрых и хороших примеров в людях - ищут «самого красивого врача», «самого красивого служащего», «самого красивого учителя», «самого красивого пожарного» и т.д. Восьмого марта 2013 г. также на центральном телевидении был устроен вечер «Вместе с красотой»; 23 марта 2013 г. в Москве состоялась церемония открытия Года китайского туризма в России, под названием «Красивый Китай». А сейчас в Китае популярна песня «Китайская красота».

Таким образом, появление в китайском языке словосочетаний с прилагательными *meili* «красивый» и *zuimei* «красивейший» отражает динамику китайского языкового сознания. Неслучайно, и по данным свобод-

ных ассоциативных экспериментов в языковом сознании китайцев слово *meili* «красивый» по частотности реакций заняло первое место [Сюй Гаоюй, Чжао Цюе и др. 2008].

В 2004 г. с целью исследования китайского языкового сознания автором этой статьи был проведён свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 264 испытуемых разного пола, возраста и специальности (большинство – студенты). Согласно полученным данным, слово *meilide*

(«вызывающее у человека приятное ощущение красоты») занимает первое место по частотности реакций (всего ок. 38% реакций), *piaoliangde* «красивый» – третье место (всего ок. 17% реакций), *meihaode* («благопожелание», «красивый» и «хороший») – двадцать третье место (всего ок. 5% реакций). Если считать данные реакции синонимичными, то их совокупная частота еще более увеличивается – около 60%.

Список литературы

- Китайская молодёжь: газета. – 2012. – №2; №11. – Пекин. – CN11-0061.
Сюй Гаоюй, Чжао Цюе и др. Российская психолингвистика и обучение иностранным языкам. – Пекин: Пекинский университет. – 2008. – 248 с.
Тань Аошунан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. – М.: Языки славянской культуры. – 2004. – С.187–188.
Xiandai Hanyu cidian 2012 [Нормативный словарь современного китайского языка]. – Пекин, 2012. – С. 883–884.

Цзинь Тао

УДК 81.23

**РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРЫ СОСТОЯНИЕ → МЕСТО
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ**

В статье на основе сравнения работ американских и русских исследователей, посвященных вопросу метафоры эмоций в языковом сознании, выделены три вида аналогий, на которых базируется объективизация эмоций: СОСТОЯНИЕ→МЕСТО, ЭМОЦИИ→ЭНЕРГИЯ, ЭМОЦИИ→ПРЕДМЕТ. Рассмотрена реализация аналогии СОСТОЯНИЕ → МЕСТО с применением глагола *выйти* и его аналога в китайском языке 出. Выяснена причина различий данного метафорического переноса в китайском и русском языковом сознании. Результат анализа показывает, что аналогии между СОСТОЯНИЕМ и МЕСТОМ актуальны для сознания потому, что в пространственной модели, применяемой для реализации метафоры, МЕСТО зафиксировано с определенными ощущениями и переживаниями, которые могут различаться для представителей разной культуры.

Ключевые слова: объективизация, аналогия, место, состояние, пространственная модель.

*Tszin Tao***REALIZATION ON THE METAPHOR STATE → LOCATION
IN LANGUAGE AWARENESS**

The paper has studied the American and Russian researchers' comparison works of dealing with the question of metaphors of emotions in the language consciousness, and then distinguished three analogies based on objectification of emotions: STATUS → PLACE, EMOTIONS→ENERGY, EMOTIONS→SUBJECT. Further studies of the analogy of STATE → PLACE by using their representative words, the verb *выйти* and its counterpart in the Chinese language 出 have revealed the cause of the difference of this metaphorical transfer in Russian and Chinese language consciousness. The result of the analysis shows that the analogy between the STATUS and PLACE relates to consciousness because in a spatial model applied for the implementation of metaphors, the PLACE is fixed with certain feelings and experiences which may vary for the representatives of different cultures.

Key words: objectification, analogy, place, status, spatial model.

Последнее время метафорическая концептуализация эмоций становится предметом исследования многих авторов. Возникновение интереса к данному вопросу во многом связано с выходом книги «Метафоры, которыми мы живем» [Дж. Лакофф, М. Джонсон, 2004]. В данной работе при рассмотрении ориентационных метафор было выделено несколько моделей, связанных с репрезентацией психологических состояний: «HAPPY IS UP; SAD IS DOWN CONSCIOUS IS UP; UNCONSCIOUS IS DOWN; HEALTH AND LIFE ARE UP; SICKNESS AND DEATH ARE DOWN». Исследователи также утверждают, что «различные виды состояний также можно концептуализировать как вместилища» [там же: 57]. Если обобщить примеры метафор о «любви» (любовь – это физическая сила, больная, сумасшествие, колдовство, война) [там же: 80–83], то можно констатировать, что восприятие психологических состояний тесно связано с ощущением их силы воздействия на человека.

На наш взгляд, ценность данной работы, прежде всего, заключается в том, что она четко определила метафору как основную черту мыслительных процессов: «Мы утверждаем, что процессы человеческого мышления во многом метафоричны» [там же: 27]. Однако вопрос о том, насколько выделенные на материалах английского языка метафорические модели справедливы для языка в целом, остается открытым.

Е.В. Булыгина и А.Д. Шмелев при анализе особенностей языковой концептуализации эмоций подчеркивают, что «выбор выражения в большинстве случаев является семантически мотивированным, однако выявление мотивировки должно быть основано не на примитивном «буквальном» прочтении метафорических выражений (которое может использоваться лишь как эвристический прием), а на семантическом анализе слов, обозначающих эмоции» [Булыгина, Шелев, 2000: 280]. Подразделяя эмоции на «впечатления», «эмоциональные состояния» и «стихийные чувства», авторы приходят к выводу

о том, что пространственно-двигательные метафоры соответственно можно представить следующим образом: «впечатление – это то, что человеку *приносит* или *доставляет* окружающий мир, в эмоциональные состояния он *приходит*, *впадает* или *погружается*, а стихийные чувства *охватывают* человека».

Если сравнить работы представленных выше исследователей, то мы можем отметить одну общую черту: для выделения мотивировки метафор концептуализации эмоций необходимо обратиться к глаголам, которые могут быть употреблены со словами, обозначающим тот или другой вид эмоций. К этим словам применяются глаголы, которые репрезентируют взаимодействия человека с реальным материальным миром. Это означает, что эмоции воспринимаются человеком не абстрактно, а на основе аналогий с чем-то, что доступно нашим сенсорным органам. Иными словами, эмоции актуальны для сознания так же, как актуально нечто осязаемое.

С этой точки зрения, вышеуказанные выводы, полученные при исследовании материалов английского и русского языков, свидетельствуют, по крайней мере, о наличии нескольких видов аналогий, на которые опирается метафорическая объективизация эмоций.

1. Эмоции – это энергетический поток с его движением и силой воздействия. С одной стороны, движение энергии человек может ощутить внутри себя, с другой – человек может оказаться под воздействием этой энергии извне;

2. Эмоции – это состояния, в которых человек может пребывать.

3. Эмоции – это нечто, что можно получить от окружающего мира.

Соответственно, объективизация эмоций строится на аналогиях ЭМОЦИИ → ЭНЕРГИЯ, СОСТОЯНИЕ → МЕСТО, ЭМОЦИИ → ПРЕДМЕТ. Благодаря этим аналогиям абстрактные эмоции становятся оперируемыми элементами для языкового сознания. Поскольку эти аналогии тесно связаны с такими концептами, как «движе-

ние», «место», «предмет», то естественным становится то положение, что метафора для репрезентации эмоций часто оказывается пространственной.

В разных языках реализация этих аналогий для объективизации эмоций может значительно отличаться. Даже применение одной и той же аналогии для построения метафорических моделей не обеспечивает полную эквивалентность в их возможностях репрезентации эмоций в разных языках. Далее мы на примерах реализации аналогии СОСТОЯНИЕ → МЕСТО с применением глагола *выйти* и его аналога в китайском языке 出 (оба глагола репрезентируют перемещение вовне в физическом пространстве) продемонстрируем, что метафорические модели функционируют под воздействием множества факторов, и эти факторы зачастую обусловлены культурой.

Как нам представляется, метафорическую связь между локализацией места и восприятием состояния может получить вполне логическое толкование: любое состояние – величина переменная, со временем под воздействием разных причин оно замещается другим состоянием. Ограниченность «состояния» по времени в языковом сознании метафорически отображается через локализованность в пространстве: «состояние» репрезентируется как «место» с границами, с возможностью вместить в себя что-то. Легко найти метафорическую параллель между «местом» и «состоянием» в таких русских выражениях, как:

находиться в каком-то месте – находиться в каком-то состоянии;

перейти из одного места в другое – перейти из одного состояния в другое;

выйти из какого-то места – выйти из какого-то состояния.

Однако если в принципе *находиться* можно в любом состоянии, то применение глаголов, изначально репрезентирующих разного рода перемещения, явно требует наличия общего признака между определенными «местом» и «состоянием».

Достаточно сравнить выражения *перейти из одного состояния в другое* и *выйти*

из какого-то состояния, чтобы понять, что применение *выйти* для обозначения смысла 'Объект А перестает быть в состоянии X' [Апресян 1995: 496] указывает не только на изменение прежнего состояния. Необходимым компонентом в этом случае является субъективная оценка состояний до и после перемены. Анализируя языковые данные, мы попытаемся сначала выяснить, какие состояния составляют в русском языковом сознании бинарную оппозицию по образу противопоставления пространственной замкнутости/ открытости.

Исходя из признака, на основе которого образовывается бинарная оппозиция состояний, можем выделить следующие виды бинарной оппозиции:

1) Бинарная оппозиция на основе оценки плохо / хорошо.

К этой подгруппе относится большинство выражений, конструированных с помощью *выйти* в смысле 'Объект А перестает быть в состоянии X'.

а) состояние, обусловленное сложностями, трудностями, противопоставлено состоянию, когда сложности сняты, трудности преодолены:

выйти из тупика (тупикового состояния), неопределенности, затруднения, минуса, создавшегося положения, сложной ситуации, черной полосы, кризиса, неведения, заблуждения, конфликта, любовного треугольника, черного списка;

б) угнетенное, болезненное, ненормальное состояние человека противопоставлено состоянию здоровому, нормальному:

выйти из одиночества, стресса, депрессии, апатии, похмелья, запоя, ступора, невроза, транса, комы, инфаркта;

в) неактивное состояние противопоставлено состоянию желаемой активности:

выйти из состояния минимума активности, застоя.

В вышеперечисленных случаях состояния, метафорически локализуемые как «замкнутое пространство», из которого «выходят», имеют устойчивую оценочную характеристику как «плохие», «нежелательные». Обратный процесс, т. е. процесс

«перемещения» в подобные состояния, не выражается глаголом *войти* или *прийти*, в чьей семантике содержится фактор «контролируемость», а глаголами *впасть*, *попасть*, *казаться*, в которых отсутствует компонент целенаправленности действия.

В отдельных случаях локализация состояния и локализация деятельности фактически совпадают. Речь идет о перемене состояния, напрямую связанного с деятельностью субъекта (актера): *выйти из образа*, *выйти из роли*. Но и в этих выражениях содержится оценка состояния, из которого «выходят», как нежелательного, как состояния, от которого следует освободиться. Только в этих случаях данная оценка носит не столь устойчивый характер, она может быть изменена и на противоположную. Соответственно обратный процесс обозначается глаголом «войти», указывающим на целенаправленность действия.

Бинарная оппозиция на основе оценки возможности/невозможности контроля, оказания влияния:

выйти из повиновения, терпения, равновесия, себя, ума; из-под влияния, власти, контроля, опеки.

3) Бинарная оппозиция на основе оценки соблюдения/несоблюдения ограничения (ограничений):

выйти из поста, из диеты.

Ю.Д. Апресян при определении различий между более замкнутыми и менее замкнутыми (более открытыми) пространствами отметил, что в более замкнутых пространствах меньше возможностей входа и выхода и больше препятствий для перемещения [Апресян 1995: 491]. Как нам представляется, в этом определении заключается ключ к пониманию метафорической связи между замкнутым пространством и состоянием, которое «отображается» в русском языковом сознании как замкнутый участок пространства, из которого «выходят». Если в восприятии замкнутого участка пространства выступает на первый план ощущение препятствий, ограничений для перемещения, и «выйти» является не просто перемещением вовне, а действием, в результате

которого эти препятствия и ограничения будут преодолены. С этой точки зрения, вышеперечисленные виды бинарной оппозиции состояний имеют единую основу метафорического переосмысления. Состояния, из которых «выходят», по аналогу с замкнутым участком пространства препятствуют действию человека, сковывают его – проблемами, физиологическими или психологическими сложностями, ограничениями, наличием контроля и т. д. «Выход» из этих состояний означает преодоление препятствий и освобождение от ограничений, и для этого, как правило, нужно приложить определенное усилие.

По этой же причине состояния, из которых «выходят», в основном оцениваются как «плохие», «нежелательные». Нельзя *выйти из удачи, из радости, из здорового состояния*. Рассмотрим редкий случай, когда «выйти» употребляется по отношению к «хорошему» состоянию:

Мне не выйти из этого счастья
Шириною в обычный листок.
Снова буду по рельсам мчаться
Из привычных тетрадных строк.

Полустанками светлых мгновений
Откровенья души зажигать.
И ловить ручейки вдохновений,
Снизшедшую мне благодать.

...

А пока наслаждаюсь счастьем
Шириною в тетрадный листок
С не влезающим в рифму ненастьем
И с любовью расписанных строк.
[Ольга Вербина, <http://www.promegalit.ru/publics.php?id=1746>]

Очевидно, «счастье», о котором пишет автор, – это творчество с его радостями и муками. Употребление «выйти» указывает на то, что это «счастье» является состоянием, в котором человек не совсем «свободен», а является пленником своего желания творить.

Итак, когда при восприятии «замкнутого» пространства акцент сделан на том, что в этом месте существует ограничение для перемещения и действий, естественным образом порождается некая ценностная

установка в восприятии «закрытого» и «открытого». Если «закрытое» пространство вызывает ощущение ограничения и скованности, то «открытое» пространство – ощущение свободы. Соответственно ценностная установка «закрытого» / «открытого» будет отражена как «плохо» / «хорошо». На такую оценку пространства, существующую в русском языковом сознании и отраженную в глаголе «выйти» при абстрагировании его значения, в частности, указывает А. А. Зализняк. «Компонент ‘более открытое’ является обязательным, а не факультативным...», а «смысл ‘с достижением результата’», по-видимому, вообще не входит в инвариантное значение данного глагола, и его следовало бы заменить на что-то вроде ‘и это хорошо’ – компонент, который возникает в результате усиления имплицитной положительной оценки, содержащейся в идее открытого пространства» [Зализняк, 2006: 55].

Данная ценностная установка находит отражение не только в вышерассмотренных выражениях, когда сообщается «выйти откуда», т. е. эксплицируется состояние, метафорически репрезентированное как «замкнутое» пространство. В случаях, когда «выйти» эксплицирует «куда», также прослеживается оценка выхода в «открытое» пространство как «это хорошо»:

выйти на новый этап развития (на новый уровень; на новый виток противостояния; на новый праведный путь; на инновационный путь);

выйти на прорывные решения (на укрепление отношений; на конструктивный диалог);

выйти на положительный результат (на старт; на рекорд; на плановую (полную) мощь; на точку безубыточности; на стабильный доход; на рентабельность; на окупаемость).

Значение, которое выделено Ю. Д. Апресяном как «получить доступ» [Апресян, 1995: 494], на наш взгляд, также демонстрирует данную ценностную установку:

выйти на заместителя председателя Гостелерадио.

Обращаем внимание, что «выйти на кого-то» подразумевает, что этот кто-то – нужный человек, а также указывает, что для получения доступа к этому человеку было приложено определенное усилие, были преодолены определенные трудности.

Теперь рассмотрим, насколько китайский 出 способен конструировать вышперечисленные значения ‘Объект А перестает быть в состоянии X’, которые передаются в русском языке с помощью «выйти».

В словарной статье у 出 отсутствует выделенное значение как ‘Объект А перестает быть в состоянии X’. Но 出, безусловно, участвует в конструировании значения «выйти из плохого, нежелательного состояния», однако для этого необходимо добавление элемента действия – глагола движения с характеристикой его способа: 走^{цзоу}³ – передвигаться пешком, идти.

Смена состояний, репрезентируемая в китайском языке через 走出 (целенаправленное действие + пересечение границы замкнутого пространства), также демонстрирует бинарную оппозицию состояний на основе оценки «плохо» / «хорошо». Преодоление состояния, обусловленного сложностями и трудностями, освобождение от угнетенного, болезненного, ненормального и неактивного состояния в китайском языковом сознании также метафорически передается через «выход из замкнутого пространства»:

а) 走出危机、困难、风波、僵持 (困难、不利)局面、灾难: 走出 + кризис, трудности, скандал, ситуация противостояния, (трудная, неблагоприятная) ситуация, бедствие;

б) 走出迷惘、困惑、顾虑、犹豫、抑郁、混沌、孤寂、失利、病痛、悲伤、幻觉: 走出 + растерянность, недоумение, нерешительность, колебание, депрессия, хаос, одиночество, неудача, болезнь, скорбь, печаль, галлюцинация;

в) 走出低迷、停滞: 走出 + спад, застой;

г) 走出角色: 走出 + образ (роль).

Так же как и в русском языке, обратный процесс в первых трех случаях репрезентируется в китайском языке глаголом нецеле-

направленного, пассивного действия – 陷入 (попасть, впасть), а в случае г) – глаголом целенаправленного действия – 进入 (войти).

Сходство между китайским и русским языковым сознанием в плане метафорического переноса противопоставления пространства по признаку замкнутости / открытости на противопоставление состояний по оценке «плохо» / «хорошо» еще отражается в том, что в локализации «плохого» состояния возможно эксплицитное указание «границ» этого состояния. Например, в русском языке встречается такое выражение, как *выйти из порочного круга*. В китайском языке используются для этого следующие иероглифы с концептом места или предела:

境 *цзин*⁴ (территория, граница, рубеж): 走出困境、险境 – буквально: 走出 + трудный (опасный) + 境;

局 *цзюй*² (игра, партия; обстановка, положение): 走出困局、败局 – буквально: 走出 + трудный (проигрышный) + 局;

区 *цзюй*¹ (район, округ): 走出 (思维、情感、认识) 的误区 – буквально: 走出 + мышление (эмоция, познание) + служебное слово притяжательности + ошибка (ошибочный) + 区;

围 *вэй*² (окружение): 走出重围 – буквально: 走出 + многочисленный + 围;

圈 *цюань*¹ (круг): 走出怪圈 – буквально: 走出 + странный + 圈;

期 *ци*¹ (срок): 走出困难期、停滞期、胶着期 – буквально: 走出 + трудности + срок; 走出 + застой + срок; 走出 + безвыходный + срок.

Отличительной чертой эксплицитного указания предела «плохого» состояния в китайском языке является применение элемента 期 *ци*¹, который связан не с пространственным представлением, а с временным. Другая особенность в метафорическом представлении о «плохом» состоянии в китайском языковом сознании заключается в том, что для локализации такого состояния (чаще всего, связанного с психологическими, эмоциональными проблемами или болезнями) используются обозначения конкретных местностей:

阴影 *инь*¹*ин*³ (тьень): 走出 (心理、失

败) 的阴影 – буквально: 走出 + психология (поражение) + служебное слово притяжательности + тень;

泥潭 *ни*²*тань*² (трясина): 走出抑郁的泥潭 – буквально: 走出 + депрессия + служебное слово притяжательности + трясина;

沼泽 *чжао*³*цзэ*² (болото): 走出 (心理压力、情感) 的沼泽 – буквально: 走出 + психологическое давление (эмоция) + служебное слово притяжательности + болото;

荒漠 *хуан*¹*мо*⁴ (пустыня): 走出 (心灵、情感、文化) 的荒漠 – буквально: 走出 + душа (эмоция, культура) + служебное слово притяжательности + пустыня;

深谷 *шэнь*¹ *гу*³ (глубокая долина): 走出 (抑郁、低迷) 的深谷 – буквально: 走出 + депрессия (спад) + служебное слово притяжательности + глубокая долина.

Для метафорического обозначения «плохого» состояния также используются слова, прямое значение которых связано со сложностью дороги:

荆棘 *цзин*¹ *ци*² – тернистый куст

泥泞 *ни*²*нин*⁴ – слякоть

坎坷 *кань*² *кэ*³ – ухабы, рытвины

В сочетании с 走出 эти слова реализуют их метафорическое значение как сложный, трудный этап на жизненном пути.

В русском языке также встречается подобная натурализация «плохого» состояния и положения, но в сочетании с глаголом *выйти* в смысле 'Объект А перестает быть в состоянии X' не используются обозначения, которые, можно сказать, имеют «природное» происхождение. В этом случае метафорическая натурализация «плохого» состояния и положения реализовывается через обозначения местностей, которые возникают в результате человеческой деятельности: *тупик*, *запядня*.

Широкое применение обозначений природных труднопроходимых местностей, а также слов, чье прямое значение связано с трудностью дороги, для метафорической натурализации «плохого» состояния и положения в китайском языковом сознании наводит на мысли о том, что «走出» в значении 'Объект А перестает быть в состоянии X' следует рассматривать в широком контексте мета-

форы между жизненным путем (путем развития) и реальной дорогой в пространстве. «Плохое» состояние и положение воспринимается как трудный этап на жизненном пути со своими пределами по образу и подобию труднопроходимой местности со своими границами в пространстве.

В общую метафорическую картину жизненного пути вписывается и вышеупомянутое применение временного элемента 期 (срок) для эксплицитного указания предела «плохого» состояния. С одной стороны, жизненный путь имеет пространственную метафорическую основу – он состоит из разных этапов по образу и подобию разных отрезков дороги, с другой стороны, в восприятии «жизненного пути» содержится временное представление – этот путь состоит из разных периодов. Глагол 走, репрезентируя активное действие с выраженным направлением вперед, также подразумевает движение из прошлого в будущее, а 出, указывая на пересечение «границы», придает значение совершенности действия.

Рассмотрим другие языковые материалы, которые, на наш взгляд, также свидетельствуют о том, что в китайском языковом сознании в основе переносных значений «走出» лежит метафора «жизненного пути».

При рассмотрении репрезентации смены «плохого» состояния глаголом *выйти* в русском языке мы выделили три вида «плохого» состояния: состояние, обусловленное сложностями и трудностями; угнетенное, болезненное, ненормальное состояние человека и неактивное состояние. В китайском языке, помимо этих видов состояний, сочетание 走 + 出 способно репрезентировать смену еще одного вида «плохого» состояния – состояния, когда ошибочные представления или дурные привычки человека становятся препятствием для его дальнейшего развития:

走出 + 庸俗 юн¹су² (обывательщина, пошлость), 懒惰 лань³до⁴ (лень), 迷信 ми²синь⁴ (суеверия), 愚昧 юй¹эй⁴ (невежество), 畏惧 вэй⁴цзюй⁴ (страх), 怯弱 цюе⁴жо⁴ (малодушие, трусливость) и т. д.

В метафоре «жизненного пути» содер-

жится представление о развитии, о желании самосовершенствования. В контексте данной метафоры действие 走 – хождение по этому пути – становится движущей силой развития, а ошибочные представления или дурные привычки человека метафорически представляются как «места» на этом пути, которые нужно преодолеть, нужно из них «выйти».

Метафора «жизненного пути» находит отражение и в том, как различаются в китайском языке две именные формы «выход»:

出口 буквально: 出 + рот (проход) – «выход» в смысле ‘место, через которое выходят’ (прямое пространственное значение);

出路 буквально: 出 + дорога – «выход» в смысле ‘способ избавиться от затруднений’ (метафорическое значение).

В контексте метафоры «жизненного пути» действие 走 – хождение по этому пути – воспринимается как движущая сила развития, а 出, означая пересечение «границы», придает значение совершенности действия.

Итак, при метафорической репрезентации смены состояний, с применением перемещения из замкнутого пространства в открытое пространство, русское и китайское языковое сознание демонстрирует общую черту, которая отражается в представлении о «плохом» состоянии как о чем-то замкнутом, с границами, и «выход» из него означает избавление и освобождение. Однако в русском языковом сознании в данном метафорическом переносе акцент сделан на параллели между наличием препятствий для действия человека в замкнутом пространстве и наличием ограничений для человека при нахождении в определенных состояниях, а в китайском языковом сознании, прежде всего, существует общее метафорическое представление о «жизненном пути» как дороге в пространстве. На фоне этого представления определенные состояния воспринимаются как «места» на дороге, откуда надо выбираться. По этой причине такие выражения, как *выйти из повиновения, из-под контроля, из диеты* не могут быть конструированы в китайском языке с помо-

щью глагола 出. Кроме того, у 出 совсем нет возможности конструировать «выход в хорошее состояние». Генетически это связано с тем, что 出 при обозначении перемещения в физическом пространстве также не способен свободно репрезентировать «куда». Русское выражение «выйти на новый этап развития» в китайском языке конструируется не с помощью 出, а с помощью 进 (войти), что лишь подчеркивает, что новое состояние также локализовано, имеет свои пределы, подобно «замкнутому пространству».

Рассмотренные нами особенности функционирования общего метафорического механизма объективизации эмоций

– СОСТОЯНИЕ → МЕСТО – в китайском и русском языковом сознании показывают, что данный механизм реализуется благодаря пространственной модели, закрепленной за глаголами перемещения. А пространственная модель содержит в себе субъективные, обусловленные культурой элементы. Аналогии между СОСТОЯНИЕМ и МЕСТОМ актуальны для сознания, прежде всего потому, что МЕСТО воспринимается не просто как безликий определенный участок пространства, а фиксируется языком уже с определенными ощущениями и переживаниями, которые непременно возникают у человека при его взаимодействии с действительностью.

Список литературы

- Апресян Ю.Д. Избранные труды. – Т. II. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка. Язык пространств / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М., 2000. – С. 277–288.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
- Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. – 672 с.

УДК 81.23 (470.64)

Л.А. Будаева

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ «СЕТКИ КООРДИНАТ»
КОММУНИКАТИВНОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
(НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

В статье предлагается описание факторов, влияющих на формирование коммуникативного сознания молодежи Северного Кавказа, а также некоторые результаты направленного ассоциативного эксперимента по его исследованию.

Ключевые слова: коммуникативное сознание молодежи, условия формирования, диалог, триалог, психолингвистический ассоциативный эксперимент.

Ludmila A. Budaeva

**SOME PECULIARITIES OF «NET OF COORDINATES»
IN COMMUNICATIVE CONSCIOUSNESS OF NORTH CAUCASUS YOUTH
(ON MATERIAL OF KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC)**

The author of the article gives the description of the factors which influence the formation of the communicative consciousness of North Caucasus youth and also some results of directed association experiment of its analysis.

Key words: communicative consciousness of youth, conditions of formation, dialogue, triologue, psycholinguistic association experiment.

Северный Кавказ – мультикультурный регион, активная зона миграции, смешения традиций, обычаев и языков десятков народов, населяющих его – долгое время не знал глобальных межэтнических конфликтов. Сегодня он является не только одной из болевых точек России, но и воспринимается многими гражданами нашей страны как источник неожиданных проблем, существенно осложняющих жизнь. Связано это в основном с поведением молодежи.

Поведение северокавказской молодежи, как и любой другой, в значительной степени связано с ее коммуникативным сознанием. Пластичное, очень чувствительное к происходящим социальным процессам, оно формируется под влиянием нескольких факторов, среди которых наиболее значимыми являются: место и условия формирования, процессы глобализации и урбанизации, политические, экономические и культурные процессы, происходящие в стране, особенности взаимодействия культур в сознании молодых людей. Коммуникативное сознание северокавказской молодежи в таком ракурсе не изучалось, поэтому мы, руководствуясь принципом триангуляции [Тарасов 2011], обратились к современным исследованиям в области социологии, социолингвистики, психологии и психолингвистики, что, на наш взгляд, позволит получить более четкое представление о «сетке координат» [Гачев 2008: 16] коммуникативного сознания молодежи Северного Кавказа.

1. Следует сразу отметить, что особенности межэтнического общения на Северном Кавказе определяют сходные природно-ландшафтные условия, религиозно-нравственное мировоззрение, система экзистенциальных ценностей и табуирования [Тхагапсоев 2001: 50–57]. Бесконфликтное сосуществование народов Северного Кавказа столетиями обеспечивалось и обеспечивается, в первую очередь, готовностью и способностью их представителей осуществлять взаимодействие в сферах материальной и духовной культуры и наличием общего языка межнациональ-

ного общения. В XVI-XVII вв. на Северном Кавказе в качестве языка дипломатической переписки ряда политических образований, языка межнационального общения использовался язык одного из народов Дагестана – кумыкский (принадлежит к тюркской языковой группе), который вплоть до 30-х годов XX столетия выступал в роли языка межнационального общения (см. [Черноус 2004: 152]). Это язык, который так или иначе отражал реалии жизни народов Северного Кавказа. Более 80 лет функции языка межнационального общения выполняет русский язык. Возникающее время от времени напряжение в большей мере связано с политическими и экономическими проблемами и, как правило, соответствуют описанным в конфликтологии схемам.

Развиваясь в процессе тесных контактов между собой, с культурами Запада и Востока, находясь в последние сто лет под мощным влиянием культуры России, в XXI в. ощутив мощную экспансию иностранной культуры, а также «прессинг» исламской, культура каждого народа, безусловно, трансформировалась, но сохранила свою неповторимость, а значит, способность ее носителей разграничивать СВОЕ и ЧУЖОЕ.

В настоящее время народы Северного Кавказа стали более активно расширять связи с внешним миром. Это уже достаточно открытое общество, стремящееся участвовать во всемирном политическом, экономическом и культурном процессах. Молодые кавказцы становятся свидетелями изменения традиционного представления о национальном суверенитете государств и входящих в них федеративных образований, активными участниками миграционных процессов в мировом масштабе (многие молодые люди выезжают, чаще всего в поисках работы, в другие регионы нашей страны, а также за рубеж). Явная тенденция к сближению культур разных стран и народов, популяризация культуры более успешных стран, естественно, не могли не повлиять на национальные культуры. Процесс этот непростой, достаточно болезненный, т.к. Северный Кавказ «относится к тем регионам,

где в числе жизненных приоритетов важное место занимает традиционная культура и где веками копился опыт защиты традиций» [Габуниа, Улимбашева 2005: 6]. Возможно, именно поэтому бурные процессы глобализации здесь часто воспринимались как посягательство на национально-культурные ценности. Этим в значительной степени объясняются, на наш взгляд, попытки местной интеллигенции возродить, начиная с 80-х годов прошлого столетия, традиционную культуру своих народов, сформировать их историческое сознание, которое, как известно, является важным фактором, определяющим этническое самосознание. Была попытка вернуть традиционные стереотипы поведения и мышления, имеющие знаковое значение. Необходимость приспособиться к новым реалиям оказала большое влияние и на стиль жизни, и на хозяйственно-культурный уклад, и на семейно-брачные отношения, и на отношения к старшим. Через законы о государственных языках, через систему образования была сделана попытка вернуть «дух народа», заключенный, по Гумбольдту, в языке. Однако программа возрождения, например, в одной из северокавказских республик – в Кабардино-Балкарии, культуры титульных народов, их языков, к сожалению, не принесла ожидаемых результатов, а лишь усугубила распространившийся в стране в целом языковой нигилизм. Стремление к воспитанию этнического самосознания, чрезмерное внимание ученых к прошлому титульных народов привели часть населения к гипертрофированному представлению о значимости собственного народа, подтвердило общую тенденцию «культурной легитимации этноцентризма» на Северном Кавказе [Черноус 2004: 167], что со временем осложнило отношения между представителями населяющих его народов.

Возможно, реакцией на происходящее, ослабившей это напряжение, стало усиление влияния ислама, ибо мусульмане разграничивают людей не по национальному признаку, а по их приверженности к исламу. Однако и этот процесс осложняется

тем, что уже длительное время «в условиях глубокого системного кризиса на Северном Кавказе получили распространение нетрадиционные политизированные течения в исламе, выступающие или воспринимаемые как ваххабизм» [Черноус 2004: 167].

В обществе совершенно очевидны тенденции, с одной стороны, на сохранение тех элементов традиционной культуры, которые в той или иной мере будут способствовать приспособлению к происходящим процессам, сохранению этнической идентичности, с другой – усилению позиций традиционного ислама, которому свойственно толерантное отношение к людям разных национальностей и разных конфессий.

Большое влияние на коммуникативное сознание молодежи оказала и урбанизация общества – естественное последствие глобализации. Например, в Кабардино-Балкарии 54,4% всего населения проживает в городах республики. Отмечается значительный приток в города сельского населения, а значит, изменение сложившихся правил коммуникации, культуры общения, изменение сознания, в том числе и коммуникативного.

Замечание Е.Ф. Тарасова о деформации этнического сознания русского народа [Тарасов 2011:3] в полной мере распространяется на сознание народов Северного Кавказа.

2. Одним из факторов, влияющих на коммуникативное сознание молодежи Северного Кавказа, является языковая ситуация, в которой она формируется. Рассмотрим ее особенности на примере Кабардино-Балкарской Республики.

Кабардино-Балкария – республика, носящая имя двух титульных народов – кабардинцев и балкарцев. По данным 2011г., население республики составляет 859,7тыс. человек, среди которых кабардинцы составляют 57,2%, русские – 22,5%, балкарцы – 11,6%. На ее территории (12,5тыс кв.км) живут представители и других народов (осетины, дагестанцы, чеченцы, ингуши, турки, поляки, белорусы, украинцы, поляки, евреи, корейцы, цыгане, армяне, грузины, черкесы, лакцы, чеченцы, ингуши, карача-

евцы, татары, немцы, азербайджанцы, греки и др.), являющиеся носителями разных культур, религий (мусульмане, христиане, католики, иудеи и др.), языков. Как видно, КБР – единый социальный организм, сочетающий в себе 3 достаточно крупных этноса. События последних лет подтверждают мнение Л.Н.Гумилева об образованиях подобного рода: «Это ксении, принужденные жить вместе, мирящиеся с фактом сосуществования...» [Гумилев 1993: 212].

Десятки лет русский язык, будучи государственным языком страны, в которую входит КБР, является языком межнационального общения и функционирует во всех сферах деятельности. Последние 18 лет в республике действуют в качестве государственных три языка – русский, кабардинский и балкарский.

Нельзя не отметить, что в советский период национальным языкам уделялось недостаточно внимания, а «игнорирование их равенства привело к негативным последствиям» [Башиева, Балова, Будаева, Шогенова 2006: 5]. Это касалось и развития самих языков, и их функционирования, и этноязыкового сознания. Естественно, это вызвало у представителей титульных народов КБР острую потребность сохранить свое этническое самосознание. Произошло то, что удачно сформулировал Ф. Энгельс, характеризуя англо-ирландские взаимоотношения: «Ирландцы... чем больше усваивали английский язык и забывали свой собственный, тем больше становились ирландцами» [Энгельс 1960: 523]. Поэтому совершенно закономерно появление в 80-90-х гг. пристального внимания к языковой политике и к языковой ситуации в республике, как и во всех регионах страны, которое привело в 1995г. к закону «О государственных языках КБР». Однако признание кабардинского, балкарского и русского языков равноправными и придание первым статуса государственных не сняло всех существовавших проблем. Различный «объем функциональной нагруженности русского, балкарского и кабардинского языков» не позволил в современных условиях исполь-

зовать языки титульных народов во всех сферах общественной коммуникации [Башиева, Балова, Будаева, Шогенова 2006: 7, 15]. Поэтому русский язык, который имеет высокий уровень развития функционально-стилистической системы, массовое распространение, является государственным языком нашей страны; используется длительное время жителями республики как средство межнационального общения, получения образования, осуществления социально-культурной и профессиональной деятельности, сохранил свои доминирующие позиции.

Как указывалось выше, коммуникативное пространство республики в настоящее время обеспечивают 3 государственных языка: русский, кабардинский и балкарский. Данные языки относятся к разным языковым группам: кабардинский – к группе абхазо-адыгских языков, балкарский – к тюркской, русский – к славянской. Если исходить из определения Гумбольдта о языке как единой духовной энергии народа, как форме выражения народного духа, то на небольшой территории эти энергии так или иначе соприкасаются, вступают в различные отношения, что не может не отразиться на коммуникативном сознании жителей этого «Микровавилона».

В большинстве своем представители титульных народов Кабардино-Балкарии – носители массового координативного билингвизма. Почти все кабардинцы и балкарцы достаточно хорошо владеют родным и русским языком, но очень немногие русские, живущие в республике, владеют языком хотя бы одного из титульных народов. Обучение государственным языкам в республике ведется по-разному. В многонациональных школах, где языком обучения является русский язык, кабардинский и балкарский языки изучаются как обязательные предметы с первого по одиннадцатый класс. Кабардинские и балкарские дети изучают их обязательно, русские дети и дети других национальностей – по желанию. Если с 1995 года по 2008 год в национальных (сельских) школах обучение в 1-2-х классах велось на

родных языках, в 3-4 осуществлялся постепенный переход на русский язык, с 5 по 11 – на русском языке при обязательном изучении родных языков, то в 2012 году обучение в школах вернулось к русскому языку, сохранив родные языки в качестве обязательных предметов. В университете государственные языки республики входят в региональный компонент образования и изучаются в течение 1 семестра: студенты кабардинской и балкарской национальности изучают родные языки, остальные студенты изучают русский язык как родной.

Необходимо отметить, что в сложившихся условиях увеличивается количество молодых людей, владеющих несколькими (родным, русским, иностранным) языками.

Для получения более полного представления об условиях формирования коммуникативного сознания молодежи Кабардино-Балкарии полезно будет привести данные социолингвистического исследования функционирования государственных языков КБР в студенческой среде.

Длительное наблюдение над речевой практикой молодых людей, опрос и анкетирование в 2002-2003 гг. 636 студентов (среди них кабардинцев 69%, балкарцев 14%, русских 9%, представителей других национальностей 8%) 1-3 курсов гуманитарных и негуманитарных факультетов самого крупного в КБР высшего учебного заведения - Кабардино-Балкарского государственного университета – показали следующее.

Большинство молодых людей (57,2%) родились в городе, получили среднее образование на русском языке, параллельно изучая родной. 42,8% родились в сельском поселении, получили начальное образование на родном языке, изучая русский язык как предмет, а затем продолжили обучение на русском. Многие из них посещали детский сад, где языком воспитания был, в основном, русский язык (52,1% ответов). Тем не менее 30% участвовавших в исследовании молодых людей отметили, что языком воспитания в их детском саду были родной и русский языки. Лишь 17,9% студентов посещали детские сады с родным языком вос-

питания. Между тем в семье языком общения чаще является родной язык (46,8%), несколько реже два языка – родной и русский (37,5%), и только у 15,7% студентов языком общения в семье является русский язык. При этом молодые люди, выросшие в городских смешанных семьях, где родные языки отцов и матерей не совпадают, чаще выбирают третий язык – русский; молодые люди, выросшие в семьях, где родители одной национальности и к тому же билингвы, часто достаточно хорошо владеют и родным и русским языками и свободно переходят с одного языка на другой; молодые люди, выросшие в однопольных семьях, где один из родителей или оба не владеют языком своего народа, но хорошо владеют русским, используют русский язык [Будаева 2002: 123].

При общении с незнакомыми людьми абсолютное большинство студентов (92%) прибегает к русскому языку. При общении с билингвами 49,4% участников исследования прибегают к помощи родного языка, 40,7% – русского, 9,9% – либо к родному, либо к русскому.

Общаться с друзьями, однокурсниками, получать информацию через различные СМИ, читать художественную литературу, писать личные письма молодые люди в большинстве своем предпочитают с помощью русского языка (около 75,8%). Лишь в бытовом общении (с родителями, соседями) они обращаются к родному языку.

В результате проведенных социолингвистических исследований обнаружили и такие факты:

1. Студенты (26,6%), родившиеся в городе и не владеющие в достаточной, с их точки зрения, степени родным языком или же недостаточно хорошо владеющие русским языком, считают, что обучение должно вестись на родном языке.

2. Большинство молодых людей (68,2%) считают, что обучение «нужно проводить на русском языке, но должно обеспечиваться и хорошее владение родным языком».

3. «Многие студенты, окончившие

сельские школы по новой системе и в полной мере испытавшие трудности обучения в вузе на русском языке, считают, что обучение в школе должно проводиться на русском языке» [Башиева, Балова, Будаева, Шогенова 2006: 165].

Примечательно, что в анкетах студентов в графе «Ваш родной язык» в абсолютном большинстве указывался, несмотря на уровень владения/невладения им, язык народа, к которому себя относит участник исследования. Однако нередко в этом качестве указывались два языка: один – язык народа, представителем которого считает себя молодой человек, второй – русский [Будаева 2002: 124–125].

Как видно, функционально первым языком для молодых людей полиэтнической Кабардино-Балкарии является русский язык. Они отдают ему предпочтение совершенно осознанно. Это позволяет предположить, что в их коммуникативном сознании будет 1) наиболее ярко представлен образ русского языка, затем родного; 2) образ третьего государственного языка республики будет менее ярким; 3) в образе русского языка велика доля прагматических признаков, а в образах остальных языков – эстетические.

3. Рассматривая межнациональное (межкультурное) общение как взаимодействие «говорящих сознаний» (М. Бахтин), «общение образов разных культур в рамках одного сознания» [Тарасов 2003], мы полностью согласны с учеными в том, что проблемы межэтнического общения кроются не в различии языков, а в различии национальных сознаний (в том числе и коммуникативных), которые в условиях Северного Кавказа представляют собой совокупность образов разных культур в рамках одного сознания, отличных от когда-то описанных.

В связи с этим большой интерес представляет высказанная Е.Ф.Тарасовым мысль о том, что «первоначальный диалог культур происходит в сознании бикультурного билингва, который, владея образами сознания своей и чужой культур, рефлексив-

рует над различием этих образов и описывает это различие в текстах, которые затем осмысляются, интерпретируются, комментируются, тиражируются и т.п.» [Тарасов 2003: 8].

Вероятно, речь здесь идет об общении на языке, который является для одного из коммуникантов родным, но чужим для другого. Именно это позволяет говорить об образах сознания своей и чужой культуры. Но средством межнационального общения на Северном Кавказе является русский язык, в котором отражаются ценностные ориентиры, несколько отличные от тех, которые представлены в языках народов Северного Кавказа. В таком случае, какие образы присутствуют в сознании участников коммуникации? Образы культуры своей, культуры собеседника и образ культуры, отраженный в русском языке? Или же это два образа в одном сознании, но уже трансформированные русской культурой? Упрощает или осложняет в этом случае взаимопонимание обращение каждого участника коммуникации к языку третьей культуры? О чем здесь правомерно говорить – о диалоге или триалоге?

Очевидно, что билингв, живущий на Северном Кавказе и общающийся с представителем другого народа, как правило, редко владеет его языком, т.к. в этом нет необходимости: язык-посредник – русский. И утверждать, что он владеет образами сознания культуры своего собеседника, можно далеко не всегда. Но при этом, полагаем, в сознании двух общающихся на русском языке представителей разных народов Северного Кавказа имеются сходные (не тождественные, но и не совершенно различные) образы, отраженные средствами русского языка, русской культуры. В этом случае важно, «на какое же содержание сознания опирается носитель той или иной культуры, когда он формулирует свою мысль, чтобы передать ее другому», если «коммуниканты, как правило, располагают только общностью кода (т.е. языка) и не располагают общностью знаний, поскольку принадлежат разным культурам» [Уфимцева 2006: 93].

Отвечая на этот вопрос, мы опирались на универсальный принцип любого поведения – принцип опережающего отражения действительности, описанный А.Н. Бернштейном. На его основе строится и межнациональное общение. Модель прошедше-настоящего определяет стратегию говорящего. По справедливому замечанию Н.В. Уфимцевой, она «построена с опорой на образ мира своей родной культуры (весьма неоднозначной в нашем случае – Л.Б.), а строящаяся на ее основе программа потребного будущего в новой культуре оказывается, как правило, неверной. Следовательно, нарушается автоматизм считывания и расшифровывания знаков культуры, а значит, и автоматизм поведения, и человек, оказавшийся в новой для себя культуре, вынужден постоянно работать с сознанием, т.е. постоянно сознательно контролировать свое поведение и рефлексировать над различиями своей и новой культуры. А это требует значительно больших энергетических затрат от организма, чем неосознаваемый контроль своего поведения в рамках родной культуры, что и приводит зачастую к психическому и физическому дискомфорту» [Уфимцева 2006: 99]. Это полностью подтверждается проведенными нами исследованиями коммуникативного сознания студенческой молодежи и КБР, в результате которых выяснилось, что сложно характеризовать модель прошедше-настоящего молодых кавказцев (в нашем случае кабардинцев и балкарцев), если формирование их ценностных ориентиров в значительной степени (по данным нашего эксперимента – 99,82%) находилось под влиянием, например, не родных, а русских народных сказок или сказок русских авторов (именно они были названы студентами КБГУ любимыми), если среди любимых произведений не названо ни одного, принадлежащего родной культуре. Исключение составили студенты специальности «Отечественная филология» (Кабардинский язык и литература). Основа жизни народа – традиции и обычаи – приобретает все более абстрактный характер: молодые люди знают свои традиции и обы-

чай, но не всегда следуют им. Для многих молодых людей первичным языком общения часто становится русский, хотя родным они называют язык своего народа. Поэтому трудно понять, что собой представляет существующая в их сознании система ценностей, какой «сеткой координат» эти молодые люди улавливают мир. Такая трансформация содержания сознания молодежи, безусловно, отражается на ее коммуникативном сознании, пространство которого расширяется и теряет жесткие границы.

4. Исследование содержания коммуникативного сознания молодежи полиэтнической КБР мы начали с изучения образов действующих в республике трех государственных языков: русского, кабардинского и балкарского. Оно проводилось нами по разработанной И.А. Стерниным методике [Стернин 2005, 2012] в 2008 и 2012 гг. При определении способа связи между стимулом и реакцией учитывались различные типы подобной связи (Караулов Ю.Н., Залевская А.А.). Наиболее значимыми оказались типы, описанные Ю.Н. Карауловым, который считает, что все разнообразие связей, обнаруживаемое между словами и словоформами в ассоциативно-вербальной сети (между стимулами и реакциями), можно обобщить в одном широком понятии – понятии предикации [Караулов 2010: 220] (цит. по: [Стернин 2012: 177]). В проведенном эксперименте наиболее ярко проявились такие виды связи, как предикация в узком смысле и оценка, реже – локация и номинация. Важно, что полученные высказывания, представляя собой «синтаксические примитивы» [Караулов 2003], на поверхностном уровне в результате простейших трансформаций превращаются в коммуникативные фрагменты (Б.М. Гаспаров).

В направленном ассоциативном эксперименте приняли участие 269 студентов 1-5 курсов и магистрантов 1 года обучения Кабардино-Балкарского госуниверситета. Из них 186(69,1%) респондентов кабардинской национальности, 51(19%) – балкарской, 24(8,9%) – русской и 8 (3%) – другой национальности. Почти все они отметили

владение тремя языками, а 20 человек – студенты специальности «Английский язык» – четырьмя. В одном случае было отмечено владение студентом-балкарцем языком соседнего кабардинского народа. Два студента-карачаевца отметили наряду со своим родным, карачаевским, языком владение и балкарским.

Коммуникативное сознание почти всех респондентов сформировалось и действует в условиях государственного многоязычия.

Молодым людям предлагалось ответить на вопросы: Русский язык, какой он? Кабардинский язык, какой он? Балкарский язык, какой он? Исследованию были подвергнуты 1726 реакций. Они даны без изменений.

В коммуникативном сознании 12 студентов русской национальности (никто из них не отметил владение другими государственными языками республики) государственные языки республики воспринимаются следующим образом:

Русский, родной, язык (37 ассоциатов) для них **богатый 6; сложный 4; великий, могучий, разнообразный 3; доступный, интересный, эмоциональный, певучий 2; звонкий, звучный, значительный, красивый, лаконичный, мягкий, подвижный, приятный, понятный, трудный 1.**

Кабардинский язык (26 ассоциатов) – **сложный 5; непонятный 3; грубый, резкий, трудный 2; быстрый, глухой, громкий, жесткий, интересный, коричневый, красивый, кричащий, неприспособленный, несовершенный, однообразный, твердый, частый, шипящий 1.**

Балкарский язык (20 ассоциатов) – **непонятный 3; красивый 2; доступный, журчащий, звонкий, лаконичный, легкий, мурлыкающий, плавный, певучий, похож на французский, синий, сложный, смешной, текущий, трудный, частый 1.**

В коммуникативном сознании 186 студентов кабардинской национальности (помимо родного и русского языков никто из них не отметил владение языком соседнего народа, также давшего название

республике, но многие указали на владение иностранными языками – чаще английским, немецким, арабским) государственные языки республики представлены так:

Кабардинский, родной, язык (477 ассоциатов) – **сложный 92; красивый 74; родной 44; трудный 42; богатый 23; интересный, доступный 12; могучий 9; лучший, самый лучший 8; великий 7; грубый 6; понятный, самый красивый 5; живой, прекрасный, простой, развивающийся, хороший 3; великолепный, звучный, легкий, мягкий, не изученный до конца, непонятный, резкий, самый трудный, сильный, с помощью одного слова можно передать значение целого предложения, удобный, тяжелый 2; адыгъэ хабзэ, поистине волшебный, добротный, дом, домашний, дружелюбный, загадочный, задумчивый, задушевный, звонкий, зеленый, единственный, кафедра кабардинского языка, квадратный, красноречивый, колоритный, любовь, мать, международный, мелодичный, меткий, многозначный, многозвучный, многонациональный, многоуровневый, мудрый, нагруженный, настойчивый, напоминает что-то среднее между журчанием и камнепадом, наш!, наши кабардинские слова ломают горы, национальный язык, национальный флаг, недоступный каждому, незвучный, некрасивый, нелюбимый, необычный, не смешной, несложный для кабардинской национальности, не труден для восприятия, неуступчивый, нужный; нужен, чтобы общаться со своими родными; обязательный, очень необычный, очень многозначный, офигительный, один из самых сложных языков по звучанию, практичный, приятный, полный, понятливый, понятный, разнообразный, романтический, раскатистый, самый лучший, самый нормальный из всех, самый-самый, самый хороший, со своими особенностями, составной, симпатичный, супер, со многими буквами, сдавленный, сорванный, срывающийся, старый, твердый, темпераментный, теплый, труднее русского, трудно воспринимается, трудный для других, уважаемый мной, это мой язык и он мне очень нравится, чистый, черный, эмоциональный; язык**

гордых, несгибаемых людей; язык детства, язык; язык, которым я горжусь; отказов 5.

Русский язык (534 ассоциата) – **богатый 90; красивый 69; понятный 29; сложный 25; интересный, могучий 20; великий, трудный 16; доступный, легкий 14; точный 9; мягкий 8; разнообразный, простой 7; государственный, многозначный 6; нетрудный, приятный, распространенный 5; всемогущий, выразительный, мелодичный 4; звучный, легкоусвояемый, могущественный, несложный, прекрасный, русский, удобный 3; богатство мира, большой, грамотный, живой, непонятный, нужный, многостилевой, общедоступный, обязательный, плавный, понятливый, резкий, свободный, точный, умный, универсальный, эмоциональный, экспрессивный, язык Пушкина, яркий, ясный 2; абстрактный, белый, блондинистый, важный, великолепный, величественный, веселый, вместительный, возвышенный, востребованный, всенародный, вторичный, выгоден для общения с другими нациями, главный, грязный (много заимствованных слов); дает нам самореализоваться, правильно говорить; дающий возможность общения многим национальностям, добрый, жесткий, звонкий, звучащий, значимый и для войны и для любви, изученный, красноречивый, красочный, круглосуточный, легкий в произношении, легко воспринимается, любимый, мне нравится, многогранный, многословный, многочисленный, музыкальный, мужской, мыслительный, насыщенный, национальный, нежный, неинтересный, некрасивый, ненужный, неродной, нетрудный, нужен для того, чтобы понимать друг друга, очень нужный, обработанный мастерами слова, один из восточнославянских языков, общий для всех, поганый, покладистый, понимающий, прикольный, развивает речь, разносторонний, разный, развитый, ритмичный, российский, самый информационный, самый коммуникабельный, самый любимый, сильный, слишком много ненужных орфографических правил, сочный, страстный, стандартный, смешной, способ общения людей, твердый, торжественный, хороший, художествен-**

ный, чистый, чуждой, широкий, широкоупотребляемый; глагол, грамматика, дисциплина, литература, письмо, поля, правила, рифма, существительное, текст, теории, ученые, учебник; язык, на котором я могу общаться с друзьями другой нации 1; отказов 6.

Балкарский язык (309 ассоциатов) – **непонятный 47; сложный 32; трудный 24; не знаю 16; грубый 15; красивый 14; легкий, невнятный 7; некрасивый, мягкий, смешной 6; богатый, быстрый, чуждой 5; интересный, нудный, резкий 4; легкий, ломающийся, мелодичный, незнакомый, не владею, неродной, нормальный, плохой, простой, чудо 3; великий, многозначный, наивный, не поддающийся мне, неприятный, понятный, противный, своеобразный, странный 2; благородный, безобразный, близкий, воркующий, дружелюбный, дружеский, дурацкий, громкий, жестковатый, загадочный, запоминающийся, красноречивый, крикливый, менее сложный, ласковый, местный, нагруженный, напевный, неблагозвучен, небогатый словарный запас, неинтересный, не могу на нем разговаривать, нейтральный, не очень сложный; не знаю балкарский язык и понятия не имею, какой он; непостижимый, острый, очень сложный язык; очень грубый, еще грубее, чем кабардинский; пугающий, раздражающий, родной язык Кайсына Кулиева (великий человек), распространенный, сердитый, смиренный, странноговариваемый, сухой, труднодоступный, толстый, ударение падает на последний слог, ужасный, хороший, хриплый, чуждый, шумный, это вообще не язык, я вообще без понятия, какой он; язык, похожий на многие языки; язык гор, язык балкарцев, язык наших соседей; язык, который я уважаю; горы, платки, шерсть, животные, уцелья 1; отказов 36.**

В коммуникативном сознании 51 студента балкарской национальности (один из респондентов отметил помимо родного и русского языков владение языком соседнего народа, также давшего название республике, многие отметили владение иностранными языками) государственные

языки республики представлены следующим образом:

Балкарский, родной, язык (99 ассоциатов) – **красивый 16; легкий 12; родной 7; богатый, интересный, мягкий 6; мелодичный 5; понятный 4; лучший 3; великий, доступный, национально-культурный, несложный, приятно слушать, тюркский 2; бережно хранимый, входит в кипчакскую группу языков, звучный, имеет оттенки французского, легкий, легко запоминающийся, любимый, необходимый, непонятный, нормальный, который нравится всем, легко воспринимаемый на слух, прекрасный, певучий, плавный, сильный, сложный, самый красивый, самый интересный, сочетается со многими языками, тяжелый, удобный, хороший 1; отказов 2.**

Русский язык (126 ассоциатов) – **богатый 21; красивый 15; сложный 6; могучий, приятный, трудный, 4; великий, доступный, интересный, легкий, мягкий, понятный 3; многозначный, могучий, насыщенный, разнообразный, распространенный, удобный 2; безграничный, великий, гордый, информативный, лаконичный, легко воспринимаемый, любимый, мелодичный, меткий, многообразный, распространенный, нежный, нейтральный, нетрудный, нормальный, общественный, один из восточнославянских языков, один из лучших языков мира в плане своего богатства, очень легкий при изучении, очень содержательный, поистине волшебный, простой, первичный, развивающийся, резкий, самый красивый, сложный, с большим запасом слов, с запутанной**

грамматикой; средней сложности язык, на котором говорит огромное количество людей; точный, хороший, ясный; язык, способный выразить и описать все; коммуникация, общение, друзья 1.

Кабардинский язык (66 реакций) – **непонятный 12; сложный 10; трудный 7; грубый, интересный, не знаю 4; жесткий, красивый, неприятный на слух, резкий 2; иногда визгливый, истеричный, можно сломать язык, на слух кажется заковыристым, незнакомый, не певучий, не понимаю, нормальный, нудный, очень тяжелый, трудно воспринимаемый на слух, твердый, с оттенком лезгинского, странный, ужасный, часто встречающийся, часто встречаются одни и те же звуки, чужой 1; отказов 4.**

В коммуникативном сознании 8 студентов других национальностей – арабов – 2 (иностранцы студенты), ингушей – 3, карачаевцев – 2, чеченцев – (двое из респондентов отметили помимо родного и русского языков владение балкарским языком, многие отметили владение иностранными языками) государственные языки республики представлены следующим образом:

Русский язык (11 реакций) – **богатый, великий; доступный язык, на котором говорят все народы РФ; красивый, немного трудный, распространенный, разнообразный, сложный, простой, трудный для иностранцев, универсальный 1; отказ 1.**

Кабардинский язык (9 реакций) – **непонятный 3, очень сложный 2, немного**

Нац-ть ст. Язык	Русские 83 реак.	Кабардинцы 1320 реак.	Балкарцы 291 реак.	Другой национальности 32 р.	Яркость (в %)
Русский	37 (44,6%)	534 (40,5%)	126 (43,3%)	11 (34,4%)	708 (41%)
Кабардинский	26 (31,3%)	477 (36,1%)	66 (22,7%)	9 (28,1%)	578 (33,5%)
Балкарский	20 (24,1%)	309 (23,4%)	99 (34,0%)	12 (37,5%)	440 (25,5%)

трудный, труднопроизносимый, трудновыговариваемый, шипящий 1; отказы 2.

Балкарский язык (12 реакций) – *красивый, легкий 2; доступный, интересный, непонятный, приятный, очень трудный, музыкальный, сингармоничный, родной 1; отказы 2.*

Представляет интерес яркость образов государственных языков в коммуникативном сознании студентов, участников эксперимента, которая в данном случае определялась нами по соотношению полученных реакций по каждому языку к общему количеству полученных реакций.

Данные сведения подтверждают предположения, полученные в ходе социолингвистических исследований. Независимо от национальной принадлежности наиболее ярко в коммуникативном сознании молодежи представлен образ русского языка. Второй по яркости образ – образ кабардинского языка, языка самого крупного этноса в республике. Он занимает вторую позицию в сознании русских студентов и даже студентов-кабардинцев. В сознании студентов-балкарцев он уступает образу их родного языка. В сознании студентов других национальностей – образу балкарского. Третий по яркости образ – образ балкарского языка, хотя в сознании балкарской молодежи и молодежи других национальностей он занимает вторую позицию. При оценке данного соотношения следует помнить, что на него влияет количество участников эксперимента определенной национальности. Но закон больших чисел, тем не менее, создает именно такую иерархию.

Заслуживает внимания исследование полученных отказов:

Из таблицы следует, что в сознании 19% кабардинской молодежи и 9% балкарской молодежи отсутствует образ языка соседнего народа – народа, имя которого отражено в названии республики.

Полученные данные требуют тщательного исследования. Оно будет представлено в последующих публикациях. Предварительный анализ полученных реакций показывает, что они в большей степени связаны с эстетическим и прагматическим восприятием государственных языков полиэтнической республики, что также подтверждается приведенными выше социолингвистическими исследованиями.

Содержание коммуникативного сознания молодежи Северного Кавказа, как нам кажется, напрямую зависит от сети координат, в пространстве которой оно формируется. Совершенно очевидно, что коммуникативное сознание молодежи, в целом, ориентировано на гармоничное, эффективное взаимодействие с представителями других народов. Однако нельзя не заметить тот факт, что в вербально-семантической сети исследуемых образов имеются и единичные отрицательные элементы. Мы полагаем, они представляют «неустойчивые элементы» — конфликтогены, которые могут под влиянием неблагоприятных внешних факторов актуализироваться, повлиять на устойчивость концептуальных систем коммуникантов, изменить их первичные положительные установки и результат общения (см.: [Ушакова 2011, Пищальникова 1997, Шкатова 2005]).

Нац-ть ст. Язык	Русские 24 чел.	Кабардинцы 186 чел.	Балкарцы 51 чел.	Другой националь-ности – 8
Русский	0	6	0	1
Кабардинский	0	5	4 – 9%	2
Балкарский	0	36 – 19%	2	2

Список литературы

Башиева С.К., Балова И.М., Будаева Л.А., Шогенова М.Ч. Проблемы функционирования государственных языков в полиэтническом регионе (на примере Кабардино-Балкарской республики). – Нальчик: Нальчик: Каб.-Балк.ун-т, 2006. – 191 с.

Будаева Л.А. Родной язык студентов в полиэтнической Кабардино-Балкарии // Материалы региональной научной конференции, посвященной 85-летию К.Ш. Кулиева. – Нальчик: Каб.-Балк.ун-т, 2002. – С. 123–127.

Будаева Л.А. Государственные языки в коммуникативном сознании будущих специалистов в полиэтнических регионах РФ (на материале Кабардино-Балкарской Республики) // Полилингвальное образование как основа сохранения культурного разнообразия и языкового наследия человечества: материалы II междунар.н.конф. – Владикавказ, 2008. – С.42–47.

Габуниа З.М., Улимбашева Э.Ю. Межкультурная коммуникация как мирозозидающий факт языка. – Нальчик: Каб.-Балк.ун-т, 2005. – 231 с.

Гачев Г. Ментальности народов мира. – М.: Эксмо, 2008. –544 с.

Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. – М.: Экспрос, 1993. – 544 с.

Пищальникова В.А. Речевая деятельность как синергетическая система // Известия Алтайского государственного университета, 1997. – № 2. – С. 72–79.

Стернин И.А. Язык и национальное сознание // Логос. – 2005 – № 4 (49). – С. 156–171.

Стернин И.А., Рудакова А.В. Проблемы создания психолингвистического толкового словаря русского языка // Вопросы психолингвистики. – 2012. – № 2 (16). – С. 177–178.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сб. ст. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2003. – С. 7–15.

Тарасов Е.Ф. Принципы анализа жизни языка в культуре и социуме // Жизнь языка в культуре и социуме-2: материалы конференции. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – С. 3–6.

Тхагапсоев Х.Г. Лектонический тип коммуникаций и проблема цивилизационной идентификации Кавказа // Научная мысль Кавказа. – 2001. – № 4. – С. 50–57.

Уфимцева Н.В. Этнопсихолингвистика: вчера и сегодня // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 4. – С. 92–100.

Ушакова Т.Н. Рождение слова: проблемы психологии речи и психолингвистики. – М.: Изд-во Института психологии РАН, 2011. – 524 с.

Черноус В.В. Кавказская горская цивилизация – субъект цивилизационно-культурного взаимодействия в Черноморско-Каспийском Регионе // Традиционализм и модернизация на Северном Кавказе / Отв. Ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. – Вып. 23. – Ростов-на-Дону: Изд. СКНЦ ВШ, 2004. – С. 149–172.

Шкатова Л.А. Речеповеденческие стратегии и тактики в конфликтных ситуациях // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности.– М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 389–402.

Энгельс Ф. Из фрагментов к работе «История Ирландии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16. – М.: Политиздат, 1960. – С. 523–524.

Н. В. Щенникова

УДК 81'23

**ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СПЕЦИФИКИ
АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Статья посвящена вопросу влияния социокультурных норм родного языка на построение речи на неродном языке. Рассмотрен грамматический аспект проявления переноса или копирования моделей речевого поведения на родном языке. Показано, что русские пользователи английского языка склонны переносить систему морфологических и семантико-синтаксических моделей родной лингвокультуры при генерировании англоязычных высказываний, что в результате приводит к отклонениям от аутентичной английской речевой нормы. Сделан вывод о закономерностях порождения речи на неродном языке и грамматическом идиоэтнолизме англоязычной речи русских в силу автоматизированного выбора семантико-синтаксических средств для вербализации мысли.

Ключевые слова: русский идиом английского языка, грамматический идиоэтнолизм, речевая норма, модели речевого поведения, билингвальная языковая личность, прагмалингвистический перенос.

Natalya V. Schennikova

**ETHNOCULTURAL FACTORS OF ENGLISH SPEECH
OF RUSSIAN LANGUAGE SPEAKERS**

The paper is devoted to the influence of the sociocultural norms of the native language on the foreign language speech structure. Grammatical manifestations of the transfer and imitation of the native language speech patterns are discussed. It is stated that Russian people tend to copy the system of morphological and semantico-syntactic patterns of the native linguaculture in their English speech causing deviations from the authentic English norms. The conclusion is drawn on the foreign speech production regularities and grammatical idioethnism of the English speech of Russian people as the result of automatic selection of semantico-syntactic means of thought verbalization.

Key words: Russian idiom of the English language, grammatical idioethnism, speech norms, speech patterns, bilingual identity, pragmalinguistic transfer.

Существование различных семиотических систем и необходимость осуществления кросс-культурной коммуникации ставят задачи установления причин, природы и результатов их структурной асимметрии. Ученые установили связь между уникальностью любого национального языка и его культурой, которая представляется как совокупность образцов предметно-практического и духовно-теоретического поведения людей, формирующаяся в процессе социально-исторического развития народа (Лотман 1992, Агеева 1987, Анашкина 1994, Арутюнов 1989, Будагов 2001, Вежбицкая 1997, Карасик 1996, Ладо 1989, Сепир 1993, Сорокин 1983, Тер-Минасова 2000 и др.). Ученые продолжают работать над вопросами связи языка с обществом и культурой, влияния социосемиотических и социокультурных факторов на построение речи на языке, взаимодействия культурных кодов с естественным языком как вербальной семиотической системой. Предстоит определить факторы, влияющие на этнически специфичную речевую деятельность, параметры отличия речевого общения одного лингвосоциума от другого, установить влияние этого отличия для осуществления адекватного общения на языке одного из них, определить способы избегания национально-культурных столкновений при общении. Специфика социального и исторического развития этнокультур обусловила значительные расхождения в этноязыках: концептосферы разных культур по-разному отражаются в категориях семантических систем разных языков. Национально-культурная специфика речевого поведения выявляется при сопоставлении устойчивых комплексов норм, образцов действий, ценностей, установок. Осуществив «духовное присвоение действительности, пользуясь концептуальной сетью родного языка» [Добровольский 1997: 40], привыкнув осмысливать окружающий мир в семиотических категориях культурного и лингвистического кодов родного языка, человек имеет естественную склонность переносить их в семантическую систему не-

родного языка. Социопрагматические нормы родного языка побуждают билингва осуществлять прагмалингвистический перенос на нормы неродного языка.

Формирование иноязычной лингвистической компетенции россиян происходит в основном в процессе формального, специально организованного обучения. По сравнению с этническим английским языком результат освоения английского языка в искусственных условиях педагогического дискурса представляет собой в той или иной степени видоизмененную форму английского языка и обладает рядом специфических черт. Эта видоизмененная форма английского языка являет собой тот инструмент, с помощью которого современное российское общество может принимать участие в межкультурном общении и быть вовлеченным в качестве активного субъекта в процессы мировой глобализации и интеграции. Лингвистический статус и имманентные характеристики модифицированной англоязычной компетенции как вида искусственного билингвизма еще не были предметом специального всестороннего научного рассмотрения. Модифицированную англоязычную компетенцию русских учащихся традиционно рассматривали с точки зрения лингводидактики как набор ошибок и девиаций и разрабатывали методические алгоритмы борьбы с ними. Высоко оценивая достижения отечественной и зарубежной лингводидактики, мы считаем, что необходимо изучить русский идиом английского языка (РИАЯ) с точки зрения теоретической лингвистики, как комплекс устойчивых структурных и функциональных особенностей на всех языковых уровнях.

Согласно нашей концепции, РИАЯ является полноценной знаковой коммуникативной системой, производной от экзонормативной модели английского языка (Великобритании или США), которая является педагогической моделью практического преподавания и освоения английского языка в русскоязычном лингвосоциокультурном пространстве. Экзонормативная модель аутентичного английского языка рассма-

тривается нами как инвариантная субстанция, которая подвергается неизбежному и закономерному воздействию этнолингвокультурных особенностей русскоязычного коллектива, в результате приводящему к автономной эволюции инвариантной субстанции, к образованию идиома. Идиом рассматривается нами как особый случай вариативности языковой системы, основанной не на оппозиции “норма – нарушение нормы”, а на оппозиции “экзонорма этнического английского языка – норма РИАЯ”.

Мы убеждены, что освоение английского языка в искусственных условиях педагогического дискурса неизбежно приводит к образованию комплекса устойчивых структурно-функциональных особенностей ввиду системности воздействия эндонормы русского языка на англоязычную компетенцию носителей русского языка. Мы исходим из признания того факта, что языки и закодированные в них способы мышления и отражения внеязыковой действительности имеют как идиоэтнические, так и изоморфные черты. Для осуществления сопоставлений и обнаружения в результате этого системных характеристик идиома необходимо встать на позиции общеметодологической значимости, а именно наличия концептуальных универсалий во всех языках на всех уровнях. Следовательно, инвариантные детерминанты эндонормы русского языка, системно влияющие на результат освоения английского языка, могут быть определены и описаны на всех языковых уровнях, в том числе и синтаксическом. До настоящего времени исследовательский интерес лингвистов был ориентирован на сопоставительный анализ грамматических систем английского и русского языков, тогда как имманентные характеристики грамматической системы РИАЯ как важной составляющей модифицированной англоязычной компетенции носителей русского языка не были предметом специального исследования. Согласно нашей концепции, при освоении экзонормативной модели грамматической системы английского языка эндонормативная модель грамматической системы русского языка выполняет

функцию универсальной семиотической матрицы, через посредство которой осуществляется произвольная/естественная/бессознательная подстройка грамматической системы английского языка под этногенную семиотическую программу внутреннего кода русскоязычного индивида.

Грамматический идиоэтнолизм РИАЯ представляет собой сложный и объемный исследовательский объект. Особенности грамматического строя национальных языков проявляются в различном грамматическом оформлении одного и того же содержания. В силу автоматизированного выбора семантико-синтаксических средств для вербализации мыслей на родном языке, пользователи РИАЯ склонны неадекватно учитывать некоторые **национально-культурные** факторы английской лингвокультуры или пренебрегать ими при генерировании речевых произведений, необоснованно переносить систему морфологических и семантико-синтаксических моделей родной лингвокультуры на неродной язык. Это приводит к специфическому отбору грамматических средств, в определенной степени отличному от аутентичной речевой нормы. Проведенное нами описание грамматической системы РИАЯ носит констатирующий характер и не имеет целью отразить несовершенства лингводидактических усилий и индивидуальные огрехи учащихся и преподавателей, но позволит выявить релевантные черты этого идиома. Среди факторов грамматического идиоэтнолизма мы выделяем этносоциокультурные, прагматические, структурно-языковые, когнитивные. В этой статье обсуждаются некоторые этносоциокультурные аспекты специфики речи на РИАЯ.

Материалом исследования является корпус языковых образований РИАЯ, собранных в результате наблюдения за речью пользователей РИАЯ, опроса русскоязычных и англоязычных информантов, статистической обработки устных и письменных текстов, экспериментов с участием пользователей РИАЯ.

Для анализа этноспецифики процес-

сов формирования и формулирования мысли на РИАЯ был использован индуктивный метод: конкретный корпус собранного речевого материала на РИАЯ является источником информации о сформированной аппроксимативной системе пользователей РИАЯ, в которой проявляются характерные для субординативных билингов новые когнитивные и речевые структуры, не присущие их первичному языковому сознанию. Индуктивный метод, применяемый в настоящем исследовании, подразумевает два этапа анализа материала. **Ономасиологический этап:** при предполагаемой изоморфности в плане содержания выявляется гомоморфность (своеобразие, уникальность) в плане выражения и устанавливается своеобразный характер подбора материальных средств для вербализации мысли на РИАЯ по сравнению с этническим английским языком. Нормативные речевые произведения этнического английского языка информантов являются эталоном сопоставления для выявления специфики речевой формы на РИАЯ. **Констатирующий этап:** массовые устойчивые отклонения или девиации от нормативных речевых произведений этнического английского языка объясняются влиянием системных и нормативных характеристик родного языка, которые интерферируют с осваиваемой системой английского языка.

Проведенное исследование позволяет констатировать следующие этносоциокультурные аспекты специфики речи на РИАЯ.

1. Речь на РИАЯ в целом более категорична и прямолинейна, чем речь на аутентичном английском языке.

Русский и английский языки асимметричны по параметру **категоричность/некатегоричность**. А. Вежбицкая отмечает некатегоричность английского языка по сравнению с русским [Вежбицкая 1997: 279]. Например, аутентичная речевая норма предписывает *The report isn't very good* вместо *The report is bad*; *You're not right* вместо *You are wrong*; *I don't think it's possible* вместо *I think it's impossible*; *I'm afraid you can't do it* вместо *It's not allowed*; *He is no good* вместо *He is a bad person*; *I'm not feeling well*

вместо *I'm feeling badly*. Английский язык приветствует «бесконфликтное общение» [Стернин, Стернина 2001: 75], когда каждый из собеседников по-своему прав, так как все идеи, утверждения, мнения, ценности, теории априори признаются относительными. «Если возникает атмосфера несогласия, то обычно вежливо констатируется расхождение во взглядах» [Стернин, Стернина 2001: 75]. *We agree to disagree* – основной мотив разговоров и споров на английском языке. Подбор грамматических средств в аутентичной речи для оформления высказываний в разговоре или споре характеризуется этносоциокультурной маркированностью и подчинен цели экспликации некатегоричного характера английского языка и релятивистского менталитета его носителей. Русский язык, напротив, характеризуется прямолинейностью и категоричностью в оценках правоты/неправоты, правильности/неправильности, того, что хорошо, и того, что плохо. В споре, отстаивая свою позицию, русские используют действительное наклонение: *Ты не прав. Это не так. Этого не может быть. Ты ошибаешься. Это факт*. Такая жесткая позиция неприемлема с точки зрения менталитета носителей английского языка; высказывая свое мнение, они оперируют в норме безличными или модальными конструкциями (*It seems to me that ...*, *There might be ...*, *It's possible that ...*), вводными фразами (*I'm afraid ...*, *I'm sure ...*, *In my opinion ...*, *I suggest that ...*), условными предложениями (*I'd look at it this way, I would say that ...*, *We might try another approach, I would find it unacceptable*). Употребляются также пассивные конструкции для передачи вежливого, любезного отношения говорящего к собеседнику (*It could perhaps be said that ...*, *One might think that ...*). Перечисленные конструкции являются средствами грамматической эвфемизации. Наше исследование показало, что пользователи РИАЯ часто не учитывают этой специфической черты английской лингвокультуры, которую можно назвать лингвопроекцией релятивистского менталитета англоязычных людей, уважающих право других на свое мнение. При от-

стаивании своей позиции в разговоре или споре пользователи РИАЯ часто проявляют склонность калькировать семантико-синтаксические структуры русского языка, что приводит к результатам, неадекватным коммуникативному намерению. Аутентичная английская речевая норма ставит относительный запрет на употребление таких частотных на РИАЯ конструкций как *You are wrong. I know this exactly. This is not so. It's impossible. That's right. That's wrong. That's correct. That's not correct. That's true. That's not true*, т.к. подобные конструкции подспудно подразумевают превосходство говорящего над собеседником, представляя его мерилом всего сущего и истиной в последней инстанции. Пользователи РИАЯ часто совершают подобные огрехи при контактах с носителями языка, при этом не имея намерения оскорбить или принизить собеседника. При взаимном общении пользователей РИАЯ выбор подобных конструкций расценивается обоими коммуникантами как адекватный, и собеседники не испытывают культурного шока или недопонимания при неоправданном прагмалингвистическом переносе.

2. В речи на РИАЯ в целом больше отрицательных конструкций, чем в речи на аутентичном английском языке.

Русский и английский языки асимметричны по параметру **негативность/позитивность**. Исследователи считают, что в отличие от носителей русского языка, для носителей английского языка свойственно позитивное мышление, и они предпочитают позитивные конструкции [Виссон 2005: 49-66]. Частотность позитивных конструкций в аутентичной речи нормативно превышает отрицательные конструкции. В русском языке, напротив, имеется большое количество отрицательных грамматических конструкций, которые соответствуют позитивным конструкциям в изосемантической речи на аутентичном английском языке:

Не пропадай! – Stay in touch!

Не бойся! – Stay well!

Не унывай! – Cheer up!

Не морочь себе голову! – Forget it!

Не падай духом! – Keep your chin up!

Я не возражаю! – That's fine with me!

Не за что! – You're welcome!

По газонам не ходить! – Keep off the grass!

Не сорить! – Use bins!

Не входить! – Personnel only!

Не груби! Не выражайся! – Watch your tongue! Mind your language! Choose your words!

Не зевай! — Keep your eyes open!; Look sharp / alive!

Не ври! — Now you stop lying to me!

Норма речи на английском языке свидетельствует, что его носители чаще прибегают к позитивным конструкциям, тогда как носители русского языка – к отрицательным конструкциям. Неадекватный учет коммуникативно-прагматического пространства по этому параметру пользователями РИАЯ приводит к тому, что модели речевого поведения, рекомендованные аутентичной речевой нормой для определенной речевой ситуации, не воспроизводятся в речи на РИАЯ. Вместо этого имеет место прагмалингвистический перенос образов действия, лингвистических значений, моделей речевого поведения родного языка. Отсюда, РИАЯ *Don't disappear! Don't be ill!, Don't walk on lawns!, Don't lie!, Don't drop litter!, Don't enter!, Don't be rude!*

Подобным же образом калькируются русские вежливые вопросы-просьбы, нормативно задаваемые в отрицательной форме: *Вас не затруднит? Вы не можете мне? Не подскажете, как добраться до центра? Не могли бы вы подписать документ?* Отрицательная форма и условная частица «бы» кодирует вежливый оттенок просьбы на русском языке, поэтому дополнительные лексические средства передачи вежливости излишни и не употребляются в нормативной речи на русском языке. При генерировании изосемантической речи на английском языке есть большая вероятность калькирования этих семантико-синтаксических структур родного языка, и нами были зарегистрированы многочисленные свидетельства этому: *Can't you sign the document? Won't you tell me*

the way to the centre? Won't you help me? В результате, полученные отрицательные вопросительные конструкции без добавления слов вежливости звучат, по меньшей мере, невежливо и, что более важно, неадекватны коммуникативному намерению и ситуации общения: эти конструкции в нормативной английской речи кодируют такие оттенки значения, как нетерпение, раздражение, удивление, недоумение (*Неужели ...? Разве ...?*) Гипотетически это может привести к конфликту, недопониманию, коммуникативному сбою при общении пользователя РИАЯ с носителями английского языка.

Еще одна конструкция, частотно имеющая вопросительную отрицательную форму в русском языке, – это конструкция совета: *Не обратиться ли вам ...? Не сходить ли тебе ...? Не попробовать ли вам ...?* В изосемантической речи на РИАЯ могут иметь место вышеописанные сбои как результат прагмалингвистического переноса и, как следствие, неадекватного грамматического оформления. Аутентичная английская речевая норма предписывает употребление вопросительных и утвердительных конструкций, имеющих позитивную форму: *What if ...? What about ...? Perhaps you might ...* Наше исследование показало, что русские билингвы склонны передавать такие значения с помощью конструкции *What do you think about ...?* или прямого императива *Try to ...! Speak to ...!*

Такое грамматическое явление русской языковой системы как двойное отрицание (*нельзя не заметить, никогда бы не подумал, не можем не простить, нигде нет никакой информации*) не имеет соответствия в английском языке, где нормативно отрицание может быть только одно. Это нередко приводит к языковым ошибкам в речи на РИАЯ и появлению таких синтаксических конструктов как *you can't not to notice, we can't not to forgive, I won't never think, there is no information about it nowhere*. Хотя чем более продвинут уровень владения английским языком у пользователя РИАЯ, тем меньше частотность подобных огрехов в его речи.

Нормативные формы общепринятого общественного поведения передаются в русском языке безличными отрицательными конструкциями, звучащими достаточно жестко, безапелляционно, беспристрастно, категорично, авторитарно: *Не следует ..., Не положено ..., Не рекомендуется ..., Неудобно ..., Не нужно ..., Не надо ..., Так не делают ..., Не разрешается ..., Нельзя ..., Некультурно ...* В связи с калькированием русскоязычных нормативных конструкций в речи на РИАЯ изобилуют безличные конструкции типа *It's not allowed ..., It's forbidden ..., It's not permitted ..., It's not possible ..., It's not recommended ..., It's not necessary ..., It's not needed ..., It's not done ...* Как показало наше исследование, пользователи РИАЯ не знают, что в данных контекстах безличным конструкциям в русском языке соответствуют неопределенно-личные конструкции с местоимением *you* в обобщенно-личном значении в английском языке: *You can't ..., You are not allowed ..., You don't need to ..., You'd better not ...* Что касается этой конструкции, то русские билингвы часто отождествляют неопределенно-личные конструкции с местоимением *you* и неопределенно-личные конструкции с местоимением *one* и употребляют их в речи как синонимичные, хотя с точки зрения аутентичной английской речевой нормы конструкция с местоимением *one* считается менее уместной. Ср., *You can't park here* и *One can't park here*. Для оформления нормативных форм поведения аутентичная английская речевая норма рекомендует употреблять отрицательные конструкции, которые звучат менее категорично, неумолимо и беспристрастно по сравнению с русскими: *It's not a good thing to ..., It's not a good idea ..., There's no need ..., There's no point in ..., You don't have to ..., Those are the rules that ..., You are not eligible for ..., You are not supposed to ...* По свидетельству Л. Виссон, американки русского происхождения, переводчицы ООН, английские *don'ts* звучат менее категорично, чем русское *нельзя*, а для запретов, предписаний, инструкций и предупреждений с отрицанием есть рекомендованные средства:

can't, shouldn't, mustn't do. Относительно передачи на английском языке таких высказываний как “Некультурно ...” и “Неудобно ...” пользователь РИАЯ может допустить не только грамматические (It's not cultural, It's not comfortable/convenient), но и культурологические ошибки. То, что в канонах одной культуры является некультурным и неудобным с моральной точки зрения, является допустимым и нормальным в канонах другой системы морально-нравственных норм. За понятиями «культурно/некультурно», «принято/непринято», «удобно/неудобно» могут стоять разные представления. Примеры этому можно найти в работах по межкультурной коммуникации. Например, при приеме на работу в США излишняя застенчивость не принята, зато приветствуется напористое представление всех своих лучших качеств. Прямой вопрос о зарплатке и получаемом доходе здесь также категорически не принято задавать. Зато «здесь вполне культурно находиться в верхней одежде в таких общественных местах, как театр (где часто нет раздевалки), класть ноги на стол, звать по имени едва знакомых людей, есть во время занятий в школах и университетах, носить рваные джинсы и делать многое другое, что в России считается неприличным» [Виссон 2005: 52].

3. Речь на РИАЯ в целом содержит меньше количество активных конструкций, чем речь на аутентичном английском языке.

Пользователь РИАЯ как потенциальный субъект современного поликультурного глобализующегося мирового сообщества должен сознавать, что в его языковой личности преломляются две разные культуры, две разных философии отношения к жизни. Эти различия отражены в языках, в родном и неродном. Считается, что английский язык отражает культуру наций, у которых картина мира основана на активной роли человека, предпринимательстве, личной ответственности человека за все происходящее с ним, тогда как русский язык отражает культуру нации фаталистов, инертно уповающих на судьбу, пассивно покорившихся судьбе.

Грамматические структуры языков отражают эти культурные ориентиры: английский язык в норме богаче активными конструкциями, а русский язык – неопределенно-личными и безличными конструкциями: конструкции с существительным/местоимением в дательном падеже (*ему трудно, мне интересно*), конструкции с модальными словами (*надо, нельзя*), отрицательные инфинитивные конструкции (*не бывать, не видать*), отрицательные конструкции с возвратными глаголами (*не сидится, не спится*). Преобладание в речи тех или иных конструкций является своего рода пометой, маркером принадлежности речевого произведения коммуникативно-прагматическому пространству русского или английского языков. Проведенное нами исследование показало, что отсутствие межъязыкового изоморфизма в этой синтаксически значимой глагольной категории приводит к своеобразию употребления залоговых конструкций в РИАЯ по сравнению с аутентичной английской нормой. Установленные нами в ходе исследования идиоэтнические черты залога в РИАЯ заслуживает отдельного освещения за рамками данной статьи.

В статье кратко описаны некоторые этносоциокультурные аспекты грамматического идиоэтизма речи на РИАЯ. Они были установлены с помощью сопоставления речи на РИАЯ с изосемантической речью на аутентичном английском языке. В целом не нарушая требования языковой системы английского языка, носители РИАЯ в своей речи допускают массовые отклонения в синтаксическом аспекте от нормы и узуса аутентичной английской речи. Пользователи РИАЯ подсознательно выбирают те грамматические конструкции английского языка, которые являются структурно-семантическими аналогами конструкций родного языка, и избегают тех конструкций, аналогов которым они не находят в родном языке. Это демонстрирует основную закономерность порождения речи на неродном языке и определяет грамматический идиоэтизм англоязычной речи русских в силу автоматизированного выбора семантико-

синтаксических средств для вербализации мысли. Предпочтения одних способов объективации мысли на английском языке другим устанавливаются в языковом пространстве РИАЯ при корректирующем и интерферирующем влиянии системы, нормы и узуса русского языка как внутреннего кода пользователей РИАЯ.

Мы полагаем, что грамматическая система РИАЯ представляет собой объективно существующее явление, имеющее

своеобразные черты по сравнению с грамматической системой аутентичного английского языка, с одной стороны, и других идиом английского языка, с другой стороны. РИАЯ, с нашей точки зрения, заслуживает научного внимания как реально функционирующий субъект языкового континуума, в котором сосуществуют языковые образования разного генеза и разного функционального потенциала.

Список литературы

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
- Виссон Л.* Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. – М.: Р. Валент, 2005. – 192 с.
- Добровольский Д.О.* Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–48.
- Стернин И.А., Стернина М.А.* Очерк американского коммуникативного поведения. – Воронеж: Истоки, 2001. – 206 с.

Е.А. Картушина

УДК 81'23

**«ГЛОБАЛЬНОЕ» И «ЛОКАЛЬНОЕ»
В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

В статье рассматриваются особенности финского молодежного жаргона в контексте выбора языковых средств в определенной коммуникативной ситуации под влиянием глобальных и локальных факторов. Результаты исследования показывают, что противопоставление глобального и локального может являться параметром лингвистического описания социолекта, позволяет оценить идеологические и культурные факторы.

Ключевые слова: глобальное и локальное; язык и идеология; язык и общество; социолект; жаргон; финский язык.

Elena A.Kartushina

GLOBAL AND LOCAL IN LINGUISTIC STUDIES

The article discusses the features of the Finnish youth slang and explains the choice of linguistic resources in certain communicative situation by resorting to the factors that can be classified as global and local. The results show that juxtaposition of global and local can be a methodological parameter in linguistics as it allows to assess ideological and cultural factors in social dialect.

Key words: global and local; language and ideology; language and society; social dialect; English borrowings; slang; Finnish language.

На сегодняшний день можно уже с достаточной степенью уверенности утверждать, что один из наиболее важных идеологических и социальных факторов, оказывающий наисильнейшее влияние на функционирование языка на определенной территории, и – более того – сказывающееся на изменении национальных языков – это фактор глобализации.

Среди большого числа особенностей, характеризующих процесс глобализации, одной из самых ярких выделяется интенсификация языковых контактов [Кирилина, Гриценко 2010; Brenzinger 2002]. При этом отмечается, что доминирующая роль принадлежит американскому варианту английского языка как языку глобализации. Однако этот аспект сопровождается «оживлением роли национальных языков на территории новых государственных образований, в групповом и других сферах общения» [Кирилина, Гриценко 2010: 15].

Указанное противопоставление «глобального» и «локального» позволяет говорить о нем как о методологическом параметре социолингвистических исследований – противопоставление, названное Р.Робертсоном «глокализацией». (Примечательно, что Р. Робертсону приписывается также создание самого термина глобализации).

Дихотомия «глобального» и «локального» рассматривается исследователями, в том числе, и как способ измерения универсального с учетом значимости и роли локальных культур.

Преломление определенных социальных и языковых феноменов через призму «глобального» и «локального» как показывают, в частности, результаты исследования Е.С. Гриценко [Гриценко 2012] позволяют определить лингвокультурную специфику и идеологическую составляющую определенного социального диалекта.

При этом стоит отметить, что диалектика «глобального» и «локального» не идет отдельно от других тенденций, характеризующих социально-глобальную реальность.

Попеременное усиление то роли глобального, то локального в современном обществе соотносится с ускорением динамики жизни (акселерация темпа социальной жизни, цифровая метафора 2: 0 и др.). В научном дискурсе указанная скоротечность, динамика повседневных явлений и событий получила название «динамической синхронии» [Крысин, 2000; Bright 2002; Кирилина, Гриценко 2010]. Таким образом, рассматриваемая динамическая синхрония усиливает диалектическое противостояние, взаимообусловленность «глобального» и «локального».

С другой стороны, понятие «локального» в рамках аксиолого-этического подхода в межкультурной коммуникации зачастую соотносится с цивилизацией как замкнутом, локально-концентрированном образовании, и рассматривается как закрытый (территориально, национально) фактор, препятствующий развитию диалога культур [Межкультурная коммуникация в условиях глобализации 2010: 40–45]. Указанный подход определяет цивилизацию как «техногенный» закрытый компонент, затрудняющий мирное сосуществование культурных ценностей, хотя именно это и подразумевает «виток» культуры в сторону глобализации.

С точки зрения преломления социальных (и идеологически-обусловленных) факторов в языке представляется актуальным изучение молодежного жаргона. Являясь социальным диалектом наиболее активной возрастной группы, которая быстро реагирует на внешние изменения, молодежный жаргон представляет собой ту сферу исследования, которая весьма приемлема для измерения текущих социальных и идеологических факторов в языке.

Для обозначения молодежного социолекта используются как термин «молодежный жаргон», так и «молодежный сленг», однако в социолингвистическом описании среди исследователей более употребителен термин «жаргон», в то время как термин «сленг» часто встречается в научно-популярной литературе. Жаргон, как указывается в работе [Беликов, Крысин 2001] более приемлем для описания социо-

лекта. В связи с этим мы склонны придерживаться термина молодежный жаргон в данной работе.

Актуальность изучения особенностей молодежного жаргона соотносится с социальными характеристиками молодежи: с одной стороны, они открыты для культурных ценностей, навязываемых глобальным обществом, а с другой стороны, именно молодежь рассматривается как приемник национально-локальных ценностей (что и соотносится с «глобальным» и «локальным»).

С точки зрения рассмотрения национального и глобального, изучение финского молодежного жаргона также представляется небезынтересным, поскольку на территории Финляндии отстаивание национальных интересов всегда было одной из ключевых общественных и политических особенностей. С другой стороны, в связи с вступлением в ЕС, Финляндия вынуждена проявлять политическую толерантность, выражаемую, помимо всего прочего, в языковой лояльности – определенной степени приятия, уважении «права доступа» других языков.

Другой аспект, придающий ценность и актуальность изучению молодежного социолекта, связан с ролью и местом каждого социолекта в языке. В частности, У. Брайт, говоря об определенных параметрах социолингвистики, отмечал, что последним по списку, но отнюдь не по значению, является параметр применения, соотносимый с важностью результатов социолингвистического исследования для других областей [Брайт 1976].

Таким образом, значимость изучения молодежного жаргона в рамках социолингвистики соотносится не только с одной из прямых задач этой отрасли языкознания – описывать и выделять основные особенности социолектов, но и другой, косвенной, но не менее значимой задачи – проследить становление языковой нормы, и наметить грани перехода от одного социолекта в другой.

Как правило, в социолингвистике к языковой норме приравнивается язык, которым пользуются люди среднего возраста [Вахтин, Головкин 2004: 81]. Однако имен-

но речь молодого поколения, отличающаяся экспрессивностью, в которой реализуется стремление молодежи к самоидентификации, «конструирующая языковые грани» [Вахтин, Головкин 2004: 120–126], отличается большим количеством окказиональных речевых употреблений.

Молодежный жаргон ставит под сомнение незыблемость языковой нормы, «пошатывая» зафиксированный порядок речевых практик. И этот аспект является немаловажным в социолингвистических исследованиях жаргона: сложно предсказать, какие нововведения закрепятся в языке и станут нормированными, а какие останутся лишь окказиональными проявлениями в регистре речи, но синхроническое описание социолекта может способствовать рассмотрению того, как происходит становление языковой нормы, помогает выявить предпосылки ее становления в диахронии.

Нельзя не согласиться с тем, что подобного рода прогностические исследования (foresight studies) в социолингвистике находятся лишь на этапе становления. Тем не менее, определение лексических особенностей жаргона – это первый этап для составления прогнозов, за которым следует установление закономерностей, определение количественных показателей (проверка частотности), верификация особенностей.

При этом решение заявленной исследовательской задачи – рассмотрение особенностей молодежного жаргона – может быть достигнуто только с учетом вертикального (локального) контекста молодежной субкультуры, определяющего те коммуникативные ситуации, где указанные языковые особенности наиболее очевидны. Например, ответы студентов на экзамене или в рабочей обстановке, или общение с продавцом в магазине вряд ли дадут большой материал для социолингвистического анализа молодежного жаргона, и только при общении между внутри молодежной группы (когда достигается максимальная репрезентация представителей молодежной субкультуры) более точным будет аспект выделения указанного социолекта.

Р. Якобсон отмечал: «Языковое общение внутри языковой группы должно рассматриваться в терминах «системы взаимосвязанных подсистем» [Якобсон 1960: 352]. Позднее, и Дж. Гамперц говорил о большей понятности (некодифицированности) тех форм языка, которые используются в межкультурном общении, упоминая при этом, что жаргон употребляется в строго определенных ситуациях [Гамперц 1975 : 191–192].

В этой ограниченности набора коммуникативных ситуаций и заключается одна из особенностей изучения жаргона как социального (в отличие от территориального) диалекта. Территориальный диалект проявляется в большем количестве коммуникативных ситуаций, чем социолект. Особенности же социолекта наиболее полно раскрываются при общении внутри рассматриваемой социальной группы.

Однако территориальный и социальный диалекты отнюдь не исключают друг друга, а напротив, могут накладываться друг на друга. В частности, молодежный жаргон носит и определенные территориальные особенности.

Если мы рассмотрим наложение территориальных и локальных диалектов в разрезе «глобального» и «локального», то всю совокупность диалектов (вне зависимости от того, какой признак лежит в основе выделения языковой разновидности речи) образует комплекс вертикальных и горизонтальных связей: территориальный диалект более «глобален», чем диалект молодежной субкультуры этой же территории, нормированный литературный язык выступает как «глобальный» к территориальным диалектам и т.д.

Однако «глобальное» и «локальное» как бинарная оппозиция категориально обусловлена с другими противопоставляемыми друг другу феноменами, в частности, социального и индивидуального.

Рассматривая преломление социального и индивидуального в лингвистике, мы сталкиваемся с разными теориями о взаимосвязи разновидностей языка (нормированного словоупотребления, диалектных

форм и других), которые являются предметом осторожного интереса как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике.

Так, В.Б. Кашкин достаточно подробно представил соотношение диалектов и социолектов, преломляемых в «каждом факте лингвистической деятельности человека», в качестве модели языковых контрастов, в которой диалекты и социолекты, наряду с пиджинами и литературными языками, предстают как настройка (общее койне) или общий прагматический код (подразумевающий и социально-исторические изменения языков) над моноязычной коммуникацией и диапазоном языковых средств коммуникативной личности (в том числе и билингва) [Кашкин 2010: 27–29].

Другой взгляд на примирение социального и индивидуального в определенной форме существования языка можно найти в теории языковой личности, получившей значительное распространение в лингвистике. При этом данное понятие – языковая личность – хотя и становится предметом изучения в социолингвистическом описании [например Силантьева 2012; Леонтьева 2010], но не всегда признается социолингвистикой. В частности, в [Социолингвистический словарь терминов 2006] данное понятие отсутствует.

С другой стороны, в социолингвистике более употребительным (и весьма конкретным) концептуальным инструментом является понятие идиолекта. Идиолект соотносится с языковыми характеристиками, используемыми одним человеком, в то время как языковая личность подразумевает некоторую совокупность обобщенных языковых характеристик (что обусловлено, скорее всего, экстраполированностью данного понятия из сходных междисциплинарных наук («этическая личность», «юридическая личность», «экономическая личность» и другие). Но, помимо обобщения, языковая личность подразумевает и некоторый «взгляд изнутри» на языковые проявления, заключающийся в их обосновании через призму трех уровней языковой личности (согласно концепции Ю.Н. Караулова) –

вербально-семантическом, когнитивном и мотивационном.

Другая концепция, которая также связывает указанные понятия социолекта и идиолекта, сводится к механизму переключения кодов (code-switching), которая получила широкое применение в психолингвистике, и рассматривалась социолингвистикой как объяснение того, как носитель языка задействует разные регистры речи в зависимости от коммуникативной ситуации.

В американской социолингвистике существовало понятие матрицы общения, разработанное Дж. Гамперцем [Дж. Гамперц 1975]

Согласно его идее, априори принимается тот факт, что вся совокупность социальных различий строится на индивидуальных различиях. И Дж. Гамперц, говоря об их значимости, совершенно справедливо отмечает: «Различие между единообразием и разнообразием диалектов или между одноязычием и двуязычием становится менее важным, чем различие между индивидуальным и общественным» [Гамперц 1975: 188]. Немаловажную роль при этом, с точки зрения Дж. Гамперца, играет языковая лояльность – то, что и обеспечивает на индивидуальном уровне принятие того, что впоследствии и становится общественным.

По мнению Дж. Гамперца, для социального изучения языка существенны лишь те аспекты социальных (не индивидуальных) ролей, где существуют различия. Указанные различия формируют всю совокупность кодов (экзогенных) и субкодов (эндогенных) вариантов языка, формирующих идиомы в определенном ареале.

На микроуровне, таким образом, соотношение «глобального» и «локального» может учитываться при изучении языкового репертуара, а на макроуровне диалектика глобального и локального позволяет учитывать влияние культурных, национальных, социальных и даже индивидуальных особенностей языкового употребления в более широком, глобальном контексте.

Структурирование данных вертикальных и горизонтальных связей всех соци-

альных и территориальных разновидностей языка может иметь определенную практическую значимость для социолингвистических исследований, однако подобные принципы связи (в разрезе глобального и локального) существенны лишь постольку, поскольку доказывают существование связей между разновидностями языка. Подобного рода взаимосвязи разновидностей языка делают также шаг вперед в направлении создания методологической основы континуума как бесконечной градации в языке (по терминологии М.А.К. Хэллдея).

Именно эта взаимосвязь диалектов, наряду с их изменчивостью придает значимость социолингвистическому описанию. Как справедливо замечал У. Лабов, «... даже небольшое изменение независимой переменной регулярно сопровождается изменением зависимой переменной в предсказуемом направлении» [Лабов 1975: 199]. Любое незначительно варьирование в языке, малейшее изменение в лексике (фонетике, орфоэпии) не может игнорироваться в (социо)лингвистических исследованиях, поскольку (за счет «цепной реакции») может привести к изменениям более высоко (языкового) уровня.

Все названные аспекты и сформировали нашу исследовательскую задачу – рассмотреть, как некоторые из отличительных особенностей социальной и глобальной реальности проявляются в финском молодежном жаргоне. Материалом для исследования послужили популярные среди молодежи Финляндии форумы suomi24.fi, keskustellusuomi.fi.

Поскольку молодежный жаргон легко впитывает слова из разных языков, то его рассмотрение позволяет проследить степень влияния языковых контактов, проникновения одного языка в другой.

Влияние английского языка, как отмечает большинство исследователей, рассматривающих молодежный жаргон на материале разных языков [Россихина 2009; Иванова 2007] достаточно велико, на что указывает, в частности, значительное число английских заимствований. Проникновение

в молодежный жаргон англицизмов, возможно, связано с его распространением и активным внедрением в сфере образования, но решающую роль играет общая тенденция – глобализация английского.

В результате этого английский язык уже не рассматривается как «чужой» – употребление английских слов скорее относится к характеристике речевых регистров или даже социально-стратификационных характеристик речи. В частности, принятие английского языка более велико среди молодежи и в организационной коммуникации (профессиональный жаргон, язык яппи).

При этом, как правило, при социолингвистическом измерении влияния английского языка на определенный национальный язык вряд ли уместно апеллировать к языковой лояльности или языковой толерантности к английскому языку, поскольку лояльность соотносится скорее с отношением к национальному языку, в то время как языковая толерантность – к языку национального меньшинства (на что указывают, в частности, определения этих понятий в [Словарь социолингвистических терминов 2006]).

Таким образом, влияние английского языка на молодежный жаргон в Финляндии связано именно с распространением английского языка как языка глобализации в сфере образования и организационной коммуникации, а не с отстаиванием национальных и этнических интересов.

Более того, английский играет роль языка социального престижа, особенно в городской среде, к которой и принадлежит большинство аудитории данных форумов.

Помимо указанных факторов, английский язык является профессиональным языком сферы компьютерных технологий и потому его распространение в сетевом общении является достаточно логичным.

Но сложно сказать, какой из факторов был решающим в становлении английского, однако лидирующая позиция английского в интернет-коммуникации проявляется достаточно сильно.

На финских форумах мы замечаем, в частности, использование как отдельных

слов, так и целых фраз на английском:

- **Been there, done that.**

- *Koita hiita itseasi, pidemman pale oikeata alkaa menemään yli; ite oon 14 ja arsyttää ihan !!!! kun monet 17, 18 vuotiaat yritää iskee mua – **Thank you, Mr Obvious!***; (ремарка на английском идет в ответ на указание подростку его возраста и заверение в том, что в 17-18 лет он сам будет принимать решения).

- **Help me out!** (название темы в форуме).

Кроме того, в интернет-коммуникации используются также и кальки с английского: *Mika on in ja mika on out* (что внутри и что снаружи); *Fun ja bailut* (веселье и тусовка). Слова со сходным значением в финском языке длиннее (*sisällä, ulkoapäin, hauska*) и, возможно, именно этим и объясняется проникновение в финский молодежный жаргон.

В ряде случаев заимствования из английского транскрибируются:

- **deitti** – date;

- **BIIIISI HUKASA** (busy spending money);

- **booli** – коктейль (от redbull - генерализация смысла);

- *Ei vedellä mitään **drinksuja** koska **you know** tissuttelu vaatii yleensä sen, etta sita ei tarvitse;*

- *Ollen 3 päivän sisällä **chattailut**;*

- **Jeess! Tama on minun palsta!**;

- *Sina **dissaat** kaikiällä kaikkia: poika Ilvv, joka kysyi neuvoa ... sina menet nusimaan sen itsetunnon vuolan. **Halooo!*** (disseat – on англ. dissatisfy);

- *Argumenttien puuttuessa vedetaan turpiin, jottei vain unhdu kuka on **kingi eikas juu?**;*

- **Jelpaa minun!** (Help me);

- *Munna koeta **kuukeli*** (kuukeli – google);

- *Sen pita olla suosittmpo kumaa ja jopa sen **justenki** pita olla pammin kunnan; Muutamavuoden se oli aika tarkaa etta oltiin **just** jokatoiminen viikonloppu toissa; Sitahan tassa **topicissa** oli kyse?;*

- *Minulla on **ko*** (от question);

- *Ja saksalainen musiikki rula, etenkin Dschingis Khan;*
- *Kim Dotcom on hottis;*
- *Ne ketkä minun teini iässä olivat koulun kingejä, ovat nyt poikkeuksetta pahimpia luusereita;*
- *He ovat vaan juopettelevia, polttavia wannabe-koviksia, jotka haluavat huomiota.*

Примечательно, что в приведенных примерах встречаем характерные для финского языка аффиксы множественного числа категории существительных –i, а также применении грамматической категории падежа.

Некоторая «локализация» при заимствовании глаголов проявляется в отнесении их к одному из пяти типов глаголов, характерных для финского языка (dissata, jelpata, rulata – 5, chattailla – 3-й).

Механизм адаптации англицизмов в финском молодежном жаргоне проявляется и транскрибировании. Например, удлинение гласных: loser –luuseri (при этом в отношении [o] = [u] появляется некоторая систематичность транскрибирования с английского на финский (ср. kuukeli).

Определенное постоянство проявляется также в обозначении на письме звуком *J* [ie] некоторых гласных в начале английских слов (yes, you). При этом транскрибирование с английского звука *J* на финский не наблюдается [just = iust].

На семантическом уровне наблюдается некоторая генерализация значений (семантическое переосмысление): Milta paikkakunnalta loytyy mukavimmat ja soroimmat kundit? (kundi – kind – парень).

Однако не стоит думать, что языковые контакты в эпоху глобализации ограничиваются лишь английским языком. Даже небольшое фокусное исследование данных молодежных форумов Финляндии показало, что в молодежном жаргоне можно проследить влияние шведского языка, что, в принципе, не случайно, поскольку шведский является вторым государственным языком в Финляндии (несмотря на некоторое ослабление его позиций, вызванное национальными интересами в языковом планировании

и языковой политике). При этом наблюдение показывает, что на шведском скорее употребляются фразы или целые предложения:

- *luft I magen* (название темы форума – воздух, пускание пыли в глаза);
- *ym vidu mage!*;
- *Voi teita lapsia, kun ette osaa tehda oikeita paatoksia -Vas te faive enclave*

Хотя не исключаются и употребление отдельных слов из шведского: sano *faijalles et «mee roskii» ja soita sitä musaa niin kovalla ku vaa pystyt toi tepsimullaki faijan kans* (faija – батя).

Единичны заимствования из русского:

- *Ja naisen pita tehda aloteen, vaika kapaka reisulla* (рейд по кабакам). Второе слово является заимствованием из английского, при заимствовании наблюдается чередование согласных (d – s)

• *Menaan lafkaan* (ближайший магазин).

В интернет-коммуникации английский язык выступает и как способ формирования идентичности – для большого количества в качестве так называемых интернет ников для общения на форуме выбирается английское слово или словосочетание. Встречаются также и смешанные заимствования (blendings) – один из компонентов которых является английское слово, а другой – из финского:

- *nice_hope;*
- *randomlikka (random girl)* (смешанное словосочетание)
- *Luvvvvvvv<<<<3; (здесь мы замечаем традиционное транскрибирование звука [o])*
- *oldschool;*
- *camoon.....;*
- *ikillyou;*
- *wosp;*
- *derp.*

Некоторая адаптация заимствования наблюдается в стилистическом приеме антономазии.

При этом формирование идентичности подобного рода обусловлено, по всей вероятности, именно распространением английского языка в Интернете и имеет чисто прак-

тическое значение: быть «понятым» для большего числа участников коммуникации.

Отметим также употребление акронимов из английского, ставшее традиционными для коммуникации на форумах: – Ei lol! Voi lol sun kanssa.

Встречается и прием калькирования при заимствованиях: uheen edlliseen (+1).

Таким образом, даже такое небольшое фокусное исследование показывает, что дихотомия глобального и локального может рассматриваться как один из методов, параметров измерения в социолингвистике.

Список литературы

- Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика. – М.: РГГУ, 2001. – 439 с.
- Гамперц Дж.* Об этнографическом аспекте языковых изменений // Новое в лингвистике. Выпуск 1975. Под редакцией Н.С.Чемоданова. – М.: Прогресс.– С. 297–318.
- Гриценко Е.С.* Идеология, идентичность, стиль: глобальное и локальное// Полифония большого города: Сб.научных статей/ под ред. Л.М.Терентия, В.В.Красных, А.В.Кирилиной. – М.: МИЛ, 2012. – С. 141–149.
- Гриценко Е.С., Кирилина А.В.* Язык и глобализация: задачи и направления социолингвистического анализа // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия Филология, 2010. – №6. – С. 14–21.
- Вахтин Н., Головки Е.* Социолингвистика и социология языка. – М., 2004. – 291 с.
- Словарь социолингвистических терминов (под редакцией В.Ю.Михальченко). – М., 2006. – 312 с.
- Иванова Н.С.* Молодежный жаргон в лингвокультурологическом освещении. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филол.наук – Екатеринбург, 2007. – 20 с.
- Кашкин В.Б.* Парадоксы границы в языке и коммуникации: серия монографий «Аспекты языка и коммуникации», Вып.5/ Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издатель О.Ю.Алейников, 10. – 382 с.
- Крысин Л.П.* О некоторых изменениях в русском языке конца XX века //Исследования по славянским языкам. – № 5. – Сеул, 2000. – С. 63–91.
- Лабов У.* Исследование языка в его социальном контексте// Новое в лингвистике. Выпуск 7 1975. Под редакцией Н.С.Чемоданова. – М.Прогресс, 1975. – С. 95–180.
- Леонтьева О.А.* Языковая личность старшеклассника: онтологический аспект (на материале сочинений ЕГЭ). – Автореферат на соискание ученой степени канд. филол.наук... – Омск, 2010 . – 26 с.
- Межкультурная коммуникация в условиях глобализации/ В.С. Глаголев, Н.И.Бирюков, Н.Н.Зарубина (и др.): учебное пособие. – М.: Проспект, 2010. – 216 с.
- Росихина М.Ю.* Молодежный жаргон в русской и немецкой лексикографии 19 – 20 века. Автореф... диссертации на соискание степени кандидата филол. наук. по спец. 10.02.19. – Брянск, 2009. – 24 с.
- Силантьева М.С.* Элитарная языковая личность. – Автореферат на соискание ученой степени канд. филол.наук... – Пермь 2012 . – 28 с.
- Brenzinger, M.* Language Contact and Language Displacement // The Handbook of Sociolinguistics. – Blackwell Publishes, 2002. – P. 273 – 285.
- Bright, W.* Social Factors in Language Change // The Handbook of Sociolinguistics. – Blackwell Publishes, 2002. – P. 81-92.

ДИСКУССИЯ

УДК 81'23

Е.С.Никитина

ПСИХОЛИНГВИСТИКА В ПОИСКАХ СМЫСЛА

Задача, которую мы пытаемся разобрать в данной статье, состоит в том, чтобы начать процесс обсуждения методов анализа текста как предмета психолингвистического исследования. Психолингвистика в своем анализе обращается к смысловым единицам текста, выделяя среди них нулевой уровень или намерение самого текста.

Ключевые слова: понимание, диалог, смысл, субъект, текст, психолингвистический подход.

Elena S. Nikitina

PSYCHOLINGUISTICS IN SEARCH OF MEANING

The problem we are trying to make out in this article is to begin the discussion of methods of analysis of the text as an object of psycholinguistic research. Psycholinguistics in its analysis addresses the semantic unit of text, highlight any zero or intention of the text.

Key words: understanding, dialogue, sense, subject, text, psycholinguistic approach.

Проблема. Георгию Петровичу Щедровицкому нравилось приводить сравнение мышления с танцами лошадей, предложенное скандинавским лингвистом Ульдаллем: «Постепенно становится все более и более очевидным, что, все мы – братья, несмотря на различие цвета кожи, и что логическое мышление даже у «цивилизованных» людей похоже скорее на танцы лошадей, т.е. на трюк, которому можно обучить некоторых, но далеко не всех, причем он может исполняться лишь с большой затратой сил и с разной степенью мастерства, и даже лучшие представители не в состоянии повторять его много раз подряд» [Ульдалль 1960: 394]. И хотя мышление, по мысли Ульдалля встречается достаточно редко, и роль его в жизни людей не так уж велика, ему нужно учиться. Основная же функция сознания – это понимание. Без понимания не бывает совместного взаимодействия. Вопрос в том, нужно ли учиться пониманию?

В отличие от мышления понимание часто рассматривается как «естественный» процесс, сопровождающий различные психические акты: чувства, восприятия, память, мышление, фантазии. Причем понимание всегда представлялось субъективным актом, не нормированным и потому – не передаваемым другому. «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя? Поймет ли он, чем ты живешь?…» [Ф.И. Тютчев, «Silentium!»].

В понимании ведущим является тот, кто понимает, а не тот, кто говорит. Причем неизвестно, чье понимание более правильно. Здесь точным является замечание, что каждый понимает в меру своей испорченности. «Текст всегда несет много такого, что туда не заложил сам говорящий, автор текста. Во-первых, за счет того, что он использует средства языка. Можно сказать, что язык всегда умнее нас, ибо в нем накоплен и аккумулирован весь опыт человечества. Это вообще основной аккумулятор опыта. Во-вторых, понимающий, привнося свою ситуацию, понимает всегда соответственно этой ситуации и видит в тексте часто больше или иное, нежели автор. Со мной не раз бы-

вали такие ситуации, когда приезжали люди и говорили, что вот в такой-то работе я написал то-то и то-то. Я удивлялся. Они брали текст и начинали мне показывать, что у меня там это действительно написано. И когда я становился на их позицию, я вынужден был признавать, что там это написано. Но я этого туда сознательно, рефлексивно не закладывал. У нас в тексте часто оказывается много такого, чего мы и не подозреваем. И это выявляется через процесс понимания» [Щедровицкий 2009: 68–70].

1. Понимание как диалог и его кристаллизация в тексте. Мысль может быть о мире, когда он предстает субъекту, и это есть акт познания. Картинка рационалистической философии: чем эфемернее субъект, чем он меньше занимает пространства, тем точнее акт познания. Но мысль может ощущать себя в мире и как часть его. И такое событие должно пониматься. Смысл не может менять физические, материальные явления, он не может действовать как материальная сила. Но смысл «меняет тотальный смысл события и действительности, не меняя ни йоты в их действительном (бытийном) составе, все остается, как было, но приобретает совершенно иной смысл (смысловое преобразование бытия). Каждое слово текста преобразуется в новом контексте» [Бахтин 1979: 367]. Понимание рождается из коммуникативной согласованности взаимодействующих субъектов [Никитина 2011]. Поэтому понимание есть акт встраивания субъекта в культурный контекст взаимодействий. Без взаимопонимания не бывает понимания: не только я должен понимать, но и меня должны понять. Смысл всегда диалогичен. Результат понимания – смыслы – кристаллизуются в текстах. Если мы не понимаем что-либо, то возвращаем текст адресату со словами: «если я вас правильно понял, то вы имели в виду следующее» и далее следует пересказ текста. Текст (смысл) живет, только соприкасаясь с другими текстами (смыслами). Понимание и есть соотношение с другими текстами и переосмысление в новом контексте: в настоящем, прошлом или будущем. М. Бахтин это фиксировал

как этапы диалогического движения понимания: «исходная точка – данный текст, движение назад – прошлые контексты, движение вперед – предвосхищение (и начало) будущего контекста» [Бахтин 1979: 364]. В этом диалогическом движении происходит постепенное забывание авторов – чужие слова становятся анонимными. Они присваиваются в переработанном виде как знания. Диалог кристаллизуется в монологизме «своих-чужих слов», отлитых в тексты. Процесс монологизации имеет очень важную функцию: он выстраивает внутренний план сознания, индивидуального сознания. Без него индивид не смог бы работать во внутреннем плане, он весь оставался бы вовне, в ситуации реального взаимодействия, был бы всего лишь объектом коммуникации. А далее, монологизированное сознание как единое целое (если оно было так оформлено) вступает в новые диалоги, уже с новыми внешними чужими голосами. «Монологизированное творческое сознание часто объединяет и персонифицирует чужие слова, ставшие анонимными чужие голоса в особые символы: «голос самой жизни», «голос природы», «голос народа», «голос бога» и т.п. Роль в этом процессе авторитетного слова, которое обычно не утрачивает своего носителя, не становится анонимным» [Бахтин 1979: 366].

Итак, чтобы процесс понимания был запущен, необходимо непонимание текста, текста как посредника коммуникативного соприсутствия в мире.

Предметы делятся не только на одушевленные и неодушевленные. Бывают еще и одушевляемые предметы. Это – тексты, которые и позволяют нам заниматься одушевлением всего существующего. «Заметим, что именно с того момента, когда нам становится известно, что это – текст, когда мы понимаем или пытаемся понять его смысл, мы сразу выходим за пределы непосредственно данного нам в чувственном восприятии. Текст – это концентрированная действительность. Текст – это действительность, ориентированная на то, чтобы ее понимали. С одной стороны, он сохраняет важнейшее качество

объективно реального: материальный носитель содержания, данный нам в чувственном восприятии, не зависит от нашей воли или сознания. С другой стороны, текст совмещает неизменяемость материального носителя смысла с изменением самого этого смысла в процессе понимания, в процессе деятельности» [Брудный 1998: 117]. Именно в этой своей функциональной коммуникативной целостности текст и может быть рассмотрен в качестве коммуникативного субъекта.

2. Текст как субъект. Что это может означать методологически? Во-первых, то, что текст может выступать в качестве инициатора коммуникации. Он озадачивает, его можно не понимать, даже владея языками общения. Здесь он не предмет насмешек, издевательств, или критики, не инструмент воздействия, но партнер или учитель. Бахтин говорил: «В каждую эпоху, в каждом социальном кругу, в каждом маленьком мирке семьи, друзей и знакомых, товарищей, в котором вырастает и живет человек, всегда есть авторитетные, задающие тон высказывания, художественные, научные, публицистические произведения, на которые опираются и ссылаются, которые цитируют, которым подражают, за которыми следуют. В каждую эпоху во всех областях жизни и деятельности есть определенные традиции, выраженные и сохраняющиеся в словесном облачении: в произведениях, в высказываниях, в изречениях и т.п. Всегда есть какие-то словесно выраженные ведущие идеи «властителей дум» данной эпохи, какие-то основные задачи, лозунги и т.п. Я уже не говорю о тех школьных, хрестоматийных образцах, на которых дети обучаются родному языку и которые, конечно, всегда экспрессивны» [Бахтин 1979: 268–269]. Что есть субъект в межсубъектных отношениях? Это всегда конкретность (имя), целостность, ответственность, неисчерпаемость, незавершенность, открытость [Бахтин 1979: 342–343]. Книги сжигали в отдельные периоды истории как инакомыслящих субъектов. Во-вторых, текст может отбирать своих читателей/слушателей. Текст направляет их внимание в нужное русло и тем обеспе-

чивает границы собственной целостности. Ю. Лотман пересказывает анекдотическое происшествие из выступлений математика П.Л.Чебышева. «На лекцию ученого, посвященную математическим аспектам раскрой-ки платья, явилась непредусмотренная аудитория: портные, модные барыни... Однако первая же фраза лектора: «Предположим для простоты, что человеческое тело имеет форму шара» – обратила их в бегство. В зале остались лишь математики, которые не находили в таком начале ничего удивительного. Текст «отобрал» себе аудиторию, создав ее по образу и подобию своему» [Лотман 2002: 169]. Субъектность текста – результат упрочения письменности в культуре. Так, классический текст подчас становится народным текстом, переходя в категорию формирова-теля картины мира. Классический канон образует устойчивое и в принципе неизменное ядро культурной памяти, по отношению к которому все вновь создаваемые тексты культуры являются вариациями и интерпретациями. «Культура функционирует на двух уровнях – повторяемого канона и обновляемых комментариев к нему. Классики – это не самые известные и не самые читаемые, а самые комментируемые авторы» [Зенкин, 2012]. В-третьих, текст всегда остается для читателя до конца не разгаданным произведением. Он всегда окутан интонационно-ценностным контекстом, в котором он интерпретируется и оценивается. И контекст этот меняется по эпохам, мировоззрениям, концепциям. Возможность нового звучания текста, его переинтерпретаций, заставляет нас вновь и вновь приходить на свидание с текстом.

«Впрочем, хотя, как я уже говорил в предыдущей лекции, я многие годы исследовал «Сильвию» с почти хирургической до-тошностью, она не утратила для меня своего очарования. Всякий раз, как я перечитываю ее, мне кажется, что мой роман с Сильвией (и мне трудно сказать, что я имею в виду — книгу или героиню) начинается впервые. Как же так, ведь мне же известна ее схема, тайны ее приемов? Да потому, что схема выстраивается извне текста, а перечитывая книгу, вы

возвращаетесь внутрь текста и, оказавшись внутри «Сильвии», уже не можете читать ее наспех. Случается, конечно, быстро пролистать страницы в поисках, скажем, определенной фразы; но ведь это не называется «читать» – скорее просматривать, искать, как это делает компьютер. Если же вы станете читать, пытаясь вникнуть в смысл каждого предложения, вы поймете, что «Сильвия» принуждает вас делать это неспешно. Однако, замедлив темп, отдавшись ритму текста, вы забываете о всевозможных схемах и нитях Ариадны, чтобы вновь затеряться в лесах Луази [Эко 2002: 83].

И хотя отношение к книгам, чтению может быть и таким, как в одном из запросов на сайте психологической помощи: «Есть плохая привычка - очень много читать. Могу ночь, сутки, две ночи подряд. Как избавиться? Как только что-то не получается или небольшая неудача – сажусь читать. <...> В прошлом военный моряк 12 лет службы. Зависимость была и тогда» (<http://prof baza.ru>). Для тех, кто относился к книгам как к субъектам, а не к вещам своих зависимостей, они стали спутниками жизни. Лучше Монтеня об этом трудно сказать. «Книги сопровождают меня на протяжении всего моего жизненного пути, и я общаюсь с ними всегда и везде. Они утешают меня в мои старые годы и в моем уединенном существовании. Они снимают с меня бремя докучной праздности и в любой час дают мне возможность избавляться от неприятного общества. Они смягчают приступы физической боли, если она не достигает крайних пределов и не подчиняет себе все остальное.

Чтобы стряхнуть с себя назойливые и несносные мысли, мне достаточно взяться за чтение; оно легко завладевает моим вниманием и прогоняет их прочь. К тому же книги неизменно повинуются мне и не возмущаются тем, что я прибегаю к ним лишь тогда, когда не могу найти других развлечений – более существенных, живых и естественных; они всегда встречают меня с той же приветливостью» [Монтень 1979: 40].

3. Понимание и интерпретации. Итак, если смысл обитает в тексте, то его можно

оттуда извлекать. При этом извлеченный смысл будет зависеть от процедуры своего извлечения. Ведь со смыслом можно играть в разные игры. Его можно убрать (Нонсенс), спрятать (Деконструкция), поймать («Охота на снарка»), столкнуть с другим смыслом (Коллаж, Пастиш), переодеть в иное (DEJA-VU), воскресить (Означивание), сделать ценностью (фетишизировать), и т.д. и т.п. Чего нельзя сделать со смыслом, так это его разрушить. Он всегда будет возрождаться из Генотекста, и воплощаться в Гуле языка через «Воскрешение субъекта». Таковы правила игры с текстом.

Зададимся таким процедурным вопросом: как можно понимать текст? Текст может быть ассимилирован (включен в иной контекст) и к тексту можно аккомодироваться (войти в предлагаемый им самим контекст). Ассимиляция – это конструирование, а конструкция – организация. Это «подтягивание» события к шаблону структуры, имеющейся у индивида в данный момент. Как говорит Пиаже [1954: 352–354], ассимиляция по своей природе – процесс консервативный в том смысле, что его основной функцией является превращение незнакомого в знакомое, сведение нового к старому. Новая ассимилирующая система всегда должна быть только вариантом ранее приобретенной, а это обеспечивает и постепенность, и непрерывность интеллектуального развития. Сущность же аккомодации как раз и составляет процесс приспособления к разнообразным требованиям, выдвигаемым перед индивидом объективным миром. В некоторых познавательных актах относительно преобладает компонент ассимиляции; в других обнаруживается большая склонность к аккомодации. Но никогда в познавательной жизни не встречается «чистая» ассимиляция или «чистая» аккомодация; интеллектуальные акты всегда предполагают наличие и той и другой в определенной степени. Познавательное освоение действительности всегда означает одновременно и ассимиляцию, производимую структурой, и аккомодацию этой структуры.

Субъектное отношение к тексту предполагает, безусловно, в качестве первоначального этапа в коммуникации, аккомодацию – переход на позиции текста. Но как это возможно? Только в том случае, если синтез – понимание текста – является результатом его анализа. Вопрос: какого анализа? Конечно же такого, где содержание текста разлагается не на элементы, а на единицы, на смысловые варианты текста. Ведь давно известно, что из отдельных элементов целостность не собрать. Единица же – это такая целостность, которая содержит все характерные свойства смысловой структуры текста. Как писал У. Эко: «Между намерением автора (подчас его трудно установить и к тому же оно частенько не имеет значения для интерпретации текста) и намерением истолкователя, который (по выражению Ричарда Рорти) просто «ударяется о форму текста, которая будет служить его собственной цели», есть третья возможность. Существует намерение текста» [Есо 1990: 144]. Обнаружить это «намерение» – значит указать на нулевой вариант смысла. Собственно только тогда можно говорить об авторских или читательских смысловых сдвигах в понимании текста. Смысл текста как субъекта коммуникации есть нулевая точка отсчета в смыслогенезе.

У текста есть свой голос, свои намерения, свой смысл, не зависимый ни от автора, ни от читателей – голос самоадресации. Вспомним здесь знаменитую «Глóкую кúздру, которая штéко будланúла бóкра и курдячит бокрénка» Л.В. Щербы. Общий смысл высказывания понятен: некоторое, определенным образом характеризваемое, существо женского пола что-то сделало определенным образом с другим существом мужского пола, а затем начала (и продолжает до настоящего момента) делать что-то другое с его детёнышем (или более мелким представителем того же вида). Высказывание создано для иллюстрации того, что многие семантические признаки слова можно понять из его морфологии. У текста, тем более, есть своя морфология, морфология смысла.

Как же доказать гипотезу о том, что у текста есть свои намерения (*intentio operis*)? Единственным способом – показать, что текст существует только как единое целое. И это целое содержит в себе не только содержание, но и свой контекст. Взаимодействие текста с контекстом порождает смысл текста. В «глокой куздре» этот контекст (образ ситуации) искусственно урезан.

«Идея самостоятельного смысла текста принадлежит Августину (*De Doctrina Christiana*): любое толкование определенной части текста может быть принято, если оно подтверждено и должно быть отклонено, если оно бросает вызов другой части того же текста. В этом смысле внутренние текстосовые согласованности контролируют все иные интерпретации читателей» [Эко 1990: 181]. Вычленив эти согласованности – задача эксперта.

Для иллюстрации тезиса о намерении самого текста Эко обращается к примеру, взятому из книги Дж. Уилкинса (1641):

Хозяин послал своего раба с корзиной фигов и письмом для своего друга. По дороге раб съел большую часть содержимого корзины. Тот, кому предназначались фиговы, прочитал письмо и не нашел того количества фигов, о котором говорилось в письме. Он стал ругать раба и обвинять его в воровстве. Индеец стал оправдываться и утверждать, что «свидетель» (т.е. письмо) лжет. История повторилась в следующий раз: индеец съел фрукты по дороге, однако, был предусмотрителен. Прежде чем съесть их, он спрятал письмо под камень, надеясь таким образом устранить свидетеля и избежать обвинений в воровстве. Но в этот раз его снова отругали, и, в конце концов, он сознался в содеянном, восхищаясь Божественным Письмом.

Эта история опровергает большинство теорий интерпретации, согласно которым, написанный текст отчуждается настолько, что оказывается в вакууме потенциально бесконечного ряда интерпретаций. Эко говорит о том, что даже когда текст отчужден от референта, от контекста создания, он все равно способен сообщить о «фигах в корзине». И далее. Представим себе ситуацию,

что посланник был убит, разбойники съели все фиговы, уничтожили корзину, поместили письмо в бутылку и бросили в океан. Спустя 70 лет бутылка оказалась в руках у Робинзона Крузо. Корзины нет, раба нет, фигов нет, только письмо. Эко уверен, что первой реакцией Крузо было бы естественное недоумение: «А где же фиговы?».

Вне зависимости от того, как дальше поступил бы Крузо с письмом, он был бы уверен, что речь идет именно о фигах, а не о яблоках.

Теперь представим, что текст попал в руки опытного семиотика, который располагает большим количеством способов интерпретации:

1. Сообщение закодировано: корзина – армия, фиговы – 1000 солдат, подарок – идут на помощь.

2. Риторическое истолкование: опора на идиомы, связанные с формой и семантикой фигов.

3. Аллегорическое истолкование: фиговы – синекдоха для фруктов, фрукты могут оказаться метафорой положительных звездных влияний, далее аллегория божественной милости. Процесс бесконечен.

Но, утверждает У. Эко, «прежде всего для обоснования своей гипотезы получатель должен представить себе возможного автора сообщения и историческую эпоху, в которую данный текст был составлен. [Еко 1990].

4. Внутренний контекст текста. Остается открытым вопрос о количестве смыслов текста как коммуникативного субъекта. Сколько смыслов может быть у текста, как знака с собственным содержанием? Герменевтика утверждает, что – три. Семиотика подтверждает этот тезис.

Так, Ориген сформулировал и подробно обосновал теорию трех «смыслов». Суть его учения сводится к утверждению, что – по аналогии с трехчастным составом человека, представляющего собою единство «тела», «души» и «духа», – в Писании можно усмотреть «телесный», «душевный» и «духовный» смысл. А коль скоро процесс духовного совершенствования человека и человечества может мыслиться как посте-

пенное преодоление материального начала и достижение «духовного» состояния, то, соответственно, и раскрытие подлинного смысла Писания должно подразумевать последовательный переход от «телесного» смысла к более возвышенному «душевному», а затем – к «духовному». При этом Ориген уточняет, что под «телом» Писания следует понимать его «букву», т.е. прямой и буквальный смысл сказанного в Библии, что «душевный» смысл – это нравственные наставления, содержащиеся в Писании, однако возвещаемые не в прямой и самоочевидной форме, а как бы обиняком, через подразумеваемое, и потому требующие отступления от плоского «буквального» понимания текста, и, наконец, – что «духовный» смысл Писания – это высший, мистический смысл христианского вероучения [Ориген. О началах]. Впоследствии это разделение было перенесено и на другие, светские тексты.

Три семантические системы, которые должны быть скоординированы, соотношены между собою таким образом, чтобы предстать смысловым целым – ликом текста, предполагают и три способа понимания текста.

В классической риторике была операционализирована смысловая трехчастность через алгоритм процесса построения текста. «Дело в том, что риторика взяла на себя чрезвычайно масштабную задачу: всесторонне описать характер взаимосвязи между «миром вещей» и «миром слов», иными словами, показать, как происходит «трансформация» предмета в слово. Более глобальный и глубокий подход к речи представить себе трудно: реальная действительность и «вербальная действительность», являющаяся результатом переосмысления и преобразования реальной, получили в классической риторике максимально полное освещение с позиций человека, который осуществляет это переосмысление и преобразование и предъявляет его результаты подобным себе. Таким образом, «человек говорящий» (*homo loquens*) был поставлен в центр риторической концепции в целом. В этом смысле риторика возложила на себя контроль за всеми

стадиями процесса трансформации предмета в слово» [Клюев 2001: 10].

Так, на первом этапе (инвенция) происходил не только отбор материала для будущего сообщения, отграничение от иных предметов и характеристик материального мира, но и систематизация собственного знания по поводу отобранных предметов, сопоставление их с наличными на данный момент времени знаниями других и определение, какие из этих знаний и в каком количестве должны быть представлены в будущем тексте-сообщении.

На втором этапе (диспозиция), получив в свое распоряжение уже «готовый к употреблению» предмет, сочинитель превращал его в понятие и помещал в систему других понятий. Понятия становились объектом логических и аналогических процедур. Они определялись, делились, сочетались между собой, соплагались и противоплагались. И еще диспозиция предлагала модели расположения понятий в составе единого речевого целого и следила за тем, чтобы от начала до конца сообщения понятия корректно перемещались из одной части целого в другую. Сюжет и фабула, история и хронология – порождения риторики в разделе методов изложения материала, иначе, композиции текста.

На третьем этапе (элокуции) перед сочинителем текста открывалась область паралогии. Используя богатейшие возможности естественного языка: тропы и фигуры, паралогика существенно расширяла логическую практику и обогащала ее. Элокуция строилась вокруг слова: здесь слово начинало жить самостоятельной жизнью как один из элементов вербального мира. «Плетение словес» оформляется в стиль текста, в его патетическую составляющую.

Все вместе эти пространства – предметное, логическое, языковое – служили оформлению текста в заданную функциональную смысловую структуру. Они организовывали СМЫСЛ.

Почему мы определяем эти области опыта как три пространства? Важно, что каждый из этих разделов, с семиотической

точки зрения, обслуживался особыми языками, которые замыкали эти пространства, полагая границы между образом – понятием – словом. И каждое из этих пространств могло стать той сферой, на которой происходит фокусировка смысла. Сочинитель всегда ограничивал возможности текстовых фокусировок, затачивая текст под собственные цели. Но возможность иных фокусировать всегда оставалась, причем, вне зависимости от интерпретации. Это были фокусировки сдвига смысла по знаковому пространству текста.

Текст всегда содержит в себе диалогические обертоны смысла. Развернуть их для возможностей диалога пониманий (смыслов) внутри текста – задача теоретическая.

Заточить текст под один из выделенных смыслов – задача практическая, решаемая через ораторское мастерство.

Принципиально важно, что текст гетерогенен с точки зрения смысловой организации.

5. Смысловые фокусы текста. В психолингвистике принято выделять три основных способа репрезентации опыта. Если понимать последний термин буквально, мы имеем дело именно с ре-презентацией, то есть с проблемой появления однажды пережитых впечатлений еще раз через какое-то время. Речь идет о внутреннем кодировании впечатлений.

Примитивный, но часто полезный метод репрезентации – через действие. Некоторые вещи лучше всего показать, проделав их самому – например, использовать инструмент, завязывать узлы и демонстрировать другие моторные навыки. Возможно, многие действия, которые мы знаем, как выполнять, репрезентируются при помощи моторных образов. Дети многому научаются путем активных манипуляций, и есть множество оснований считать, что «предписывающая» репрезентация является одним из ранних способов репрезентации объектов.

Предписывающая репрезентация ограничена, однако, тем, что она организована в последовательность, которую трудно нарушить. Если вы освоили путь от дома до ра-

боты, запомнив определенный ряд левых и правых поворотов, вам придется очень трудно, если вдруг вы обнаружите, что потерялись, потому что у вас нет общей репрезентации этого пути. Если у вас есть карта (или зрительный образ) пути, вы сможете, однако, изучить его вдоль и поперек и определить свое местоположение и дорогу. Существует и другой, более компактный способ репрезентации, в основе которого лежат зрительные образы. Этот способ дает возможность свободной от действия репрезентации.

Но самым гибким из свободных от действия способов репрезентации является язык (и другие символические системы, изобретенные человеком, например математические системы). Такие системы, как язык, дают возможность образовать новые символы для репрезентации абсолютно всего – даже вещей, которые нельзя ощутить или увидеть. Имея в своем распоряжении правила комбинации и перекомбинации, подобные грамматике, мы обладаем разнообразными возможностями, позволяющими выйти за пределы вещей и событий, находящихся в сфере нашего непосредственного восприятия.

Итак, существуют, по крайней мере, три основных способа репрезентации наших впечатлений: действие, образ и язык. Ни один из них не может полностью удовлетворить потребности человека: мы должны овладеть манипулятивными навыками, зрительными конфигурациями, социальными обычаями, наукой, историей и т. п. Эти три способа употребляются и независимо друг от друга, и во взаимодействии. Кроме того, должны существовать и какие-то не выраженные явно формы мысли, предшествующие порождению действий, образов и высказываний – схемы ориентировочных действий, смысловые сгустки предшествующих взаимодействий. Однако.

Все эти три способа репрезентации опыта фиксируются в знаках. Один из основателей семиотики Чарльз Пирс выделял три типа знаков, которые соотносятся с указанными способами репрезентаций опыта. Вторая из трихотомий Пирса опреде-

ляет знак в отношении к его объекту и является "наиболее существенным делением знаков" (СР 2.275). Три класса этой трихотомии – иконический знак (первичность), индекс (вторичность) и символ (третичность). <...> Иконический знак – это знак, "который указывает на обозначаемый объект исключительно в силу присущих ему (знаку) свойств" (СР 2.247). Индекс – знак, зависимый от своего объекта в силу отношений пространственно-временной связи или причинности. Символ связывает знак с объектом в силу "закона или регулярности" (СР 2.293) [Нёт 2001].

Все эти способы репрезентации опыта участвуют в формировании текста. Текст на естественном языке, поэтому, представляет собой текст на нескольких языках, на совокупности языков со сложной системой отношений между ними. «Представим себе некоторое устройство, – пишет Ю. Лотман, разделенное на два (или более) кодирующих субустройства, коды которых построены принципиально столь различно, что точный перевод с одного на другой вообще невозможен. Предположим, что один из них будет представлен языком с дискретными знаковыми единицами, имеющими стабильные значения, с линейной последовательностью синтагматической организации текста, а другой будет характеризоваться недискретностью и пространственной (континуальной) организацией элементов. Соответственно и планы содержания этих языков будут построены принципиально различным образом. Если нам, например, потребуется передать текст на языке L1 средствами L2, ни о каком точном переводе речи быть не может. В лучшем случае возникнет текст, который в отношении к некоторому культурному контексту сможет рассматриваться как адекватный первому. Если потом произвести обратный перевод на L1, то мы, естественно, не получим исходного текста: по отношению к исходному это будет новым сообщением. Имея такое устройство и подавая ему на вход некоторые тексты, мы будем получать на выходе новые тексты. Следовательно, устройство

такого типа будет способно осуществлять акты творческого сознания.

Однако для того чтобы даже относительная эквивалентность между семиотическими единицами одного и другого текста могла быть установлена, необходимы, во-первых, некоторая совместимость кодов, достигаемая отнесенностью их к некоторой внешней реальности и памятью о предшествующих перекодировках, и, во-вторых, наличие некоторой метаязыковой системы, описывающей оба текста как единый текст, а оба механизма – как один механизм. Как правило, такую метаязыковую функцию берет на себя дискретный кодирующий механизм, который одновременно выступает и как часть устройства, и как образ устройства в целом (ср. тенденцию левополушарного сознания представлять сознание, как таковое, или письменной формой языка подменять собой язык). Творческое сознание основной своей нагрузкой падает на биполярную структуру, а логическое – на моноязыковую метаструктурную область сознания. Если прибавить этому механизму функцию памяти, рассредоточенную и на различных уровнях текста (ср., например, «память жанра» М.М. Бахтина) и культуры, то мы получим цепь объектов, обладающих интеллектуальными способностями» [Лотман 2002: 165–166].

Поскольку естественный язык есть единственная система, в которой означивание протекает в двух разных измерениях: и как знаковое и как речевое, то естественный язык может моделировать все виды репрезентации опыта. В этой рефлексивной способности языка лежит и источник его интерпретационных возможностей, благодаря которым язык включает в себя другие знаковые системы. В тексте это может отражаться на одном из трех возможных вариантов смысловой фокусировки: описании (создание образа через символический язык), рассказа (развертывание действия через символический язык), аргументации (выстраивание доказательной базы через соотнесение образного и символического языков).

Проблема, однако, в другом. Смысл текста не является результатом сложения знаков, но как раз наоборот, смысл (цель текста) реализуется как целое и разделяется на отдельные «знаки», каковыми выступают слова и фразы в естественном языке. Как может происходить извлечение смысла – понимание, чтобы оно совпадало с текстовой интенцией, иначе, со смыслом, который текст может нести в самом себе потенциально как знаковое образование с собственным содержанием?

Будучи включенным в коммуникативные взаимодействия, текст может быть подвергнут рефлексивным процедурам: комментирования, толкования, интерпретирования, как и все другие компоненты коммуникативной ситуации. Но только из внутренней, самосознающей позиции текст может быть понят [Яковлев 1991]. В герменевтической традиции это обозначалось как вступление в герменевтический круг. Языковая традиция, в которой укоренен познающий субъект, составляет одновременно и предмет понимания, и его основу: человек должен понять то, внутри чего он с самого начала находится.

Из этой внутренней позиции конфигурирование смысла находится под влиянием главной задачи текста, его интенции. Именно интенция отбирает подходящую «точку фокусировки» смысла. Отсюда и появляется возможность трех способов понимания: предметного (буквального), понятийного и паралогического (языкового). Но в отличие от иерархии смысловых «сгущений» текста, как то полагала герменевтика, эти способы могут находиться друг с другом в диалогических отношениях, организуя, тем самым, внутреннее коммуникативное пространство текста.

Вот здесь и формируется поле деятельности психоллингвистики текста. Описание техник текстовой самоадресации (внутреннего диалога смыслов) составляет задачу психоллингвистического анализа.

6. Текст есть знак с собственным содержанием. Чтобы исследовать содержание текста в качестве знака, были заданы три координаты семиотического пространства:

семантика, синтактика и прагматика. С позиции языкового устройства сознания эти измерения представлялись как уровни самого сознания: бытийный, логический и языковой. Отношения между бытийным и языковым уровнями попадали в сферу интересов семантики. Между языковым и логическим – синтактики. А вот отношения между бытийным и логическим уровнем повезло меньше. Хотя это и есть прагматический аспект изучения текста. Когда-то логик В.М. Сергеев обратил внимание на то, что в своей основе любое высказывание является аргументом, направленным на изменение у собеседника структуры представлений о мире. Поэтому естественным следствием диалогического подхода к изучению аргументации является отказ от представления о «неклассических» логиках как системах априорно постулируемых аксиом. Выявление логики текста должно быть следствием анализа его формальной и семантической структуры. «Центральной становится проблема формальной репрезентации смысла текста, написанного на естественном языке. При этом особенно важным представляется анализ достаточно сложных целостных текстов» [Сергеев 2002].

Заключение. Опора на понимание при принятии решений – результат длительного развития мышления. Описаны периоды в истории человечества, когда поведение регулировалось логикой удовлетворения потребностей, логикой реагирования на стимул, логикой стереотипа, логикой социальной нормативности и, наконец, логикой смысла или логикой жизненной необходимости [Леонтьев 2003]. Только в последнем случае учитывается определенным образом вся система отношений с миром и вся дальнейшая временная перспектива. Ориентируясь на смысл, человек поднимается над ситуацией. Выявляя смыслы, человек начинает предвидеть будущее.

Текст есть социокультурное образование. В нем все обобществлено: и язык, и логика, и предмет изображения. Никто не может утверждать, что это его личный смысл, поскольку «я так понимаю», так как послед-

нее может быть ошибочным, неадекватным, не соответствующим норме понимания. И все же принято считать, что смысл принадлежит субъекту. Чтобы выделить субъективный нюанс текстового понимания необходимо установить нулевой, буквальный смысл текста и уже от него двигаться в сторону интерпретативной субъективности смысловой континуальности. Без этого мы никогда не выйдем за банальность «уже сказанного».

Пониманию нужно и можно обучать. Это обучение может проходить через обучение текстовому анализу. Выделять нулевой смысл текста, авторский замысел и варианты интерпретаций, моделировать типичные коммуникативные ситуации и шире, интерпретационные контексты, – вот те навыки, которые должны обеспечить «понимательные» технологии. Только благодаря пониманию человек способен действовать практически. «Понимание соединяет в единый узел познание и общение, понимание позволяет проникнуть в скрытое, прорицать будущее,

предупреждать опасность» [Брудный 1998: 6]. У образованного человека появляется диалогический способ понимания.

Почему все-таки психолингвистика больше других дисциплин заинтересована в обнаружении нулевого или буквального смысла текста? Все дело в том, что любой анализ текста движется в коммуникативной связке «субъект – текст – субъект». От того, где будет находиться начальная точка анализа: в тексте или в субъекте – зависит и смысловая структура анализа. Где начало? Если для психолога – оно в субъекте понимающем и интерпретирующем, для герменевтика – в субъекте понимающем и воспроизводящем, то для психолингвиста – в тексте, как субъекте, конструирующем и контролирующем как процессы порождения, так и интерпретации текста. Без этой позиции процесс коммуникации распадется. Текст объединяет времена пишущего и читающего, и потому фиксирует в себе смыслы, организующие и сохраняющие культурную память.

Список литературы

- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: «Искусство», 1979. – 424 с.
- Брудный А.А.* Психологическая герменевтика. Учебное пособие. – М.: Издательство «Лабиринт», 1998. – 336 с.
- Зенкин Сергей* «Работы о теории». – Новое литературное обозрение, 2012. – © ПостНаука, 2012.
- Клюев Е.В.* Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. – М.: «Издательство ПРИОР», 2001. – 272 с.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003.
- Лотман Ю.М.* Культура и текст как генераторы смысла// История и типология русской культуры. – Санкт-Петербург: «Искусство» - СПб», 2002. – С. 162–168.
- Монтень.* О трех видах общения// Мишель Монтень. Опыты. В трех книгах. Книга третья. – Изд. «Наука», Москва, 1979. – С. 32–43.
- Нёт Винфрид, Чарлз Сандерс Пирс* // Критика и семиотика. Вып.3/4, 2001. – С. 5–32// Справочник по семиотике. Noth W. Handbuch der Semiotik. 2., vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2000. – S. 59–70. <http://phy.narod.ru/pirs.htm>
- Никитина Е.С.* Паралогика понимания//Материалы конференции «Понимание в коммуникации – 5»/Сборник работ. – М.б 2011. – 268 с.
- Ориген.* О началах // Электронная библиотека. www.agnivek.ru
- Сергеев В.М.* Структура диалога и «неклассические» логики.//Структура диалога как принцип работы семиотического механизма. Труды по знаковым системам ХУП. – Тарту 1984 // Ученые записки Тартуского гос. Университета. Вып. 641. – С. 24–32.
- Ульдалль Х.Ч.* Основы глоссематики// Новое в лингвистике. Вып. 1. – М.: Издательство Иностранной литературы, 1960. – С. 390–437.
- Щедровицкий Г.П.*, Лингвистика, психоллингвистика, теория деятельности // <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/> <http://www.fondgp.ru/gp/biblio/rus/62/>
- Эко У.* Шесть прогулок в литературных лесах. – М.: Симпозиум, 2002. – 288 с.
- Яковлев А.А.* Что является объектом понимания? // Загадка человеческого понимания/ Под общей редакцией А.А. Яковлева; Сост. В.П. Филатов. – М.: Политиздат, 1991. – 352 с. – (Над чем работают, о чем спорят философы).
- Piaget, J.* The construction of reality in the child. – New York: Basic Books, 1954.
- Umberto Eco.* Interpretation and Overinterpretation: World, History, Texts. – The Tanner Lectures on Human Values. Delivered at Clare Hall, Cambridge University March 7 and 8, 1990..

ПУБЛИЦИСТИКА

ДИСКУССИЯ В ЛГ

Останется ли русский великим и могучим?

С февраля 2012 г. по апрель 2013 г. в «Литературной газете» в рубрике «Гуманитарий» проходила дискуссия «Останется ли русский язык великим и могучим?», посвященная судьбе русского языка в современную эпоху. В дискуссии приняли участие многие отечественные лингвисты. Подборка их выступлений публикуется в журнале. Не остались безучастными и читатели; с их мнениями можно ознакомиться на сайте газеты (www.lgz.ru). Идеи по защите и охране русского языка и предложения, высказанные учеными, обобщены и будут направлены в органы власти.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СУДЬБЫ ЯЗЫКОВ

Алла Кирилина, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики.

Состояние русского языка волнует общество уже давно. С начала перестройки учёные единодушны в признании бурной динамики изменений, но в оценке этой динамики их мнения расходятся: одни называют её демократизацией, другие – вульгаризацией. Часть русистов обращает внимание на жаргонизацию, криминализацию русского языка, засилье англоамериканизмов, размывание литературной нормы и негативную роль СМИ, сокращение числа говорящих на русском языке, ухудшение качества владения языком и целый ряд других неблагоприятных явлений, вызывающих по меньшей мере озабоченность. Их оппоненты, напротив, ссылаясь на исторические примеры, доказывают, что ничего особенного не происходит, что многие языки испытывают в своём развитии сильнейшие иноязычные влияния, «впитывают» многочисленные заимствования без вреда для своего здоровья, что изменения проис-

ходят лишь в речи, а система языка остаётся «незамутнённой», да и вообще язык – это лишь код, который не может быть оценен в категориях «хорошо» – «плохо»; он просто служит решению коммуникативных задач, то есть обеспечивает общение и понимание. Русский язык – язык могучий, имеющий множество сфер функционирования, поэтому ему всё нипочём. Сегодня следует предложить иной ракурс обсуждения: анализ происходящих в мире процессов показывает, что дискуссию необходимо вывести на более масштабный уровень. Настало время обратиться к проблеме «Язык – общество – человек» и осмыслить её в новом ракурсе – глобализационном. Сравнив осмысление глобализационных процессов в европейских языках и в русском, мы обнаружим, что германистика, романистика и другие языковедческие области накопили довольно значительный опыт описания проблемы, поскольку начали изучать её примерно десятилетием ранее. Следовательно, мы можем сегодня, анализируя результаты их наблюдений, увидеть, какое будущее может ожидать русский язык и с какими вызовами он столкнётся. Виртуализация общества, скорость и глоба-

лизационная общность бытия воздействуют и на развитие языка – оно также ускоряется и унифицируется. Всё это ведёт и уже привело к появлению общих закономерностей в развитии языков и языковых контактов.

Глобальный английский

Английский завоевал статус общего языка (лингва франка) эры глобальных сетей, новой экономики и Интернета. В 90-е годы XX века и сегодня он доминирует в области политики, экономики, прессы, рекламы, радио, кино и развлекательной музыки, путешествий, безопасности, системы коммуникации, науки и образования. Около 80% коммерческих переговоров по всему миру ведутся на английском. Ещё десять–пятнадцать лет назад знание английского было необходимо на среднем и высшем уровне корпоративной иерархии, сегодня же его освоение требуется и в низовом звене [Graddol 2006].

В 60-е годы Европейская комиссия издавала 80% текстов на французском языке, к началу же третьего тысячелетия французские тексты составляли лишь около 40% – и эта доля продолжает снижаться, несмотря на все усилия французского правительства. Странам, вступившим в ЕС в рамках его расширения на восток, также приходится использовать английский язык для общения в международных органах.

«Крупные», «полнокровные» языки, то есть языки развитых стран, имеющие высокий коммуникативный статус (разработанный письменный стандарт, охват множества сфер жизни – от науки до судопроизводства, значительное количество говорящих), сокращаются. Подобно шагреновой коже, они съеживаются, уступая английскому целые области – науку, международную коммуникацию. Воздействие английского выражается и в лавине заимствований: в европейской лингвистике уже зафиксированы *Denglish* [Germeng], *Franglais*, *Spanglish* – в некоторой степени ироничные названия национальных языков, отражающие влияние на них английского. Имеются данные и о различных видах китайского англий-

ского – *Chinglish*; есть основания говорить и о русском английском (*Runglish*). Научный мир обсуждает сегодня вопрос: каковы результаты контакта английский – язык X. Иногда, как в труде Д. Кристалла, ответ заложен в самой постановке вопроса: «Погубит ли английский другие языки?» [Phillipson 2002].

Значительное число учёных описывает ситуацию при помощи пессимистических метафор: английский – язык-убийца, язык-тиранозавр; язык – кукушонок в гнезде языков и даже лингвистический геноцид, лингвистический империализм, преступления против человечности в области образования и т.д. Появился термин «неанглийские языки». Существует и скрытое воздействие английского. Исследовательница Дебора Камерон отмечает: повсеместно происходит насаждение единых норм общения, жанров и стилей речи под предлогом того, что они дают максимальный «эффект» в коммуникации.

На деле же насаждается не чужой язык, а чужой взгляд. Дело не в разнообразии языков, а в разнообразии и даже несоизмеримости воплощённых в них картин мира. Вот что необходимо устранить для «эффективности глобальной коммуникации» [Cameron 2002]. Как следствие, японским студентам рекомендуют научиться писать по-японски в соответствии с западными «логическими нормами», а японским бизнесменам советуют принять более прямой и неформальный стиль общения друг с другом. Так происходит превращение всякого языка в средство укоренения сходных ценностей и единомыслия, в средство формирования типовой социальной идентичности по образцу среднего класса белых жителей США. Язык становится «продуктом глобализации с местным колоритом» [Там же].

Потеря мотивации

Сегодня английский практически вытеснил все языки из международной научной коммуникации. Вот график, составленный немецким исследователем Ульрихом Аммоном [Ammon, 2010: 115] в 2010 году:

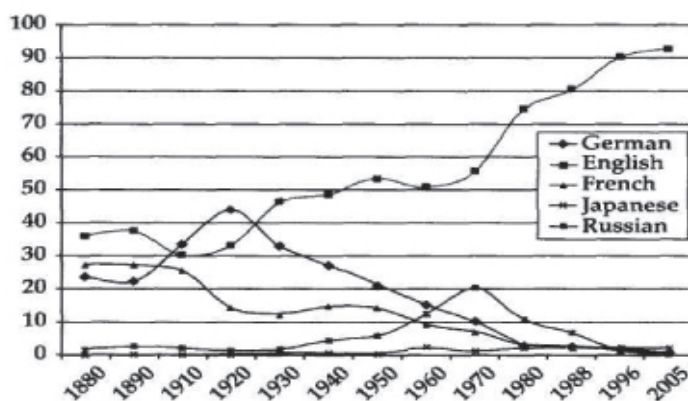

Figure 4.2 Shares of languages in science publications, 1880–2005: overall average percentage for biology, chemistry, medicine, physics, and mathematics. Sources: Tsunoda 1983; Ammon 1998; the author's own analysis, with the help of Abdulkadir Topal and Vanessa Gawrisch, of *Biological Abstracts*, *Chemical Abstracts*, *Physics Abstracts* and *Mathematical Reviews*

Здесь представлено количество публикаций на английском, русском, японском, французском и немецком языках с 1880 по 2005 год в области естественных наук (в скобках отметим рост публикаций на русском языке с начала 30-х годов по начало 70-х). Резкий рост публикаций на английском начался в 70-х годах. Как видим, уже в 2005 году более 90% публикаций в области естественных наук и математики англоязычны. Даже с учётом того, что иногда на английском публикуются только названия и аннотации, цифры впечатляют.

Сокращению языков способствует и образовательная политика. Многие университеты предлагают обучение на английском. Подобные программы ширятся; их цель – привлечение иностранных студентов и подготовка своих студентов и профессоров к глобализации. Одновременно они подрывают мотивацию к изучению родного языка, а также, как считают некоторые учёные, меняют тип мышления.

Страдают и научные терминологии. Все неанглоязычные учёные должны, если им дороги родные языки, пользоваться двойной терминологией – английской и национальной. Это заметно осложняет их деятельность и вряд ли продлится долго.

Ульрих Аммон настроен пессимистически: «Немецкий будет изучаться ровно столько времени, сколько он будет осознаваться как полезный и дающий преимущества... Сохранится ли потребность в изучении немецкого языка как иностранного, когда каждый немец или хотя бы каждый прилично образованный немец будет знать английский, или глобальный, язык?... Ещё вопрос: к чему должно в итоге привести введение преподавания английского в начальной школе? Должен признаться, что не вижу света в конце туннеля, который может закончиться потерей международного статуса немецкого языка. У немецкоязычного сообщества нет иного выбора, ему приходится «своими руками» подрывать международный статус родного языка» [Ammon 2004: 170].

Аналогичная картина наблюдается и в других языках Европы. Например, российские научные блоги и сайты обнаруживают явное неудовольствие многих отечественных учёных – особенно молодых – по поводу того, что статьи им приходится писать на двух языках – на английском в международные журналы и на русском – в отечественные.

Образовательная политика государств имеет долгосрочные последствия для жизни

и здоровья языков, а она практически во всех странах обнаруживает явный уклон в сторону английского. В 2000-е годы в Российской Федерации также наблюдается сокращение числа изучающих какой-либо неанглийский язык – как в школах, так и в вузах. А в 2007 году (кстати, объявленном Годом русского языка) в Москве была повышена зарплата учителям английского.

Не следует забывать и о том, что нередко молодые российские граждане получают образование за рубежом – полностью или частично. То есть на иностранном языке. Академическую мобильность и в целом цели Болонского процесса при всём к ним уважении также трудно назвать направленными на поддержание национальных языков в науке и образовании. Существует, наконец, взаимодействие между повседневным, литературным и научным языком. Если же язык уходит из сферы науки, обедняются и другие формы его существования.

Вторая зона вытеснения национальных языков и постепенно формирующегося англоязычия – международные отношения. Даже Германия – демографически и экономически доминирующая сила в Европе – обнаруживает прогрессирующую маргинализацию немецкого языка в науке, образовании, торговле, моде, молодёжной культуре и на «глобальном лингвистическом рынке». Французский язык защищён законом, но и его международная значимость снижается, не говоря уже об итальянском и других европейских языках.

Согласно политическим декларациям и документам, Европа заинтересована в поддержании и строгом соблюдении многоязычия. Формально все языки ЕС равноправны. На практике же – хотя бы по причинам финансового и технического характера – обеспечить равноправие нереально. В ЕС сложилась тенденция ограничиваться французским и английским, иногда к ним добавляется немецкий.

И это неудивительно, если учесть, что после 2007 года речь идёт о двадцати трёх языках ЕС. Напротив, ЕС вмешивается в языковую политику входящих в него госу-

дарств. В 2002 году Европейская комиссия потребовала от Франции изменить закон о языке: французское законодательство, строго предписывавшее снабжать все продукты питания этикетками на французском, вступало в противоречие с законодательством Евросоюза. Многих граждан Франции возмутил этот факт. Организация *Defence de la langue française* («Защита французского языка») в январе 2003 года организовала демонстрацию протеста, но, несмотря на это, французское правительство пересмотрело правовые нормы и согласовало их с требованиями ЕС.

Когда нет страха утраты

Уже с середины XX века исследования показывают, что по меньшей мере половина имеющихся на сегодня языков – под угрозой исчезновения. Не всегда в этом виноват английский [Braselman 2004]. Около 96% населения земли говорит на 45 языках мира, и наречия малых народов исчезают в результате неравноправного контакта с более «сильными» местными конкурентами. Однако ранее такая тенденция наблюдалась, как правило, у бесписьменных, не имеющих широкой сферы функционирования языков. Сегодня же схожие процессы коснулись значительно более мощных языков, стоящих на верхних ступенях мировой иерархии. Да и их социальная база (число говорящих) вследствие негативных демографических тенденций сокращается.

Ещё одна составляющая языковых контактов сегодня – это миграция (в том числе коллективная) и образование этнических анклавов. Всё это делает диаспоризацию мира одной из ведущих тенденций развития общества. Следствие – появление примитивного «языка гастарбайтеров», формирование гибридных (и тоже упрощённых) языковых форм на базе местного языка и английского, местного языка и языка мигрантов, а также зон дву- и многоязычия или специфических явлений типа *Kanak Sprak* («язык чурок»), который «придумал» турецко-немецкий писатель Ф. Заимоглу. *Kanak Sprak* – жаргон турецкой молодёжи, осознанно используе-

мый как вульгарный, эпатирующий код для подчеркнутого выражения своей «промежуточной» идентичности. Ещё один пример гибрида – «квёля» – жаргон русских немцев – переселенцев из России.

Исследователи отмечают также этнизацию социальных групп и их интенсивное воздействие на национальные языки стран пребывания. Этнизация социальных групп (в том числе и формирование этнопреступности) приводит к тому, что национальные языки, известные лишь членам такой группы, приобретают ещё и статус аргос – тайного языка.

Но мигранты не довольствуются лишь использованием языка принимающей страны. Турецкий автор Ямин Ылдыз прямо заявляет: в Германии доминирует мнение, что немецкий – собственность только лишь этнических немцев. Другие же могут лишь «взять его в займы», но не владеть им. По этой причине, считает Я. Ылдыз, «коренные носители языка» не желают признать, что немецкий не только достояние этнических немцев – много и других обладателей. Один из вопросов о будущем немецкого формулируется так: не следует ли переосмыслить считающуюся сегодня органической взаимосвязь между этническими немцами и немецким языком? [Yildiz 2004]. Такие взгляды распространены, конечно, не только по отношению к немецкому языку. Свободное обращение мигрантов с языком (и культурой) принимающей страны связано не только с недостаточными навыками и знаниями – оно также имеет психологическое объяснение: мигранта не сдерживает страх утраты. Сама же постановка вопроса свидетельствует об исключительно серьёзных вопросах – формировании новой, глобализационной, философии языка (да и не только языка).

«Народная» защита

Языковой контакт вступил в фазу, осмысляемую большинством населения (хотя и не всеми) как угроза существованию родного языка. Почти во всех европейских странах проявилась характерная закономерность: государственные лингвистические

учреждения, «официальная» лингвистика, как правило, настаивают на «нормальности», закономерности всех процессов и – за редким исключением – отрицают трагизм или негативный характер происходящих в языке изменений. Одновременно ширятся стихийные, «народные», негосударственные меры по защите своих языков.

Столь же остро ставят вопрос и неакадемические сообщества. Крупнейшее из них в Германии – Союз немецкого языка (Verein Deutsche Sprache), – основанное в 1997 году – отстаивает «самоуважение и достоинство всех, чьим языком является немецкий». Всё это сочетается с критикой глобализации, которая рассматривается как растущая зависимость от США. Неакадемические сообщества настаивают на идеологизированной подоплёке упадка национальных языков и всячески противодействуют ему – в ряде случаев весьма успешно. Сходные процессы идут и в других странах, демонстрируя, что противодействие даже очень мощным унификационным тенденциям возможно.

Новая философия

В европейском гуманитарном знании продолжается дискуссия о сущности языка в «постнациональном мире», и связана она с полемикой вокруг понятия нации. Многие учёные исходят из известного определения Бенедикта Андерсона («нации – это воображаемые сообщества»), выводя из него и отрицание понятия «национальный язык», который также признаётся воображаемым идеологическим конструктом (что, кстати, восходит к идеям М. Бахтина). На этом основании распространение английского языка считается естественным процессом, отражающим новую глобальную идентичность носителей передовых взглядов. Английские названия товаров и рекламные стратегии представляют глобальную эстетику, глобальную систему ценностей, которая через них утверждается в повседневности. Тем самым создаётся и новая система убеждений и социальных поведенческих образцов. Важнейший результат этого не языковое воздействие англицизмов само по себе,

а возникновение элиты, ориентирующейся на глобальное, её культурное отчуждение от остальных и возникающая из-за этого социальная поляризация. Английский в неанглийском контексте свидетельствует о современности говорящих и символизирует власть. Именно поэтому, считают многие учёные умы, усилия пуристов бесплодны – они направлены не на первопричину языковых заимствований [Augustyn 2004].

За рассуждениями такого рода стоит идеология глобальных монополий, для которых важно «свободное движение людей и капиталов». Национальные границы и территории – препятствие для глобализационной политики. Не очень нужны ей и национальные языки. Язык в таком случае обязательно должен быть представлен как произвольный набор знаков, как инструментарий, который лишь служит переносу информации, в принципе заменим любым другим набором знаков, не вызывает эмоций и не влияет на мышление. Если все идеи будут (конечно же, постепенно и в не полной пока мере) реализованы, то исчезнет и разница между коренным жителем и мигрантом – просто не станет критериев их различия. Опоры лишатся идеи любви к своей родине и народу.

При формировании политического, культурного и этнического самосознания язык играет центральную роль. Там, где намерены укрепить сплочённость общности, всегда апеллируют к языку. В различных исторических контекстах он предстаёт как самой природой данная форма выражения сообщества, глубоко укоренённая в его культурной, а иногда и этнической идентичности. Сегодня же все эти идеи объявляются социальными конструктами – продуктом манипуляции – и отбрасываются. Такой подход объясняет и появление многочисленных терминов: «постнациональный», «наднациональный», «глобальная идентичность». Создание глобальной идентичности уже идёт и выражается в появлении метроэтничности – типажа жителя крупного города, ориентированного лишь на «индивидуальный жизненный проект» с гедонистическим

уклоном и не отягощённого национальной идентичностью. Говорит он, разумеется, на английском.

Существует, наконец, историческая специфика развития некоторых стран, на которую также необходимо обратить внимание. Приведу в пример Германию – в статусе наших языков и наций, сколь странно это ни звучит сегодня, много общего.

В германском гуманитарном знании по известным историческим причинам весьма распространён отрицательный взгляд на понятия нация и национальный язык. В академических кругах выражения «национальная идентичность» избегают; а если всё же заходит речь на сходные темы, пользуются выражением «культурная идентичность».

В лингвофилософских рассуждениях о современном состоянии немецкого языка ставится вопрос о том, почему немецкий столь легко сдаёт свои позиции. Нередко исследователи видят причину в недостаточно прочной немецкой идентичности и объясняют это общественной обстановкой и идейными тенденциями в Германии после 1945 года, когда молодым немцам последовательно прививалось чувство вины за преступления нацистского режима. Даже требования ввести закон о защите языка, аналогичный французскому, встречают идейное сопротивление: в 2001 году немецкий политик Э. Вертебах [Werthebach 2001] внёс в бундестаг предложение принять закон о немецком языке и закрепить его государственный статус, однако это предложение дважды (!) было отклонено. Публичные выступления в защиту немецкого языка рассматриваются как противоречащие духу политкорректности, который в современной Германии, как пишут сами немцы, включает чувство национального смирения.

Разумеется, нелепо отрицать, что обмен с другими языками и культурами ведёт к взаимному обогащению. Речь, однако, идёт о том, что на кону оказались культурный статус и роль национальных языков. Могут и должны ли страны (и если да, то как) защищать свои лингвистические ресурсы, противостоя глобалистскому неолибераль-

ному дискурсу? Полагаю, что безусловно должны – без вмешательства общественных сил и русский язык рискует со временем попасть в число слабеющих языков, будущее которых ограничивается частной сферой и фольклором. История знает примеры возрождения языков путём сознательных и организованных коллективных усилий. Например, так был возрождён иврит.

У глобализации есть два аспекта – объективный, естественный ход вещей и искусственный, создаваемый через политику, экономические условия и идеологию [Подзигун 2003]. На искусственную составляющую можно и должно воздействовать, если мы хотим сохранить свой язык и свою культуру

и историю. Какую бы позицию ни занимал тот или иной лингвист по отношению к вопросу о выживании родного языка, в одном едины все: очевидно, что языковые изменения не могут обсуждаться лишь в терминах лингвистики, поскольку они теснейшим образом связаны с социальными, политическими и экономическими тенденциями. Настало время вновь вернуться к вопросу о том, что же становится основным фактором разрушения языков, пренебрежения ими, их низкого престижа, и осмыслить, в какой области лежит ответ на этот вопрос.

Статья опубликована:
№ 5 (6356) от 08.02.2012

Список литературы

Подзигун И.М. Глобализация и глобальные проблемы: философско-методологический анализ. – М., 2003. – 384 с.

Ammon U. German as an International Language of the Sciences-Recent Past and Present // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. – S. 157–172.

Ammon U. World Languages: Trends and Futures // The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). – Blackwell Publishing Ltd. – 2010. – P. 101–122.

Augustyn P. The Seductive Aesthetics of Globalization: Semiotic Implications of Anglicisms in German // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. – S. 307–318.

Braselmann P. Language Policies in East and West. National Language Policies as a Response to the Pressures of Globalization // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. – S. 9–118.

Cameron D. Globalization and the teaching of “communication skills” // David Block, Deborah Cameron (eds) Globalization and the Language Teaching. – Routledge, 2002. – P. 67–82.

Crystal D. The Past, Present, and Future of World English // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. – S. 27–45.

Graddol D. English Next. Why Global English May Mean the End of ‘English as a Foreign Language’. – London: British Council, 2006. – 128 P.

Phillipson Robert. English as Threat or Resource in Continental Europe // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. – S. 47–64.

Werthebach E. Die deutsche Sprache braucht gesellschaftlichen Schutz! // Berliner Morgenpost, 31.12.2000. – S. 6.

Yildiz Y. Critically «Kanak»: A Reimagination of German Culture German // Gardt, A.; Hüppauf, B.(eds). Globalization and the future of German. Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. – S. 319–340.

Zaimoglu F. “Kanak Sprak: 24 Mißtöne vom Rande der Gesellschaft”. Rotbuch-Verlag, 1995.

ТЫ ВСЁ ЕЩЁ ПОДДЕРЖКА И ОПОРА

Но как не впасть в отчаяние от косязыка и небрежения нормой

Дмитрий Гудков, доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Язык – феномен специфический. Имея социальную природу, он «живёт» по своим законам и практически не подвластен сознательному и целенаправленному реформированию – ни один человек или социальный институт, какой бы властью они ни обладали, не могут менять язык по своему желанию и усмотрению. Никаким самым грозным и строгим указом невозможно с завтрашнего дня или даже со следующего года, скажем, отменить артикль в английском или ввести плюсквамперфект в русском. При этом общество может в определённой степени влиять на язык, создавая благоприятные условия для его развития или, наоборот, способствуя его вырождению и умиранию.

Практически полностью согласен с положениями статьи А.В. Кирилиной («Глобализация и судьбы языков». – «ЛГ», № 5), говорящей о тех вызовах, с которыми сталкивается русский язык перед лицом глобализации. Тотальное доминирование английского языка (вернее, того его варианта, который может быть назван «глобальным английским») закономерно, нравится это нам или нет. Популярность языка напрямую зависит от того количества информации (научной, коммерческой, политической и пр.), которую на этом языке можно получить.

Опасность, которую несёт с собой глобализация, многократно возрастает при «языковой болезни», а она, на мой взгляд, в нашем обществе налицо. Основные её симптомы: низкая культура речи, падение «языкового авторитета», резкое снижение коммуникативной компетенции.

До недавнего прошлого наиболее авторитетным источником литературной нормы считалась художественная классическая литература. В настоящее время центр нормообразования перемещается в СМИ. Говоря о норме, надо упомянуть об одном важном аспекте – об экземплификации. Таким мудрёным словом называется образец, та самая образцовая речь, в которой все нормы соблюдаются и которая призвана служить примером для подражания. В советское время, скажем, таким образом служила речь дикторов телевидения. Средства массовой информации поддерживали и закрепляли представления о качественной речи, формируемые в ходе школьного обучения. Речь, льющаяся с телеэкрана сегодня, от образца далека. Сотрудники, скажем, молодёжных каналов стремятся перещегоолять друг друга в использовании сленга, не гнушаясь при этом обсценной (нецензурной) лексики, видимо, чтобы быть ближе к аудитории.

Небрежение нормой начинает носить иногда характер демонстративный, а декларируемая свобода речевого поведения выражается в отказе от каких-либо табу. Ярким (но далеко не единственным) показателем этого является беспримерное расширение зоны употребления обсценной лексики. На отечественном телевидении за последние несколько лет я наблюдал три программы, которые доказывали допустимость, даже необходимость употребления подобных единиц в публичной речи. Любопытно, что инициатором и активным участником одной из этих передач был тогдашний министр культуры России. В другой известный кинопродюсер с пеной у рта доказывал, что в фильмах, повествующих о войне, никак нельзя обойтись без мата, ибо иначе выйдет неправдоподобно и нехудожественно. Интересно, что ни одному из участников программы не пришло в голову спросить, как обстоит дело с художественностью и правдоподобием, например, у Л.Н. Толстого, не понаслышке знавшего, что говорят на поле боя солдаты и офицеры. Наверное, за лживость и нехудожественность «Севастопольские рассказы» и «Война и мир» должны от-

правиться в мусорную корзину, там, правда, у них будет достойная компания с «Тихим Доном», «Белой гвардией» и многими другими книгами.

Особо следует коснуться проблемы безграмотности, накатывающей могучими волнами со всех сторон. На протяжении нескольких месяцев москвичи на всех станциях метро могли любоваться плакатом, призывающим обращать внимание на безхозные вещи. У станции метро «Юго-Западная» меня восхитил огромный рекламный стенд, на котором лубочный царь, глядя на дымящиеся пельмени, заявлял: «Полакомлюсь, как в старь я!». Растяжка над входом в один из московских ресторанов предлагает посетителям поучаствовать в безпрройгрышной лотерее, а плакат, приглашающий в автосервис, рекламирует высокое качество «жестяных и молярных работ». В настоящее время в вагонах московского метро размещены плакаты, широко рекламирующие подсолнечное масло «Золотая семечка». Количество примеров без труда могу увеличить многократно.

Безграмотность, конечно, существовала всегда, но трудно представить, чтобы столь грубые ошибки и в таких количествах могли встречаться в публичных текстах лет 20 назад. И уж точно не могло быть того, что довелось мне увидеть в вечерней программе «Вести» 2–3 года назад. Новостной сюжет повествовал о том, что, кажется, в Моздоке (могу ошибаться) установлен памятник воинам, погибшим в Чечне. Когда высокое армейское начальство сняло покров с монумента, взглядам телезрителей открылась каменная плита, на которой золотыми буквами

было написано: «Ни кто не забыт и ни что не забыто». Представляется, это тот случай, когда безграмотность превращается в прямое кощунство.

Должен коснуться одного постоянно звучащего аргумента противников представленной выше точки зрения: а разве когда-нибудь в прошлом речь всех носителей языка соответствовала норме? Разве СМИ прошлых лет были в этом отношении безупречны? Можно вспомнить хотя бы речь руководителей нашей некогда любимой партии. Многие, возможно, ещё не забыли выпускника МГУ Горбачёва с его «Просил же не ложить записки, а они всё ложат и ложат».

Во все времена был слой людей, пусть достаточно тонкий, которые являлись носителями того самого литературного языка, речь которых считалась образцовой, главное, была престижной. Человек, желающий считаться образованным, непременно старался овладеть литературным языком, неумение пользоваться им было неприличным, как, например, неумение пользоваться ножом и вилкой. Человек, пишуший с ошибками, стыдился этого. В разные периоды истории отношение к владеющим литературным языком было разным, но никогда не подвергался сомнению их языковой авторитет, который мог вызывать восхищение или зависть и раздражение, но при этом и вольное или невольное стремление подражать их речи. Сегодня с обвальным падением престижа образования речь идёт не о получении практических навыков по зарабатыванию денег, а именно об образовании – рухнул и престиж хорошей, чистой речи. Люди, владеющие ею, вовсе не обладают для молодёжи каким-либо авторитетом, и подражать им точно никто не собирается. Ведь и так всё понятно! Забейте!

Всё, о чём говорилось выше, как ни странно, далеко не главная проблема. Это то, что лежит на поверхности, то, о чём любят с пафосом говорить пуристы, то, на что им со снисходительной улыбкой отвечают утверждающие, что беспокоиться не о чем, приводя в пример Пушкина, которого тоже в своё время обвиняли в порче языка. Названные

явления мне не очень, мягко говоря, нравятся, но готов даже согласиться с, назовём их так, «лингвистическими либералами» в их споре с «консерваторами»: язык способен сам справиться с указанными тенденциями и «переварить» их себе на пользу. Удивляет другое: никто из участников спора, среди которых немало авторитетных языковедов, словно не замечает главной опасности.

Ведь главная проблема сегодня – значительное, заметное невооружённым глазом снижение речевой компетенции большого количества представителей русского языкового сообщества. Речь идёт прежде всего о молодёжи. Мой собственный преподавательский и жизненный опыт позволяет утверждать, что едва ли не большинство современных школьников просто не способно понять тексты классической литературы, входящие в школьную программу. Я говорю об элементарном понимании содержания и самого общего смысла текста, о способности к хотя бы примитивному пересказу. К сожалению, не владею статистикой, но готов утверждать, что значительная часть современных школьников старших классов не способна написать связный текст на 3–4 страницах на самую примитивную тему, например: «Как я провёл лето» или «Забавный случай из моей жизни». Повсюду мы наблюдаем «клиповость», бессвязность сознания, рождающие неспособность воспринимать сколько-нибудь развёрнутые тексты, а тем более создавать подобные.

Вот примеры из школьных работ последнего ЕГЭ (задание С), проходившего в одной из, как ныне принято говорить, элитных московских школ с гуманитарным (sic!) уклоном (орфография и пунктуация исправлены).

Дружба связала Гончарова и Обломова.

Наташа Ростова жила только по душе и по сердцу, поэтому часто бывала на природе. А посмотрите на плохих героев Толстого, где они на природе, нигде и никогда, потому что всегда вдали.

Андрей Болконский покрывал своим телом бойцов на войне, защищая их от смерти в бою.

Наташа Ростова ушла простой санитаркой в госпиталь и грузила в вагоны раненых.

После смерти Пушкина умер его лучший друг Лермонтов по той же причине.

Лермонтов однажды ехал в электричке и заступился за двух женщин, которые теряли достоинство.

Повесть «Собачье сердце» рассказывает про преданность собаки человеку.

Достоевский провёл своё детство в библиотеке. Туда часто заходили Платонов, Чехов и Паустовский. Они рассказывали Феде свои простые, незамысловатые истории. Достоевскому не всегда было интересно их слушать, но это очень помогло ему в дальнейшей жизни.

Стоит вспомнить «Преступление и наказание» Грибоедова. Софию. У неё был божий дар, и она за спасибо поставила на ноги Раскольникова. Она была старой, больной, одинокой женщиной. Она не нуждалась в славе или героизме, ей на самом деле хватало спасибо.

Количество анекдотических примеров можно умножить многократно. При этом прекрасно понимаю, что никакой доказательной силой они не обладают и не могут однозначно свидетельствовать о падении языковых нравов. Наверное, любой учившийся в своё время в школе может привести немало примеров подобного рода. Но у меня всё больше складывается впечатление, что сегодня дремучее невежество и косноязычие авторов подобных пассажей вовсе не являются исключениями.

Можно винить в этом Интернет с его мелькающими картинками и отрывочными фразами. Может, дело в телевидении, главной задачей которого является, как представляется, не дать человеку сосредоточиться, вникнуть в суть любого, пусть самого незначительного вопроса. Не знаю, является весь этот кашеобразный хаос отражением состояния сознания нашего общества или, наоборот, некие злые силы с помощью такого телевидения и Интернета деформируют нашу слабую ментальность. У любой из данных точек зрения найдётся немало сторонников.

Скажу о главной, на мой взгляд, причине происходящего. Речь идёт о тотальном, насаждаемом, активно пропагандируемом отказе от интеллектуального усилия, интеллектуального напряжения, что наблюдается во всех областях нашей жизни, во всех социальных группах. В обществе, где прямо декларируется презрение к фундаментальному образованию, где министры и первые лица государства постоянно твердят о необходимости научить молодёжь практике, а не всяким там никому не нужным умствованиям, где министр образования заявляет, что главная задача школы состоит в воспитании квалифицированного потребителя, другого и быть не может. Как бы то ни было, проблемы русского языка лежат, конечно, не в нём, а во внеязыковой действительности, самым печальным образом влияющей на речевую практику носителей этого языка.

И последнее. Пару лет назад на одной научной конференции зашёл разговор о том, что современные студенты не умеют писать, речь, естественно, шла не о владении грамотой, а о способности создавать связные развёрнутые тексты, о том, что приходится организовывать специальные учебные курсы, призванные научить навыкам письма. Я высказал соображение о симптоматичности данного явления и сказал, что в моё время у человека, поступившего в университет, уже предполагалось наличие сформированных навыков сложной текстовой деятельности. Одна из коллег возразила мне, что мы живём в совершенно иную эпоху, определяемую тем, что линейно-текстовое мышление теряет свои лидирующие позиции, современные молодые люди мыслят как-то иначе. С этим, наверное, можно согласиться.

Известно, что предыдущие коммуникативные революции (возникновение письменности, распространение книгопечатания) привели к кардинальным изменениям в общественном устройстве, культуре, сознании человека. Вероятно, неизбежны и те

трансформации, которые несёт с собой коммуникативная революция, которую мы переживаем сегодня. Здесь сложно выступать в роли ясновидца, но уже очевидно, что электронные тексты – а студенты сегодня имеют дело в основном с ними – существенно отличаются от привычных текстов «традиционных» книг.

Новое, конечно, всегда пугает, но оно с неизбежностью меняет старое. Возможно, мои рассуждения о снижении коммуникативной компетенции лишены смысла, просто эта компетенция сегодня отличается от той, что сформирована у людей моего поколения. При всём этом замечу в защиту традиции: язык является первичной знаковой системой, той базой, на которой непосредственно или опосредованно строятся все иные знаковые системы, без языка невозможны развитие интеллекта, социализация личности, её способность к общению. Но языковая система, как уже было сказано выше, реализует себя в речи. Речь же имеет именно линейно-текстовую структуру. Общаясь, мы выстраиваем знаки языка в акустические или графические цепочки, по-другому невозможно (о телепатии не говорим). Общаемся же мы не с помощью звуков, морфем, слов, даже предложений, мы обмениваемся именно текстами разного объёма. Тексты же эти имеют именно линейную структуру и обязательно погружены в контекст, т.е. связаны со множеством предыдущих и потенциальных последующих текстов.

В связи со всем этим возникает вопрос: не означает ли отказ от линейно-текстового мышления деградацию человеческого мышления как такового? У меня нет однозначного ответа, но становится как-то тревожно, ибо эта опасность гораздо серьезнее и вызовов глобализации, и снижения культуры речи.

Статья опубликована:
№ 6 (6357) от 15.02.2012

РОДНОЕ СЛОВО – ЗНАК СПАСЕНЬЯ

Ирина Шапошникова, доктор филологических наук, профессор новосибирского государственного университета.

Чего боятся русские, думая о будущем? Потерять своих детей, как это уже не раз случилось в насыщенном кровопролитными войнами прошлом веке. Однако дети не только гибнут на полях сражений. Можно не найти с ними общего языка, и они уйдут от нас сами. Разрыв поколений столь очевиден, что даже из уст корифеев лингвистики можно услышать, что только язык объединяет сегодня наш народ.

Этнизация языковых процессов неизбежна в силу природы языка как знаковой системы, способной выводить вовне содержание нашего сознания. Одновременно неизбежна и их глобализация, то есть расширение функций языка при расширении культурного пространства его носителей. За этническое и цивилизационное расширение или, наоборот, сужение пространства культуры платит не только народ, но и его язык. Рассматривая язык как объект воздействия, мы должны понимать, что не сам язык – конечная цель такого воздействия, а сознание его носителей, тот образ мира, который мы в своей общенародной деятельности (или бездеятельности) вырабатываем и оставляем в наследство нашим потомкам в качестве привитых с детства мотивов и установок на организацию своего жизненного пространства.

Итоги «толпотворения»

На первый взгляд может показаться, что русские потерялись в своём геополитическом пространстве, перестали ощущать его пульс, а вместе с ним и жизнь своего языка. Так, например, студенты, пришедшие в вуз после окончания школы, делают для себя удивительные открытия, узнавая, что не только английский, но и русский является мировым языком, одним из лидеров в своём

коммуникативном ранге, способным обеспечивать международное общение. Ведь только на территории Российской Федерации проживает около 180 народов!

Зачастую никто из участников образовательного процесса не задумывается об этом и не заботится о ликвидации безграмотности в этой области. Более того, насаждается англизация информационных пространств (торговля это принимает как данность: язык того, кто первый продал технологию миру, получает приоритет при продвижении товара). А чем мотивирована устоявшаяся привычка давать английские и псевдоанглийские названия магазинам и мелким лавочкам в российских городах и посёлках, где и нога-то иностранца не ступала ни разу? Мы сами часто сужаем пространство своего языка, покорно заменяя его иностранным там, где он по праву являлся бы альтернативой последнему. Наверное, хорошо, что русские могут «козырнуть» знанием иностранных языков, но ведь есть и вопросы идеологии своего этнокультурного пространства.

Дети нашего смутного времени словно лакмусовые бумажки демонстрируют следы тех процессов, которые мы, старшее поколение, запустили (или попустили) в своё время. Особенно ярко ущербность общения проявляется в утрате чувствительности к стилям родной речи. Если академики и учёные ещё не стесняются выказывать уважение друг другу в обращениях «(Глубоко) уважаемый Иван Иванович!», то молодые «рубахи-парни» панибратски обращаются к преподавателям, старшим коллегам и редакторам научных журналов: «Здравствуй(те) Иван». Естественно, такая форма обращения звучит вульгарно для уха русского человека, воспитанного в иерархии ценностей советского времени. Англизация здесь очевидна как и дефицит начального воспитания и образования.

Вызывает беспокойство отсутствие знаний о языковых средствах, позволяющих полноценно выразить свои мысли. Примитивизация дискурса проявляется в клишированности и усечённости средств выражения

смыслов: зачастую от человека невозможно добиться полноценных высказываний ни в письменной, ни в устной речи. Они заменяются ключевыми словами. Атрофия чувствительности к многообразию средств родного языка, утрата любви к родному слову, низкая грамотность, пренебрежение нормой – вот далеко не полный перечень вызовов, с которыми приходится иметь дело русским гуманитариям.

Проведя экспериментальную работу в вузах самых крупных сибирских городов, мы получили длинный до бесконечности список элементарных орфографических (если бы только!) ошибок, которые очень хотелось бы отнести к специальным (шутки ради) искажениям форм, но никак не получается, так как они упорно повторяются у разных участников эксперимента. У наших студентов мука молется, сумашедшие портизаны возделывают кого-то, лаконичный лак и цвет, лаконичный = лакированный, бизнес экспортирует невьт, но есть потреотизм, руболь, трайлебус, систра и другая вещь. Сюда можно добавить: лож, паметник, писемизм, шарв, медко, не здаватся, мелиция, сталица, учоба, кено, песатель и многие другие. В общем, скорьбь великому реформисту, ибо эти перлы стали нормой для выпускников школ, поступивших в вузы.

И это происходит несмотря на богатство новых информационно-технологических возможностей, которые, казалось бы, должны способствовать обратному. Нельзя не согласиться с коллегами в том, что отчасти проблемы связаны с состоянием современных СМИ и Интернета. Концентрация сознания зрителя (читателя) всё время разрушается под воздействием рекламы. Люди привыкают к этому, и такая схема восприятия информации входит в подсознание. Достаточно переключить телевизор с самых доступных каналов, где господствуют разбавленные рекламой передачи, на канал «Культура» и посвятить какое-то время просмотру полноценно транслируемых передач, чтобы понять и ощутить разницу между потреблением картинок, вперемешку с установками на псевдопотребности от

торговца брендом (то есть толпотворением) и подлинным общением (истинным контактом) носителей культуры. Второе требует времени и творческих усилий как от создателя культурного явления, так и от адресата.

Носителям русского языка сегодня не грех задуматься: как каждый из нас транслирует русскую культуру через свой родной язык. Что именно он несёт миру? Не потому ли культура наша стала терять привлекательность для других, что мы сами устранились от её созидания и сохранения?

Исход в реформаторство

Современное русское общество самоустраняется и от языковых процессов. Даже лингвисты уходят из лингвистики, переключая своё внимание на искусственно сконструированные ментальные процессы, что настраивает на пессимистический лад при осмыслении ближайшего будущего нашей науки. Как редактору научного журнала мне приходится констатировать, что в среднем из каждых десяти рукописей, поступающих в редколлегию в последние годы, 80% посвящено описанию многократно изученных (и по одному шаблону описанных) концептов. Очень хорошо, если в оставшихся 20% действительно исследуются языковые процессы.

Увлечённость менталистикой – одна из причин, по которым языковые изменения последних десятилетий остаются во многих своих аспектах вне поля зрения специалистов, а потребность общества в большой работе по упорядочению и нормированию новых сфер использования языка – неудовлетворённой. В масштабах страны так и не решены вопросы систематизации и описания с переводом в учебный формат новых научных достижений, особенно в междисциплинарных областях. Такие дисциплины, как социо-, психо- и этнолингвистика, могут уже сейчас давать ответы на вопросы, волнующие молодое поколение русских людей, уж не говоря о типологии языков Евразии, дающей ключ к лингвистическому, а вслед за ним и культурному, экономическому, политическому взаимодействию в нашем гео-

политическом пространстве. Однако доля этих дисциплин в наших стандартах ничтожна, а в усечённых реформаторством программах бакалавриата им вообще не отводится места. Предлагаемые высшей школе схемы финансирования исключают возможность нормального выполнения масштабных лингвистических проектов.

Современному человеку бросают вызов не только природные катаклизмы, но и техногенная цивилизационная среда, созданная им самим. Подлинная культура не как пресловутая товарная форма, а как чисто человеческий способ регуляции поведения себе подобных, единственная способна противостоять этим угрозам. Она состоит из нравственных выборов и поступков, а не из компромиссов с драконами саморазрушения. Подлинная культура требует и экономики нравственных решений. Выпавшие из неё, растерянные русские на рубеже веков всё время по привычке подгоняют себя под умозрительные мировые стандарты, вместо того чтобы давать своим детям элементарные знания, приобщая их к нормам родной культуры и разъясняя им угрозы цивилизации. Языковой результат суетливо-реформаторского воспитания очевиден – вульгарность, грубость, агрессивность общения.

Советская система образования, вопреки вылитым на неё ушатам грязи, была вполне достойной, адекватной задачам высокообеспеченного общества того времени. Она отвечала интересам производителя, инженера и рабочего. Если этому обществу чего-то не хватало, оно стремилось создать недостающий продукт самостоятельно. Как человек, выросший в семье инженера и в окружении таких же семей, я прекрасно помню это состояние общественной среды. Сами проектируем и строим себе лодки, на которых много лет плаваем, изучая родные просторы, выделываем шкуры и шьём шубы для всей семьи; кладём печи; проектируем и возводим постройки; создаём машины. И всё это без отрыва от основной работы на предприятии! Любая техническая неполадка, любая задача легко решалась в семье ин-

женера, а его образование позволяло ему всё это делать.

Постперестроечная система отреформирована под торговца, а потому она часто ориентируется не на свои мозги и производство, а на потребление готового продукта, пусть даже произведённого непонятно как и из чего и завезённого непонятно откуда. Очевидно, что общество утрачивает навыки созидания при таких подходах, а внутренний раскол, замешанный на потребительском нигилизме, только усиливается за счёт импортированных идеологием. Безнравственность наших реформ в том, что они шли от установок этого нигилизма. Они были начаты и проведены, прежде чем общество смогло прийти к осознанному согласию об их сохранении и целеполагании.

«Быть или не быть»

Что ищет для себя в будущем уставший от преобразований русский? Покоя? Как решается классический гамлетовский вопрос «быть или не быть»? Ища покоя и свободы от цивилизационных проблем, мы убегаем в другие страны, в себя, на новые «просторы». Но куда бы мы ни убегали, свою цивилизацию мы несём с собой. Поэтому есть другой, подходящий истории своего отечества путь – не под покровы удобного цинизма, с которым легко не быть, а в лоно родной культуры, где нужно быть и утверждать себя, и идти, и преодолевать, и обретать чувство собственного достоинства, и передавать его детям. Нужно искать ответы на самые трудные вопросы. Вот один из них: что мы как этнокультурное сообщество сделали со своим отечеством за последние десятилетия? Самоутвердились и упаковались в броню индивидуальных отсеков? Что можно передать в таком состоянии своим детям? Они уже связывают свою страну и язык с русскостью, а готовы ли мы к этому?

По данным массового ассоциативного эксперимента, который проводился лингвистами в азиатской части России, устойчивость связи образа ЯЗЫК с образом РУССКИЙ только за последние несколько лет возросла многократно. Можем ли мы се-

годня осознать в полной мере роль нашего языка в самоидентификации людей русского мира? Она растёт объективно, но сможем ли мы управлять этой стихией? Что подлинно значимого о стихии нашей народной жизни и о своём отечестве можем мы, лингвисты, филологи, литераторы, поведать, глядя в глаза наших детей? Для такой исследовательской и образовательной деятельности нужна не митингово-лозунговая идеология патриотизма, не перманентное переформатирование стандартов, а вдумчивая работа, тёплый, задушевный разговор учителя с ребёнком в лоне родной культуры. Нам нужны и знания языка, и знания о языке, о стихии этнизации языковых (и иных социальных) процессов для передачи системности и богатства образов родной культуры. Нужна государственная программа информационно-аналитической поддержки повышения

квалификации лингвистов при снижении эксплуатации преподавателя и расширении его поля свободы для творчества.

Спасёт ли нас родной язык в нашем желании обрести единение в родном отечестве? Конечно, если мы примем его со всеми новообразованиями и «изъянами», с любовью и радостью будем изучать и созидать его мощь и богатство, если сумеем воспользоваться им, чтобы растолковать себе и нашим заражённым вирусом потребления и равнодушия детям, что значит быть русским сегодня и нести ответственность за своё многонациональное отечество. Ведь только родное слово может начертать в наших душах лик народа, тот спасительный образ, за пределами которого звериный вопль толпы.

Статья опубликована:
№ 10 (6361) от 14.03.2012

ЗАНОЗА НЕ В АНГЛИЙСКОМ

Михаил Макаров, доктор филологических наук, профессор.

Тема лингвистической глобализации приобрела за последние годы не только популярность, но и оттенок скандальности, особенно в контексте традиционно мифологизируемого в российском общественно-политическом дискурсе противостояния Запада и Востока. Возникают метафоры языка-убийцы, люди всерьёз начинают говорить о языковом терроре со стороны английского и т.п. Самое неприятное, что многие авторы употребляют подобную лексику отнюдь не метафорически. Человек неискوشённый, читая всю эту полемику, живо рисует себе образ глобальных корпораций-монстров, разрабатывающих коварные планы по внедрению максимального количества английских слов в прочие языки мира.

Однако посмотрим, какие реальные изменения были зафиксированы за последние 15–20 лет в русском? В основном они касаются словарного состава: слов, восходящих к английскому, добавилось. О чём это свидетельствует? Об упадке национальной культуры или национального языка? Не думаю. В 40–50-е годы в японский переключало огромное количество американизмов, но кому придёт сегодня в голову возводить это явление к утрате японцами национальной культурной самобытности или эрозии идентичности?

Займствований всегда сопровождали языковые контакты: когда-то русский язык получил немало тюркских, персидских и скандинавских слов. Пётр I добавил нам голландской терминологии, особенно в морском деле, Павел – немецкой в военном, а российское дворянство многие десятилетия

вообще росло в среде франкоязычной (и обошлось!)... От географического принципа пограничного взаимопроникновения языков, от исторического взаимовлияния языков-субстратов и суперстратов человечество перешло к лексическому обмену, часто очень неравноценному, по сферам деятельности. Развитие современных коммуникативных сетей, мобильность людей, культурных артефактов, технологий и т.п. служит катализатором этих процессов, что неизбежно ведёт к их интенсификации. Отсюда столь болезненная реакция на появление в языке «чужих» слов. Часто не по адресу. Часто неоправданная. Потому что на системном уровне с русским языком, на мой взгляд, не происходит ничего экстраординарного. Да и в сфере грамматики – на системном уровне – заметных изменений нет. Грамматическая система вообще обладает достаточной инерцией, что и демонстрирует нынешняя ситуация с русским языком.

Если взглянуть за пределы МКАД, мы увидим, что слухи о кончине русского языка и вовсе, мягко говоря, сильно преувеличены. Мы увидим, что наступление английского языка захлебнулось на подступах к российской глубинке и обречено на ту же участь, что и войска Наполеона 200 лет назад. Как ни парадоксально, но, чтобы окончательно победить глобальный английский, пришлось бы опять спалить Москву. Потому что в столице самая большая востребованность английского (как на рынке труда, так и в социально-статусном отношении, в сфере услуг и потребления); здесь самый высокий процент людей, владеющих им и пропагандирующих его; высока доступность Интернета; в Москве сосредоточены СМИ, способствующие продвижению английского; головные офисы крупных компаний, государственные органы, ответственные за языковую политику...

Глобальная экспансия английского – далеко не самое плохое из того, что нас должно тревожить. Просто в силу её географической и социально-экономической ограниченности и – как следствие – малого удельного веса в масштабе всей России. Куда большая опасность кроется в состоянии самого русского общества, теряющего своё богатое

культурное наследие, традиционно высокий уровень грамотности, эффективную систему образования и звание пусть не самой, но хотя бы ещё читающей страны.

Надо ли защищать русский язык (на институциональном уровне)? Ответ лично у меня не вызывает затруднений. Если я слышу призывы бороться ПРОТИВ языка-киллера, лингвистического империализма, англоязычной экспансии, я категорически не согласен. Если мне предлагают бороться ЗА русский язык, его чистоту, литературную норму, грамотность российского населения и высокую речевую компетенцию, я всей душой ЗА.

Что делать? Только не плодить очередные структуры при уже существующих чиновниках. У нас достаточно министерств, думских комитетов, общественных советов и редколлегий. В их силах (не говоря уж об обязанностях) сделать многое. Навести порядок в системе образования, особенно в преподавании русского языка и литературы, а также иностранных языков и языков народов России. Вычистить словесный мусор из эфира и периодики, убогих книжных переводов и с киноэкранов (именно они задают планку языковой нормы для подавляющего большинства жителей страны). На это нужны политическая воля и государственная программа. Честные и компетентные исполнители. Возможно, изменение законодательства. Одна проблема остаётся – объяснить нынешним ответственным и уполномоченным, что лично их речевой стандарт не всегда соответствует образцам русского языка, достойным подражания.

Да, ещё надо вспомнить – на деле – о многонациональности Российского государства и сделать реальные шаги к построению мультикультурного общества. Один небольшой пример: почему-то и в Нью-Йорке, и в Ванкувере можно сдать экзамены на права на русском языке (равно как и на многих других языках). Что-то я сомневаюсь, что в Москве или Санкт-Петербурге можно сделать то же самое, например на грузинском или чувашском. Залог независимости и процветания русского языка заключается в том числе и в создании условий свободного функционирования языков народов России. Парадокс, но

это именно так. Преподавание иностранных языков также необходимо поднять на более высокий качественный уровень. Поскольку это предполагает повышение речевой культуры и в родном языке.

Билингвизм – мощный культурный ресурс, и им нужно правильно распорядиться. В том числе и за пределами России. Создание культурных центров, библиотек, сохранение русской культуры в зарубежных диаспорах – тоже немаловажная задача. Здесь нам есть чему поучиться у Китая или Франции.

В заключение вернёмся к главной теме – теме языковой действительности в эпоху глобализации. Внедрение новых коммуникационных технологий радикально меняет речевые практики – появляются новые жанры – от СМС и электронной почты до блогов и социальных сетей. Соответственно меняются язык и сама стратегия восприятия информации. Дмитрия Гудкова («Ты всё ещё поддержка и опора». – «ЛГ», № 6) пугает отход от линейно-текстового формата. Не он один – многие исследователи отмечают распространение «клиповой» композиции, всё большую иконичность современных коммуникативных форм. Неудивительно: мультимедийный характер современных

средств коммуникации этому способствует. Следует ли из этого, что теряется момент интеллектуального усилия? Пожалуй, нет. Просто усилие стало качественно другим. А поддержание традиционной речевой компетенции теперь требует большего внимания, особой компенсирующей методики, поскольку в современном естественном общении удельная доля традиционных текстов понизилась. Это необходимо учитывать при разработке учебных программ, нацеленных на сохранение русского языка и речевой компетенции. Нужны новая герменевтика и риторика.

Но, боюсь, это будет сделать очень трудно без изменения отношения общества к образованию в целом. А ведь можно было бы и эту задачу решить. Есть же пример Южной Кореи, где бюджет Министерства образования в среднем составляет 19,25% всех государственных расходов (данные Минобрнауки РФ). Это вторая после оборонной статья национального бюджета (а ведь страна всё ещё в состоянии войны). Объяснять «корейское чудо» после этого излишне. И язык свой берегут, и английский учат изо всех сил. Ихто глобализация не пугает. Они её осваивают. Может, и мы когда-то сумеем.

Статья опубликована:
№16 (6366) от 18.04.2012

ВЕЛИЧИЕ И... НЕМОЩЬ

Владислава Жданова, *и.о. завкафедрой славянской филологии Боннского университета.*

Вопрос о том, останется ли русский язык «великим и могучим», обычно обсуждается в свете либерализации речевых норм, однако, как справедливо отметила А. Кирилина («Глобализация и судьбы языков». – «ЛГ», № 5), сегодня «дискуссию необходимо вывести на более масштабный уровень», обратившись к опыту осмысления глобализационных процессов в других европейских

языковедческих дисциплинах (например, в германистике или романистике).

Очевидно, что сохранение «величия и мощи» русского языка напрямую связано и с его социолингвистическим статусом, и с его политической и культурной престижностью. Те же самые факторы регулируют степень «величия и мощи» и других языков, а также выдвижение того или иного языка на роль *lingua franca* (языка международного общения).

Так, если до начала Второй мировой войны языком европейской дипломатии и международных правозащитных организаций был французский, то после завершения Нюрнбергского процесса и создания ООН в этой роли окончательно утвердился английский, положив начало и «языковой глобализации» современного мира. Связано это было не только с доминантной ролью англо-американской политики и экономики в судьбах затронутых войной стран, но и с не менее важной идеологической и культурной престижностью английского языка, ставшего своего рода лингвистическим символом «денацификации» Германии. Социолингвистический статус русского языка в «мировой иерархии» упрочился тоже как раз в это время и как раз благодаря роли СССР во Второй мировой войне. Русский стал одним из рабочих языков ООН и ЮНЕСКО, его начали преподавать практически во всех переводческих школах и на переводческих отделениях университетов, созданных или реорганизованных союзниками в послевоенной Германии и Австрии.

Сегодня на русском в мире говорят более 190 миллионов человек, он по-прежнему входит в число так называемых мировых, или глобальных, языков и остаётся одним из рабочих языков во всех ведущих международных организациях. Однако его положение в системе высшей школы не может не вызывать тревогу. В Германии, например, при любых структурных и финансовых реорганизациях университетов сокращению подлежит почти без исключения славистика или русистика. Так, за последние несколько лет закрылись или закрываются кафедры славянской филологии в Билефельде, Свободном Берлинском университете, Мангейме, Марбурге, Ростоке, Франкфурте-на-Майне, Эрлангене. В конце года будет закрыта боннская славистика – признанный центр в изучении истории славянских языков и библейской переводческой традиции. Обращения Международного комитета славистов, академий наук, Союза немецких славистов, бесчисленные протесты и демонстрации студентов на вынесенный приговор не повлияли...

Почему же именно славистика рассматривается администрацией университетов (автономных во многих федеральных землях, как, например, в Северном Рейне–Вестфалии) как слабое звено? Что подрывает её внутренний, академический статус? Научная несостоятельность немецко-австрийской славистики? Кошунственный вопрос, достаточно вспомнить такие имена, как М. Фасмер, А.В. Исаченко, Л. Мюллер...

Отсутствие интереса у студентов? Аккуратная немецкая статистика указывает как раз на противоположную тенденцию: русский и русистику в Германии хотят изучать не только немцы и представители многочисленной русской диаспоры, но и поляки, сербы, хорваты, итальянцы, американцы. При этом русская диаспора (включая, по данным Союза немецких славистов, шесть миллионов человек) всё активнее стремится к сохранению и изучению родного языка. Открываются русские детские сады, школы, русский как третий иностранный изучают в выпускных классах гимназии, а отделения русистики и славистики всё больше заполняются именно вторым поколением диаспоры.

Исключённость русского языка из политической, экономической, культурной жизни Германии? Во всех этих сферах русский был и остаётся востребованным. Он – *lingua franca* не только славистического сообщества, но и этнически неоднородной диаспоры из бывшего СССР.

В чём же тогда неубедительность русистики в глазах немецкой высшей школы? Что столь невыгодно отличает её от других направлений иностранной филологии в Германии: романистики, англистики, скандинавистики, синологии, в конце концов? Дело в том, что академическая и культурная престижность языка и соответствующей филологической области формируются не только на основе политико-идеологических доминант, но и (в определённой степени) сознательно конструируются научным и культурным сообществом. Даже оставив за скобками «значимое отсутствие» действующей языковой политики в России и за рубежом, мы обнаружим обширные лакуны,

которые не позволяют русистике занять равную позицию в ряду других филологических дисциплин.

Здесь в первую очередь следует обратить внимание на тот удручающий факт, что в России за двадцать лет постсоветского развития не сложились структуры внебюджетного финансирования высшей школы, а действующие вне общей структуры единичные разрозненные фонды не в состоянии направлять развитие образовательной политики. Кроме фонда «Русский мир» мы вряд ли сумеем назвать хотя бы ещё два-три российских научно-благотворительных учреждения. Последствия этого факта печальны не только потому, что студенты-русисты, преподаватели и русские исследовательские проекты в Европе не поддерживаются страной, язык которой является предметом их профессиональных интересов. В конце концов существуют немецкие научные общества, поддерживающие «непрофильную» в Германии русскую филологию. Печальнее то, что отсутствие внимания со стороны России невыгодно отличает русистику от других языковедческих дисциплин и в конечном итоге неизбежно компрометирует её в академической среде, препятствуя её упрочению и развитию в Европе.

Не менее заметная лакуна обнаруживается и в сфере международного академического обмена: немецкие студенты отправляются на долгожданную практику в страну изучаемого языка за свой счёт или за счёт Германии. Участие российской стороны в программах обмена, как правило, непропорционально скромное. При изучении других европейских языков такая ситуация немыслима, и, конечно же, эта характерная «деталь» также не может не учитываться при сопоставлении академического потенциала преподаваемых языков. Усугубляется проблема и содержательным отличием российских учебных планов от европейских, которое не сглаживается даже их формальной соотносимостью, установленной в ходе Болонского процесса.

Так что сохранение мощи и величия русского языка в академическом контексте Европы связано не в последнюю очередь и с тем, сумеет ли российская образовательная политика откликнуться на новые вызовы и помочь русскому языку сменить экзотический статус немощного исполина на более адекватный статус одного из ведущих мировых языков, который опирается на мощную культурную и историческую традицию.

Статья опубликована:
№ 28 от 1 июля 2012

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИФОНΙΑ РОССИИ: ДАР СУДЬБЫ ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ?

Виктория Красных, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова

Многообразие, многоликость, полифоничность языков и культур – это хорошо или плохо (дискуссия: «Останется ли русский великим и могучим». – «ЛГ» № 3, 5, 6, 10, 16, 23–24)? Это «поле битв» или «плавильный котёл»? Это добро или зло как для отдельного человека, вынужденного жить в условиях подобного «многоголосья», так и для государства в целом? Это условие для обретения или потери своего лица, своего (и только своего) голоса?

Эти вопросы, на которые мы с неизбежностью обязаны дать ответы (и чем скорее, тем лучше), возникли не сегодня и даже не вчера. Думается, они появились тогда, когда стала формироваться культурно-языковая полифоничность бытия человека как таковая. А началось это, вероятно, тогда, когда древнейшие племена поняли, что они не одиноки в этом мире и что есть иные / другие, которые, с одной стороны, подобны им, но с другой – отличны от них и с которыми им теперь придётся иметь дело. Так почему же именно в последние годы эти «проклятые вопросы» всё очевиднее встают перед нами?

Причины, вероятно, следует искать в значительных и достаточно стремительных изменениях условий жизни самого человека: это и новые средства передвижения, позволяющие за короткое время переместиться на значительное расстояние; это и новые технологии, делающие возможным сиюминутное общение людей, находящихся в разных точках земного шара; это и определённые изменения в социально-экономической и политической сферах, открывшие многие границы или как минимум значительно об-

легчившие переезды из страны в страну, с места на место и т.д. И как следствие – участвовавшие и ставшие более интенсивными, продолжительными и даже постоянными контакты представителей разных культур, которые раньше могли вообще не знать о существовании друг друга. В результате мы имеем явные тенденции к небывалому по масштабу смешению языков и культур и тем самым к определённому смещению культурных доминант, изменению паттернов культур, иерархий ценностей и т.д.

Кроме того, конечно, нельзя не вспомнить и процесс глобализации, направленный, по моему глубокому убеждению, в первую очередь на унификацию всех человеческих обществ по единому образцу и, следовательно, на нивелирование социально-культурных особенностей и усреднение «типичного» представителя человечества. Очевидно, что у этого процесса есть и вполне объективные причины, и вполне положительные черты и результаты. Но вместе с тем нельзя закрывать глаза на те проблемы, которые этот процесс, что легко объяснимо, порождает. Так, унификация совершенно естественно вытекает из идеи создания единого человеческого общества, живущего по единым законам, исповедующего единые ценности, преследующего единые цели и т.д. Возможно, это хорошо и это правильно. Но при этом не стоит забывать, что унификация идёт, по крайней мере сейчас, на основе европоцентризма (не в географическом, а в культурно-идеологическом плане), а человечество всё-таки намного богаче и разнообразнее. Далее, для унификации абсолютно необходимо всех, так сказать, причесать под одну гребёнку, что не может не привести к вышеупомянутому нивелированию разли-

чий. Правда, с другой стороны, поскольку усиливается сопротивление воздействию извне, это не может не привести и к росту этнокультурного, национально-культурного и прочего самосознания, что мы и наблюдаем в наши дни, а это, в свою очередь, провоцирует дополнительные межкультурные конфликты и способно вызвать серьёзную конфронтацию между цивилизациями. Думаю, что можно не приводить примеры, достаточно просто включить телевизор или выйти в Интернет и посмотреть на события последнего времени.

Переводя этот разговор на уровень отдельного человека, мы имеем в перспективе некий «идеал» – «типичного», «среднего» представителя рода человеческого вне его языковой, социальной, культурной и прочей принадлежности. И здесь нужно сказать следующее. Во-первых, это всё-таки не очень возможно по определению, поскольку каждый человек рождается и социализуется в определённом обществе, в условиях определённой культуры, в окружении определённого языка и, значит, как личность не может не нести на себе следы той «матрицы», которая и предопределяет его становление как личности. То есть по сути своей идея создания «среднего землянина» – это некий утопический даже не проект, а прожект. И можно было бы по этому поводу особенно не волноваться, но тут появляется «во-вторых». А во-вторых, процесс, направленный на достижение этого недостижимого «идеала», уже запущен. И вот тут следовало бы всегда помнить, что любое усреднение есть в основе своей упрощение. Усреднённый язык – это язык упрощённый, лишённый своих богатств: лексико-грамматических, стилистических, жанровых, диалектных и проч. Усреднённое искусство – это искусство упрощённое, адаптированное или специально созданное для среднего потребителя, с чёткой ориентацией на его желания, потребности, предпочтения и вкусы. Усреднённая культура – это культура выхолощенная, мёртвая. Культура не может быть «усреднённой», как не может быть «осетрина второй свежести». Конеч-

но, её можно положить на прокрустово ложе некой «новой», глобальной цивилизации и «убрать всё лишнее», но что мы получим в результате? Упрощённую культуру? Но, простите мой натурализм, можно ли считать человека, побывавшего в руках палача и лишённого рук, ног и головы, «упрощённым» вариантом человека?

Может сложиться впечатление, что это все приведённые рассуждения касаются «мира вообще», но не России, поскольку Россия всегда была многонациональным, полиэтничным, поликонфессиональным государственным образованием. Следовательно, можно было бы предположить, что за время существования нашей страны уже накопились необходимые и достаточные знания, умения и опыт (как положительный, так и отрицательный), которые могли бы позволить не просто справляться с существующими проблемами, но и не допустить их возникновения. Однако мы, к сожалению, не используем то, что имеем, и снова пытаемся наступить, скорее, даже прыгнуть с разбегу, чтобы «почувствительнее» было, на инструмент, в наибольшей степени подходящий для этой нашей любимой забавы. Но эмоции в сторону.

Сегодня, как представляется, сложились две основные точки зрения, две противостоящие друг другу позиции, проповедующие в радикальных своих проявлениях, с одной стороны, «алармистский» подход, с другой – «благостный». И если первый предлагает рассматривать всё происходящее в языке и культуре и с языком и культурой как полнейшую катастрофу: язык «портится» (или уже «испорчен»), культура гибнет (или уже погибла), то второй подход базируется на взгляде отстранённого наблюдателя, утверждает, что ничего страшного не происходит, всё нормально и «естественно», и призывает к спокойствию и терпимости. Думается, что истина, как всегда, где-то посередине между этими двумя «экстремумами». Но это именно «золотая середина», а не зияющий ноль, т.е. отсутствие какой бы то ни было позиции.

Итак, культурно-языковая полифония в современной России (а мы именно об этом сейчас говорим) не должна стать поводом для

уничтожения «плавильного котла», благодаря которому мы получили в наследство от наших предков тот русский язык и ту русскую культуру, которые сформировали нас сегодняшних, с нашими ценностными ориентациями и установками, с нашими представлениями о добре и зле, о том, что достойно или недостойно человека, и прочее. Думаю, что сегодня вряд ли кто-то откажется от таких слов, как хлеб, лошадь, собака, или университет, факультет, кафедра, или автобус, или банк, или – страшно сказать – президент. А ведь это всё заимствованные слова, но они стали русскими. И не только потому, что они «привычны» и не режут слух, но и потому, что изменяются по правилам русской грамматики. Разве не так? Что касается русской культуры (что с «большой буквы» – Пушкин, Толстой, Чайковский, Левитан, что с «маленькой» – той среды, в которой мы живём), то это предмет отдельного большого разговора, но общее правило здесь то же: сталкиваясь с иным (другим) чужим, русская культура либо отторгает это как чуждое, ненужное, либо принимает, впитывает в себя и в конце концов делает своим. Например, какие бы новые паттерны поведения ни предлагались нам сегодня, современные студенты, как показывает опыт, не будут ябедничать преподавателю, что их сосед по парте списывает, ибо такое поведение есть «предательство» и не может оцениваться иначе как недостойное и предосудительное. Явное отторжение. А вот Дон Кихот стал «нашим» (кстати, несколько отличным от своего европейского образа: у нас – бессребреник, там – скорее, дурак). И «наша» Золушка, как показывают исследования, в первую очередь трудолюбивая, добрая и безотказная, а уже только потом удачно вышедшая замуж, а европейская и американская – именно удачливая новобрачная (так, у нас этим именем в основном называются всякие чистящие-моющие и прочие средства и хозяйственные магазины, а у них – брачные салоны). Примеры можно множить, но и сказанного, думаю, достаточно.

Значит ли это, что я полностью разделяю позицию сторонников «благостного» подхода? Вовсе нет. Разумеется, я никогда

не соглашусь с иногда высказываемым мнением, что любые заимствования не только из других языков, но и из различных диалектов, социолектов и подобного «портят» язык. Напротив, считаю, что чем разнообразнее язык в своих вариантах, тем он богаче. А вот что меня действительно настораживает, так это то, что начинается «ползучее вторжение» в русскую грамматику. Вспомните рекламу: «Вместе с Coca-Cola», «Больше Fanta». Когда это написано латинскими буквами, это не производит столь душераздирающего впечатления (в конце концов это названия брендов). Но когда это звучит... Вслушайтесь: «Вместе с Кока-КолА», «Больше ФантА»... И вот это уже опасно. Конечно, мне можно возразить: мало ли метро, такси, пальто, кенгуру и прочего в русском языке! Немало. Но дело в том, что эти слова в принципе в русском уже изменяются по падежам («Купи, пожалуйста, «Кока-колу», «Хочешь ещё «Фанты»?»), т.е. они вполне «обрусели», и вот появились контексты, где склонение уже обязательно, или как?

И ещё одно соображение. Оно касается идеи «терпимости к чужой речи»: «И язык другой группы нельзя объявлять испорченным или вредоносным. Одна из главных стратегий в области языка – терпимость к чужой речи, даже если она не соответствует вашим нормам. Только тогда остаётся возможность повлиять на неё. А если говорить: ты идиот, произносишь то-то и то-то неправильно, общение станет невозможным. Тогда наших рекомендаций никто не услышит» [Максим Анисимович Кронгауз, «Литературная феня». – «МК», 28.11.11]. Глупо спорить с предлагаемой установкой на диалог. И не менее глупо и абсолютно бесперспективно называть кого-то идиотом, говорящим на «вредоносном» «языке», и обвинять во всех смертных и не очень грехах. Это всё так. Но вместе с тем позволю себе заметить, что в данном случае мы со всей очевидностью имеем дело с двумя принципиально различными ситуациями.

Первая ситуация – это ситуация с русским языком за пределами России, т.е. его состояние и развитие, так сказать, «вне». Эта ситуация существовала всегда (и в Российской

империи, и в Советском Союзе). Совершенно очевидно, что сегодня проблема языка русских диаспор приобретает всё большую остроту и в собственно лингвистическом плане, и в плане политическом (вспомним, например, только что прошедший в Латвии референдум о статусе русского языка). Понятно, что в данном случае речь идёт в первую очередь о языке русскоговорящего населения бывших советских республик (хотя есть большие русские диаспоры и в других странах: США, Германии и др.). Вряд ли кто-то возьмётся отрицать тот факт, что в силу тех или иных причин русский язык диаспор имеет определённые отличия от того языка, на котором говорят в метрополии (безусловно, есть некоторые исключения, но они, скорее, лишь подтверждают общую тенденцию). Эти отличия осознаются многими, в том числе теми, кто живёт на территории других государств, как носителями языка, так и профессионалами-лингвистами. Изучение и выявление различий между языком диаспоры и языком метрополии украинскими коллегами привело, например, к возникновению так называемой геолингвистики, основополагающая идея которой сводится к следующему: если есть американский английский, то почему не может быть украинского русского? Можно по-разному относиться к такой постановке вопроса, но в этой позиции есть свой резон. Хотя вопросов в целом от этого всё равно не становится меньше.

Вторая ситуация – это ситуация внутри России. И вот тут есть серьёзная опасность, если занимать позицию «абсолютной терпимости», доведённой до логического конца (т.е. до полного абсурда). Дело в том, что если подходить к проблемам русского языка внутри страны так же, как к проблемам русского языка за рубежом, то мы рано или поздно окажемся в ситуации действительно «за рубежом». Ведь речь идёт о разрушении единого «языкового» пространства страны.

То же справедливо и по отношению к культуре. И тут не помогут 100 книг, обязательных для прочтения, ибо каждый бу-

дет читать их глазами представителя своей культуры и оценивать сквозь призму своей культуры. Подумайте, как в республиках, где традиционно сильны позиции ислама, будет оцениваться «поведение» Анны Карениной или Маргариты? Как будут восприниматься вызывающие слёзы не только у детей судьбы Муму или Белого Бима (не самых, замечу, «чистых» животных)? Какое впечатление произведёт сюжет «Дамы с собачкой»? Сразу скажу, что это не пустые домыслы, а некоторые выводы из проведённых исследований и из личного опыта. Разумеется, я никоим образом не хочу сказать, что одна культура лучше другой, что представители одной культуры более жестокосердны, чем другие. Ни в коем случае! Но есть разные культурные ценности, есть разные ценностные установки, есть разные паттерны поведения, санкционированные и одобряемые обществом (а значит, культурой), есть разные представления о том, что достойно, что нет, и т.д. И не учитывать этого нельзя. В данном случае мой пафос сводится к следующему: просто обязать всех прочитать книги из назначенного списка – это значит сделать колоссальную ошибку. Необходимо многое объяснять, прояснять, разъяснять в той культуре, которая не является первой родной для конкретного человека. Показывать, что, несмотря на подчас многие внешние различия, мы во многом похожи и что у нас есть основа для взаимного понимания и уважения, было бы желание. А это желание надо формировать.

К сожалению, у нас ныне нет единого образовательного пространства, о чём уже не один год говорят многие учителя. Сейчас идёт процесс разрушения единого культурного и языкового пространства (вернее – культурно-языкового, если помнить неразрывную связь языка и культуры), полифония превращается в какофонию. Не хочу никого пугать, но если этот процесс завершится, то это приведёт к краху страны как единого целого. Как целостного историко-социо-культурно-языкового образования, имя которому Россия.

Статья опубликована:

№ 28 (6376) от 11.07.2012

ИТОГИ ДИСКУССИИ

«Глобализация и судьбы языков»

Алла Кирилина, доктор филологических наук профессор.

Целый год в ЛГ шла дискуссия о судьбе и состоянии современного русского языка [ЛГ №№ 3, 5, 6, 10, 16, 28 за 2012 г.]. Как это обычно бывает при обсуждении животрепещущей темы, авторы сосредоточились в основном на драматических моментах жизни языка. Активное участие в обсуждении приняли читатели, мнение которых также в значительной степени совпадает с идеями лингвистов. Помимо почти единодушного признания глобализационной опасности, названы еще несколько факторов риска. Это негативное воздействие на язык сегодняшнего состояния общества, слабая поддержка статуса русского языка в России и за рубежом, недостаток внимания к научному осмыслению происходящих в языке процессов. И авторы, и читатели отметили разрушительную для языка, культуры и нравственности роль СМИ. Основной смысл высказанных в обсуждении мнений можно выразить словами моего коллеги Дмитрия Борисовича Гудкова: «Проблемы русского языка лежат, конечно, не в нём, а во внеязыковой действительности, самым печальным образом влияющей на речевую практику носителей этого языка».

В то же время некоторые из наших «статусных» языковедов и деятелей культуры, пообещавшие высказаться, своего слова не сдержали. И это тоже признак современной ситуации, проявившийся во многих странах: главным защитником языка становятся самоорганизованные силы – общественность и отдельные энтузиасты.

Еще одно обстоятельство, которого дискуссия лишь коснулась, – это негативное отношение к родному языку и культуре. Еще в 1996 г. – и тоже в ЛГ – Ю.В. Рождественский с горечью заметил: «Интеллигентные носители языка не любят родной язык». К большому сожалению, приходится констатировать, что эти слова актуальны и сегодня. Более того, ситуация в чем-то даже острее – появились тексты (не только публицистические, но даже и научные), в которых авторы, например Игорь

Яковенко, весьма агрессивно выступают против русской культуры и языка, провозглашая их «неэффективность», «тупиковость» [www.povayagazeta.ru/profile/8892/]. Заявляя о вредности русской культуры, этот автор не стесняется и выражения «гетто русского языка». И.Г. Яковенко предлагает это «гетто» разрушить – сделать обязательным обучение за рубежом; не выдавать диплом о высшем образовании без свободного владения английским, ввести как обязательную норму преподавание большого количества предметов на английском языке; создать англоязычный канал и т.д. В тексте И.Г. Яковенко содержится даже высказывание, очень и очень похожее на призыв физически искоренять носителей русской культуры: «Следование изживаемым ценностям должно быть связано со смертельной опасностью».

Подобного рода неолиберальные идеи сегодня ширятся. Параллельно же разворачивается международная критика отечественного гуманитарного знания. Российских лингвистов обвиняют, например, в «лингвистическом нарциссизме». В 80-е гг. профессор Бохумского университета – Гельмут Яхнов обрушился на стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Русский язык», усмотрев в крике души человека, подолгу живущего вдали от родины, стремление к национальному превосходству и утверждая, что за похвалами скрыт комплекс неполноценности носителей русского языка. Тогда восприятие немецкого коллеги казалось просто отзвуком холодной войны. Однако в начале третьего тысячелетия работы такого рода стали множиться. Нередко авторами подобных тестов становятся выходцы из России – это, похоже, инициация при вступлении в сообщество западных гуманитариев. Так, например, в 2010 г. А. Павлова и М. Безродный вновь называют произведение Тургенева классикой лингвоарциссистского жанра, а швейцарский лингвист Патрик Серио (устное выступление на филфаке МГУ, 2010) даже считает, что признание связи между языком и культурой ведет к фашизму. Список подобных примеров можно продолжить. И все это не случайно – ожесточилась давняя полемика универсалистов (глобалистов) и лингводетерминистов (сторонников взаимосвязи языка, мышления и культуры). Спор охватил не только проблему

языка, но и вопрос о науке и научности. По этой и ряду других причин, о которых – ниже, трудно согласиться с уважаемым Михаилом Макаровым [ЛГ № 16, 2012], который считает, что страсти нагнетаются «в контексте традиционно мифологизируемого в российском общественно-политическом дискурсе противостояния Запада и Востока» и что глобальная экспансия английского имеет малый удельный вес в России. Более значительную угрозу русскому языку М.Л. Макаров видит в состоянии российского общества – потере богатого культурного наследия, высокого уровня грамотности, эффективной системы образования, привычки к чтению. Замечу, что все это также не в последнюю очередь связано с глобализацией, в том числе – с превращением образования в продукцию глобальных рынков. Принятый в декабре 2012 г. новый закон «Об образовании в Российской Федерации» – тому подтверждение. Да и удельный вес глобализации в России отнюдь не мал. Например, официальный текст договора о вступлении России в ВТО не существует на русском языке. Тема эта, впрочем, столь серьезна, что о ней надо писать отдельно.

Дело не столько в английском, сколько в тех силах и процессах, выразителем которых он становится. Чуткие к языковым нюансам писатели уже отреагировали: пелевинские словечки *фридом-байрам* и *приматизация* о многом говорит.

Не менее значим и общественный дискурс о языках. Нельзя не заметить, что новая философия языка направлена на дезавуирование не всех языков, а лишь тех, которые имеют высокий коммуникативный статус и нередко представляют сильные государства. Так, трудно встретить научные рассуждения об искусственности, например, казахского или чеченского языка, хотя и для них создавалась письменность, проводилось нормирование, разрабатывался литературный язык – все то, что неолиберальная наука считает признаками неестественности. На фоне заботы о малых, исчезающих языках (что, разумеется, можно только приветствовать) происходит идеологическое оправдание упадка «больших языков». Не могу поэтому согласиться с М.Л. Макаровым и в том, что усиление пози-

ций малых языков в Москве спасет ситуацию. В текстах законов и других документов у малых языков, не меньше, а то и побольше прав. Так, предложенный недавно рабочей группой под руководством Е.А. Ямбурга проект профессионального педагогического стандарта содержит – что прекрасно – профиль «преподаватель русского языка». В число требований к учителю русского языка входят: владение литературной нормой, обязательное проявление позитивного отношения к местным языковым явлениям, к родным языкам учащихся, представленных в классе. Но почему-то нет требования проявлять позитивное отношение к русскому языку как национальному богатству, достоянию, базовой части культуры нашей страны, государственному языку.

Еще пример: СМИ буквально пестрят сообщениями о том, что в роддомах крупных городов весьма востребованы переводчики с киргизского, таджикского и других языков бывших азиатских советских республик. В малых же городах роддома, как недавно стало известно, закрываются. Да и судьба этих городов под вопросом: Э. Набиуллина, выступая в декабре 2011 г. на московском урбанистическом форуме, сообщила: убывание городов небольшого размера является непреодолимой глобальной тенденцией, и нельзя не принимать ее во внимание (сайт Минэкономразвития). Речь идет о 400 моногородах, которые из-за неэффективности лишаются господдержки, в результате чего «высвободятся» 15-20 миллионов человек. Вот вам и демографический фактор в жизни русского языка. О том, что целый ряд российских или бывших советских республик превращен в мононациональные образования, даже не говорю. И там происходит сокращение русского языка – и по причине выдавливания русского населения, и по иным политическим мотивам. Так, в декабре 2012 г. в Казахстане объявили о планируемом переходе на латинский алфавит. Не так давно в ЛГ писатель Г. Садулаев осторожно высказался о пользе перехода чеченского языка на латиницу. Молдавия давно уже перешла. И это – пусть не прямой, но удар по языку и по единому социально-культурному пространству.

Высокий коммуникативный статус не спасет сегодня русский язык без постоянных усилий каждого из нас. Трезвый взгляд на вещи не

позволяет говорить о возвращении русскому языку всех его функций в полной мере. Так, не думаю, что научная коммуникация в обозримой перспективе перейдет с английского на национальные языки. Тем более, что молодые ученые настроены на англоязычную научную коммуникацию. Да и политика Минобрнауки тому способствует.

И все же нельзя опускать руки. Защита языка и забота о нем, социальный престиж языка – главные факторы его сохранения. В лингвистике есть понятие «одноаульные языки» – это бесписьменные языки с крошечным числом носителей, которые, тем не менее, живут и не исчезают столетиями. Причина одна – они представляют собой ценность для говорящих на них людей. А проще – эти языки любимы.

Что же мы можем сделать? Нельзя оставлять без внимания работы – научные ли, публицистические ли, – в которых преподносится отрицательный взгляд на русскую культуру и русский язык или исключительно им приписываются отрицательные свойства, присущие на деле всем или многим языкам и культурам. Требуется усилить внимание к текущим социолингвистическим процессам в России, дать трезвую оценку языковой ситуации и тенденциям ее развития, более энергично публиковать и искать новые, современные аргументы в пользу взаимосвязи языка и культуры, ибо этого требует активизация дискуссии с универсалистами (глобалистами). Можно обратиться к опыту других стран: В Германии – наряду со словом года, отражающим наиболее актуальные процессы в обществе, – немцы фиксируют и самое неудачное слово года. Цель этого – пропагандировать гуманистическое использование языка. Негуманные слова и выражения должны стать неприемлемыми и уйти из употребления. Неудачные слова года, таким образом, стоят на защите нравственных оснований употребления языка. Вследствие деятельности СМИ

нам есть чем заняться в этой сфере – хотя бы прервать цепочку слов и выражений, инструментализирующих человека – «человеческие ресурсы», «человечество имеет срок годности» и т.п.

У нас есть сегодня мощный ресурс жизнеспособности языка – русскоязычный интернет. При всей своей противоречивости это огромная сила. Интернет демонстрирует вектор развития языка в эпоху новых технологий. Русский язык в диаспорах – еще один ресурс.

Даже минимальная индивидуальная деятельность по защите языка приносит плоды. Так, анонимный письменный опрос студентов МГПУ после прочтения им в 2012 г. курса социолингвистики, в котором был сделан акцент на необходимость защищать свой язык, дал много откликов примерно следующего содержания: «курс научил меня быть внимательнее к языковому ландшафту в городе, бережно относиться к своему языку»; «мне бы хотелось изучать социолингвистику дальше и внести свой вклад в сохранение и развитие русского языка»; «благодаря ... лекциям во мне проснулся некий «лингвистический патриотизм», то есть проснулось желание бороться за свой язык».

Разумеется, и участники дискуссии не ограничились лишь перечислением бед и напастей, а предложили целый комплекс мер по защите и укреплению русского языка, в том числе – инициировать новую редакцию закона о русском языке. Для реализации предложений, их системной разработки, расширения контактов необходима площадка. Ею могла бы стать «Литературная газета». Потому я предложила бы создать при газете постоянно действующее сообщество друзей и защитников русского языка и открыть рубрику «Жизнь языка», чтобы освещать в ней многогранные отношения языка, культуры и общества. Из такого коллектива могли бы в дальнейшем выкристаллизоваться сетевое сообщество и другие формы организации любящих русский язык людей, патриотов Отечества.

Список литературы

- Павлова А., Безродный М. Хитрушки и единорог: Образ русского языка от Ломоносова до Вежбицкой // TSQ № 31 – WINTER 2010 – <http://www.utoronto.ca/tsq/31/index31.shtml>
- Jachnow H. Ist das Russische eigentlich eine besondere Sprache? // Slavistische Linguistik 1986. (eds. G. Freidhof, P. Kosta). – München, 1987. – S. 209–230.

ТРИБУНА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

С.В. Спиряева

УДК 81'23

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЯЗЫК МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

В данной статье затрагиваются предпосылки становления английского языка в качестве языка международного общения, рассматриваются те изменения, которые повлекли за собой изменение статуса английского языка.

Ключевые слова: язык, глобализация, коммуникация, мировое сообщество, универсальный язык.

S. V. Spiryaeva

GLOBAL LANGUAGE OF WORLD COMMUNITY

In this article we consider the conditions of formations of English as a language of international communication and the changes caused by alterations of the status of English.

Key words: language, globalization, communication, universal community, universal language.

Влияние английского языка, распространение которого началось с 60-х годов прошлого столетия, сложно переоценить. Сила его проникновения достаточно высока, и восприятие со стороны пользователей английского языка неоднозначно. Учитывая условия социально-глобальной реальности, сложно делать прогнозы в отношении того, что в дальнейшем произойдёт с языком, на котором говорит огромное число людей. А в случае с английским языком – это четверть населения земного шара – большое число людей используют его в качестве иностранного, а не родного. К началу XXI века для английского языка это соотношение составило три к одному.

Без сомнения можно говорить о том, что наибольшее влияние в мире английский язык получил в XX веке. Этому, бесспорно, содействовало культурное наследие народа, говорящего на этом языке.

Использование английского языка, как одного из официальных языков в работе международных организаций, внесло весомый вклад в его развитие как языка межнационального общения.

Большую роль в распространении английского языка сыграло также развитие печатных СМИ. В середине XIX века резко возросла роль крупнейших информационных агентств.

К концу XIX века социальные и экономические факторы привели к увеличению рекламы. Английский язык в рекламе стал использоваться довольно рано. И истоки развития рекламного дела опять же брали своё начало в США.

Также одним из факторов расширения значения английского языка является такое понятие как международная безопасность. Специальный аспект международной безопасности заключается в использовании языка в качестве средства управления международными транспортными сообщениями, и, прежде всего, на воде и в воздухе.

К тому же, в последние годы был достигнут прогресс в разработке систем еди-

нообразной связи между организациями, ответственными за ликвидацию чрезвычайных ситуаций на суше. Это относится главным образом к службам пожаротушения, скорой медицинской помощи и полиции. Эта система получила название «язык чрезвычайных ситуаций».

Стимулом к созданию языков с ограниченным словарным составом стала в основном необходимость нормального функционирования диспетчерской службы управления воздушным движением. Для более чёткого восприятия речи в воздухе была разработана система английского языка, которая в настоящее время известна как «авиационный английский» [Кристалл 2001: 165].

В условиях, охвативших всё современное мировое сообщество глобальных изменений, усложнения жизни и ускорения ритмов, революции в области средств массовой информации, расширения международных политических контактов, интеграции мировой экономики и финансов всё большее значение приобретает коммуникация [Тревоги мира 1997: 12].

В процессе разрешения различных проблем и жизненных ситуаций проявляется социально-интегративная функция коммуникации, которая состоит в ориентации на социальное партнёрство, диалог, а значит, на формирование «коммуникативных сетей», то есть того «вещества» социальной, в котором возникают, воспроизводятся, взаимодействуют и развиваются разнообразные субъекты социокультурного действия [Дридзе 1998: 146].

Коммуникация всё более усложняется, становясь мощным действенным средством, организующей силой, оказывающей влияние на все сферы жизнедеятельности общества. В настоящее время успех решения многих проблем зависит от владения информацией, от выбора нужного партнёра, а в более широком смысле – от правильного выбора коммуникационных стратегий. Одним из важных моментов в изучении проблем коммуникации являются её со-

циокультурные характеристики и условия, в которых распространяются те или иные информационные конструкты: культурные, предметные и другие [Макеёкина 1997: 5].

Мы можем сказать, что английский язык во многом открывает доступ к сокровищнице мировых знаний, особенно в таких областях, как наука и техника, а это является основой для образования. Причиной, по которой в последние годы многие страны придали английскому языку статус официального или выбрали его в качестве основного иностранного языка в своих школах, видится именно возможность получения хорошего образования. Начиная с 60-х годов, на английском языке ведётся преподавание в высших учебных заведениях многих стран.

Одна из главных причин, по которой язык обретает международный статус, это политическое могущество говорящих на нём народов и особенно их военная мощь. Однако влияние и авторитет международного языка не есть результат лишь одной военной мощи говорящих на нём народов, которые могут навязать другим свой язык. Для сохранения и дальнейшего его распространения необходимо наличие развитой экономики. Тем не менее, решающее значение экономические факторы приобрели только в начале XX века, когда они начали действовать в глобальном масштабе благодаря совершенствованию техники связи и возникновению крупных транснациональных корпораций.

Можно согласиться с Д. Кристаллом, что в этих условиях любой язык, оказавшийся в центре мировой экономической жизни, мог внезапно стать международным. Английский язык благодаря стечению обстоятельств, оказался в нужное время в нужном месте [Кристалл 2001: 25–26].

Увеличение количества людей, владеющих языками глобального общения, имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Существование такого языка может привести к образованию моноязычной элитной группы людей с предвзятым

отношением к другим языкам. Лица, для которых английский язык является родным, получают возможность быстрее мыслить и тем самым получить преимущество в работе и быту. Вполне возможно, что использование языка международного общения может отрицательно сказаться на желании изучать другие языки.

Наличие универсального языка общения может вызвать процесс постепенного исчезновения языков национальных меньшинств или вообще сделать ненужным наличие всех языков мира.

Кроме того, по утверждению Е.В. Хапилиной, происходит «сталкивание» народов с самобытного пути развития. Исходя из этого положения, бытует мнение, что глобализация наносит непоправимый вред уникальности наций. В результате глобализации вытесняется целый ряд языков, которые ещё недавно играли определённую роль в целях обмена информацией между людьми [Хапилина 2005: 66].

Нельзя игнорировать эти опасения, хотя с другой стороны, многие не видят ничего плохого в том, что человечество будет использовать один язык общения, что позволит избежать многих недоразумений при общении, и ещё в большей степени будет способствовать объединению жителей планеты. В настоящее время английский язык в большей степени претендует на статус языка международного общения, но станет ли он им и как долго им будет – этот вопрос остаётся спорным, так как мы можем наблюдать большое количество исторических примеров, когда тот или иной язык приобретал большое значение в мире и спустя какое-то время терял его. Но если английский язык всё же займёт место международного языка, то где гарантия того, что под влиянием других языков мира, при билингвизме, английский язык под влиянием интерференции не изменится до неузнаваемости в разных областях планеты, что повлечет за собой возникновение большого количества его вариантов, возможно сильно отличающихся от современного английского языка.

Конечно, мы не можем отрицать, что язык может обладать определёнными свойствами, делающими его привлекательным для международного общения. Сюда можно отнести относительную «понятность» английского языка. Это можно объяснить тем, что в течение нескольких веков английский язык заимствовал множество новых слов из языков, с которыми он находился в тесном контакте. Это придаёт ему некоторый космополитический характер, в котором многие видят преимущество для его использования во всемирном масштабе.

В тех странах, где английский язык не имеет официального статуса второго языка, многие владеют английским как иностранным. Статусные различия между вторым языком и языком иностранным не имеют значения для человека, который говорит по-английски, однако важны для самого языка. Провозглашение английского языка вторым официальным языком даёт стране право устанавливать местные языковые стандарты, которые фиксируются в словарях.

Тем не менее, на протяжении XX века несколько раз возникали ситуации, когда статус английского языка оказывался под вопросом. Иногда носители некоего местного языка полагают, что ему необходима защита, так как его существованию угрожает другой язык. В подобных случаях страна принимает меры для сохранения местного языка путём придания ему особого статуса. Так, например, определённый статус получили валлийский язык в Уэльсе, ирландский в Ирландии, французский в канадском Квебеке [Кристалл 2001: 126].

Среди стран, где английский язык используют как второй язык, решение о присвоении ему официального статуса обычно принимается во избежание необходимости выбирать между конкурирующими местными языками.

Оценить, какое количество людей используют английский язык как второй, довольно сложно. Непонятно, какой уровень знания делает человека англофоном, поэтому оценки разных экспертов сильно расходятся.

В странах, где около 95% населения говорят по-английски, как, например, в Англии и США, существует мнение, что статус английского языка будет неизменен. Но появление даже незначительных изменений в социальном равновесии этих стран могут повлечь за собой определенные последствия для основного языка страны. Поэтому для сохранения статуса языка необходимо постоянное укрепление его позиций и расширение сфер влияния.

И хотя на данном этапе мы можем говорить, что английский язык может считаться языком международного общения или глобальным языком, утверждать, что он сможет удержать эти позиции и укрепить их, с абсолютной уверенностью мы не можем. В истории языкознания можно найти немало примеров этому явлению. Так, во времена Средневековья никто не взял бы на себя смелость предположить, что у латинского языка нет будущего. Никто не поверил бы в XVIII веке, что очень скоро вежливые и воспитанные люди смогут общаться не только по-французски, но и на любом другом языке. Поэтому, размышляя о будущем английского языка как всемирного языка, следует проанализировать закономерности и тенденции, которые могут помешать этому явлению.

Существуют такие ситуации, когда народ той или иной страны испытывает такое враждебное отношение к английскому языку, что отказывается придать ему статус официального или первого иностранного. Такое отношение возникает как реакция защитить свой родной язык - символ национальной самобытности и индивидуальности. У большинства людей присутствует естественное желание говорить на своём родном языке, видеть его дальнейшее развитие. Английский язык у многих народов ассоциируется с колониальным периодом, когда в обществе существовало презрительное отношение к местным языкам. Если такую позицию займёт определённое количество стран, то решение вопроса о присвоении английскому языку статуса всемирного языка будет весь-

ма проблематичным [Кирилина, Гриценко, Лалетина 2012; Кирилина 2012].

Полезны или вредны иноязычные заимствования в национальном языке? Без сомнения ясно: заимствования неизбежны, как неизбежно общение народов и стран. Но неизбежность проникновения заимствований в национальные языки не означает, что любые заимствования должны приветствоваться обществом и литературой. Необходимо всегда помнить, что самые грубые ошибки возникают тогда, когда иноязычные слова употребляются без учета их значения (семантики и прагматики). Многие иностранные слова, уместные и необходимые в специальной, научной и технической ли-

тературе, неуместны в статьях, брошюрах, докладах, лекциях, предназначенных для широкого круга читателей или слушателей и не затрагивающих узкоспециальных научных и технических вопросов.

Русский язык не впервые сталкивается с необходимостью воспринять из международного опыта полезную информацию в виде иностранных слов. Со временем выясняется, какие из них остаются, вливаясь в систему литературного языка, а какие предаются забвению, бесследно исчезая.

Тем не менее, влияние английского языка в мире велико, и оно продолжает расти с каждым годом. К чему приведёт этот процесс, мы можем только догадываться.

Список литературы

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология / Т.М. Дридзе ; под ред. А.А. Леонтьева. - М.: Высш. шк., 1980. – 224 с.

Кирилина А.В. Некоторые аспекты формирования новой философии языка в эпоху глобализации //Жизнь языка в культуре и социуме-3. Материалы конференции. Москва, 20 – 21 апреля 2012/ Под ред. Е.Ф.Тарасова, Н.В.Уфимцевой, Е.СФ. Синячкина.- М., 2012. – С. 9–10.

Кирилина А.В., Гриценко Е.С., Лалетина А.О. Глобализация в аспекте лингвистики // Вопросы психолингвистики, №1, 2012 .– С. 18–37.

Кристалл Д. Английский язык как глобальный / пер. с английского. – М.: «Весь мир», 2001. – 238 с.

Макеекина Н.Ю. Взаимодействие и диалог культур на рубеже веков / Н.Ю. Макеекина. – Пенза, 1997. – 168 с.

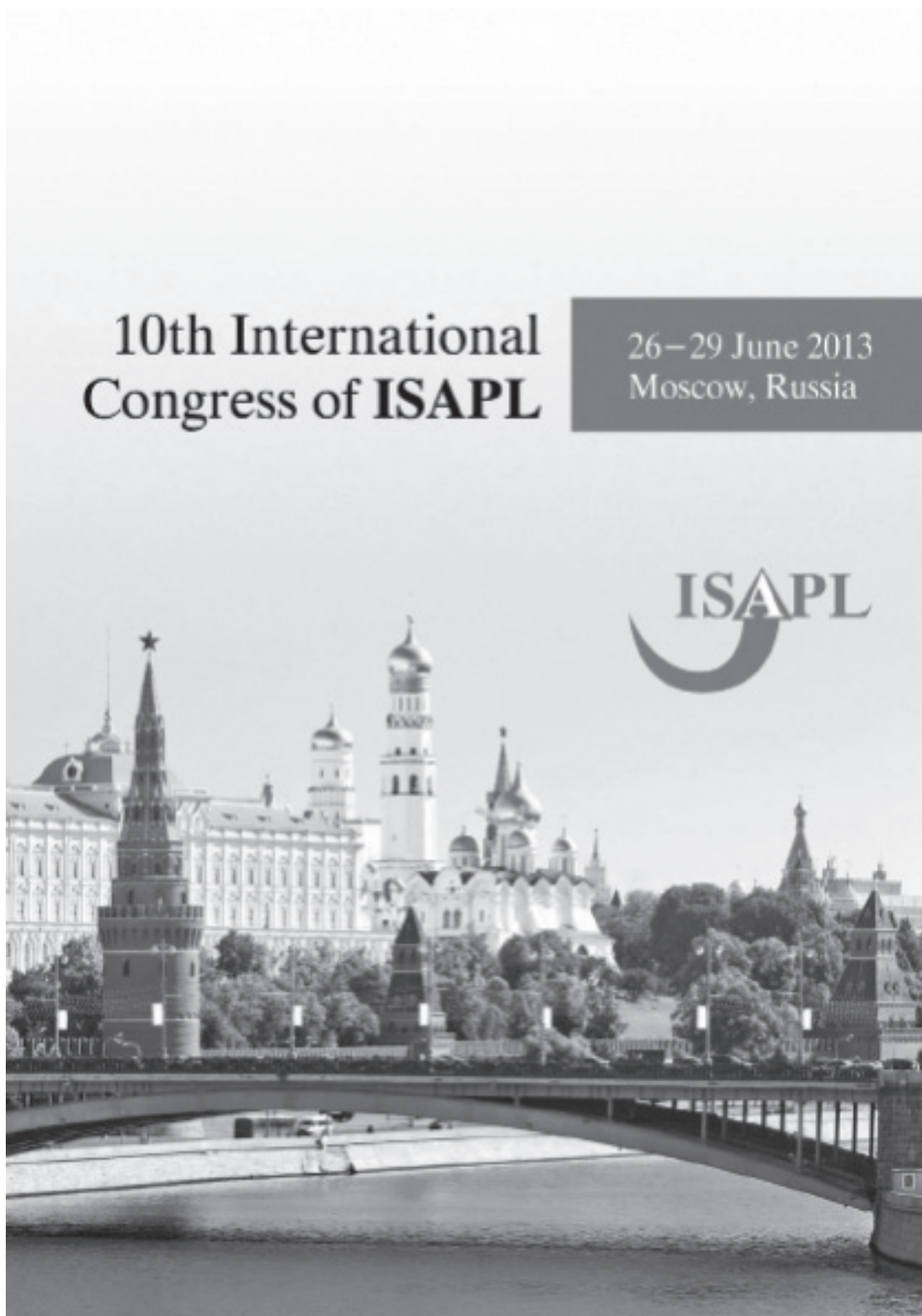
Тревоги мира. Социальные последствия глобализации мировых процессов. Доклад ЮНДРИДС // Издание на русском языке: Институт этнологии и антропологии РАН. – М., 1997.

Хапилина Е.В. Контакты европейских языков на территории Африки: Дис... канд. филол. наук / Е.В. Хапилина. – Саратов, 2005. – 152 с.

10th International
Congress of **ISAPL**

26–29 June 2013
Moscow, Russia

ISAPL

А.С. Бут

УДК 81'23

**ЛЕКСЕМА *ПОНИМАТЬ* В РАМКАХ РЕЧЕВОГО ЖАНРА ПРОСЬБЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДРАМ А.П. ЧЕХОВА)¹**

В данной статье рассматривается содержание речевого жанра просьбы с лексемой *понимать* в чеховском драматическом тексте. В ходе анализа исследуются широкое и узкое понимание просьбы, эксплицированные и имплицитно осуществляемые формы речевого жанра просьбы с лексемой *понимать* в пьесах А.П. Чехова. Описывается двойственная природа речевого жанра просьбы о понимании, охарактеризованы типичные способы реализации эксплицированного речевого жанра просьбы о понимании у Чехова.

Ключевые слова: речевой жанр, просьба, понимание, психоэмоциональный и рациональный, экспликация и импликация.

A.S. Bout

**THE LEXEME *UNDERSTAND* IN THE REQUEST SPEECH GENRE
(BASED ON THE STUDY OF A.P.CHEKHOV' PLAYS)**

The article deals with the content of the request speech genre which includes the consideration of the lexeme *understand* in Chekhov's plays. It analyses broad and narrow meanings of the request expression, explicit and implicit forms of the request speech genre with the lexeme *understand*. Furthermore, the article describes the dual nature of the request speech genre with the lexeme *understand*, general ways of expressing explicit request genre of understanding in Chekhov's works.

Key words: speech genre, request, understanding, psychoemotional and rational, explication and implication.

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 8009 «Языковые параметры современной цивилизации».

Наша идея рассмотреть РЖ просьбы с лексемой *понимать* в драмах А.П. Чехова возникла неслучайно – у Чехова лексема *понимать* употребляется столь часто, что не может не привлечь внимание исследователя, пытающегося уловить ключевые идеи чеховского драматического текста. Приведём несколько примеров.

Иванов. Все это правда, правда... Вероятно, я страшно виноват, но мысли мои перепутались, душа скована какою-то ленью, и я не в силах понимать себя. Не понимаю ни людей, ни себя... <...> («Иванов»).

Нина. В последнее время вы стали раздражительны, выражаетесь все непонятно, какими-то символами. И вот эта чайка тоже, по-видимому, символ, но, простите, я не понимаю... (Кладет чайку на скамью.) Я слишком проста, чтобы понимать вас («Чайка»).

Ирина. <...> а время идет, и все кажется, что уходишь от настоящей прекрасной жизни, уходишь все дальше и дальше, в какую-то пропасть. Я в отчаянии, я в отчаянии! И как я жива, как не убила себя до сих пор, не понимаю... («Три сестры»).

Многочисленное, постоянное присутствие в драматическом тексте Чехова лексемы *понимать* коррелирует с наблюдениями, сделанными исследователями в отношении чеховской коммуникации, а именно её постоянным нарушением. Так, в работе А.Д. Степанова [Степанов 2005], которая так и называется «Проблемы коммуникации у Чехова», анализируется то, что автор книги называет «отсутствием контакта» – это прерывность любовных объяснений; речевые дефекты, косноязычие героев; лишние жесты, повторы; слишком громкая или слишком тихая речь и так далее. Отмечая сбой в чеховской коммуникации, М.Л. Ковшова пишет о том, что у Чехова реплики брошены и не «подняты», что герои Чехова ведут не диалог, а паузу, которую иногда прерывают словами, но к которой постоянно возвращаются, не зная, что сказать. Например:

В пьесе «Три сестры» Ирина и Тузенбах говорят перед роковой дуэлью:

Тузенбах. <...> Скажи мне что-нибудь.
Пауза.

Скажи мне что-нибудь...

Ирина. Что? Что?..

Тузенбах. Скажи мне что-нибудь.

Ирина. Что? Что сказать? Что?

Тузенбах. Что-нибудь.

Ирина. Полно! Полно!

Пауза. <...>

Тузенбах. Ирина!

Ирина. Что?

Тузенбах (*не зная, что сказать*). Я не пил сегодня кофе.

О проблеме коммуникации в чеховском тексте есть также работы Н.В. Изотовой [Изотова 2006] и Н.А. Кожевниковой [Кожевникова 2011].

Мы сказали, что лексема *понимать* является константой чеховских драм, и это действительно так. В нашей работе в целом исследуются различные контексты её употребления, наиболее частым среди которых является имперфектная (несов.в.) форма употребления обычно в индикативе, в составе повествовательных, а также вопросительных предложений и часто с отрицанием. Например, в пьесе «Иванов»:

Анна Петровна. Останься!.. (Пауза.) Я тебя не понимаю. Это целый год продолжается. Отчего ты изменился?

Саша. Николай Алексеевич, я понимаю вас. Ваше несчастье в том, что вы одиноки. Нужно, чтобы около вас был человек, которого бы вы любили и который вас понимал бы.

Иванов. Ах, боже мой! Неужели вы себя понимаете?

Однако в данной статье мы решили сосредоточиться на исследовании лексемы *понимать* в речевом жанре просьбы, и это не случайно: содержание речевого жанра просьбы с данной лексемой состоит в важнейшем для чеховских драм идее – в призыве к пониманию.

Оговоримся сразу, что РЖ просьбы можно трактовать узко и широко. Вплоть до того, что всё, сказанное одним коммуникантом – другому можно считать просьбой о понимании как необходимом условии их общесоциального существования. В широком понимании, любое высказывание может быть проинтерпретировано как просьба или, во всяком случае, как императивное сообщение.

Так, В.П. Москвин, анализируя косвенные речевые акты, приводит пример «из окна дует» и отмечает, что собеседником это может быть воспринято как косвенный речевой акт просьбы (просьба закрыть окно) [Москвин 2012]. Приведём ещё пример: фраза «как бы я хотела сходить на этот спектакль» звучит как просьба «прошу тебя, постарайся купить билеты и пригласить меня на этот спектакль» и так далее.

Так же и просьба о понимании может быть эксплицированной в побудительных императивных высказываниях: *Прошу тебя понять. Пойми же, наконец*, а может существовать имплицитно и извлекаться из сказанного.

Мы рассматриваем в нашей работе как эксплицированные формы РЖ просьбы с лексемой *понимать* в драмах Чехова, так и имплицитно осуществляемый РЖ просьбы о понимании.

Говоря о русской просьбе, Анна А. Зализняк пишет, что для каждого из участников данной ситуации «предполагается наличие некоторых «добрых чувств» по отношению к другому» [Зализняк Анна А. 2005: 284]. В отношении эксплицированной просьбы, Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1999], пишет о её реализации в прескриптивном диалоге (make-do discourse), основанном на деятельностном общении: говорящий предписывает некоторое действие адресату-исполнителю.

Придерживаясь концепции речевых жанров Т.В. Шмелёвой [Шмелёва 1990], мы определяем речевой жанр просьбы как императивный. Как любое побуждение, согласно Ю. Д. Апресяну, «императив — это сообщение о желании говорящего, чтобы адресат выполнил определённое действие, и попытка каузировать его выполнение адресатом» [Апресян 1974: 22]. Просьба представляет собой особый жанр, характеризующийся речевым взаимодействием коммуникантов: говорящий, заинтересованный в выполнении желаемого действия, побуждает адресата к действию, направленному в пользу говорящего, однако отклик со стороны адресата может быть как положительным (согласие), так и отрицательным (отказ).

Это можно записать так: «Я прошу тебя, чтобы ты сделал нечто». В ситуации конкретной просьбы — о понимании — вышеизложенное нуждается в уточнении и записывается таким

образом: «Я прошу тебя понять меня (= мои чувства/мои поступки/моё состояние/мой внутренний мир и т.д.)».

РЖ просьбы может переходить в РЖ приказа и наоборот. Известно, что просьба явиться в такой-то кабинет к такому-то часу только по форме является просьбой, а по сути — приказом. Однако когда мы говорим о просьбе понимать, это может быть только просьба. Даже в педагогической реплике по отношению к ребёнку: - Пойми это раз и навсегда! — будет больше призыва, чем приказа, команды. Процесс понимания, описывающийся ментальными глаголами, характеризует область человеческого бытия, которая охвачена мыслью. Соответственно приказать кому-то понять не представляется возможным. Можно только просить, молить или призывать к этому.

Кстати сказать, РЖ просьбы о понимании характерен не только для чеховской, но для русской речевой коммуникации в целом. Приведём несколько примеров из Национального корпуса:

Поймите, что язык может скрыть истину, а глаза — никогда! [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940), ruscorgpora].

Но ты пойми, о какой любви я говорю. [А. И. Куприн. Гранатовый браслет (1911), ruscorgpora].

Жаль мне смотреть-то на неё, пойми ты это, Кулигин. [А. Н. Островский. Гроза (1860), ruscorgpora].

Ты пойми, ты пойми только, баран ты: я смиренный, сегодня смиренный, завтра смиренный, а потом и несмиренный, сгрубил; пряжку тебе, и пошёл вольнодумец!.. [Ф. М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846), ruscorgpora].

Я Грушеньке не могу быть родней, публичной девке, прошу понять-с! [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880), ruscorgpora].

Милостивая государыня, Воспоминание о вас для вашего сына может повести к вопросам с его стороны, на которые нельзя отвечать, не вложив в душу ребенка духа осуждения к тому, что должно быть для него святыней, и потому прошу понять отказ вашего мужа в духе христианской любви. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878), ruscorgpora].

... Вы поймите, что любовь приходит без нашего ведома, не по закону... [М. П. Арцыбашев. Жена (1905), ruscorgpora].

— Да пойми же ты, наконец, что я в тебя влюблён! — вскричал он. [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963), ruscorgora].

И вишнёвый сад, и землю необходимо отдать в аренду под дачи, сделать это теперь же, поскорее — аукцион на носу! Поймите! Раз окончательно решите, чтоб были дачи, так денег вам дадут сколько угодно, и вы тогда спасены. [А. П. Чехов. Вишневый сад (1904), ruscorgora].

Ведь так ясно, чтобы начать жить в настоящем, надо сначала искупить наше прошлое, покончить с ним, а искупить его можно только страданием, только необычайным, непрерывным трудом. Поймите это, Аня. [А. П. Чехов. Вишневый сад (1904), ruscorgora].

Эти и другие многочисленные примеры доказывают, что речевой жанр просьбы и лексема *понимать* в русской лингвокультуре прочно связаны.

Но о каком понимании идёт речь в жанре просьбы Чехова? О каком понимании мы постоянно говорим, в том числе в рамках речевого жанра просьбы?

Понимание является одним из важных когнитивных процессов, поэтому не удивительно, что во всех языках (в том числе в русском) присутствуют слова лексико-семантической группы *понимания*.

В Малом академическом словаре русского языка приводится пять значений: 1. уяснить себе, уразуметь смысл, сущность, содержание чего-либо, постичь что-либо. 2. найти в ком-либо близкие себе мысли, взгляды; признать, оценить по достоинству. 3. иметь тот или иной взгляд, ту или иную точку зрения на кого-, что-либо. 4. быть сведущим, хорошо разбираться в чём-либо. 5. иметь какое-либо мнение о ком-либо.

В большей мере, это и другие словарные толкования описывают понимание как когнитивный односторонний мыслительный процесс, делая акцент на рациональной составляющей данного ментального акта — понимать. Однако мы считаем, что у лексемы *понимать* в русской и в том числе чеховской коммуникации на первый план выходит психоэмоциональная составляющая данного ментального действия или, возможно, состояния. Именно это — не рациональное, а эмоциональное понимание в

большей мере отвечает русской ментальности и в этом смысле постоянно реализуется в речи.

В связи с этим мы опираемся на семантическую структуру глагола *понимать* (1.5 'чувствовать'), разработанную Б.Л. Иомдиным [Иомдин 2006: 549], и взятую им в коммуникативном аспекте, но модифицируем её. Наше определение имеет следующий вид:

«А понимает В = А способен (расположен) чувствовать (разделять или принимать) мысли, чувства (переживания, желания, просьбы, качества) В, и поэтому говорящему кажется, что А понимает В».

Из данного определения видно, что понимание направлено на другого человека, здесь в фокусе — состояние, которое мы считаем возможным назвать психоэмоциональным пониманием и в таких условиях мало только когнитивного понимания.

Соответственно и РЖ просьбы имеет двойственную природу: может взывать о понимании к уму (интеллекту) или чувствам (душе) коммуниканта. В драмах Чехова лексема *понимать* в жанре просьбы в очевидно большей степени выражает психоэмоциональное значение.

Приведём несколько примеров понимания когнитивного характера:

Боркин. <...> А если оба берега будут наши, то, понимаете ли, мы имеем право запрудить реку. Ведь так? Мы мельницу будем строить, и как только мы объявим, что хотим запруду сделать, так все, которые живут вниз по реке, поднимут гвалт, а мы сейчас: коммен зи гер, - если хотите, чтобы плотины не было, заплатите. *Понимаете?* Заревская фабрика даст пять тысяч, Корольков три тысячи, монастырь даст пять тысяч... («Иванов»).

Дуняша. Не знаю уж как... Человек он смиренный, а только иной раз как начнет говорить, ничего не поймешь. <...> («Вишнёвый сад»).

Медведенко. <...> Не понимаю... Вы здоровы, отец у вас хотя и небогатый, но с достатком. Мне живется гораздо тяжелее, чем вам. <...> («Чайка»).

Теперь сравним вышеизложенное с примерами понимания в психоэмоциональном смысле:

Андрей. <...> За что, за что я полюбил вас, когда полюбил - о, ничего не понимаю.

<...> («Три сестры»).

Иванов. <...> День и ночь болит моя совесть, я чувствую, что глубоко виноват, но в чем собственно моя вина, не понимаю. <...> («Иванов»).

Маша. <...> По-вашему, нет большего несчастья, как бедность, а по-моему, в тысячу раз легче ходить в лохмотьях и побираться, Чем... Впрочем, вам не понять этого... («Чайка»).

Андрей. <...> Я люблю Наташу, это так, но иногда она мне кажется удивительно пошлой, и тогда я теряюсь, не понимаю, за что, отчего я так люблю ее, или, по крайней мере, любил... («Три сестры»).

Безусловно, мы исходим из единства понимания как рационального (когнитивного) и психоэмоционального. Ментальный процесс понимания включает в себя оба аспекта, которые в коммуникации проявляют себя, и тот и другой. Однако в чеховской драматической коммуникации превалирует психоэмоциональный аспект. Метод сплошной выборки показал, что психоэмоциональный контекст оказывается более многочисленным и выразителями психоэмоционального непонимания оказываются главные герои чеховских драм. Это Михаил Васильевич Платонов в пьесе «Безотцовщина», Иван Петрович Войницкий в «Дяде Ване», Андрей Сергеевич Прозоров в «Трёх сёстрах» и другие.

Просьба о понимании эксплицируется персонажами Чехова в императивных предложениях с самой лексемой *понимать*. Методом сплошной выборки мы выявили типичные способы реализации эксплицированного речевого жанра просьбы о понимании у Чехова, она представлена следующим образом: форма 1 л. повелительного наклонения с окончанием –И и форма 2 л. повелительного наклонения с окончанием –ТЕ. Часто добавляется усиленная частица *же*, превращающая просьбу в мольбу. Например:

Анна Петровна (подходит к нему). <...> Пойми же наконец, Платонов! Я отдохнуть хочу... Забыться, и больше мне ничего не нужно... Ты не знаешь... Ты не знаешь, как тяжела для меня жизнь, а я... жить хочу! («Безотцовщина»).

Платонов. <...> Пойми же! Если моя

совесть не принимает твоей любви, то только потому, что она глубоко убеждена в том, что ты делаешь непоправимую ошибку... («Безотцовщина»).

Лексема, выражающая просьбу, локализована в сильной позиции: либо в начале, либо в конце высказывания. Что ещё больше усиливает выражение побуждения и ставит именно на этом акцент в предложении.

Функционирование лексемы в определённо-личных предложениях также указывает на конкретную адресацию просьбы. Приведём несколько примеров такого употребления:

Анна Петровна. <...> Понимайте это, милый пустослов, как хотите, и если вам угодно, чтобы я не уехала из прекрасных здешних мест, то не напоминайте мне о чести и не трогайте моих гусей... <...> («Безотцовщина»).

Ольга. Пойми, милая... мы воспитаны, быть может, странно, но я не переношу этого. <...> («Три сестры»).

Платонов. <...> Не понимай, мое сокровище, не ведай, если хочешь любить меня! («Безотцовщина»).

Елена Андреевна (берет его за руку). Вы не любите ее, по глазам вижу... Она страдает... Поймите это и... перестаньте бывать здесь. («Дядя Ваня»).

Считаем возможным связать форму выражения просьбы у Чехова с очень важной для него темой эмоциональной глухоты, поэтому чеховские герои отчаянно взывают к собеседнику, выражают свою просьбу о понимании очень эмоционально и местами агрессивно, что подкрепляется на письме восклицательным знаком.

Приведём несколько примеров такой просьбы о понимании у Чехова:

Лопухин. Я вас каждый день учу. Каждый день я говорю все одно и то же. И вишневый сад, и землю необходимо отдать в аренду под дачи, сделать это теперь же, поскорее - аукцион на носу! Поймите! («Вишнёвый сад»).

Платонов. Сохрани тебя бог понимать! Не понимай! Да будет земля на китах, а киты на вилах! Где мы брали бы себе постоянных жен, если бы вас не было, Саши? (Хочет ее поцеловать.) («Безотцовщина»).

Софья Егоровна. Мишель! Ведь новая

же жизнь... *Пойми* ты это!.. Слушайся, Мишель, меня! Пусть всё будет по-моему! У меня свежей голова, чем у тебя! Верь мне, мой дорогой! Я подниму тебя на ноги! <...> («Безотцовщина»).

Другие глагольные формы также в определённых условиях выступают в функции предиката побудительных предложений (глаголы в формах изъявительного, сослагательного наклонений, инфинитив) и выражают некоторые оттенки просьбы. Но подобных примеров гораздо меньше и на их основе нельзя выявить прототипическую модель просьбы.

Об имплицитной просьбе говорить сложнее, так как в данном случае высока степень субъективности восприятия. Однако можно опираться на такие её маркеры, как многоточие, авторские ремарки, эмоционально окрашенная лексика и т.д.

Львов. Говорю я ясно и определено, и не может меня *понять* только тот, у кого *нет сердца...*

Саша. Вот теперь и подумайте: *понимаете* вы себя или нет? <...> (*Берет Иванову за руку.*) Пойдем отсюда, Николай! Отец, пойдем!

Не только сама лексема *понимать*, но и её семантические аналоги также являются предметом нашего рассмотрения, в том числе и в имплицитном виде просьбы. Приведём пример из пьесы «Иванов»:

Анна Петровна. И начинаю я также *удивляться* несправедливости людей: почему на любовь не отвечают любовью и за правду платят ложью? <...>

Однако этот вопрос требует отдельного изучения и в данной статье он не является объектом исследования.

Подводя итоги данной статьи, можно сделать несколько выводов: лексема *понимать* в речевом жанре просьбы максимально эксплицирует ключевую чеховскую – и шире – русскую идею коммуникации, её смысл.

Кроме того, речевой жанр просьбы о понимании может быть выражен эксплицировано – глаголом *понимать* в форме императива, индикатива, инфинитива или сослагательного наклонения.

Просьба о понимании может присутствовать имплицитно и исследоваться в соединении с другими знаками нарушения коммуникации у А.П. Чехова.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1974. – 368 с.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д.* Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 280–288.
- Изотова Н.В.* Диалогические структуры в языке художественной прозы А.П. Чехова: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – М., 2006. – 58 с.
- Иомдин Б.Л.* Языковая модель понимания // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М., 2006. – С. 517–612.
- Ковшиова М.Л.* Не совсем слова в драматическом тексте Чехова // Критика и семиотика. – Новосибирск–Москва, 2012. – С. 280–295.
- Кожевникова Н.А.* Стил Чехова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 487 с.
- Москвин В.П.* Риторика и теория коммуникации: Виды, стили и тактики речевого общения. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984.
- Степанов А.Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 400 с.
- Шмелева Т.В.* Речевой жанр: возможности описания и использования в преподавании языка / Т.В. Шмелева // Russistik. Русистика. Берлин, 1990. – №2. – С. 20–32.
- Чехов А.П.* Полное собрание сочинений: В 18-ти тт. – М., 1974–1983. Т. 12. – М., 1978; Т. 13. – М., 1978.

Е.А. Каркищенко

УДК 81'23

**ВИРТУАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОДРОСТКА:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ**

Данная статья посвящена детальному рассмотрению механизмов репрезентации гендерной идентичности подростка в виртуальной реальности посредством анализа личных аккаунтов в социальных сетях, анкетные данные в которых мы рассматриваем как способ конструирования подростком идеального гендерного Я, отражающего основные стереотипы гендерного поведения, существующие в современном обществе.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, гендерные стереотипы, виртуальная личность.

Elizaveta A. Karkishchenko

**VIRTUAL PERSONALITY OF TEENAGERS:
GENDER ASPECT**

This article is devoted to the analysis of the mechanisms of representing gender identity by teenagers in the virtual reality. We regard the social networks as the way of constructing the ideal image of masculinity or femininity with the reflection of the main gender stereotypes of modern society.

Key words: gender, gender identity, gender stereotypes, virtual identity.

В последнее десятилетие механизмы, способствующие гендерной социализации детей и подростков, претерпевают существенные изменения, спровоцированные трансформацией жизнеспособных стереотипов гендерно обусловленного поведения и размыванием границ между ними. Подросток в современном мире оказывается в окружении бесчисленного количества вариантов гендерного поведения, предлагаемых ему референтными группами значимых людей, масс-медиа, литературой. Необходимость выбора собственного инварианта из этого многообразия нередко является причиной сложного процесса интегрирования внешних воздействий и выливается в стремление подростка «примерить» на себя различные идентичности, чтобы определиться в конечном выборе. На сегодняшний день, одним из наиболее доступных и безболезненных способов реализовать внутренние потребности подростка в презентации и опробовании выбранной социальной, культурной и гендерной идентичности является создание и визуальное и лингвистическое оформление личного аккаунта в социальной сети.

Значение виртуального пространства сегодня трудно переоценить. Женщины и мужчины «отрабатывают в интернете модели поведения, которые им не свойственны, но были бы желательны в реальной жизни. Неуверенность в себе, заниженная самооценка – вот те причины, которые служат основой формирования нового интернет-образа и интернет-поведения» [Компанцева 2004: 5]. И нет необходимости отдельно комментировать тот факт, что все, описанное выше, в острой форме проявляется в поведении и самосознании подростка. Итак, отметим, что главное свойство виртуального пространства – зашифрованность личности реального пользователя – дает индивиду уникальную возможность создать свое идеальное виртуальное воплощение, что мы и наблюдаем, анализируя подростковые аккаунты в социальных сетях [Каркищенко 2011].

Мы разделяем позицию И.С. Кона, акцентирующего внимание на том, что «в среде сверстников ребенок испытывает себя как

представителя определенного пола, «обкатывает» полученные в семье гендерные стереотипы и корректирует их в самостоятельном, не регламентированном взрослыми общении» [Кон 2003: 230]. В зоне подросткового ценностного восприятия авторитет семьи постепенно уступает натиску со стороны референтных групп сверстников, а значит, важная особенность подростковой онлайн-активности – не только желание продемонстрировать свою общность со сверстниками, но и стремление отгородиться от взрослых. Ожидается, в таком случае, что подростки будут стремиться затруднить узнавание их сетевых образов и постараются замаскировать их с помощью ложной информации [Кон 2003]. Однако мы утверждаем, что сегодня правомерно говорить о феномене *публичной интимности*, которая выражается в яркой, граничащей с эпатажем, демонстрации собственного опыта – положительного и отрицательного – посредством использования как визуальных материалов (провокационных фотографий и видео), так и лингвистических средств.

По определению, предложенному М. Кронгаузом, публичная интимность – это интимное по сути высказывание, существующее в публичном пространстве. [Кронгауз 2009]. Анализ подростковых аккаунтов в социальных сетях через призму данного понятия представляется нам чрезвычайно важным и актуальным, поскольку позволяет выявить, какие гендерные стереотипы преобладают в подростковой среде на сегодняшний день и каковы основные способы их сознательной и бессознательной репрезентации.

Статистические данные, полученные в 2011 году компанией «The Online Monitor», свидетельствовали о том, что 85% российских подростков в возрасте 12-17 лет проводят большую часть времени в пространстве различных социальных сетей. Такая статистика способствовала тому, что наше исследование было сконцентрировано на изучении аккаунтов самой популярной русской социальной сети «ВКонтакте» (www.vk.com), количество пользователей которой сегодня превышает 45 миллионов, 30% из которых представлены подростками от 12 до 17 лет.

Для контент-анализа мы выбрали страницы 100 пользователей социальной сети Вконтакте от 12 до 17 лет, где было поровну представителей обоих полов. На момент исследования все они являлись учащимися московской средней школы, и мы обладали доступом к полной информации об их настоящих данных. Анализируя аккаунты подростков, в данной работе мы остановимся на рассмотрении некоторых пунктов стандартной информации, которую указывают о себе пользователи – в частности, на заполнении полей «имя», «возраст», «семейное положение», «родственные связи», «образование» и «интересы». Наша гипотеза заключается в том, что в зависимости от гендерной принадлежности подростки будут по-разному манипулировать указанными выше параметрами в целях создания своего более привлекательного, т.е. приближенного к стереотипно-идеальному гендерного образа.

Имя и фамилия. Важная особенность антропонима заключается в том, что он, как правило, не выбирается индивидом самостоятельно. В ходе исследования В.Б. Кашкина выяснилось, что собственные имена нравятся большинству опрошенных, но часто только после 18-20 лет, и 75% информантов сообщили о желании изменить имя в подростковом возрасте [Кашкин 2007]. Анализ результатов, вводимых в поле «имя и фамилия» в сети Вконтакте, частично проиллюстрировал описанные выше выводы, показав, что в 90% случаев девочки предпочитают использовать уменьшительно-ласкательные или нестандартные вариации своего настоящего имени: Катрин Орлова, Лидокся Шурыгина, Нюточка Бабченко, фамилии также в 90% случаев совпадают с настоящими. 40% девочек указывали также свое прозвище: Юличка Vishenka Прокопова, Наталия иНоплАнеТяАШКА Матвеева, Даша **Pafos'ный Teddy** Буренкова, а 85% добавляли позитивно трактуемые графические символы, изображающие сердца, короны или звезды. Интересно, что только 10% девочек использовали никнейм (Злобная Аська, Сладкая Крошка, Пьяная Мартышка) или псевдоним, изменяя свои настоящие имя, фамилию или и то, и другое.

Мальчики-подростки использовали уменьшительные или разговорные варианты употребления своего имени только в 12 случаях из 50: Диман Антонов, Серега Степанов, Тоха Андрейцев. В остальных случаях мальчики использовали полный вариант: Даниил Калугин, Дмитрий Лутаенко, Павел Сыровцев. В 11 случаях это был даже вариант имени и отчества – Александр Сергеевич Сергеев, Артем Андреевич Юрьев. Ни одного случая аналогичного использования имени и отчества среди девочек не встретилось. Включение в поле имени прозвищ или иных значимых фраз встретилось у половины испытуемых: Гурген АРМЯНИН Карпетян, Александр ну допустим Федорович, Сергей ODIN ТАКОI Богуш. Отметим, что в данном случае и на мужских, и на женских страницах большая часть встреченных прозвищ имеет описательный характер, и практически все они были придуманы пользователями самостоятельно как дополнительный инструмент создания образа. Графические символы не были использованы мальчиками ни разу.

Следующий указываемый параметр – **возраст**. 80% мальчиков указали и дату, и год своего рождения. 80% девочек указали свою настоящую дату рождения, но не указали год. Возможно, такие показатели могут быть расценены как отсылка к стереотипному знанию о том, что женщины, как правило, скрывают свой возраст. Но отметим, что в данном случае это скорее связано с желанием выглядеть старше, нежели младше. Любопытным фактом явилось то, что все 20% мальчиков, не указавших год рождения, были учащимися старших классов, что наталкивает нас на мысль, что в этот возрастной период у них тоже возникает потребность выдать себя за более взрослых в виртуальном мире.

На сайте «Вконтакте» среди основных параметров в личной анкете находится пункт «**семейное положение**». Вариантов заполнения данного поля несколько: *женат/замужем; разведен(а); помолвлен(а); есть друг/подруга; встречается с... (имя конкретного пользователя); влюблен(а) (в)...*; *все сложно (с)...*; *в активном поиске; не женат/не замужем*. Таким образом, пользователь имеет

возможность не только указать абсолютно точный статус отношений, в которых он находится, но и афишировать, с кем именно, установив на странице ссылку на аккаунт партнера, если он также является пользователем данной социальной сети.

По итогам анализа данного параметра почти половина девочек (23) независимо от возраста выбрали в графе пункт «все сложно», при этом у 10 к статусу было добавлено имя конкретного пользователя («*все сложно с Игорем Семашко*»). Подобный публичный драматизм объясняется стереотипным стремлением девочек-подростков поместить себя в эпицентр серьезных взаимоотношений, неизбежно связанных в их представлении с трудностями и коллизиями. Не менее популярными вариантами стали статусы «замужем»/«помолвлена» (5/8). В 5 случаях из них девочки меняли свою настоящую фамилию на фамилию мальчика, которого указали как мужа или жениха. Этот факт неоспоримо доказывает стремление девочек как можно быстрее примерить на себя один из основных стереотипных атрибутов брака – смену фамилии и ощущение принадлежности роду избранного мужчины.

Среди женских страниц следующим по популярности вариантом стал статус «не замужем» (8). Однако мы можем рассматривать подобный выбор двояко – не только как открытое признание своего реального государственного статуса незамужней девушки, но и как сохранение покрова тайны в том, что касается личной жизни. При этом второй вариант кажется нам более вероятным, учитывая, например, следующую комбинацию имени и статуса:

*Анечка ***угадай, есть ли у меня кто-нибудь*** Крестовая
не замужем*

Интересно, что только в 2 случаях девочки указали, что они просто встречаются с кем-то, соблюдая в виртуальном пространстве реальный статус жизненных взаимоотношений, и также только в 2 случаях был указан параметр «влюблена». И, наконец, в оставшихся 2 случаях поле статуса вообще не было заполнено.

Подобное распределение подтвердило наше представление о том, что в современной подростковой среде среди девочек по-прежнему активно распространяется стереотип о необходимости серьезных отношений с противоположным полом, полных взаимных обязательств и возможных трудностей, но при правильном развитии заканчивающихся браком (от «все сложно» к «замужем»).

Вопреки нашим предположениям только 11 мальчиков оставили графу «семейное положение» незаполненной. Так, 13 человек выбрали статус «влюблен в...», что почти в 6 раз превышает количество выбравших этот вариант девочек. Также встретились ответы «встречается с...» (8) и «помолвлен» (2). Самым же популярным ответом среди мальчиков стал вариант «в активном поиске», который ни разу не встретился нам среди девичьих статусов.

На основании представленных данных мы не только можем заключить, что среди мальчиков нет ярко выраженного стремления избегать упоминания о своей личной жизни, но даже можем говорить о развившейся в последнее время тенденции мужчин не меньше, чем женщин, во всеуслышание говорить о собственных чувствах, о чем свидетельствует частотность выбора варианта «влюблен в...». Однако подтверждением жизнеспособности основного традиционного стереотипа маскулинного поведения [Каркищенко 2012] служит множественный выбор статуса «в активном поиске», подчеркивающего доминантную позицию мужчины в отношениях и его право самому выбирать себе женщину.

На сайте [«ВКонтакте»](#) есть возможность указать членов своей семьи, и она была использована в 85 из 100 проанализированных нами страниц. Интересно отметить, что из 85 случаев только в 10 из них были указаны реальные братья или сестры, и только в 1 – реальные родители. Во всех остальных 74 случаях и мальчики, и девочки указывали в качестве родственников своих сверстников. Причем зачастую в роли обоих родителей указывались девочки:

*Родители: Нюточка Бабченко и Дашуля
Кислинская*

Подобный факт можно расценить как стремление к созданию семейных и родственных отношений, причем интересно, что больше чем в половине случаев девочки становились виртуальными родителями мальчиков, в чем можно увидеть проявление материнского инстинкта по отношению к друзьям противоположного пола.

Пользователь имеет возможность также рассказать на своей странице обо всех пройденных им образовательных этапах – именно этому посвящена следующая часть анкеты. Не станем комментировать тот факт, что из 100 пользователей 73 указали реальные номер школы и класс, в которых они учатся, а остальные просто не стали заполнять приведенное поле, но остановимся отдельно на графе «высшее учебное заведение».

Как уже говорилось выше, в нашей работе исследовались только аккаунты школьников, однако 34 из 50 мальчиков и 13 из 50 девочек вписали в свою анкету высшее учебное заведение, студентом которого они, таким образом, себя назвали.

Даже при первом взгляде на результаты исследования обращает на себя внимание тот факт, что ложную информацию о высшем образовании разместили на страницах подавляющее число мальчиков и лишь небольшая часть девочек. При этом важно проанализировать то, какие именно вузы и специальности были указаны подростками. Так, из 34 мальчиков 30 указали МГУ им. М.В. Ломоносова – наиболее частотными по упоминанию стали юридический факультет, ВШБ, факультеты госуправления и ВМК. Еще четверо назвали Академию ФСБ (2), МФТИ (1) и РУДН (1). Интересно, что даже выпускники, готовившиеся к экзаменам в другие вузы и училища, были в числе указавших вышеназванные вузы. Из 13 девочек 5 назвали МГУ им. М.В. Ломоносова (указав факультеты философии (2), биологии (1), экономики (1), ВШБ (1)), а оставшиеся 8 указали профильные вузы и училища – школу-студию МХАТ, институт им. Гнесиных, ВГИК.

Данные результаты свидетельствуют о том, что, конструируя собственное виртуальное Я, подростки приукрашивают не только

действительность, но и будущность, и что значимым достижением для них является статус студента одного из наиболее престижных учебных заведений страны. При этом для мальчиков таковым является МГУ им. М.В. Ломоносова и некоторые другие, по большей части, технические или специализирующиеся на престижных в данный момент профессиональных направлениях вузы. Среди девочек же подобное стремление представлено в меньшей степени (по количественным показателям), а в качестве престижной рассматривается самореализация в сферах искусства. Данные показатели также подтверждают выводы о существовании и функционировании в современном российском обществе стереотипов о гендерно предпочтительных профессиях, транслируемых детям и подросткам посредством учебной и досуговой литературы и школьным окружением [Каркищенко 2012].

Следующий параметр – **интересы** – особенно важен для нас с точки зрения лингвистического анализа, поскольку здесь, в отличие от предыдущих полей, у пользователя есть возможность заполнить его самостоятельно, а не выбрать одну из предлагаемых позиций.

Стиль заполнения девочками поля «интересы» варьируется от разговорного с использованием сленга (реже – обсценной лексики) до книжного: *«люблю слушать музон», «мое предпочтение – классическая английская рок-музыка середины XX века»*. В 28 случаях девочки предпочли вариант простого перечисления пунктов, однако в оставшихся случаях был использован вариант развернутого ответа: *«читать, конечно, не люблю, но если книжка интересная, то почему бы и не прочитать?»*, *«люблю комедии и романтические фильмы, как все нормальные девушки!!!»*, *«со мной легко – например, я ОЧЕНЬ люблю смотреть, как мальчишки играют в футбол или хоккей»*. Часто встречается гиперкорректное использование знаков препинания – как правило, это многократное повторение восклицательных или вопросительных знаков, использование многоточий с увеличенным количеством точек. Высока частотность использования прописных букв для выделения

слова или даже целой фразы и обращения к графическим символам – эмоджонам, звездочкам или специальной символике, предлагаемой сайтом, – сердечкам, зонтикам и др. Подытоживая сказанное, можно утверждать, что в подобной тенденции прослеживается стремление девочек создать на своей странице нечто похожее на полное и интересное досье на свою личность – использование полных предложений и разного рода украшений страницы превращает ее в вариант виртуального дневника и позволяет отойти от сухого формата анкетирования.

Интересно, что из 50 проанализированных страниц мальчиков только в двух случаях нам встретился развернутый ответ в этом поле: «никаких интересов, только дача и пьянки там» и «много всего, а больше всего хней заниматься». Во всех остальных случаях мальчики использовали простое перечисление, не прибегая ни к каким дополнительным знакам препинания кроме запятых и не используя ни прописных букв, ни графических символов. Из вышесказанного можно сделать вывод, что для мальчиков страница в социальной сети как раз и является анкетой, должной включать в себя только самую необходимую информацию.

Анализ интересов, указанных мальчиками и девочками, подтвердил нашу гипотезу о том, что стандартные стереотипы маскулинных и фемининных интересов [Каркищенко

2012] реализуют себя и в жизни. Так, девочки, в основном, указали стандартные женские интересы: «танцы» (30), «косметика»/«мэйкап» (18), «шопинг» (8), «мода»/«откутюр» (7), «чтение» (16), «готовка» (16), «вышивание» (6), «спорт» (3), а мальчики – стандартные мужские: спорт (42), девушки (38), тусовки (35), машины (21), политика (18), неформальность (10), экстрим (8), техника (6), программирование (3), пьянки (3).

Результаты проведенного нами исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о том, что сегодня аккаунт в социальной сети демонстрирует широкий спектр основных гендерных установок подростков, реализуемых ими в процессе заполнения стандартной анкеты, сопутствующей заведению личной страницы. В ходе исследования мы смогли убедиться в наличии значительной и значимой дельты между ответами подростков, принадлежащих к разным гендерам, и приблизились к пониманию того, какие гендерные стереотипы существуют сегодня в подростковой среде и какие признаки и поведенческие черты являются позитивно и негативно оцениваемыми. Таким образом, мы можем заключить, что сознательно избираемая форма существования в социальной сети может быть рассмотрена как акт репрезентации представлений подростка о собственной гендерной идентичности и реализации стереотипов поведения, соответствующих определенному гендеру.

Список литературы

- Каркищенко Е.А. Гендерная коммуникация в современной школе // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МАКС-ПРЕСС, 2012. – Вып. 44. – С. 31–38.
- Каркищенко Е.А. Гендерная самоидентификация подростков в социальных сетях // Наука сегодня: теоретические аспекты и практика применения, ч. 6. – Тамбов: ТРОО, 2011. – С.75–77.
- Каркищенко Е.А. Популярная психологическая литература для подростков как способ формирования гендерных стереотипов // Гуманитарные и социальные науки, 2012. – №1. – С. 787–789. // Электронное издание. URL: <http://www.hses-online.ru/2012/01/konf/39.pdf>
- Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации. – М.: АСТ Восток-Запад, 2007. – 256 с.
- Компанцева Л.Ф. Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве. – Луганск: Альма-матер, 2004. – 404 с.
- Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Академия, 2003. – 336 с.
- Кронгауз М. Публичная интимность // Знамя, 2009. – № 12. – С. 162–167.
- Отчет по 19-й волне исследования «Онлайн Монитор» [Электронный ресурс] / http://www.onlinemonitor.ru/files/images/Report_Russia_2011.pdf

Ч.С. Цыбенова

УДК 81'23

**АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ: НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТЫВА**

Статья посвящена особенностям языкового сознания двуязычных тувинцев, в частности, исследованию его структуры и содержания, а также стратегий ассоциирования. На материале ассоциативного эксперимента рассматривается взаимосвязь внешних и внутренних факторов языкового функционирования.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, языковое сознание, билингв, индекс стереотипности, тувинский язык, Республика Тыва.

Chechek S. Tsybenova

**ASSOCIATIVE EXPERIMENT IN THE STUDY OF A LANGUAGE
SITUATION:
THE CASE OF THE REPUBLIC OF TYVA**

The peculiarities of linguistic consciousness of Tuvan bilinguals, particularly, its structure and maintenance, as well as the types of associative strategies are considered. On the data of the associative experiment the author concerns the interaction of internal and external language functioning factors.

Key words: associative experiment, linguistic consciousness, bilingual, stereotyping index, the Tuva language, the Republic of Tyva.

Исследование языковой ситуации в отечественной лингвистике традиционно проводится в русле социолингвистической парадигмы и представляет совокупный анализ составляющих его компонентов во взаимосвязи с внешними факторами. В условиях полипарадигматизма современной лингвистики, предполагающего изучение объекта одновременно по разным направлениям, в разных парадигмах знания [Кубрякова 1994: 4], все более продуктивным и перспективным становится применение интегративного подхода к исследуемым явлениям. В связи с этим, кроме анализа объективных факторов функционирования языков в обществе необходимо обратить внимание на изучение действия внутренних, психолингвистических факторов сохранения или исчезновения миноритарных языков [Бурятско-русский билингвизм 2010: 12].

Одним из способов исследования внутренних механизмов взаимодействия и взаимовлияния языков можно считать ассоциативный эксперимент. Основным преимуществом ассоциативного эксперимента является то, что он дает возможность вербализовать неосознаваемые слои сознания в виде образов, т.е. выведение невербального на наблюдаемый, поверхностный уровень. Данный метод эффективен не только при выявлении образов языкового сознания, также он позволяет объяснить внешние проявления языковых процессов. Так, например, внешнее проявление неаутентичности второго языка, называемое *Lingua Franca*, можно объяснить внутренним феноменом фоссилизации (англ. – *окаменение*) [Бурятско-русский билингвизм 2010: 13–14].

Первоначально рассматриваемый исключительно в рамках психологических теорий на сегодняшний день ассоциативный эксперимент считается наиболее универсальным методом, применяемым различными отраслями лингвистики. Специалисты различают три вида ассоциативных экспериментов – свободный, направленный и цепной, среди которых свободный ассоциативный эксперимент зарекомендовал себя

относительно простым в проведении и высокоинформативным при рассмотрении как теоретических, так и практических вопросов ряда лингвистических дисциплин [Горошко 2005: 54-55]. В целом подходы, посредством которых интерпретируются полученные результаты, разнообразны и обусловлены целью и задачами конкретного исследования.

В рамках комплексного исследования языковой ситуации в Республике Тыва (РТ), проведенного в 2009-2010 гг., нами была предпринята попытка проследить посредством свободного ассоциативного эксперимента особенности содержания и структуры образов языкового сознания тувинцев-билингвов. Основной задачей было проведение сопоставительного анализа стратегий ассоциирования на предъявленные стимулы, содержания и структуры ассоциативных полей на тувинском (родном) и русском (втором) языках. Предполагалось, что такое сопоставление покажет не только опосредованную картину взаимодействия и взаимовлияния указанных языков на когнитивном уровне, но и позволит в определенной степени объяснить «внешнее проявление» уровня владения тувинцев-билингвов данными языками.

С этой целью ассоциативный эксперимент был включен в качестве одного из заданий в комплексную анкету из 27 вопросов, распределенных на две части: социолингвистическая – 24 вопроса и лингвистическая – 3. Собственно эксперимент состоял из 51 слов-стимулов, представляющих собой наиболее культурно значимые смыслы для тувинцев, и входил во вторую часть анкеты, результаты которой должны были в определенной степени подтвердить или опровергнуть данные, полученные на вопросы социолингвистической части.

Всего в анкетировании приняло участие 635 респондентов – носителей тувинского языка. Для анализа результатов ассоциативного эксперимента были отобраны по 100 анкет на тувинском и русском языках независимо от половозрастных и социальных характеристик испытуемых (всего – 200 анкет), т.к. предполагается, что

принадлежность к определенному языку, народу, одной культуре делает центр ассоциативного поля достаточно стабильным, а связи – регулярно повторяющимися [Швец 2005: 13]. В итоге, по всему массиву было получено 3664 разных реакций на обоих языках, из них на русском – 2154, на тувинском – 1510.

Полученный материал был распределен согласно общепринятой классификации реакций по типам ассоциативной связи. Вслед за М.В. Завьяловой, мы выделяем следующие типы ассоциативной связи: контрастные (реакции, основанные на противопоставлении по какому-либо признаку), координированные (реакции, основанные на сходстве по какому-либо признаку), синтагматические (реакции, основанные на соположении элементов, построении минимального контекста) и смежные (реакции, основанные на ситуативной смежности

объектов) [Завьялова 2001: 65]. Кроме этого, материал исследования показал необходимость выделения межъязыковых реакций, определяемых как переводные эквиваленты в ассоциациях [Лещенко 2006: 54]. Количественный и качественный анализ обработанного материала был проведен по следующим параметрам:

- стратегии ассоциирования;
- количественным показателям (уровню стереотипности и частотности реакций);
- содержанию ассоциативных полей.

По схожести и различию стратегий ассоциирования были обработаны и проанализированы первые три наиболее частотные реакции на каждый стимул, общее количество которых составило 4827, из них на тувинском языке – 2777, на русском языке – 2050. Содержание и структура ассоциативных полей представлены в следующей таблице (см. табл. 1).

Таблица 1.
Содержание и структура ассоциативных полей на русском и тувинском языках

Ответы тувинцев-билингвов			
на русском языке		на тувинском языке	
сти-мул	реакции	стимул	реакции
конь	<i>красивый (8); быстрый (6); скакун (5)</i>	аът	<i>мал – собирает. скот (26); чүгүрүк – быстрый (12); эзер – седло (7)</i>
тайга	<i>лес/а (12); природа, зеленая, гора/ы (6); глухая (5)</i>	тайга	<i>(оран) таңды – Вселенная (16); сын/нар – горы/горные цепи (15); арга (арыг/ыяш) – лес (чистый/парн. сущ. лес) (11)</i>
три	<i>поросенка, (счастливое) число (8); богатыря (7); розы, сестры, брата, оценка, цифра, четыре (4)</i>	үш	<i>сан – цифра, число (23); ожук – тренога (19); (багай, ортумак) демдек – оценка (плохая, удовлетворительная) (10)</i>
небо	<i>голубое (42); синее (с облаками) (10); чистое (9)</i>	дээр	<i>көк – синий (25); ак-көк – голубой (15); аяс – чистый (13)</i>
юрта	<i>белая (15); дом (10); тувинская, круглая, бабушка (5)</i>	өг	<i>кидис – войлочная юрта (13); бүле/м – парн. сущ. семья/моя семья (12); аал – чабанская стоянка (11)</i>
солнце	<i>теплое (18); яркое (14); жарко/а (6)</i>	хүн	<i>(чын) чырык – яркое/ясное (усилит. очень яркое) (20); изиг – знойное/горячее/жаркое (13); чылыг – теплое/теплота, дун – ночь (6)</i>

семь	<i>(счастливое, священное) число (18); дней, радуга (7); восемь (6)</i>	чеди	<i>Хаан сылдыс</i> – созвездие Большой Медведицы (56); <i>сан</i> – цифра, число (13); <i>сылдыс</i> – звезда/звезды (8)
отец	<i>родной (12); мать/мама (8); добрый, строгий (6)</i>	ада	<i>ие/м</i> – парн. сущ. родители/мои родители (35); <i>өгбе/м</i> – парн. сущ. предки/мои предки (11); <i>чурт/тум</i> – парн. сущ. родина/моя родина (10)
восток	<i>запад (16); Япония, солнце, дело тонкое (7); восход (солнца), Китай (6)</i>	чөөн	<i>чүк</i> – восток (60); <i>Хемчик</i> – назв. местности Дзун-Хемчик (14); <i>кожуун</i> – восточный район (10)
белый	<i>снег (36); чистота (8); конь (7)</i>	ак	<i>сүт</i> – молоко (30); <i>кара</i> – черный (15); <i>өң</i> – цвет (14)
отара	<i>овцы (41); бараны (7); большая, стадо (5)</i>	сүрүг	<i>мал /маган</i> – собирает скот (51); <i>0</i> (16); <i>чылгы</i> – табун (5)
жизнь	<i>прекрасная/а (12); смерть (11); длинная (5)</i>	чуртталга	<i>амыдырал</i> – жизнь (25); <i>эки</i> – хорошая, <i>узун</i> – долгая, <i>бэжын/ы</i> – жилой дом (7); <i>аас-кежик</i> – счастье (5)
черемуха	<i>вкусная (12); цветет/ущая, ягода/ы (9); белая (8)</i>	чодураа	<i>кат/ды/тар/чимис</i> – ягоды/плоды/ собирает. ягода (32); <i>үнүш</i> – растение (9); <i>(ак) чечээ</i> – (белые) цветы черемухи (7)
уважение	<i>почет/почитание (11); к старым/шим (10); заслужить (надо), авторитет (5)</i>	хүндүткел	<i>бижик</i> – почетная грамота (11); <i>(улуз) кижилер/өгбелер</i> – (старшие) человек/люди/предки (10); <i>биче-сеткил</i> – милосердие/благосклонность (5)
монгол	<i>сосед/и (12); Чингис-Хан (10); нация (9)</i>	моол	<i>дыл</i> – монгольский язык (18); <i>чурт/ту</i> – Монголия (12); <i>(төре) чон</i> – (родственная) нация (8)
семья	<i>большая (14); дети (13); дружная (11)</i>	өг-бүле	<i>ажы-төл</i> – дети (19); <i>найыралдыг</i> – дружная (10); <i>аас-кежик</i> – счастье
аржаан	<i>целебный, источник/чник (10); вода (9); здоровье (8)</i>	аржаан	<i>(эм) суг/суу/суглар</i> – (лечебный) источник/источники (42); <i>эм (дом/таң)</i> – лекарство (парн. сущ. лекарство) (15); <i>кадыкшыл/кадык</i> – здоровье/усеч. здоровье (6)
кадак	<i>белый (17); голубой, уважение (5); религия (4)</i>	кадак	<i>ак</i> – белый (15); <i>хүрээ</i> – храм, <i>хүндүткел</i> – уважение/почет (8); <i>сунар</i> – преподнести, <i>(ак) пөс</i> – (белая) ткань/материя, <i>көк</i> – синий (5)
черный	<i>цвет (11); белый (7); ночь (5)</i>	кара	<i>өң</i> – цвет (20); <i>ак</i> – белый (10); <i>сагыш</i> – плохие помыслы, <i>карактар</i> – черные глаза (7)
хуреш	<i>борьба (национальная/вольная) (27); борцы/ец (11); праздник (6)</i>	хүреш	<i>мөгелер/мөге</i> – борцы/борец (13); <i>Наадым</i> – нац. праздник животноводов (11); <i>оюн</i> – игра/зрелище (10)

Трибуна молодых ученых

горы	<i>высокие (26); Саяны (11); Тува, высота (7)</i>	даглар	<i>бедик – высокая (22); хемнер – реки (11); Тыва – Тува (5)</i>
лама	<i>башкы (15); хурээ (11); уважение (5)</i>	лама	<i>башкы – учитель (54); хам/нар – шаман/шаманы (12); хурээ – храм (9)</i>
юг	<i>тепло/та (16); жаркий (13); север (10)</i>	мурнуу	<i>чүк – юг (71); хүн – солнце, чөөн – запад (5); изиг чурт – теплая страна (3)</i>
свобо-да	<i>слова (14); жизнь (8); отдых, дорога, небо (4)</i>	хосталга	<i>θ (14); амыдырал/чуртталга – жизнь (10); тиилелге – победа (7)</i>
молоко	<i>белое (17); вкусное (12); корова (8)</i>	сүт	<i>(ак) чем – (белая) пища (28); ак – белая (17); Хөл – назв. местности Сут-Хол (8)</i>
луна	<i>ночь (22); круглая (9); полная (8)</i>	ай	<i>хүн – солнце (23); чырык – светлая луна (13); дүн/е/лер – ночь/ночью/ночи (10)</i>
желтый	<i>цвет (18); цветок/ты (11); цыпленок (6)</i>	сарыг	<i>шажын – религия (49); өң – цвет (12); бүрү/лер – лист/листья, чечек/тер – цветок/цветы (5)</i>
девять	<i>(счастливое) число (12); месяцев, драгоценностей/ценностей (10); тос-карак (7)</i>	тос	<i>карак – кропило (24); дээр/им – небеса/ мои небеса (20); эртине – драгоценности/драгоценностей, сан – число (8)</i>
охота	<i>ружье (17); тайга (8); мясо, звери/рь, удачная (6)</i>	аннаар	<i>меңээр – парн.сущ. охотиться (22); тайга/же – тайга/в тайгу (12); боо – ружье (10)</i>
пять	<i>пальцы (21); оценка (пятерка) (17); звезд зд. ресторан «Пять звезд» (12)</i>	беш	<i>салаа/лар – пальцы (23); (эки) демдек – оценка (хорошая) (19); сан – цифра, число (12)</i>
табун	<i>лошадь/и (49); конь/ей/и (13); жеребей/ята/енок (5)</i>	чылгы	<i>(азырал, хөй, өөр, чараш) мал – собирает. скот (домашний, много, красивый) (70); аът/тар – конь/кони (15); аал – чабанская стоянка (3)</i>
зеленый	<i>лес (12); светофор (10); цвет (9)</i>	ногаан	<i>(оът/чаиш) сиген – собирает. зелень (парн. сущ. трава/ молодая) (19); (Бурган өңү) өң – цвет (цвет Бога) (18); Дарийги – Зеленая Тара (имя божества в буддизме) (13)</i>
тувинец	<i>национальность (9); земляк, я, арат, гордый (6); нация, борец (4)</i>	тыва	<i>дыл/ым – тувинский язык/мой язык (26); чон/ум – тувинцы/мои тувинцы (25); чурт/тум – родина/моя родина (19)</i>
запад	<i>восток (17); Европа (9); дикий (8)</i>	барыын	<i>чүк – запад (60); Хемчик – назв. местности Барун-Хемчик (21); кожуун – западный район (8)</i>
работа	<i>деньги (13); трудная, зарплата/заработок, труд (7); тяжелая (6)</i>	ажыл-иш	<i>амыдырал – жизнь (23); акша (төгерик/көпеек) – деньги (собирает. деньги) (8); чуртталга – жизнь (7)</i>

шаман	<i>бубен (20); <u>хам</u> (8); страшный (6)</i>	хам	<i>лама – лама (25); <u>дүңгүр</u> – бубен (18); <u>кижи</u> – шаман (12)</i>
як	<i>Монгун-Тайга (15); животное (12); шерсть (7)</i>	сарлык	<i>мал – собират. скот (23); (<u>дүктүг</u>) <u>инек</u> – корова (волосатая) (13); <u>Моңгун-Тайга</u> – назв. местности (9)</i>
очаг	<i>дом (22); тепло/та (19); семейный (12)</i>	одаг	<i><u>чылыг</u> – теплый очаг (11); (<u>үш</u>) <u>ожук</u> – тренога, <u>көс</u> – угли (10); <u>ыяш</u> – дрова (6)</i>
русский	<i>язык (46); человек (9); тувинец (5)</i>	орус	<i><u>дыл</u> – русский язык (51); <u>кижи/лер</u> – русский/русские (15); <u>чон</u> – народ (8)</i>
артыш	<i>(хороший) запах (10); благовония/е (6); имя, тайга (5)</i>	артыш	<i>(<u>чаагай</u>) <u>чым/ды/тыг</u> – (приятный) аромат/запах (19); <u>айдыс</u> – благовоние (16); <u>шаанак</u> – то же (11)</i>
время	<i>часы (14); деньги (7); свободное (6)</i>	үе	<i><u>шаг</u> – парн. сущ. Время (21); <u>черге/зи</u> – ровесник (9); <u>берге</u> – трудный (8)</i>
родина	<i>Тува (26); мать (16); земля (7)</i>	төрөөн чурт	<i>(<u>Республика</u>) <u>Тыва</u> – (Республика) Тува (35); <u>эргим</u> – любимая (12); <u>чоргаарал</u> – гордость (5)</i>
лиственница	<i>дерево (29); тайга (8); зеленая, лес (7)</i>	дыт	<i>(<u>одаар</u>) <u>ыяш</u> – собират. дрова (для топки) (19); <u>пөш</u> – кедр (12); (<u>чараши</u>) <u>терек</u> – (красивое) дерево (11)</i>
религия	<i>буддизм (26); <u>хүрээ</u> (12); вера (8)</i>	чүдүлге	<i><u>хүрээ</u> – буддийский храм (21); <u>шажын</u> – религия (12); <u>сүзүк/сүзүглел</u> – вера (9)</i>
мясо	<i>еда (13); вкусное, баранина (11); говядина, шашлык (6)</i>	эът	<i>(<u>аъш</u>) <u>чем</u> – пища/собират. еда (41); <u>чаг</u> – жир (9); <u>хой</u> – баранина (9)</i>
перевал	<i>отдых (16); горы/а (13); высокий (9)</i>	арт	<i><u>сын</u> – парн. сущ. перевал (37); <u>бедик</u> – высокий/крутой (14); <u>ажар</u> – проехать через перевал, (<u>эки/узун</u>) <u>орук</u> – (хорошая/длинная) путь/дорога, <u>кыры</u> – вершина (перевала) (7)</i>
голубой	<i>небо (26); цвет (12); вагон (9)</i>	ак-көк	<i><u>дээр</u> – небо (66); <u>хемнер/хем</u> – реки/река (10); <u>Тыва/м</u> – Тува/прит. моя Тува (5)</i>
милосердие	<i>доброта (16); помощь (7); сострадание (5)</i>	биче-сеткил	<i><u>хүндүткел</u> – уважение (14); (<u>эки</u>) <u>кижи</u> – (хороший/добрый) человек (12); <u>эки/иргек</u> – доброта/добрый, (<u>эки</u>) <u>аажы-чаң</u> – (добрый) нрав/характер, <u>буян</u> – милосердие (6)</i>
хоомей	<i><u>сыгыт</u> (19); песня (18); горловое пение (6)</i>	хөөмей	<i><u>сыгыт</u> – парн. сущ. горловое пение (60); <u>уран-чүүл</u> – искусство/ремесло (4); <u>каргыраа</u> – вид горлового пения, <u>ыры/шоор</u> – песня/пение/музыка, <u>Коңгар-оол</u> – зд. известный тувинский исполнитель горлового пения (3)</i>
мать	<i>родная (20); любимая (14); родина (7)</i>	ие	<i><u>ава/лар/м</u> – мать/матери/моя мать (33); <u>эргим</u> – любимая (10); <u>кижи</u> – мать (8)</i>
красный	<i>флаг (16); цвет (10); кровь (7)</i>	кызыл	<i><u>хоорай</u> – город Кызыл (55); <u>өң</u> – цвет (9); <u>тук</u> – красное знамя (6)</i>

Примечание: межъязыковые реакции в таблице подчеркнуты.

Таблица 2.

Доля реакций по типам ассоциативных связей (%)

Тип связи:	Ответы билингов:	
	по-русски	по-тувински
синтагматические	42,00	56,24
координированные	22,09	23,87
смежные	28,73	16,85
контрастивные	2,63	1,94
межъязыковые	3,51	-
нулевые	1,02	1,08

Обработка данных, представленных в таблице 1, показала следующую разницу между стратегиями ассоциирования на тувинские и русские слова-стимулы (см. табл. 2).

Как видим, типы ассоциативных связей на обоих языках практически не отличаются: наибольшую долю составили синтагматические отношения, наименьшую – контрастивные. При этом несколько другая картина наблюдается при координированном и смежном типах связи: в русском материале на втором месте по количеству ассоциации по смежности, а в тувинском – координированные. Кроме этого в русском материале обнаружены межъязыковые типы связи. В целом, сходство полей по стратегии ассоциирования позволили предположить, что респонденты – носители тувинского языка – достаточно хорошо владеют русским языком.

Аналогичное исследование по двуязычным бурятам также выявило наибольшую частотность синтагматических связей. Как считает Г.А. Дырхеева, незначительная разница между ответами-реакциями на бурятском и русском языках косвенно подтверждает активное владение бурятами русским языком [Бурятско-русский билингвизм 2010: 113]. Что касается носителей русского языка, то, по мнению Ю.Н. Караулова, в наиболее частых ответах между стимулом и реакцией у них представлены отношения предикации, т.е. синтагматические отношения, отношения приписывания признака: *голова* → *болит*, *ветер* → *дует*, *гора* → *высокая* [Караулов 2000].

Относительно парадигматических/синтагматических реакций Н.В. Уфимцевой было выявлено, что с возрастом у детей доля парадигматических реакций уменьша-

ется, а синтагматических увеличивается. На этом основании автор считает, что парадигматические реакции не универсальны [Психолингвистические проблемы семантики 1983: 178]. По ее подсчетам, сделанным на материале «Словаря ассоциативных норм русского языка» [САНРЯ 1977], «у носителей русского языка на долю парадигматических реакций приходится – 30,5% всех ассоциаций, а на долю синтагматических – 69,5%» [там же: 153]. Следовательно, можно предположить, что синтагматические реакции свойственны большинству взрослых испытуемых. При этом, по мнению Н.В. Уфимцевой, «соотношение парадигматических/синтагматических реакций может быть обусловлено синтаксической структурой исследуемого языка, т.е. конкретным набором признаков той или иной части речи в данном конкретном языке» [там же: 162].

Так, значительную долю ассоциаций, основанных на синтагматических отношениях, в тувинском материале составили парные слова. Категория парности в тюркских языках считается специфической. Если в русском и других европейских языках она носит фрагментарный характер и ее употребление ограничено разговорной речью, то для тюркских языков использование этой морфологической категории «не ограничено никакими рамками стиля» [Маннапова 2008: 188]. Например, стимул *ада* ‘отец’ вызвало несколько реакций, которые каждый по отдельности образуют с ним полнозначные парные слова: *ада-ие* ‘родители’, *ада-өгбе* ‘предки’, *ада-чурт* ‘родина’. При этом внутри ассоциативного поля данные реакции оказались наиболее частотными.

Среди парадигматических типов связи (контрастивные и координированные) преобладают координированные реакции, основанные на сходстве по какому-либо признаку, тогда как контрастивными отношениями связаны всего несколько ассоциативных пар. Например, в русском материале это: *жизнь* → *смерть*, *черный* → *белый*, *юг* → *север*, *запад* → *восток*, в тувинском: *хун* 'день' → *дун* 'ночь' (зд. стимул *хун* был предъявлен в значении 'солнце'), *ак* 'белый' → *кара* 'черный', *ай* 'луна' → *хун* 'солнце'. Контрастивные или антонимичные связи составили наименьшую группу и в вышеупомянутом исследовании бурят-билингвов. По мнению Г.А. Дырхеевой, на тяготение к тому типу связей, которые имеются в родном (зд. бурятском) языке, повлияло именно двуязычие, а также строение языковых связей, определяемых типом мышления [Бурятско-русский билингвизм 2010: 113–114].

Особое внимание обращают на себя межъязыковые реакции. В наиболее частотных ответах они встречаются только в русском материале. Если рассматривать весь массив полученных реакций, то на тувинские стимулы получено 44 разных реакции на русском языке с общим количеством 14, а в русском материале почти вдвое больше: 76 реакций на тувинском языке с общим количеством 98. По мнению М.В. Завьяловой, наличие переводных эквивалентов в ассоциациях показывает взаимовлияние языков в сознании билингвов [Завьялова 2001: 65]. Высокая доля переводных эквивалентов русских слов вполне объясняется отсутствием полноценной русской языковой среды в данном регионе и недостаточностью языковой практики на нем.

Русские слова-реакции в тувинском материале в основном представлены заимствованиями уже вошедшими в лексический фонд тувинского языка: *ферма*, *школа*, *милиция*, *машина*, *неделя*, *роза*, *класс* и др. Кроме указанных типов реакций зафиксированы русские слова с переводными эквивалентами: *туризм* (тув. *аян-чорук*), *семья* (тув. *өг-бүле*), *скромный* (тув. *биче сеткилдиг*), *кустарник* (тув. *чадаң ыяш*), *карьера*

(тув. *ажылга депшири*), а также устойчивые выражения, характерные для русского языкового пространства: *'три мушкетера'* на стимул *үш* 'три', *'семь чудес света'* на стимул *чеди* 'семь'.

При вычислении доли различных типов связей мы также учитывали нулевые реакции, т.е. реакции-отказы. В частотных реакциях данный тип преобладает на тувинском языке (30 реакций), которым испытуемые по данным социолингвистической части достаточно хорошо владеют. Анализ по всему массиву показал, что нулевые реакции в основном единичны или малочастотны, но чаще встречаются со стимулами, относящимися к традиционным видам деятельности и культуре тувинцев (например: *чылгы* 'табун', *аът* 'конь', *өг* 'юрта', *сүрүг* 'отара', *эът* 'мясо', *хөөмей* 'хоомей'), а также абстрактным явлениям (например: *хосталга* 'свобода', *чүдүлге* 'религия', *хүндүткел* 'уважение', *чуртталга* 'жизнь', *үе* 'время', *биче сеткил* 'милосердие'). Очевидно, это связано с образом жизни современных тувинцев, которые все больше отходят от традиционных видов хозяйствования и спецификой самих стимулов. На абстрактные имена в условиях минимального временного отрезка, возможно, не сразу удастся реагировать, поскольку абстракция представляет собой более сложный процесс, для вербализации которого необходимы сознательные усилия, следовательно, больше времени.

Следует указать, что в отдельных случаях распределение реакций на тувинском языке представляло определенные сложности. Об особенностях таких реакций применительно к бурятскому языку упоминает Г.А. Дырхеева и полагает, что двойная интерпретация обусловлена функциональными особенностями языка «когда одно слово может быть и прилагательным, и существительным в зависимости от места в предложении» [Бурятско-русский билингвизм 2010: 112]. Так, пару *ногаан* 'зеленый' → *сиген* 'трава, зелень' можно интерпретировать либо как «зеленая трава» (отношение предикации), либо «зеленый – зелень» (сходство по признаку).

Таблица 3.

Список стимулов в порядке убывания индекса стереотипности (%)

№	S _{рvc.}	R	S _{тvв.}	R
1	очаг	0,22	барыын 'запад'	0,12
2	небо	0,25	чөөн 'восток'	0,13
3	табун	0,28	чылгы 'табун'	0,15
4	солнце	0,3	ак-көк 'голубой'	0,16
5	белый	0,31	чеди 'семь'	0,16
6	хуреш	0,32	мурнуу 'юг'	0,17
7	отара	0,32	тыва 'тувинец'	0,2
8	юг	0,33	орус 'русский'	0,2
9	горы	0,34	лама 'лама'	0,21
10	русский	0,34	тос 'девять'	0,21
11	пять	0,35	арт 'перевал'	0,22
12	родина	0,35	дээр 'небо'	0,22
13	религия	0,36	ак 'белый'	0,23
14	зеленый	0,37	сүт 'молоко'	0,24
15	голубой	0,37	артыш 'артыш'	0,25
16	аржаан	0,37	сүрүг 'отара'	0,25
17	молоко	0,38	сарыг 'желтый'	0,25
18	семья	0,39	эйт 'мясо'	0,26
19	запад	0,39	ада 'отец'	0,26
20	семь	0,4	үш 'три'	0,27
21	черемуха	0,4	ногаан 'зеленый'	0,27
22	мясо	0,4	хуреш 'хуреш'	0,28
23	хоомей	0,41	кызыл 'красный'	0,28
24	восток	0,42	беш 'пять'	0,29
25	монгол	0,42	хөөмей 'хоомей'	0,29
26	желтый	0,43	ие 'мать'	0,29
27	лиственница	0,43	чодураа 'черемуха'	0,3
28	луна	0,43	аңнаар 'охота'	0,31
29	охота	0,44	хам 'шаман'	0,32
30	перевал	0,44	моол 'монгол'	0,32
31	мать	0,44	хүн 'солнце'	0,33
32	як	0,45	аржаан 'аржаан'	0,33
33	юрта	0,46	ай 'луна'	0,33
34	девять	0,46	сарлык 'як'	0,34
35	тувинец	0,47	өг 'юрта'	0,34
36	артыш	0,47	дыт 'лиственница'	0,35
37	три	0,47	тайга 'тайга'	0,35
38	работа	0,49	биче сеткил 'милосердие'	0,36
39	красный	0,49	кадак 'кадак'	0,36
40	тайга	0,5	төрээн чурт 'родина'	0,36
41	жизнь	0,51	чүдүлге 'религия'	0,36
42	черный	0,51	үе 'время'	0,36
43	кадак	0,52	одаг 'очаг'	0,38
44	уважение	0,52	чуртгалга 'жизнь'	0,38
45	конь	0,53	аьт 'конь'	0,4
46	шаман	0,53	өг-бүле 'семья'	0,4
47	милосердие	0,53	кара 'черный'	0,41
48	отец	0,54	даглар 'горы'	0,44
49	лама	0,55	хүндүткел 'горы'	0,47
50	время	0,57	ажыл-иш 'работа'	0,47
51	свобода	0,58	хосталга 'свобода'	0,47

Как отмечает А.А. Азаренко реакции, которые нельзя с точностью отнести к какой-либо части речи (т. е. когда они представляют собой грамматические омонимы) или неизвестно, какое именно значение вкладывалось информантом в реакцию, представляющую собой многозначное слово (полисем), а также реакции, совпадающие по начертанию (но не по значению) с другим (омограф), можно определить как неопределенные [Азаренко 2007: 7]. Очевидно неопределенные реакции, в данном случае функционально обусловленные, для таких языков как тувинский и бурятский следует считать специфическими.

Другим важным показателем для выявления особенностей языкового сознания является уровень стереотипности реакций, который вычисляется по формуле: $R=N/\Sigma$, где N – число разных реакций, а Σ – общее количество реакций на данное слово-стимул. Считается, что чем меньше значение R тем выше уровень стереотипности реакций на данное слово [Психолингвистические проблемы семантики 1983: 151] (см. табл. 3).

Как видим, коэффициент стереотипности у стимулов на обоих языках имеет достаточно большой разброс, например, у стимула *очаг* он равняется 0,22, а у его эквивалента на тувинском – 0,38 или *лама* на русском языке – 0,55, на тувинском – 0,21. С одной стороны, это говорит о несовпадении образов данных стимулов в «русском» и «тувинском» языковом сознании респондентов, с другой об их слабой или силь-

ной степени актуализации, типичности и стандартности для той и другой форм языкового сознания в отдельности.

Наименьший разрыв между показателями наблюдается у следующих стимулов: *небо* (ср. 0,25 и 0,22 – на русском и тувинском языках соответственно), *солнце* (ср. 0,3 и 0,33), *аржаан* (ср. 0,37 и 0,33), *родина* (ср. 0,35 и 0,36), *религия* (зд. полное совпадение 0,36 и 0,36), *семья* (ср. 0,39 и 0,4) и *работа* (ср. 0,49 и 0,47). Содержательный анализ ассоциативных полей данных стимулов на обоих языках показал, что они вызывают практически одинаковые образы в сознании респондентов. Таким образом, данный параметр позволил выявить, что в сознании респондентов русские и тувинские образы актуализируются в целом по-разному.

Предполагается, что индекс стереотипности реакций позволяет косвенно судить о динамике изменения структуры языкового сознания и является показателем неравномерности составляющих сознания [Горошко 2001]. При этом считается, что «чем выше стереотипность реакций, тем слабее проявляется динамика изменения языкового сознания; чем разнообразнее реакции – тем сознание более динамично, подвижно» [Горошко 2003]. Полученные нами данные в определенной степени указывают на то, что ядро языкового сознания респондентов на тувинском языке стабильное, упорядоченное, а на русском неустойчивое, динамичное. Динамичность «русского» языкового сознания, скорее всего, свидетельствует о том, что про-

Таблица 4.

Содержание ассоциативного поля слова-стимула «Восток»

реакции стимул	на русском языке	на тувинском языке
восток (42) / чөөн (13)	<i>запад</i> (16); <i>Япония, солнце, дело тонкое</i> (7); <i>восход (солнца), Китай</i> (6); <i>Дальний, юг</i> (5); <i>Азия</i> (4); <i>загадка, север, направление, заря/зарев</i> (2);	чук – <i>восток</i> (60); Хемчик – ‘Дзун-Хемчик’ (зд. район в восточной части РТ) (14); кожуун – ‘восточный район’ (зд. разгов. от ‘Дзун-Хемчикский район’) (10); Чадаан/а – г. Чадаан, (хүн) үнер чук – <i>направление восхода (солнца)</i> (3); Кыдат – <i>Китай, барыын</i> – <i>запад</i> (2);
	<i>Улан-Удэ, географический, синий, теплый, страна, город, прохлада, шелк, остановка, мудрость, 0, компас, команда, Владивосток, чөөн чук, погран, тонкость, красный, дикий, ближний, далекий, наша Земля, красота, мотоцикл, “Океан”, песок, родина, закат, таинственный.</i>	0, кызыл хүн – <i>красное солнце/восход, уг-шиг</i> – <i>направление, семис</i> – <i>толстый, өскээр</i> – <i>в другую сторону, культура.</i>

цесс освоения русского языка как кода у тувинцев не закончен, а активно продолжается.

Следующим параметром для обработки полученного материала стал количественный анализ частотности реакций на тувинском и русском языках и их сопоставление. Традиционно наиболее частотные реакции составляют ядро ассоциативного поля, а наименее частотные формируют его периферию. Считается, что ядерные и периферийные реакции свидетельствуют о слоевой структуре реакций в ассоциативном поле [Горошко 2001]. Так, распределение реакций по частотности выявило следующие особенности структуры ассоциативных полей на русском и тувинском языках:

- ядро большинства тувинских полей высокочастотно, тогда как ядро русских характеризуется относительно низкой частотностью;

- наибольшее число единичных реакций содержится в русском материале;

- по содержательному наполнению поля на русском языке за счет малочастотных и единичных реакций разнообразнее, а тувинские более стандартные.

Чтобы показать особенности структуры ассоциативных полей, рассмотрим пример ассоциативного поля стимула *восток* (см. табл. 4).

Данный фрагмент показывает неоднородность ядерного и периферийного слоев сопоставляемых тувинских и русских ассоциативных полей. Здесь разных реакций (N) на русском языке получено 42, а на тувинском всего 13. Самая частотная реакция (R_{\max}) для стимула на тувинском языке равняется 60, на русском – 16. С точки зрения нейролингвистики ассоциации, регулярно возникающие у многих индивидов, рассматриваются как стандартные или стереотипные. Стереотипные ассоциативные связи представляют собой «способ закрепления (автоматизации) прошлого опыта, как речевого, так и когнитивного. Непроизвольность стереотипных ассоциаций отражает сформированный автоматизм установления связи» [Овчинникова 2002: 16-17].

В данном случае 60 из 100 респондентов ассоциировали стимул *чөөн* ‘восток’ с реакцией *чук* ‘сторона/направление’, т.е. образ *чөөн чук* ‘восток’ свойственен языковому сознанию большей части респондентов. По всему масси-

ву на долю подобных полей, где разных реакций на тувинском языке получено мало ($N_T < N_P$), но по частотности реакции, составляющие ядро поля, полновеснее русских ($R_{\max T} > R_{\max P}$), приходится около 70%.

По мнению И.Г. Овчинниковой, стереотипные ассоциации можно рассматривать в качестве критерия сформированности как когнитивной деятельности, так и критерия инерционности мышления [Овчинникова 2002: 17]. Следовательно, преобладание стереотипных, стандартных реакций в тувинском материале также свидетельствует о том, что «тувинское» языковое сознание респондентов более стабильное и упорядоченное, чем «русское».

Из общей картины выпадают поля на некоторые стимулы, обозначающие объекты природы (*небо, горы, солнце, лиственница*), абстрактные явления (*свобода, уважение, религия, милосердие*), концепты национальной культуры (*юрта, кадак, хуреш*) и другие (*белый, очаг, родина*). Реакции на стимулы *солнце, очаг, родина* распределены следующим образом: $N_T > N_P$, а остальные: $R_{\max T} < R_{\max P}$. Вероятно, это связано со спецификой слов-стимулов, от их семантического объема, от их возможности вступать в ассоциативные связи с другими словами (реакциями).

Как указывает Е.Г. Симонова, повторяющиеся неоднократно ответы в ассоциативном эксперименте «отражают объективно существующие связи между словами, закрепленные как в сознании испытуемых, так и в системе их языка» [Симонова 2007: 151]. Предположение о том, что на структуру ассоциативного поля и ассоциативное поведение испытуемых влияют как особенности конкретного языка, так и индивидуальные характеристики испытуемых в современной психолингвистике достаточно обосновано. В нашем случае спецификой языка следует назвать парные слова, которые предопределили основную стратегию ассоциирования (синтагматический тип связи) и укрепили ядро тувинских ассоциативных полей.

По мнению Е.В. Глазановой, на характер ассоциации влияют такие субъективные факторы, как объем «информационной базы», вербальный и невербальный опыт, особенности памяти и мышления, уровень языковой компетенции [Глазанова 2001: 22]. Основываясь

на результатах социолингвистической части, согласно которой испытуемые владеют тувинским языком активнее, чем русским, и данных количественных показателей мы полагаем, что на распределение реакций повлиял и уровень владения указанными языками. Вероятно, чем компетентнее испытуемые в данном языке, тем больше в их ответах-реакциях совпадений. Поэтому недостаточная степень близости формальной структуры «русского» и «тувинского» языкового сознания тувинцев-билингвов говорит о том, что они владеют русским языком как кодом слабее, чем родным.

По содержанию сравниваемые массивы также расходятся: за счет сильного ядра, разных реакций в тувинском материале меньше. В связи с чем ассоциативные поля на тувинском языке, на первый взгляд, однообразны и стандартны. Однако следует учесть не только специфику языка, но и специфику предъявленных стимулов, представляющие собой культурно значимые смыслы для большинства представителей тувинского этноса. Поэтому совпадения в ответах респондентов – носителей тувинского языка – вполне очевидны. Объем разных реакций преобладает на русском языке,

Таблица 5.

№	Слова-стимулы	Слова-реакции		
		тувинцы 1	тувинцы 2	русские
1	три/үш	<i>сан – число (23)</i>	<i>поросенка, (счастливое) число (8) (счастливое, священное) число (18)</i>	<i>четыре (15)</i>
2	семь/чеди	<i>Хаан сылдыс – созов. Большой Медведицы (56)</i>	<i>(счастливое) священное) число (18)</i>	<i>восемь (104)</i>
3	девять/тос	<i>карак – парн. сущ. кропило (24)</i>	<i>(счастливое) число (12)</i>	<i>десять (22)</i>
4	пять/беш	<i>салаа - пальцев (23)</i>	<i>пальцы (21)</i>	<i>оценка, пальцев (12)</i>
5	белый/ак	<i>сүт – молоко (30)</i>	<i>снег (36)</i>	<i>снег (128)</i>
6	черный/кара	<i>өң – цвет (20)</i>	<i>цвет (11)</i>	<i>белый (76)</i>
7	желтый/сарыг	<i>шаажын - вера, религия (49)</i>	<i>цвет (18)</i>	<i>цвет (66)</i>
8	зеленый/ногаан	<i>(обт/чаи) сиген – собирает. зелень (парн. сущ. трава/ молодая) (19)</i>	<i>лес (12)</i>	<i>свет (68)</i>
9	голубой/ак-көк	<i>дээр – небо (66)</i>	<i>небо (26)</i>	<i>цвет (68)</i>
10	красный/кызыл	<i>хобрай – город Кызыл (55)</i>	<i>флаг (16)</i>	<i>флаг (15)</i>
11	небо/дээр	<i>көк – синий (25)</i>	<i>голубое (42)</i>	<i>голубое (201)</i>
12	солнце/хүн	<i>(чып) чырык – яркое/ ярное (усилит. очень яркое.) (20)</i>	<i>тепло/ое (18)</i>	<i>яркое (82)</i>
13	горы/даглар	<i>бедик (тайга) – (тайга) высокая (22)</i>	<i>высокие (26)</i>	<i>высокие (31)</i>
14	луна/ай	<i>хүн – солнце (23)</i>	<i>ночь (22)</i>	<i>полная (45)</i>
15	семья/өг-бүле	<i>ажы-төл – дети (19)</i>	<i>большая (14)</i>	<i>большая (82)</i>
16	мать/ие	<i>ава/лар/м – мать/ матери/моя мать (33)</i>	<i>родная (20)</i>	<i>отец (65)</i>
17	родина/төрээн чурт	<i>(Республика) Тыва/м – (Республика) Тува/моя Тува (35)</i>	<i>Тыва/Тува (26)</i>	<i>мать (65)</i>
18	восток/чөөн	<i>чук – восток (60)</i>	<i>запад (16)</i>	<i>запад (27)</i>
19	юг/мурнуу	<i>чук – юг (71)</i>	<i>тепло/та (16)</i>	<i>север (42)</i>
20	жизнь/чуртталга	<i>амыдырал – жизнь (25)</i>	<i>прекрасная/а (12)</i>	<i>смерть (62)</i>
21	свобода/хосталга	<i>ө (14)</i>	<i>слова (14)</i>	<i>слова (16)</i>
22	у в а ж е н и е / хүндүткел	<i>бижик – почетная грамота (11)</i>	<i>почет/почитание (11)</i>	<i>к старшим (18)</i>
23	время/үе	<i>шаг – парн. сущ. время (21)</i>	<i>часы (14)</i>	<i>деньги (14)</i>
24	религия/чүдүлге	<i>хүрээ – буддийский храм (21)</i>	<i>буддизм (26)</i>	<i>вера (7)</i>
25	работа/ажыл-иш	<i>амыдырал – жизнь (23)</i>	<i>деньги (13)</i>	<i>трудная (50)</i>
26	русский/орус	<i>дыл – язык (51)</i>	<i>язык (46)</i>	<i>язык (29)</i>

по семантике они разнообразнее и богаче. Мы полагаем, что разнообразие малочастотных и единичных реакций на русском языке, скорее всего, обусловлено личным языковым опытом испытуемых.

Для изучения семантического сходства/противопоставления ассоциативных полей, мы провели сопоставительный анализ с привлечением данных Русского ассоциативного словаря [РАС 2002], результаты которого представлены в Таблице 5. Чтобы обеспечить релевантность сопоставляемых массивов в рамках межъязыкового анализа мы отобрали стимулы, представленные и в русском языковом сознании. В результате по данному параметру было обработано 26 слов-стимулов с их первыми частотными реакциями. Для описания по данному параметру мы условно разделили наших испытуемых билингвов на две группы: «тувинцы 1» (по результатам анкет, заполненных билингвами на тувинском (родном) языке) и «тувинцы 2» (по результатам анкет, заполненных билингвами на русском (втором) языке). Третья группа, монолингвы с русским языком, соответственно обозначена как «русские».

Из Таблицы 5 видно, что только 4 пары «стимул → реакция» имеют полное совпадение у всех трех групп: *пять* → *пальцев*, *небо* → *голубое* (зд. в ответе на тувинском языке зафиксирована реакция *көк* - «синий»), которая в тувинском языке имеет также значение «голубой»), *горы* → *высокие* и *русский* → *язык*. Кроме последней пары остальные ассоциации можно отнести к стандартным, т.к. обозначают универсальные образы типичные для сознания большинства людей.

Интересно, что у «тувинцев 1» и «русских», кроме 4 вышеуказанных пар, наблюдается одно единственное совпадение на стимул *солнце*, вероятно из-за универсальности образа обозначенного данным стимулом. С группой «русских» у «тувинцев 2» совпали следующие пары: *белый* → *снег*, *желтый* → *цвет*, *красный* → *флаг*, *семья* → *большая*, *восток* → *запад*, *свобода* → *слова*. Чуть меньшая доля совпадений у «тувинцев 2» с «тувинцами 1»: *голубое* → *небо*, *родина* → *Тува*, *черный* → *цвет*, *три* → *число*. При этом на стимулы *зеленый* и *религия* даны реакции близкие по своей семантике, чем с реакциями «русских».

С учетом 4 пар, которые совпали у всех трех групп, анализ семантического сходства ассоциативных полей можно представить в следующем виде (см. табл. 6):

Таблица 6.

Количество совпавших реакций по группам

	тувинцы 1	тувинцы 2
русские	5	10
тувинцы 2	8	–

Кроме этого, у «тувинцев 1» некоторые реакции, не совпавшие по содержанию с остальными группами, можно отнести к специфическим, национально обусловленным реакциям, например: *чеди* ‘семь’ → *Хаан сылдыс*, зд. название созвездия Большой Медведицы; *тос* ‘девять’ → *карак* ‘глаз’, досл. «*девятиглазка*» - специальная ритуальная ложка (кропило), предназначенная для окропления молоком, чаем и др. Семантика данных реакций, а также некоторых других (например, на стимулы *белый*, *желтый*, *красный*, *семья*, *восток*, *юг*, *уважение*, *время*, *религия*) не выходит за рамки тувинской культуры и, соответственно, языкового сознания.

Выделенный фрагмент из 26 пар «стимул → реакция» показывает, что содержание «тувинского» и «русского» языкового сознания билингвов более приближено друг другу. Здесь следует указать, что абсолютное большинство тувинцев усваивают русский язык на базе родного тувинского языка, потому некоторые образы имеют соотносительный характер. При всем этом прослеживается определенная дифференциация полученных реакций в зависимости от языка, на котором был предложен стимул. В свою очередь, отсюда можно полагать, что испытуемые ассоциируют русские слова достаточно автономно. Мы считаем, что различные комбинации совпадений образов языкового сознания у выделенных групп предопределены не только культурной обусловленностью стимулов, но и универсальностью некоторых образов, обозначенных стимулами.

Таким образом, проведенный эксперимент позволил проследить не только стратегии ассоциирования, изучить структуру и содержание ассоциативных полей, но и сделать следующие выводы:

- стратегии ассоциирования у билингвов практически не зависят от используемого языка;

- структуры ассоциативных полей существенно отличаются друг от друга. В сознании двуязычных тувинцев ассоциативные связи на тувинском (родном) языке более устойчивые, а на русском (втором) более динамичные;

- в содержании языкового сознания билингов доминируют образы родной культуры, т.к. «русское» языковое сознание строится на базе «тувинского».

Список литературы

Азаренко А.А. Ассоциативно-вербальные связи английских аналитических глаголов у русских студентов / А.А. Азаренко // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – Т. 5, вып. 2. – С. 5–20.

Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект / П.П. Дашинимаева, Г.А. Дырхеева, Ж.Б. Жалсанова, Э.В. Хилханова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 166 с.

Глазанова Е.В. Типы связей в ментальном лексиконе и экспериментальные методы их исследования: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. В. Глазанова ; СПб. гос. ун-т. – СПб, 2001. – 237 с.

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента [Электронный ресурс] / Е.И. Горошко. – М.–Харьков, 2001. – Режим доступа: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=92> (дата обращения: 21.12.2011).

Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма [Электронный ресурс] / Е.И. Горошко. – М.; Харьков, 2003. – Режим доступа: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=43> (дата обращения: 21.12.2011).

Горошко Е.И. Проблемы проведения свободного ассоциативного эксперимента / Е.И. Горошко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». – 2005. – № 3. – С. 53–61.

Завьялова М.В. Исследование речевых механизмов при билингвизме (на материале ассоциативного эксперимента с литовско-русскими билингвами) / М.В. Завьялова // Вопросы языкознания. – № 5. – 2001. – С. 60–85.

Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети [Электронный ресурс] / Ю.Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира: Сб. статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М., 2000. – Режим доступа: http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/4-1.html (дата обращения: 01.02.2012).

Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е.С. Кубрякова // Известия РАН. Серия лит. и языка. – 1994. – Т. 53, № 2. – С. 3–15.

Лещенко Е.Ю. Становление лексикона билингва (по данным ассоциативного эксперимента): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. Ю. Лещенко; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – 207 с.

Маннапова Л.М. Закономерности образования парных слов / Л.М. Маннапова // Вестник Чувашского ун-та. – 2008. – № 1. – С. 188–191.

Овчинникова И.Г. Ассоциативный механизм в речемыслительной деятельности: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / И.Г. Овчинникова; СПб. гос. ун-т. – СПб, 2002. – 382 с.

Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. – 286 с.

Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2002. – Т. 1: От стимула к реакции. – 784 с.

Симонова Е.Г. Ассоциативная связь между прилагательными цвета и именами существительными немецкого языка / Е.Г. Симонова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2007. – Т. 13, № 3. – С. 151–154.

Швец А.В. Наивное литературоведение в лексиконе языковой личности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Швец. – СПб., 2005. – 20 с.

А.И. Статников

**МЕХАНИЗМЫ ПОНИМАНИЯ ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ
КОНСТРУКЦИЙ:
ДАННЫЕ КОМПЬЮТЕРИЗИРОВАННЫХ ТЕСТОВ**

В статье описываются результаты исследования связи между процессом понимания логико-грамматических конструкций и процессом серийной организации речи при помощи компьютеризированных методик. Обнаружена связь между пониманием обратимых по смыслу логико-грамматических конструкций и выполнением заданий на повторение слов со сложной слоговой структурой. Выявлено влияние типа конструкции, порядка слов и обратимости по смыслу на успешность понимания языкового материала. Предлагается интерпретация полученных результатов при помощи моделей трёх уровней серийной организации речи по А.Р. Лурия и трёх уровней синтаксиса по Т.В. Ахутиной.

Ключевые слова: Нейропсихология, нейролингвистика, логико-грамматические конструкции, серийная организация речи, компьютеризированные тесты.

Alexander I. Statnikov

**MECHANISMS OF THE LOGICAL-GRAMMATICAL CONSTRUCTIONS
COMPREHENSION: EVIDENCES FROM COMPUTER-BASED TESTS**

The article describes the results of the study of the linkage between the process of the logical-grammatical constructions comprehension and the process of serial speech organization. The linkage between the understanding of semantically reversible sentences and the performance in word-repeating task was found. The effects of the construction type, word order and semantic reversibility were revealed. Interpretations are made using the A.R. Luria model of three levels of serial organization of speech and T.V.Akhutina model of three levels of syntax.

Key words: Neuropsychology, neurolinguistics, logical-grammatical constructions, serial organization of speech, computer-based tests.

Трудности понимания логико-грамматических конструкций (ЛГК) в отечественной литературе, как правило, объясняются поломкой или отставанием в развитии функций квази-пространственного анализа и синтеза [Лурия 2008: 173–177; Киселев и др.: с. 88]. На уровне неврологического субстрата осуществление этих функций, в свою очередь, традиционно связывается с работой теменно-височно-затылочной зоны (ТРО) – в большей степени, левого полушария. Предполагается существование двух основных лингвистических факторов, которые, с одной стороны, выделяют данный тип языковых конструкций из массы других, а с другой стороны, затрудняют его понимание: обратимость по смыслу и порядок слов. Под обратимостью по смыслу понимается такое устройство предложения, когда один и тот же лексический состав допускает две противоположные по смыслу интерпретации значения высказывания. Для правильного понимания такого высказывания необходимо декодировать грамматические маркёры. К примеру, предложение *Бабушка накрывает шапкой шарф*, может быть, без опоры на грамматические маркёры (в данном случае – окончания), понято и как *накрывает шапку шарфом*. То есть, для корректного осуществления процесса понимания обратимого по смыслу предложения необходимо соединить его элементы в целостную *асимметричную* квазипространственную структуру. Феномены специфических затруднений понимания именно обратимых конструкций впервые были описаны А.Р. Лурия на материале отдельных случаев т.н. «семантической» афазии, когда при поражении зоны ТРО у больных, на фоне относительно сохранной бытовой

экспрессивной и импрессивной речи, нарушалось понимание обратимых предложений. При этом в ряде случаев наблюдались компенсаторные стратегии, свидетельствующие о попытках таких больных «асимметризовать» предложение. Наши собственные исследования последних лет показали значимое влияние фактора «обратимости по смыслу» не только при различных формах афазии, но и у здоровых взрослых людей.

Полученные экспериментальным путём данные о влиянии фактора порядка слов неоднозначны. Л.С. Цветкова и Ж.М. Глозман [Цветкова, Глозман: 117–118] в своём комплексном исследовании аграмматизма использовали задание на повторение предложений, что позволило им продемонстрировать существование иерархии сложности предложений при всех формах афазии и у взрослых испытуемых без речевых нарушений. При этом во всех случаях предложения с прямым порядком слов повторялись лучше, чем с инвертированным, а необратимые предложения с инвертированным порядком слов лучше, чем обратимые предложения с инвертированным порядком слов. Следует отметить, что повторение предложений является комплексным сложным заданием, поэтому уместно обратиться к данным другого исследования, которое было проведено Т.В. Ахутиной и коллегами и где использовались задания только на понимание – испытуемому необходимо было выбрать из двух картинок ту, которая подходит к предложению. Использовались конструкции с действительным (актив) и страдательным (пассив) залогами. Было продемонстрировано, что конструкции актива с обратным порядком слов (АО, *Быка ранил тигр*) понимаются всеми больными с афазией

хуже, чем конструкции актива с прямым порядком слов (АП, *Тигр ранил быка*). Однако влияние порядка слов в конструкциях с пассивом зависело от вида и степени выраженности речевых нарушений. Так, участники исследования из группы пациентов с поражением передних отделов головного мозга были поделены на две группы по степени выраженности аграмматизма (использовались данные анализа собственной речи больных) – II уровень означал большую степень выраженности нарушений, III уровень – меньшую. Было продемонстрировано, что больные со II уровнем аграмматизма лучше понимают конструкции типа пассив с обратным порядком слов (ПО, *Тигром ранен бык*), чем конструкции типа пассив с прямым порядком слов (ПП, *Бык ранен тигром*). У больных с III уровнем аграмматизма был обнаружен другой эффект – ПП понимался лучше, чем ПО [Ахутина 2007: 161–163]. Исследование с теми же типами языковых конструкций было проведено на русскоговорящих и немецкоговорящих детях возраста 3, 4 и 5 лет. Вновь был получен неоднозначный эффект фактора порядка слов – у детей 3 и 5 лет были выявлены иерархии, соответствующие частотности распределения конструкций в языке (по степени увеличения числа ошибок: АП, АО, ПП и ПО в русском, АП, ПП, АО, ПО в немецком). Однако у детей четырёх лет «снижалось число ошибок в ПО по сравнению с ПП, одновременно у этих детей по сравнению с трёхлетними увеличивалось число ошибок в АО и ПП». [Ахутина 2007: 170].

В современных исследованиях с использованием более строгих статистических критериев было продемонстрировано, что взрослые испытуемые без неврологических заболеваний лучше понимают пред-

ложные конструкции с прямым порядком слов, чем с инвертированным: предложения вида *Мальчик кладёт сумку в коробку* понимаются значительно быстрее, чем предложения вида *Мальчик кладёт в сумку коробку*. Сильное влияние фактора порядка слов обнаруживается в группе взрослых пациентов с моторной афазией – инвертированные предложения понимаются не только медленнее, но и менее правильно, причём это распространяется не только на предложные, но и на possessивные конструкции (т.е., предложения вида *Водителя грузовик лежит* понимаются менее правильно и быстро, чем *Грузовик водителя лежит*) [Statnikov et al.:pp. 146–147]. В нашем последнем исследовании на материале первоклассников было показано, что инструментальные конструкции с порядком слов объект-предлог понимались значительно более правильно, чем конструкции с порядком слов предлог-объект. К примеру, предложения вида *Мальчик кладёт сумку в коробку* чаще понимались правильно, чем предложения вида *Мальчик кладёт в коробку сумку*. Отдельно следует отметить, что в том же исследовании был обнаружен парадоксальный эффект порядка слов: предложения страдательного залога с инвертированным порядком слов понимались быстрее и более правильно, чем предложения действительного залога с прямым порядком слов. То есть, предложения типа *Тигром ранен бык* дети без речевых нарушений понимали значительно лучше, чем предложения типа *Тигр ранил быка* [Статников 2012: 196].

Из нашего краткого обзора психолингвистических исследований влияния факторов обратимости и порядка слов можно сделать вывод о том, что передние отделы мозга (такие, как зона Брока) также активно вовлечены в процесс понимания

логико-грамматических конструкций. Эти предположения подтверждаются рядом исследований с использованием технологий нейровизуализации. Стромсволд и коллеги при помощи позитронно-эмиссионной томографии выявили, что зона Брока сильнее активируется, когда испытуемых просят сделать суждение о правильности письменно предъявляемого предложения с инвертированным порядком слов (по сравнению с предложениями с прямым порядком слов – «*Актриса, которую взволновала награда, похвалила продюсера*» сложнее, чем «*Награда взволновала актрису, которая похвалила продюсера*») [Stromswold et al.: 465]. Гродзинский и Фридеричи, опираясь на данные множества нейровизуализационных исследований синтаксической обработки, а также на данные патологии, разработали две похожие друг на друга модели – *карту формального синтаксиса* (КФС, formal syntax map, Гродзинский) и *карту обработки языка* (КОЯ, language processing map, Фридеричи). Эти концепции выделяют несколько стадий в процессе декодирования предложений. Начальная стадия, построение *локальной синтаксической структуры*, сопряжена с работой двух областей – передней доли верхней височной извилины левого полушария и лобной покрышки. На второй стадии синтаксическая и семантическая информация об отдельных словах используется, чтобы раскрыть характер взаимосвязей между этими словами. Морфосинтаксическое определение тематических ролей связывается с работой непосредственно зоны Брока (44 и 45 поля по Бродману) [Grodzinsky&Friederici: 244]. Другой точки зрения придерживаются Каан и Свааб – по результатам собственного обзора нейровизуализационных исследований синтаксической обра-

ботки они делают заключение о том, что верхняя и средняя височные доли обрабатывают синтаксическую, семантическую и фонологическую информацию, в то время как передняя височная доля занимается её комбинированием и кодированием для дальнейшего использования, а нижняя лобная извилина осуществляет хранение ещё не интегрированного материала [Kaan&Swaab:355]. Родд и коллеги, основываясь на данных собственного фМРТ-эксперимента, показывают, что лобная покрышка играет важную роль в понимании семантически неоднозначных предложений [Rodd et al.: 1333]. Бен-Шахар и коллеги, в результате серии нейровизуализационных экспериментов по изучению феномена синтаксического перемещения, приходят к выводу, что вне зависимости от материала, заданий и дизайна эксперимента, операции по синтаксическому перемещению активно задействуют нижнюю лобную извилину левого полушария и задние части верхних височных извилин обоих полушарий. Возможная интерпретация, которую предлагают нам авторы, заключается в том, что передние отделы левого полушария реализуют собственно перемещение движимого элемента в необходимую позицию, в то время как задние височные отделы занимаются тем, что удерживают его в памяти [Ben-Schachar et al.: 1333].

В рамках отечественной нейропсихологической традиции передние отделы левого полушария традиционно связываются с синтаксической (серийной) организацией речи [Лурья 2007: 223–227]. Таким образом, данные психолингвистических экспериментов, полученные на материале взрослых людей без неврологических нарушений, взрослых людей, страдающих афазией, здоровых детей, равно как и данные нейровизуализационных

исследований, позволяют нам предположить, что процесс понимания логико-грамматических конструкций связан со способностью к серийной (моторной и синтаксической) организации речи.

В соответствии с вышеприведёнными данными мы сформулировали две цели нашего исследования – основную и дополнительную. Основной целью была проверка гипотезы о связи между способностью понимать логико-грамматические конструкции и фактором серийной организации речи. Дополнительной целью была попытка подтвердить или опровергнуть парадоксальный эффект порядка слов в предложениях с действительным и страдательным залогами.

Метод

Испытуемые. В исследовании приняли участие 26 детей, учащиеся первых классов общеобразовательных школ города Москвы. Средний возраст составил 7,5 лет, 11 участников были женского пола и 15 мужского. У всех испытуемых ведущей рукой была правая, и никто из них не имел установленного неврологического диагноза и опыта внепланового обращения к врачу-неврологу в прошлом.

Материал и процедура. Использовались задания двух видов: компьютеризированный тест понимания

логико-грамматических конструкций и компьютеризированная версия теста на оценку серийной организации речи из методики оценки речи детей Т.А. Фотековой и Т.В. Ахутиной.

Компьютеризированный тест понимания логико-грамматических конструкций. Данная методика была разработана нами с использованием свободно распространяемого программного обеспечения для психологических экспериментов Affect 4.0 [Spruyt et al.]. Все задания однотипные: испытуемый сидит перед компьютером, его указательные пальцы расположены на кнопках клавиатуры, которые соответствуют символам «z» и «?» в английской QWERTY-раскладке. Обе кнопки помечены яркими наклейками, чтобы избежать ошибок, связанных с ориентацией в пространстве клавиатуры. Испытуемому на слух, с помощью наушников предъявляется предложение, на экране появляются два изображения. Инструкция требует от испытуемого выбрать, какое изображение подходит к произносимому предложению, и нажать соответствующую кнопку.

В данном тесте использовались 4 типа грамматических конструкций: предложные, инструментальные, конструкции с действительным залогом и конструкции со страдательным залогом. Каждый из этих 4 типов был проварьирован по двум параметрам – об-

Рис. 1. Образец задания на понимание логико-грамматических конструкций

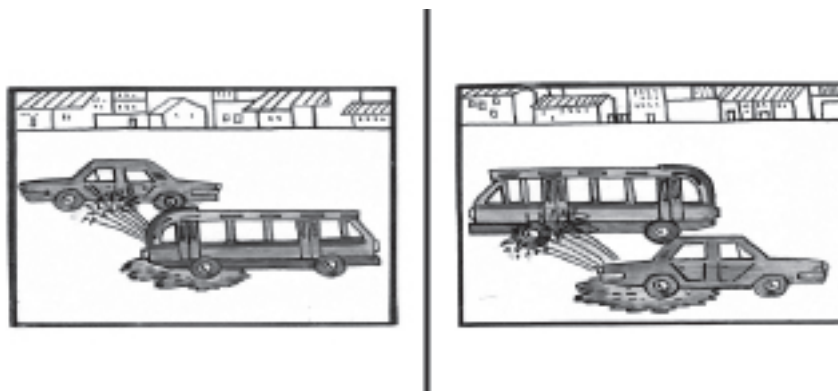

Таблица 1.

Тип	Обратимость по смыслу	Порядок	Число	Пример
Инструментальные	обратимые	о б ъ е к т - инструмент	5	Бабушка накрывает шапку шарфом
		инструмент- объект	5	Бабушка накрывает шарфом шапку
	необратимые	о б ъ е к т - инструмент	5	Девочка пишет письмо карандашом
		инструмент- объект	5	Девочка пишет карандашом письмо
Предложные	обратимые	прямой	5	Мальчик кладёт сумку в коробку
		обратный	5	Мальчик кладёт в коробку сумку
	необратимые	прямой	5	Мальчик ставит ведро в кладовку
		обратный	5	Мальчик ставит в кладовку ведро
Действительный залог	обратимые	прямой	5	Мальчик спас девочку
		обратный	5	Девочку спас мальчик
	необратимые	прямой	5	Девочка съела апельсин
		обратный	5	Апельсин съела девочка
Страдательный залог	обратимые	прямой	5	Мальчик спасён девочкой
		обратный	5	Девочкой спасён мальчик
	необратимые	прямой	5	Апельсин съеден девочкой
		обратный	5	Девочкой съеден апельсин

ратимости по смыслу и порядку слов. Примеры приведены в таблице 1.

Материал был скомпонован в 4 сессии по 20 заданий каждая. Сессии предъявлялись в псевдослучайном порядке, внутри каждой из сессий задания каждый раз перемешивались также в псевдослучайном порядке. Первая сессия предварялась тренировочной мини-сессией, которая включала четыре тренировочных задания.

Задания на серийную организацию речи

Для оценки серийной организации речи были использованы три субтеста из пособия «Диагностика речевых нарушений школьников с ис-

пользованием нейропсихологических методов». Оригинальная методика включает также и четвёртый субтест – повторение 4 слов со сложной слоговой структурой, однако для большинства детей это задание оказалось слишком сложным, по-видимому, из-за повышенных требований, которое оно предъявляет к рабочей памяти. Поэтому мы остановились на следующих заданиях: повторение 10 слов со сложной слоговой структурой, повторение 10 коротких последовательностей слогов [Фотекова, Ахутина: 19–22], повторение 5 предложений, включающих слова со сложной слоговой структурой [Фотекова, Ахути-

Таблица 2. Результаты компьютеризированного теста на понимание ЛГК.

	Необратимые	Обратимые	Предложным с прямым порядком слов	Предложные с обратным порядком слов	АП	АО	ПП	ПО
Процент правильных ответов	93%	76%	91%	86%	81%	83%	78%	87%
Время реакции	3,4 с.	3,8 с.	3,8 с.	3,8 с.	3,6 с.	3,5 с.	3,5 с.	3,4 с.

на: 19–22, 29–30]. Все стимулы были записаны диктором и предъявлялись детям через наушники, подключённые к ноутбуку. Результаты каждого субтеста оценивались при помощи 3-балльной шкалы, критерии оценки были взяты из руководства к пособию.

Результаты

Была обнаружена корреляция между успешностью выполнения заданий на повторение слов со сложной слоговой структурой и правильностью ответов в заданиях с обратимыми ЛГК ($r=0,5$, $p<0,02$). Также, результаты задания на повторение слов со сложной слоговой структурой коррелировали с правильностью выполнения заданий на понимание конструкций страдательного залога с прямым порядком слов ($r=0,5$, $p<0,02$) и с правильностью понимания предложных конструкций с обратным порядком слов ($r=0,443$, $p<0,05$). Выявлена корреляция между успешностью в задании на повторение предложений и правильностью ответов в заданиях на понимание предложений действительного залога ($r=0,497$, $p<0,02$). Помимо этого, обнаружена корреляция между результатами субтестов на повторение слов и на повторение предложений ($r=0,618$, $p=0,001$).

Построена иерархия сложности понимания ЛГК. Необратимые предложения испытуемые понимали значительно более правильно ($z=4,541$, $p=0,001$) и быстрее ($z=4,517$, $p=0,001$), чем об-

ратимые. Предложные конструкции с обратным порядком слов, такие как *Мальчик кладёт в сумку коробку*, понимались менее правильно, чем предложные конструкции с прямым порядком слов (например, *Мальчик кладёт коробку в сумку*; $z=2,4252$, $p=0,02$). Конструкции страдательного залога с обратным порядком слов, такие как *Девочкой спасён мальчик*, дети чаще понимали более правильно и быстрее ($z=-2,657$, $p<0,01$), чем конструкции действительного залога с прямым порядком слов (*Девочка спасла мальчика*, $z=2,293$, $p=0,02$). Те же конструкции ПО понимались значительно быстрее, чем конструкции действительного залога с обратным порядком слов, например, *Мальчика спасла девочка* ($z=1,693$, $p=0,1$). На уровне статистической тенденции АП, ПО, ПП чаще понимались правильно, чем конструкции с пассивным залогом и прямым порядком слов, такие как *Мальчик спасён девочкой* (к примеру, по сравнению с АП – $z=1,490$, $p=0,1$).

Обсуждение

В целом, результаты не опровергают исходное предположение о том, что существует связь между процессом понимания ЛГК и серийной организацией речи. Наше объяснение характера этой связи основывается на данных А.Р. Лурия, который наблюдал последствия поражения нижних премоторных отделов левого полушария и пришёл к выводу, что нарушенной

оказывается не только серийная организация движений, но и три уровня серийной организации речи: уровень артикуляции, уровень предложений и уровень построения текстов. Это натолкнуло его на мысль о том, что данные зоны мозга и у здоровых взрослых обеспечивают серийную организацию движений и речи [Лурия 2008: 224–224]. Современные исследователи процессов овладения речью приходят к схожим выводам о связи между речевыми и неречевыми процессами: “Language (as well as other abstract or higher order skills) emerges from, and is intimately linked to, the more evolutionarily entrenched sensorimotor substrates that allow us to comprehend (auditory/visual) and produce (motor) it [Язык, так же как и другие абстрактные навыки или навыки высокого порядка, с одной стороны развивается из, а с другой стороны, тесно связан с эволюционно более укоренёнными сенсомоторными субстратами, которые позволяют нам воспринимать речь на слух/визуально и порождать (произносить) её – перевод мой – А.С.]”. [Dick et al.: 238]. В нейропсихологии аналогичные идеи развивает Э. Голдберг в рамках своего градиентного подхода к проблеме локализации корковых функций: «Смежные области неокортекса выполняют сходные когнитивные функции, ... постепенный переход от одной когнитивной функции к другой соответствует постепенной, непрерывной траектории на поверхности коры» [Голдберг: 92]. Во введении также были упомянуты данные наблюдений и экспериментов, согласно которым в случаях поражения премоторных зон, синтаксические нарушения затрагивают не только процессы порождения речи, но и процессы понимания обратимых языковых конструкций. Всё это заставляет нас предполагать, что полученные корреляции между индикаторами развитости серийной организации речи, такими как

повторение слов со сложной слоговой структурой и предложений, и успешностью в заданиях на понимание ЛГК не случайны.

Что интересно, нами вновь был повторен парадоксальный эффект лучшего понимания конструкций ПО по сравнению с другими конструкциями с залогами. Была получена такая же, как в нашем предыдущем исследовании, иерархия сложности понимания различных видов ЛГК (по степени возрастания сложности): ПО, АП, АО, ПП. Эта иерархия отличается от варианта АП, АО, ПП и ПО, который был получен на русскоязычных детях 3 и 5 лет. При этом она похожа на иерархию, полученную на материале 4-летних детей. В исследовании Т.В. Ахутиной было продемонстрировано, что 4-летние носители русского и немецкого языков придерживаются стратегии «первое имя – агент», в результате чего ПО понимается правильнее, чем АО, иерархия сложности при этом выглядит как АП, ПО, АО, ПП и разница в числе ошибок между АП и ПО очень небольшая. Подобный феномен Т.В. Ахутина объясняет при помощи модели трёх уровней синтаксиса. Согласно этой модели существует три основных уровня функционирования синтаксиса: прагматический, семантический и поверхностный. Дети с аналитической стратегией усвоения речи овладевают этими тремя уровнями последовательно. Первый уровень проявляет себя в простейших высказываниях вида «топик-коммент», однако следует отметить, что топик нередко подразумевается и не озвучивается, поэтому высказывание может включать себя в себя только коммент к общей для говорящих ситуации общения [Ахутина 2007: 191–193]. Второй уровень предполагает учёт семантических ролей, значение которых передаётся при помощи порядка слов – применительно к русскому языку это означает, что агент оказывается

на первом месте, не-агенса (к примеру, пациенс) на втором: на примере речи больного с моторной афазией высказывание, построенное по правилам II уровня, может выглядеть как «Мальчик победил девочка» [Ахутина 2007: 157]. На третьем уровне действуют правила поверхностного синтаксиса, носитель языка начинает ориентироваться не только на порядок слов, но и на грамматические маркеры, такие, например, как окончания слов. При нормальном стечении обстоятельств здоровые взрослые используют третий уровень и корректно интерпретируют грамматические маркеры. Однако в некоторых случаях, таких, например, как афазия, они демонстрируют признаки регресса на предыдущий уровень, т.н. «семантический». Мы предполагаем, что дети, принявшие участие в нашем исследовании, были способны оперировать речевым материалом на уровне поверхностного синтаксиса, но в ситуациях повышенной сложности они переключались на семантический уровень. При использовании второго уровня принятие решения о смысле предложения не занимает много времени, и если агент на самом деле стоит на первом месте в предложении, его грамматическая форма уже не имеет значения, какой бы сложной она не была. То есть, в предложении вида *Девочкой спасён мальчик* перестаёт иметь принципиальное значение и то, что агент стоит в форме творительного падежа, и то, что сказуемое выражено причастием. Также, можно предположить, что соскальзывание на предыдущий уровень синтаксиса происходит не полностью: возможно, дети опираются и на грамматические маркеры, и на

правило порядка слов, согласно которому первое имя в предложении является агентом.

Подводя итоги, можно сказать, что нами были сконструированы новые компьютеризированные версии нейропсихологических тестов, при помощи которых мы подтвердили существование связи между способностью понимать логико-грамматические конструкции и способностью к серийной организации речи. Одно из возможных объяснений заключается в том, что когда у ребёнка хорошо развита серийная организация слов, вполне вероятно, что у него развит и следующий уровень организации речи по А.Р. Лурия – уровень предложений, что и позволяет ему успешно оперировать языковой конструкцией, как в процессе порождения речи, так и в процессе понимания. Также, в рамках данной работы мы, на большей выборке, повторили результаты предыдущего исследования, в котором был продемонстрирован парадоксальный эффект лучшего понимания конструкций страдательного залога с обратным порядком слов. Мы объясняем данное явление временным переключением в ситуации задания повышенной сложности на предыдущий уровень синтаксической организации речи, так называемый «семантический» уровень. Безусловно, возможны и другие интерпретации полученных нами результатов. К примеру, высокие оценки в заданиях на повторение и в заданиях на понимание предложений могут быть объяснены хорошим развитием рабочей памяти или произвольного внимания. Необходимы дальнейшие исследования, которые позволят учесть эти факторы.

Список литературы

- Ахутина Т.В.* Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 216 с.
- Ахутина Т.В., Величковский Б.М., Кемпе В.* Семантический синтаксис и ориентация на порядок слов в онтогенезе // Семантика речевой деятельности. (На материале онтогенеза). – М., 1988. – С. 5–19.
- Голдберг Э.* Управляющий мозг. Лобные доли, лидерство и цивилизация / Пер. с англ. Д. Бугакова. – М.: Смысл, 2003. – 335 с.
- Киселёв С.Ю., Пермякова М.Е., Лапшина Ю.Ю.* Исследование нейропсихологического профиля у детей со специфическими нарушениями речи // Культурно-историческая психология, 2002. – №2. – С. 84–92.
- Лурия А.Р.* Высшие корковые функции человека. СПб.: Питер, 2008. – 624 с.
- Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
- Слобин Д., Грин Дж.* Психоллингвистика. – М.: Прогресс, 1976. – 350 с.
- Статников А.И., Фетискина В.С.* Понимание логико-грамматических конструкций: иерархия сложности // Московский международный конгресс, посвященный 110-летию со дня рождения А. Р. Лурия. Тезисы сообщений. – М., 2012. – С. 195.
- Фотекова, Т.А., Ахутина, Т.В.* Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов: метод. пособие. – М.: Айрис пресс: Айрис дидактика, 2007. – 172 с.
- Цветкова Л.С., Глоzman Ж.М.* Аграмматизм при афазии. – М.: Изд-во МГУ, 1977.
- Ben-Schachar, M., Palti, D., Grodzinsky, Y.* Neural correlates of syntactic movement: converging evidence from two fMRI experiments // *NeuroImage*, 2004. – №21. – PP. 1320–1336.
- Dick F., Dronkers, N. F., Pizzamiglio, L., Saygin A. P., Small, S. L., & Wilson, S.* Language and the brain. // M. Tomasello & D. I. Slobin (Eds.), *Beyond nature – nurture: Essays in honor of Elizabeth Bates*. London, UK: Erlbaum, 2005. – PP. 237–260.
- Grodzinsky, Y., Friederici, A.* Neuroimaging of syntax and syntactic processing // *Current Opinion in Neurobiology*, 2006. – № 16. – P. 240–246.
- Kaan E., Swaab T.* The brain circuitry of syntactic comprehension // *TRENDS in Cognitive Science*, 2002. – Vol.6. No.8. – PP.350–356.
- Rodd, J.M., Longe, O.A., Randall, B., Tyler, L.K.* The functional organization of the fronto-temporal language system: Evidence from syntactic and semantic ambiguity // *Neuropsychologia*, 2010. – №48. – PP. 1324–1335.
- Spruyt, A., Clarysse, J., Vansteenwegen, D., Baeyens, F., & Hermans, D.* Affect 4.0: A free software package for implementing psychological and psychophysiological experiments // *Experimental Psychology*, 2010. – №57. – PP. 36–45.
- Statnikov, A., Dragoy, O., Bergelson, M., Skworzov, A., Mannova, E., Iskra, E., Shklovsky, V.M.* Is it easier to cover a scarf with a hat in Broca's or Wernicke's Aphasia? // 11th International Science of Aphasia Conference. Program and Abstracts. 2010. – PP. 146–147.
- Stromswold, K., Caplan, D., Alpert N., and Rauch S.* Localization of syntactic comprehension by positron emission tomography. *Brain and Language*, 1996. – № 52 – PP. 452–473.

Г.И. Купцова

УДК 81'23

**КОНТАКТ ЯЗЫКОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ МОСКВЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ, НАНЕСЕННЫХ НА ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ)**

В статье рассматривается развитие языка в повседневности, обусловленное глобализацией, лингвистический ландшафт как новый метод исследования языка в динамике, обосновывается значимость анализа семиотики детских товаров, а также представлены эмпирические данные, полученные при исследовании продукции для детей в городе Москве, и результаты их систематизации.

Ключевые слова: повседневность, глобализация, социолингвистика, лингвистический ландшафт.

Galina. I. Kuptsova

**LANGUAGE CONTACTS IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF MOSCOW
(BASED ON TEXTS, IMPRINTED ON CHILDREN'S TOYS)**

This paper concerns the development of language in the every-day life caused by globalization, linguistic landscape as a new method of studying language in dynamics. It also explains the value of analysing semiotics of children's goods and presents the empirical research of such goods in Moscow.

Key words: everyday life, globalization, sociolinguistics, linguistic landscape.

Особенностью современного общества является высочайшая скорость изменений, вызванная глобализацией и сменой технологий. Влияние глобализации на языковые процессы и их динамику характеризуются следующими аспектами:

1. Переосмысление культурных ценностей: глобальная институционализация жизненного мира и локализация глобального.
2. Усиление языковых контактов.
3. Интенсивность миграционных процессов.
4. Интенсивное использование языка как средства конструирования социальной реальности, в том числе и в виртуальной реальности.
5. Скоротечность языковых изменений [Кирилина 2011; Кирилина, Гриценко 2010; Coupland 2010].
6. Широчайшая экспансия английского языка.

Однако языковая составляющая названных процессов еще не осмыслена в достаточной мере. Вследствие же повышенной динамики языковых и социальных изменений, такое описание становится необходимым [Кирилина, Гриценко 2010].

Одним из методов исследования языковых изменений является изучение *повседневности*, которая предстает как «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира» [Бергер, Лукман 1995: 138]. Поскольку наиболее важные для общества изменения происходят в городах, повседневность может быть описана при помощи анализа лингвистического ландшафта (ЛЛ) города. ЛЛ города – это видимое общественности разнообразие языков на определенной территории [Backhaus 2007]. К тому же языковая панорама это «отражение сознания общества, проживающего в данном городе (или возможно, посещающего этот город)» [Gorter 2006: 82].

ЛЛ отражает социальные, культурные и общественные доминанты, присутствующие изу-

чаемому городу. Эти качества ЛЛ делают его мощным инструментом в изучении взаимодействия языков. Одна из черт ЛЛ – мультилингвализм. ЛЛ, являясь в значительной мере свободным творческим порывом человека, содержит понятия, выраженные в знаках и символах на языке, в выборе которых автор знака свободен. Одновременно мультиязычие важный признак глобализации. Языки, функционирующие в исследуемой местности, по-разному взаимодействуют между собой [Backhaus 2007].

Понятие ЛЛ широко, поэтому его изучение может подразделяться на области и фрагменты. Одна из таких областей ЛЛ – знаки, адресованные детям (и их родителям, родственникам, опекунам и т.д.). Далее мы изложим некоторые результаты проводимого нами с января 2012 г. исследования семиотики детских игрушек в лингвистическом ландшафте Москвы.

Методика исследования состояла из следующих этапов:

1. Наблюдение: осмотр стендов с детскими игрушками, установление их расположения по отношению к другим товарам для детей, количественный подсчет исследуемых единиц на стенде, определение операциональной единицы исследования.
2. Фиксация материала. Проводилась как в письменном, так и фотографическом виде.
3. Анализ и классификация материала. На этом этапе тексты индуктивно разделены на четыре основных группы. Затем проводился количественный анализ данных.

В ходе исследования возник методологический вопрос о единице измерения – операциональной единице, за которую был принят *текст, нанесенный на материальный объект*, то есть на упаковку или непосредственно на игрушку, если на ней есть надпись.

Выявлены:

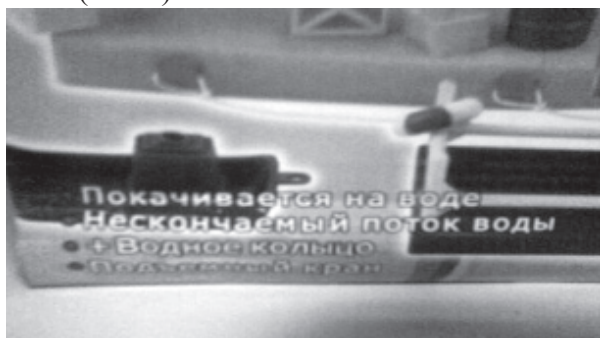
Игрушки с текстами только на русском языке (Рис.1):

Ученая улитка: учим цифры, мелодия из мультфильма, учимся различать геометрические фигуры и цвета, слушаем звуки, которые издают животные.

Игрушки с преобладанием текстов на русском языке. Тексты представляют собой описание игрушки в виде кратких высказываний, передающих основную суть: для чего она, как с ней обращаться; рекламные призывы. Чаще всего такие высказывания оформляются крупным шрифтом и помещаются на фронтон коробки в виде полстрочных тезисов.

Например, игрушка для ванной *Стройка на воде* сопровождается следующим текстом (Рис.2):

Splish-Splash, Inteltoys.ru

- «Покачивается на воде»
- «Нескончаемый поток воды»
- «+Водное кольцо»
- «Подъемный кран»

Еще один пример – текст на упаковке игрушки *M.A.R.S. Heroes*. Заголовок – название игрушки дан без перевода только на английском – *M.A.R.S. Heroes*. Дополнительная информация о назначении и функциях игрушки написана по-русски: *Игрушка-*

трансформер. Информация, сообщающая о некоторых качествах и рекламные призывы также даны на русском языке:

Все детали вращаются на 360 градусов.

Собери коллекцию героев серии

Детали всех героев серии взаимозаменяемы.

Вторую группу тестов этого типа составляют те, в которых иностранный язык (в основном английский) представлен в виде слогана – названия (Рис 3). Слоган обычно помещается в верхней части коробки – слева, справа или посередине. Чаще всего это надпись, которая обозначает либо компанию-производителя, либо серию, частью которой является данная игрушка. Например, игрушки «Друзья на ферме» имеют слоган – *Laugh and Learn* (смеяйся и учись). Кроме того на коробку часто помещается название компании-производителя, на данном изображении это *Fisher Price*.

Рис. 3

Широко представлена и серия *My Little Pony*.

Игрушки с текстами на английском языке.

Например, игрушка *Заводной джип* содержит следующий текст (Рис.4):

Chariot: Specification Colours and Contents. May Vary from Illustrations.

Real Sound!

Roll

Flashing

Action

Battery Operated

Рис. 4

Рис. 5.

Игрушки с текстами, содержащими русский и английский языки в равной степени, в исследованном материале не выявлены.

Игрушки с надписями на других иностранных языках (кроме английского).

Детская погремушка *Tulipano Soccoro* (итальянский в названии), касса для девочек *La Boutique Winx, La Tienda Winx* (французский и испанский).

Другие (неанглийские) языки представлены менее широко. Обнаружены надписи на испанском, итальянском и французском языках, однако их количество невелико (6%).

Наибольшее количество игрушек относится ко второй категории, где по содержанию русский текст (26%) количественно уступает английскому (68%). Русский язык,

как правило, представляет минимально необходимую информацию об игрушке (название игрушки, адрес предприятия, меры безопасности и возрастные ограничения, серия). Надпись на русском может быть меньше по размеру и располагаться не на лицевой стороне упаковки, а на небольшой наклейке сбоку или сзади, что делает присутствие русского языка менее видимым.

Исследование показало, что в области детских игрушек английский (и в меньшей степени другие иностранные языки) вторгаются в функциональное пространство русского языка и даже вытесняют его. Установленные факты свидетельствуют также, что Федеральный закон «О рекламе» (38-ФЗ), принятый в 2005 г. и направленный в числе прочего на защиту русского языка, массово не соблюдается (в данном случае нарушается ст. 5 §5-1).

Список литературы

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995.
- Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Основные модели описания языковых изменений в условиях глобализации. // Власть:Экспертиза, 2011. – №5. – С. 56–59.
- Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Язык и глобализация: задачи и направления социолингвистического анализа // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия Филология, 2010. – №6. – С. 14–21.
- Кирилина А.В. Описание лингвистического ландшафта как новый междисциплинарный метод исследования языка. <http://cognitive.rggu.ru/section.html?id=8630>; дата доступа 3 ноября 2011.
- Backhaus, Pr. Linguistic Landscape. A comparative Study of Urban Multilingualism in Tokio // Multilingual Matters (136). – NY – Ontario – Clevelon.-2007. – 158 P.
- Gorter D. Further Possibilities for Linguistic Landscape Research// Linguistic Landscape:A new approach to Multilingualism (ed. by D. Gorter). – Datapage Ltd. –2006. – P. 81–89.

Сущенко Е.А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / Под ред. докт. пед. и филос. наук, профессора Л.Г. Татарниковой. – СПб.: ИД «Петрополис», 2011. – 424 с.

Знаковым событием для экологической парадигмы социогуманитарного знания является появление «Словаря-справочника лингвоэкологических терминов и понятий» (здесь и далее СЛТП. – *В.Ш., А.Ш.*), представляющего собой оригинальный сплав не только разных жанров, но и разных типов лексикографических источников: это одновременно и энциклопедический, и толковый, и терминологический словарь. Его создание обусловлено развитием лингвоэкологии, основные направления которой развивают достижения в области социальной и ареальной лингвистики, с одной стороны, и культуры речи – с другой. Накопленный за последние два десятка лет опыт исследований, выполненных в парадигме лингвоэкологии, позволяет констатировать факт не только научно-теоретической перспективности, но и несомненной практической значимости подобных работ.

Анализ теоретических исследований показывает, что учеными разных научных школ уже предпринимались активные попытки по созданию терминопарата лингвоэкологии [см.: Сквородников 2000; Штеба 2012]. Развитие терминопарата науки требует его систематизации в форме анализа и синтеза сложившихся подходов, определений, направлений и под. Такая систематизация терминопарата лингвоэкологии своевременна потому, что данному научному направлению, на наш взгляд, не хватает четких границ: ведутся споры относительно объекта и предмета исследований, требуется разработка теоретико-методологической базы, а также создание новых и/или адаптация известных методов, применимых к решению поставленных задач [см.: Шахов-

ский, Волкова 2012]. Как следствие, наблюдается рост частных лингвоэкологий (этическая, информационная, лингвоэкология перевода и пр.). Поэтому несомненным достоинством СЛТП можно считать его четкую композицию, что подтверждают следующие два раздела: «Лингвоэкологические термины и понятия созидательного характера» (с. 13-137) и «Термины и понятия, обозначающие лингвоэкологическую опасность» (с. 137-200), т.е. деструктивного характера.

Автор не ограничивается указанными разделами и расширяет содержание СЛТП разделом «Основные лингвоэкологические качества хорошей речи» (с. 200-209). Заметим, что современной лингвоэкологии, по нашим наблюдениям, не достает исследований, предметом которых становится модус экологичного в языке и речи, тогда как сфера разного рода нарушений, отклонений от нормы привлекает большее внимание. Следующие два раздела словаря-справочника – «Речевые средства выразительности лингвоэкологического дискурса» (с. 210-260) и «Понятия речевого мышления, общения и поведения, способствующие формированию нравственной языковой личности» (с. 261-323), в совокупности с ранее упомянутыми концентрируют в себе сверхзадачу автора: рассмотреть проблемы лингвоэкологии на уровнях мышления, языка и коммуникации. Не случайным кажется и акцент, ставящийся автором рецензируемого словаря на проблемах влияния языка на здоровье человека, т.е. соседство валеологии и лингвоэкологии.

Композиция СЛТП не вызывает возражений: например, за разделом «Этические нормы образцового речевого поведения» следуют такие разделы, как «Культура электронного общения и e-mail» и «Интернет в

помощь любителям русского языка». С учетом компьютеризации современного коммуникативного пространства автор намеревается избежать постановки устрашающих диагнозов современной язык-речевой среде и показывает, что последняя не лишена своей эстетики, преимуществ и достоинств, то есть, по мнению Е.А. Сущенко, нужно не столько возвращаться к истокам античной риторики и стилистики и имитировать последние, сколько, в том числе с опорой на них, адаптироваться в условиях изменяющейся языковой действительности.

В содержании СЛТП справедливо отражены как терминопарат лингвоэкологии, так и понятия гуманитарных наук (преимущественно это лингвистика), которые приемлемы для заимствования и последующего применения в рамках науки об экологичном языке и речи. В последнем, по мнению автора словаря-справочника, заключается «феноменальность лингвоэкологии как метанауки, интегрирующей в различные научные сферы» (с.7).

Отметим, что несомненным достоинством словаря-справочника является детальный анализ терминов и понятий, выражающих лингвоэкологическую опасность, т.е. языковые явления деструктивного характера. Это особенно важно по той причине, что без акцентирования главной проблемы и ее производных (негативное воздействие на язык и его средства) невозможно объективное осознание опасности деформации языка и мышления.

Примечательно, что автор словаря ставит своей задачей не только инвентаризовать и дефинировать понятия, составляющие частные предметные области современного уровня развития лингвоэкологии (*болезни языка, вульгаризация языка, лингвоэкологические нарушения, речевая вседозволенность, дизлингвоэкологическая деятельность, давление на языковую среду, антропогенное загрязнение язык и мн. др.*), но и предлагает пути решения обозначаемых проблем. В соответствующем разделе (с. 200-209) приводится список признаков, по которым можно определять, является ли

речь экологичной или нет: благозвучие, богатство, выразительность, грамотность, доступность, живость, логичность, точность, ясность, лаконизм, уместность и пр. Однако нам кажется, что наблюдается пересечение, наложение или избыточность некоторых приводимых «качеств хорошей речи» (например, правильность и грамотность речи, благозвучие и красота, выразительность и изобразительность).

Спорным является, по нашему мнению, постановка в один ряд с параметрами лингвоэкологичности самого понятия лингвоэкологичности речи (с. 204) ввиду возникающего логико-смыслового противоречия: одним из основных лингвоэкологических качеств хорошей речи, по мнению автора СЛТП, является лингвоэкологичность. Определенное сомнение также вызывает и выделение такого качества хорошей речи, как культура речи. При этом автор абсолютно верно определяет культуру речи как раздел науки о языке. Отметим, что прародителем лингвоэкологии является в первую очередь культура речи, свойства которой уже были определены ранее: точность, логичность, выразительность (разнообразие, эстетичность, уместность) [Васильева 1990: 12]; ясность, доступность (доходчивость, простота, чистота), образность и действенность [Головин 1980: 29; Караулов 1987: 27-28].

Содержательный анализ понятий и терминов, получающих толкование/определение в рецензируемом словаре-справочнике, позволяет заключить о том, что автор намеревался отразить в нем те терминологические единицы, которые используются или будут полезны в ходе изучения некоего предмета в одном из следующих аспектов (по А. Филлу): 1) экология языков (где экологические идеи экстраполируются на язык; изучается связь языков и их воздействие друг на друга; 2) экологическая лингвистика, которая использует термины и принципы экологии для изучения языка. С одной стороны, акцент в СЛТП явно смещен в сторону эколингвистики, показателем чего является, в частности, высокое цитирование работ А.П.

Сковородникова, активно разрабатывающего это научное направление современного языкознания. С другой стороны, без внимания, по нашему мнению, остается языковая экология (нами продолжается использование терминологии А. Филла), в основе которой лежат языковые данные, способствующие раскрытию «экологических» проблем [Fill 2001].

С технико-оформительской и этической точек зрения сомнение вызывает система ссылок, представленная в анализируемом словаре-справочнике. Так, читателю, который не знаком с работами отечественных и зарубежных лингвоэкологов, будет трудно определить, где приводится цитирование того или иного термина или понятия, а где – определение автора СЛТП. Кроме того, отсутствие выходных данных многих работ затрудняет отсылку к упоминаемым в словаре источникам. Последнее замечание относится и к списку литературы, в котором явно не достаёт уже ставших классическими работ некоторых зарубежных и отечественных эколингвистов (Э. Хауген, А. Филл, Е.Н. Сердобинцева и мн. др.).

Представленность некоторых терминов, только по причине инновационного характера СЛТП с содержательной и с формальной точек зрения, приглашает к дискуссии. К терминам и понятиям, обозначающим лингвоэкологическую опасность, автором отнесены, к примеру, *галлография* («ошибочный пропуск на письме одного или двух рядом стоящих слогов вследствие описки») (с. 145) или *грассировка звука «р»* (с. 147). Как следствие, возникает ряд вопросов, главными из которых являются следующие: в чем опасность описки? картавости? Влияет ли нарушение произносительной нормы на норму орфографическую? Если нет, то под опасностью может быть только экология коммуникации, а не языка? Всегда ли нарушение нормы и любое ли нарушение нормы – неэкологично? А если ошибка допускается намеренно, например, в стилистических целях?

Мы полагаем, что всё зависит от восприятия и коммуникативной компетенции

адресата при взаимодействии с говорящим. Если определенный дефект речи, что зачастую вызвано физиологическими особенностями говорящего, не препятствует взаимопониманию, то такое отклонение от нормы, по нашему мнению, не может обозначать лингвоэкологическую опасность. Напротив, в ходе общения с человеком, который заикается, не заикающийся до этого собеседник также может произвольно копировать (подстраиваться) подобную манеру речи. Но это совсем не значит, что адресат намеревался обидеть говорящего. Не скрывает ли это в себе врожденное стремление индивида к кооперации, к конструктивному общению; не являет ли это собой неосознанную языковую жертву с целью создания комфортных условий вербального взаимодействия для собеседника с дефектом речи?

Дискуссионной является и проблема воздействия на язык, особое место для которой отводится в СЛТП. Бесспорно, элитарная языковая личность способна влиять на него. При этом современным медийным пространством активно пропагандируется мода на невоспитанность и безграмотность. И, к сожалению, это привлекает внимание массы, когда употребление сленга и жаргона перестало быть маркёром принадлежности к группе «Свои». Как следствие, умение употреблять жаргонную и сниженную лексику культивируется в человеке в ущерб литературному языку [см.: Шаховский 2011]. И уже тот, кто способен преобразовывать известный жаргон, придавать ему больше экспрессии, превращается в законодателя мод. И зачастую ни об одном признаке элитарности здесь речь не идет. Как нам представляется, причина этого заключается в том, что границы социальных и культурно-нравственных полей размыты, когда периферия всё больше и больше перемещается к их ядру.

Кроме этого обратим внимание автора на то, что в рецензируемом словаре-справочнике недостаточное, по нашему мнению, место уделено роли эмоций в определении экологичности/неэкологичности языка и коммуникации, хотя модус эколо-

гичности задают эмоции [Шаховский, 2012]. Примечательно, что получены первые выводы о том, что не существует прямой зависимости между знаком эмоции и характером экологичности, так как эмоции амбивалентны, и основной детерминантой экологичности речи является коммуникативная эмоциональная ситуация.

В заключении отметим, что высказанные предложения носят дискуссионный

характер и могут быть учтены автором в последующих переизданиях данного словаря, в необходимости чего мы несколько не сомневаемся. Выразим благодарность Е.А. Сущенко за колоссальную работу по обобщению и систематизации огромного материала, что, без сомнения, послужит ориентиром и основательной теоретической базой для последующих научных изысканий лингвоэкологов / эколлингвистов.

В.И. Шаховский, А.А. Штеба

Список литературы

- Васильева А.Н.* Основы культуры речи. – М.: Рус. яз., 1990. – 247 с.
- Головин Б.Н.* Основы культуры речи: учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 1980. – 335 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
- Сковородников А.П.* К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т. – Вып. 3 (11). – Красноярск, 2000. – С. 70–78.
- Шаховский В.И.* Мат как коммуникативная «приправа» (в аспекте эмотивной лингвоэкологии) // Экология русского языка: Материалы 2(4)-ой Международной научной конференции. – Пенза, 2011. – С. 79 – 92.
- Шаховский В.И.* Модус экологичности в эмоциональной коммуникации // Материалы общероссийского научно-теоретического семинара «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве». – Волгоград, 2012. (рукопись).
- Шаховский В.И., Волкова Я.А.* Общероссийский научно-теоретический семинар «Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» // Вопросы психолингвистики, 2012. – № 2 (16). – С. 214–215.
- Штеба А.А.* «Здоровье языка» в аспекте эмотивной лингвоэкологии // Электронный научный журнал «Языковые и филологические исследования», 2012. – Выпуск 4. – Том 2. – С. 21-25. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.language-and-philological-researches.ingnpublishing.com/archive/2012_release_4/volume_2_may/shteba_aa_health_of_language_through_emotive_linguoecology (дата обращения: 11.12.2012).
- Fill A.* Ecolinguistics // The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment / Ed. by A. Fill, P. Mühlhäusler. – London, New York: Continuum, 2001. – P. 43–54.

Степанова А.А. Русская фразеология: психолингвистический аспект исследования. – М., 2012. – 124 с.

Основой монографии А.А. Степановой послужило весьма интересное явление – русская ассоциативная фразеология. Внимание автора привлек действительно нестандартный материал – фразеологические единицы разных типов, представленные в массиве Русского Ассоциативного Словаря (далее РАС).

Материал такого рода потребовал комплексного описания данных: в работе представлены и формальный, и семантический аспекты анализа выбранных единиц – дань традиционному подходу, – а также (с учетом особенности РАС как модели языкового сознания) собственно психолингвистический анализ, предусматривающий понимание фразеологизмов как речевых единиц, «порожденных» в особых, экспериментальных условиях.

Монография, помимо традиционных предисловия и заключения, содержит 3 главы. В предисловии кратко обсуждаются следующие вопросы: критерии выделения единиц фразеологии, типология и устойчивость фразеологических единиц, их вариативность и трансформации. Последним двум вопросам основное внимание уделено неслучайно: фразеологические единицы, в отличие от своей канонической формы, в которой они представлены во фразеологических словарях, имеют в РАС совсем иной вид, с первого взгляда затрудняющий их описание. Однако, заметим, с данной задачей автор справляется вполне успешно.

Проблемы, затронутые в монографии, встраиваются в общую психолингвистическую проблематику, связанную с моделированием процессов порождения речи. Несколько страниц своего труда автор посвящает особенностям выбора слова в процессе речеобразования. Здесь обсуждаются причины появления фразеологических (в отличие от свободных) единиц; в качестве

такой причины предполагается прежде всего характер стимула, что находит подтверждение на конкретном материале в практической части работы.

Особенностью подхода исследователя к материалу – и следующим из этого несомненным достоинством работы – является учет тех условий, в которых был получен фразеологический материал. Условия эти – лабораторные, экспериментальные; ответы респондентов мотивированы не только «возможностями» предъявляемых стимулов, но и соответствующей инструкцией. Кроме того, обосновано несколько несомненно важных частных особенностей: «широкое» понимание термина «фразеологическая единица» применительно к специфике материала; учет ограниченности времени реагирования; обоснование необходимости особого подхода к анализу единичных реакций; внимание к типичным стратегиям, избираемым респондентами при указанных условиях и ограничениях.

В работе ставится вопрос: как хранятся фразеологизмы в языковом сознании и что влияет на их производство в экспериментальных условиях? Предпринятых в монографии проблемно-аналитический обзор исследований, посвященных данной теме (которых в отечественной науке оказывается не так много), и скрупулезный разбор конкретного материала приводят автора к следующему убеждению: «Вероятно, ФЕ не заучиваются целыми блоками, а хранятся в виде редуцированных ядерных структур – семантических опор. Они актуализируют ключевые образы языкового сознания носителей русского языка... Некоторые компоненты одной и той же ФЕ (фразеологической единицы – О.Б.) порождаются с большей стабильностью по сравнению с другими компонентами, то есть они появляются в каждой или почти в каждой ассоциативной паре, актуализирующей данную ФЕ. Эти частотные компоненты (семантические опоры) представляют ФЕ в ее «предречевой готовности», промежуточный этап между образом этой ФЕ в языковом сознании и традиционной формой ФЕ во внешней речи» (С. 61).

Несмотря на то, что данный вывод основан только на материале РАС, он представляется – даже как предположение – весьма справедливым и, как отмечает сама А.А. Степанова, подтверждает гипотезу Д.О. Добровольского и Ю.Н. Караулова, высказанную ими в статье «Фразеология в ассоциативном словаре» (1992 г.).

Несколько слов – о наиболее интересных, как нам представляется, моментах рецензируемой работы.

В Параграфе 3.3. излагаются результаты анализа трансформированных и редуцированных фразеологических единиц, исследованных А.А. Степановой с особой тщательностью. Автор не только не обходит «неудобный» для рассмотрения материал, но напротив, уделяет должное внимание каждому случаю. Интересны комментарии автора к отдельным примерам, выявляющие тот путь, которым следовал испытуемый при достраивании фразеологизма, и попутно объясняющие, почему, возможно, произошел тот или иной тип изменения канонической формы фразеологической единицы.

Представляется совершенно оправданным переход далее к грамматическому аспекту описания материала, к рассмотрению частеречной принадлежности стимула и реакции, актуализирующих фразеологические единицы в канонической и неканонической формах. Подробно, с объяснением причин, анализируется однородность/неоднородность выделенных групп фразеологизмов; в заключении перечисляются наиболее частотные структуры, актуализирующие

фразеологические единицы, и делается вывод о первичности образа, лежащего в основе производства фразеологизмов.

Параграф 3.5. отражает поиск ответа на выдвинутую автором гипотезу о зависимости производства фразеологической единицы (в условиях ассоциативного эксперимента) от формы слова-стимула. С этой целью предпринимается рассмотрение всех возможных форм последнего, а также – для каждой группы сходных случаев – стратегии испытуемых при производстве разных типов фразеологических единиц.

На основе объемного материала (более 3 тысяч ассоциативных пар) автором подробно рассмотрены разнообразные способы взаимодействия компонентов ассоциативных структур. В соответствии с заявленной гипотезой показано, что порождение фразеологизма в экспериментальных условиях действительно зависит от особенностей стимула (мотива) – однако эта зависимость неоднозначна и многопланова.

Несмотря на небольшой объем – 124 страницы – монография насыщена конкретным материалом, с количественным и качественным анализом каждой группы и подгруппы фразеологических единиц. В работе можно найти и объективный анализ фактов (в том числе подробную статистику), и результаты собственных наблюдений автора, и обоснованные выводы. Хотелось бы предвосхитить логическое продолжение исследования – теперь уже с опорой на собственные авторские экспериментальные модели.

О.В. Балясникова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ахутина Татьяна Васильевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующая лабораторией исследования трудностей обучения ИПИО МГППУ, e-mail: akhutina@mail.ru

Балясникова Ольга Вениаминовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник ИЯз РАН, e-mail: olg-balyasnikova@yandex.ru

Башкова Ирина Сергеевна, ассистент кафедры речевой коммуникации Пермского государственного национального исследовательского университета, e-mail: iri-ovchinniko@yandex.ru

Будаева Людмила Ахмадовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Института филологии ГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет», e-mail: ludmila.budaeva@gmail.com

Бут Анна Сергеевна, аспирант кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет, e-mail: anna_booth@mail.ru

Гудков Дмитрий Борисович, доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, E-mail: dmi-gudkov@rambler.ru

Жданова Владислава, и.о. зав. кафедрой славянской филологии Боннского университета, e-mail: vzhd1@uni-bonn.de

Залевская Александра Александровна, заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: aazalev@mail.ru

Засыпкина Ксения Владимировна, научный сотрудник ИПИО МГППУ, e-mail: ksenya.zasypkina@gmail.com

Каркищенко Елизавета Александровна, аспирант филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, e-mail: karkishenko@gmail.com

Картушина Елена Александровна, кандидат филологических наук, Московский институт лингвистики, зав. кафедрой иностранных языков и межкультурной коммуникации, e-mail: eakartushina@gmail.com

Кирилина Алла Викторовна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, E-mail: alkira@list.ru

Коренева Ольга Борисовна, Присяжный переводчик, исследовательская группа Лексикон факультет переводчиков, Гранадский университет, Испания, e-mail: okoreneva@ugt.es

Красных Виктория Владимировна, доктор филологических наук, профессор, филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, e-mail: victoryvk@gmail.com

Купцова Галина, аспирант Московского института лингвистики, e-mail: succub25@mail.ru

Макаров Михаил Львович, доктор филологических наук, профессор, e-mail: mmakarov60@gmail.com

Никитина Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела психолингвистики ИЯз РАН, e-mail: m1253076@narod.ru

Овчинникова Ирина Германовна, доктор филологических наук, профессор кафедры речевой коммуникации Пермского государственного национального исследовательского университета; e-mail: iri-ovchinniko@yandex.ru

Пепеляева Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель ГБОУ ВПО «Пермская государственная фармацевтическая академия», e-mail: ekaterina.perm@yandex.ru

Романова А.А., кандидат психологических наук, научный сотрудник, ИПИО МГППУ; руководитель консультативно-диагностического структурного подразделения, ГБОУ ЦДиК «Коньково», e-mail: nanitya@yandex.ru

Спиряева С.В., аспирант Московского Института Лингвистики, e-mail: spirayeva@mail.ru

Статников Александр Исакович, аспирант кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, aistatn@gmail.com

Уфимцева Наталья Владимировна, доктор филологических наук, профессор, зав. сектором этнопсихолингвистики ФБГУН Института языкознания РАН, e-mail: nufimtseva@yandex.ru

Цыбенова Чечек Сергеевна, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН г.Улан-Удэ, e-mail: tschechek@mail.ru

Чжао Цюе (Zhao Qiuye), Институт славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, директор института, профессор, доктор филологических и педагогических наук, e-mail: qiuyezh@163.com

Шапошникова Ирина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ГОУ ВПО Новосибирский государственный университет, зав.каф. истории и типологии языков и культур, E-mail: irina@nsunet.ru

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, кафедра языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, e-mail: shakhovsky2007@yandex.ru

Штеба Алексей Андреевич, старший преподаватель кафедры романской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, e-mail: alexchteba@yandex.ru

Щенникова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и переводоведения, зав. каф. перевода и переводоведения Пензенский государственный университет, e-mail: schennikova@list.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ»

Подготовка рукописи к публикации

Рукопись должна быть представлена в бумажном варианте и в электронном виде или послана по почте непосредственно ответственному редактору выпуска по адресу: editorial-vpl@yandex.ru

На отдельном листе прилагаются сведения об авторе с указанием его звания, ученой степени, должности, места работы, почтового адреса, телефона и контактного адреса электронной почты, который затем будет опубликован в журнале.

В течение 10 дней после получения рукописи она направляется члену редколлегии для рецензирования. О результатах рецензирования автору сообщается по тем контактным адресам и телефонам, которые указаны в заявке. В течение месяца редколлегия принимает решение об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента.

Структура статьи

Статья в обязательном порядке должна содержать:

- название статьи (прописными буквами полужирным шрифтом по центру);
- инициалы и фамилии авторов (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на русском языке (не более 10 строк);
- ключевые слова (обычно 5-7) на русском языке;
- перевод названия статьи и фамилии автора на английский язык (строчными буквами полужирным шрифтом по центру);
- аннотацию на английском языке;
- ключевые слова на английском языке.

Основной текст статьи должен содержать:

- введение, где необходимо указание на имеющиеся результаты в данной области исследования и цели работы, направленные на достижение новых знаний;

- основную часть, которая в зависимости от рода работы может включать разделы (материалы и методы исследования, результаты и обсуждение и т.п. или другие, подобные им);

- заключение (выводы), в котором по мере возможности должны быть указаны новые результаты и их теоретическое или прикладное значение;

- библиографический список.

Текст статьи

Статья должна быть набрана на компьютере с полуторным интервалом между строками на одной стороне листа стандартного формата бумаги – А4 с полями 2,5 см с каждой стороны (не более 30 строк на одной странице и по 60 знаков в строке вместе с междусловными интервалами). Размер шрифта 12. Абзацный отступ – 1,25 см.

Все страницы рукописи в бумажном варианте с вложенными таблицами и рисунками должны быть пронумерованы (в счет страниц рукописи входят таблицы, рисунки, подписи к рисункам, список литературы).

В электронном файле страницы не нумеровать!

Объем статьи – до 40000 знаков.

Аннотация статьи на русском и английском языках (не более 10 строк), ключевые слова (5-7) на русском и английском языках размещаются перед основным текстом. Размер шрифта для аннотации и ключевых слов – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

Текст аннотации должен содержать основные результаты проведенного исследования.

Обязательно должен быть дан перевод имени и фамилии автора и названия статьи на английский язык.

Особенности набора знаков, цифр, формул

Следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами, а также четко различать O (букву) и 0 (цифру), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «i»). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX век).

Следует по возможности упрощать набор формул. Цифры, числа и дроби, математические символы, греческие буквы набираются прямым стандартным шрифтом. Математические знаки действий и соотношений отбивают от смежных символов.

Иллюстрации

Из иллюстраций в тексте статьи допускаются только четкие рисунки, графики и схемы. Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ, все надписи приводятся шрифтом одной величины. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подписи. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться.

Фотографии к публикации принимают-

ся. Все иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте.

Таблицы

Таблицы должны использоваться исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Библиографическое описание

Библиографические описания в библиографическом списке даются в алфавитном порядке с указанием общего количества страниц. Размер шрифта – 12. Междустрочный интервал – одинарный.

При этом в тексте в квадратных скобках после цитаты указывается фамилия автора цитированного источника, год издания, если нужно – страница: [Иванов 2000: 18].

При оформлении библиографического списка следует руководствоваться Правилами библиографического оформления всех видов печатных изданий (подробнее см.: <http://www.bookchamber.ru/gost.htm>).

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Сообщество психолингвистов нуждается в постоянной организации своей работы. Ранее таким средством служили только наши Симпозиумы. В настоящее время мы создали еще одно средство информационной поддержки работы нашего психолингвистического сообщества – это журнал «Вопросы психолингвистики», который издается Институтом языкознания РАН при поддержке Московского института лингвистики.

Для распространения журнала необходима коллективная поддержка. Мы обращаемся к Вам с просьбой организовать в Вашем научном подразделении подписку на журнал «Вопросы психолингвистики», чтобы сделать его доступным через ВУЗовские библиотеки как можно более широкому кругу исследователей. В первую очередь мы обращаем Ваше внимание на желательность ознакомления с журналом не только студентов старших курсов, но и преподавательского состава.

Как показывает практика последнего времени, круг людей, проявляющих интерес к журналу, постоянно расширяется. Подтверждением этому является высокий импакт-фактор Российского индекса научного цитирования «Вопросов психолингвистики» – 0,232 по данным 2009 г.

Напоминаем Вам, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс **37152**.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции editorial-vpl@yandex.ru.

